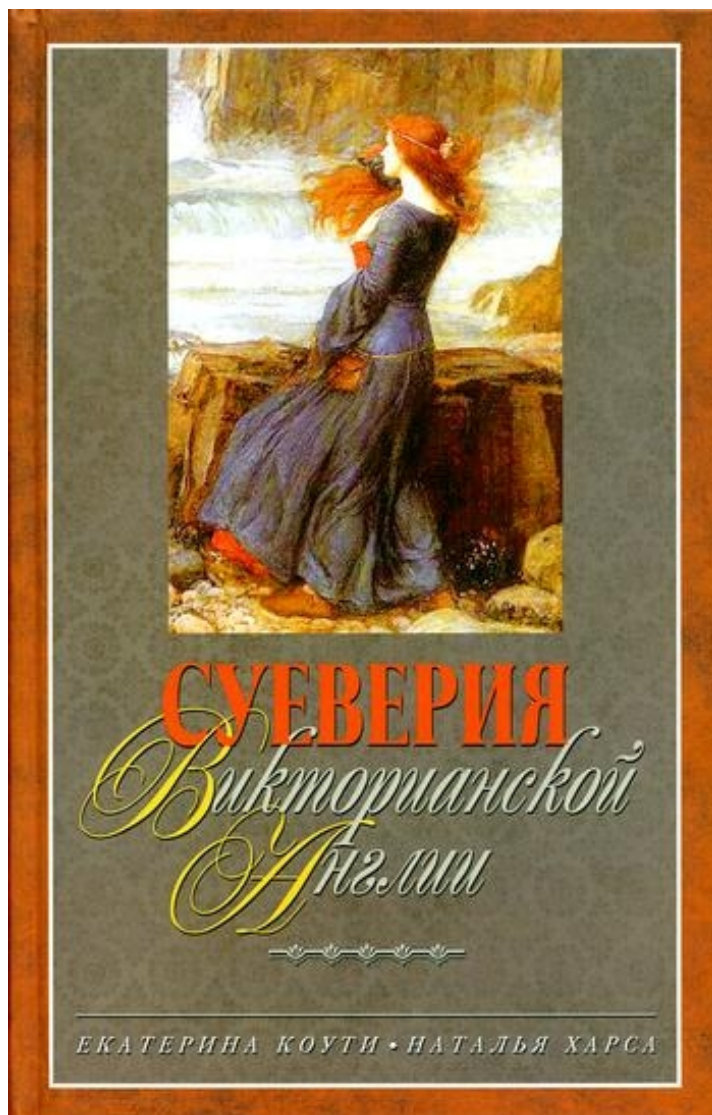

Екатерина Коути Наталья Владимировна Харса Суеверия викторианской Англии

Аннотация

Авторы книги пересказывают для русской аудитории легенды, приметы, сказки и баллады, популярные в Англии XIX века. Быт англичан показан здесь через призму обычаев и суеверий. Вся жизнь подданного Британской империи с момента рождения и до смерти сопровождалась незыблемыми традициями и обрядами, многие из которых вызывают сегодня смех и недоумение. Издание рассчитано на широкий круг читателей, но в первую очередь на тех, кто увлекается историей XIX века, мифологией, фольклором, а также мистикой и суевериями. Книга не имеет аналогов и вызовет интерес у специалистов: филологов, историков и переводчиков, вынужденных вести самостоятельный поиск материала среди многочисленных зарубежных научных публикаций. Тема британского фольклора в повседневности викторианской эпохи затрагивается для русского читателя впервые. Большая часть материалов ранее на русский язык не переводилась. Вас ждет увлекательное чтение о восприятии мира, праздниках, свадьбах и гаданиях, рождении и смерти, бытовые и профессиональные суеверия и многое другое.

Екатерина Коути

Наталья Харса Суеверия викторианской Англии

Авторы выражают благодарность Людмиле и Константину Треножниковым, Алие Зубаировой, Елене Плужниковой, Елене Прокофьевой, Елене Первушиной, доктору исторических наук, профессору Чеканцевой Зинаиде Алексеевне (РГГУ) и профессорам Университета Техаса в Остине, в особенности Сандре Штраубаар, Элизабет Ричмонд-Гарза и Томасу Гарза.

От авторов

Что вы подумаете, если ваш деловой партнер плюнет себе на руку, прежде чем пожать вашу и подписать контракт? А какая-нибудь родственница на свадьбе будет настаивать, чтобы невеста в белоснежной кружевной фате поцеловала выпачканного сажей трубочиста? Поверьте, то, что сейчас кажется сумасшествием, еще 150 лет назад мало кого бы удивило. Чтобы убедиться в этом, мы приглашаем вас совершить путешествие в Англию времен королевы Виктории. Уверяем вас, что в те времена люди были бы очень рады, случись с ними подобное. Почему? А почему невестам нельзя надевать зеленое платье? А кто такие Джек-Прыгун, Ленивый Лоуренс и Кровавые Кости? Какого человека лучше всего увидеть новогодним утром? Ответы на эти вопросы кроются в многочисленных суевериях, страшных историях и преданиях XIX века. И как сегодня из мелких суеверий строится наша с вами жизнь, так и жизнь британцев XIX столетия пронизывали приметы, обряды, бытовые ритуалы, призванные отвести от дома беду.

Фольклорная сторона повседневной жизни британского общества наименее известна российским читателям. А ведь без этих представлений неполным бывает и наше понимание текстов Шекспира, Диккенса, сестер Бронте и даже таких модных современных авторов, как Терри Пратчетт или Нил Гейман. Словом, нам пришлось извлечь из старинных фолиантов хотя бы некоторые, самые типичные, представления британцев об окружающем мире и

способах с ним сладить, а также прояснить, какие обычаи и суеверия закрепились в английской литературе со времен XIX века.

Наша книга повествует о повседневной жизни викторианской Англии, но среди ее персонажей вам встретятся фейри, ведьмы и привидения. А как же без них? Ведь вера в сверхъестественное в те времена была намного живее, чем сейчас, когда она подпитывается только телевизионными сериалами.

«Постойте-ка! — перебьет нас читатель, сведущий в истории. — Неужели те самые англичане, которые путешествовали поездами, отсылали сообщения по телеграфу, а с 1880-х годов звонили по телефону и пользовались электричеством — неужели они придавали значение приметам и верили в фей?»

Чтобы дать ответ на этот вопрос, нужно углубиться в английскую историю.

До Реформации Англия была католической страной, но многие церковные празднества впитали в себя языческие традиции, а уж народные гулянья, включая пляски у майского шеста, были языческими насквозь. После протестантской Реформации, коснувшейся Англии в первой половине XVI века, под запрет попало все, так или иначе связанное как с католичеством, так и с язычеством — от латинской мессы до рождественского пудинга. Народная магия приравнивалась к ведовству, фейри стали служителями дьявола, а баллады начали запрещать или переписывать. Еще больший урон английскому фольклору был нанесен в эпоху Просвещения. Народные обряды и верования повсеместно высмеивали как удел невеж. Отсталому суеверному мышлению противопоставлялся новый идеал рационального субъекта, который стремится к развитию интеллекта и накоплению капитала.

В XIX веке гонения на фольклор внезапно прекратились. Этому поспособствовали две тенденции в развитии английского общества — рост национализма и тоска по прошлому. В эпоху романтизма у англичан возникла потребность вновь исследовать родной фольклор и доказать, что он ничуть не хуже европейского. Из объекта презрения фольклор превратился в национальное достояние, им гордились, его пытались сохранить. Началось активное собирание сказок и легенд, достигшее апогея во второй половине XIX века.

В викторианскую эпоху интерес к фольклору обрел новые черты. Из-за индустриализации оставалось все меньше нетронутых уголков, где сохранялись исконные обычаи и где еще могли водиться волшебные существа, которые, как утверждали старики, когда-то повсеместно населяли Британию и Ирландию. Окруженные стенами из красного кирпича и клубами угольного дыма англичане скучали по зеленому цвету, по детству, по волшебству. Хотелось верить, что если городская среда губительна для хрупких фейри, они остались хотя бы среди зеленых холмов.

Чувство утраты заставляло викторианцев сберегать и приумножать остатки традиционной культуры. Писатели использовали народные поверья для придания колорита своим романам, поэты воспевали славные времена короля Артура, художники стремились запечатлеть фей на своих полотнах. Повсеместный интерес к фольклору привел к расцвету этнографии. Собираaniem фольклора занимались выходцы из среднего класса и аристократии, мужчины и женщины, включая леди Джейн Уайльд, мать Оскара Уайльда. Этнографы путешествовали по провинции, брали интервью у местных жителей, каталогизировали собранный материал и издавали сборники фольклора. В эти сборники входили местные суеверия и приметы, описания календарных праздников, образцы устного народного творчества, заговоры и рецепты народной медицины, сказки и легенды. Так, уроженец Дербишира С. О. Адди издал сборник «Сказки и образцы традиционной культуры» (1895), посвященный суевериям центральной и северной Англии. Шотландские приметы записывал Дж. Кэмбелл — священник из Тири, чей серьезный интерес к суевериям и колдовству даже поставил под угрозу его карьеру, поскольку прихожане не одобряли такие увлечения своего духовного отца. Эмма Мэри Томас, писавшая под псевдонимом Мари Тревельян, сохранила для потомков сведения о повседневной жизни Уэльса. В 1909 году она опубликовала сборник «Фольклор и народные предания Уэльса», и сегодня являющийся одним из ценнейших трудов в области фольклористики.

Работа фольклористов не прекращалась и в XX веке: в 1970-х в издательстве В. Т. Batsford вышла целая серия книг, написанных ведущими этнографами и посвященных культурным традициям различных английских графств. Из недавних публикаций в области английского фольклора следует отметить «Справочник по суевериям Англии и Ирландии» (2003) Стива Роуда, а также его проект в соавторстве с известнейшей фольклористкой Жаклин Симпсон «Словарь английского фольклора» (2000).

Особое место в британском фольклоре принадлежит балладам — поэтическим и песенным переложениям легендарных событий. Среди них выделяются две основные категории — традиционные баллады и так называемые broadside, уличные баллады. Традиционные баллады повествуют о любви и смерти, о жестоких лордах и сметливых крестьянах, о битвах и похождениях народных героев, таких как Робин Гуд. Многие из подобных сюжетов, бытовавших по всей Европе, отражают культурные влияния народов, некогда приходивших в Британию. В отличие от традиционных баллад уличные повествовали о недавних событиях — убийствах, казнях, курьезных происшествиях. Вирши писались корявым слогом и изобиловали клише, но эстетика мало кого волновала. Их покупали, чтобы всласть поужасаться, так что сюжеты были как на подбор жуткими, хотя и с налетом сентиментальности: за описанием преступлений следовало возмездие, а убийца, уже с петлей на шее, завещал читателям не повторять его поступки. В то время как традиционные баллады входили в репертуар сельских певцов, уличные баллады пользовались успехом среди городских низов. Их печатали на одной стороне бумажного листа (отсюда и название) и продавали на улицах.

В конце XIX века американский фольклорист Фрэнсис Чайлд собрал золотой фонд английских и шотландских баллад, известных в наши дни как «баллады Чайлда». Лишь малая доля этих песен известна русскоязычным читателям, в то время как их тексты были у всех на слуху в Англии XIX века. Мы перевели несколько таких баллад, а там, где длина текстов и количество вариантов внушительны, прибегли к их пересказу. Поскольку в сборнике Чайлда за балладами закреплены номера, при желании по ним будет легко отыскать оригинальные тексты баллад в сети Интернет.

Помимо «баллад Чайлда» главам предшествуют и другие популярные в XIX веке баллады, а в книге использованы многочисленные детские и обрядовые песенки и прибаутки: они не только передают своеобразный колорит викторианской эпохи, но и иллюстрируют живучесть традиций и суеверий. Стихотворные тексты, не имеющие отдельного указания на переводчика, переведены нами.

Наконец-то мы вплотную подобрались к сакраментальному вопросу — так верили англичане в приметы и волшебных существ или нет? Мы надеемся, что ответ на этот вопрос читатели отыщут сами, когда доберутся до последней страницы!

Рекогносцировка местности

II

Прежде чем отправиться в путешествие, давайте ознакомимся с «местом назначения». Викторианская эпоха, получившая название по имени королевы Виктории, правившей Великобританией с 1837 по 1901 год, выбрана нами не случайно. Несомненно, это один из наиболее известных периодов жизни британского общества. Именно при королеве Виктории Британия превратилась в могущественную империю, подчинившую себе едва ли не половину мира. Питаясь от многочисленных колоний, расцвела не только экономика метрополии, но и ее культура. Со времен Шекспира, все самые известные английские поэты, писатели, художники, изобретатели либо жили во времена викторианства, либо проложили ему путь. Временное течение викторианской эпохи было неоднородным. Начало 40-х годов XIX века, когда юная королева только взошла на престол, — период экономического застоя и безработицы. Но вскоре на смену «голодным сороковым» пришла эра экономического процветания, начало которой положила Всемирная выставка 1851 года. В промышленности и сельском хозяйстве начался подъем, что, в свою очередь, привело к увеличению заработной платы и росту благосостояния населения. Все большее внимание уделялось улучшению стандартов жизни, образованию, медицине, правам человека. Основными тенденциями викторианской эпохи были стремительная индустриализация и урбанизация. Немного

статистики: в 1801 году почти 80 % англичан проживали в сельской местности, но уже к 1851 году городское население превысило сельское. С 1841 по 1891 год население Лондона выросло с 1,8 до 4,2 миллионов! Целые семьи снимались с места и переезжали из деревень в города. Результатом миграции стало разрушение традиционного уклада жизни, что, в свою очередь, отразилось на английском фольклоре. Многие обычаи стали постепенно утрачиваться и исчезать, но в то же время их стали записывать, чтобы сохранить хотя бы в воспоминаниях.

Королева Виктория служила символом единения страны, обретения ею национального самосознания. Этому немало способствовал личный пример королевы и ее детей, воспитанных в духе патриотизма. Кроме того, именно тогда активно заговорили о духовном превосходстве англичан над остальными нациями. Появился особый моральный кодекс «джентльменства», основанный на массе светских ритуалов и условностей. Приверженность этикету позволяла разделять «своих» и «чужих», причем не только иностранцев, но и представителей низших классов, которые благодаря развитию промышленности и торговли теперь составляли конкуренцию потомственной аристократии.

Несмотря на постепенную демократизацию, викторианская Англия оставалась классовым обществом. Каждый англичанин в точности знал, какое положение он занимает, и должен был — хотя бы теоретически — исполнять все предписания, относившиеся к его касте. Классовая принадлежность определяла, что следует носить, как и с кем разговаривать, в какое время есть обед, как проводить досуг. Простой плотник не посмел бы сесть в вагон первого класса, даже если бы скопил достаточно денег на билет. Точно так же барышня из дворянской семьи не решилась бы открыто флиртовать с кавалером, чтобы не испортить свою репутацию.

Королева Виктория и ее дочь, принцесса Беатрис

Всеобъемлющий характер классового общества отнюдь не означал, что все англичане были довольны такой системой. Как художественная литература, так и движения за права рабочих свидетельствуют об обратном. Тем не менее для нас с вами классовая структура очень важна, ведь она определяла отношение англичан к обрядам и суевериям. И, раз уж нам предстоит визит в страну, известную своим строгим следованием этикету, мы расскажем об обрядах, распространенных среди простого народа, так и о сложнейших ритуалах знати. Прочитав книгу, вы узнаете о различиях в укладе жизни английских классов, что ели и пили крестьяне и зажиточные горожане, как они отмечали праздники, справляли свадьбы и

проводили близких в последний путь. А пока предлагаем вам вкратце ознакомиться со слоями того общества, о котором пойдет речь.

Рабочие и крестьяне. Низший класс общества включал в себя сельскохозяйственных и фабричных работников, шахтеров, рыбаков, строителей, домашнюю прислугу, швей и т. д. Их легко узнать по грязной одежде или униформе, усталым лицам, огрубевшим рукам и простонародному говору. Представители этого класса занимались ручным трудом, зачастую тяжелым и вредным для здоровья. Получая поденную или понедельную плату, они балансировали на грани нищеты. Дети из бедных семей с малых лет устраивались на работу и помогали родителям прокормить себя и своих младших братьев и сестер. По большей части все они оставались неграмотными или полуграмотными, ведь длительное обучение в школе было для них роскошью. Пожалуй, при встрече с англичанами из низов мы могли бы ограничиться кивком и пройти дальше, но поприветствуем их аплодисментами. Ведь именно крестьяне и, чуть меньше, городские рабочие были создателями и носителями фольклора. Именно они совали в маслобойку раскаленную кочергу, защищая масло от ведьм, и лечились народными средствами, потому что не могли оплатить услуги квалифицированного врача. Сборники английского фольклора, опубликованные в XIX — начале XX веков, основаны на информации, собранной среди английского простонародья.

Средний класс. В общественной и политической жизни викторианской Англии он играл огромную роль. В 1837 году средний класс составлял приблизительно 15 % от общего населения, а 1901 году — около 25 %. Принадлежность к среднему классу зависела не от наличия денег, а от происхождения человека и рода его занятий. Поэтому английский средний класс был группой разношерстной: сюда входили священники, военные, врачи, юристы, профессора, инженеры, торговцы, банкиры, журналисты, бухгалтеры и т. д. Средний класс жил преимущественно в городах, хотя зажиточных фермеров тоже можно отнести к этой категории. Представители среднего класса отличались хорошим образованием и зарабатывали достаточно, чтобы нанять хотя бы одну служанку. Их жены не работали, но вели домашнее хозяйство и руководили прислугой. Дети посещали школу, а затем, возможно, и университет, готовясь пойти по отцовским стопам. Викторианские семейные ценности зародились именно в среднем классе — это трудолюбие, трезвость, пунктуальность, экономное домоводство, разумный подход к браку. Чопорность и чрезмерная стыдливость, а также рабское подражание аристократам тоже были присущи английскому среднему классу. Что касается отношения к народным верованиям и обрядам, разброс во мнениях здесь будет очень велик. Фермеры, к примеру не пренебрегали защитой от нечистой силы и угощали молоком фэйри, да и проживание в сельской местности, пронизанной легендами, укрепляло их связь с фольклором. Зато в семье состоятельного банкира при упоминании домовых господ презрительно пожали бы плечами, считая истории о них рассказами невежественных служанок. Однако вполне возможно, что в этой же самой семье по выходным проводили спиритические сеансы — некоторые суеверия более престижны, чем другие.

Женщина из народа и дама среднего класса

Аристократия. Верхушку общественной лестницы занимали аристократия и мелкопоместное дворянство — «джентри». Аристократический титул и владения передавались по наследству в основном старшему сыну. Младшие сыновья пополняли ряды профессионалов, становясь офицерами, священниками или уезжая работать в колонии. Основным источником доходов аристократии была сдача в долгосрочную аренду своих земель, разделенных на фермы. Аристократы проживали в загородных поместьях или городских резиденциях. В отличие от профессионалов из среднего класса землевладельцы не работали за плату, многие из них заседали в парламенте или занимались благотворительностью. От аристократов требовалось участие в светских ритуалах, включая приемы, балы и тому подобные мероприятия. Как это ни парадоксально, аристократические ритуалы во многом близки к народным: в первую очередь своей сложностью, а также тем, что несоблюдение правил влекло за собой негативные последствия: в случае народных обрядов — беды и смерть, светских ритуалов — потерю репутации и ostracism.

На страницах этой книги вы не раз встретите фразы вроде: «В Саффолке было принято...» или «Йоркширцы считали, что...». Некоторые поверья и обычаи встречались по всей Англии, другие же были присущи лишь отдельным графствам, а то и деревням. Чтобы читатель мог сориентироваться, напомним, где располагались английские графства и чем они славились.

В 1801 году, после утверждения Акта об Унии, образовалось Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, что знаменовало полное объединение Британских островов под властью английской короны. Так что с точки зрения географии к нашим услугам, дорогой читатель, вся обширная страна: от острова Джерси у самых берегов Франции до Шетландских островов на севере.

Юго-запад: самую южную оконечность Британии занимает древний Корнуолл. Именно здесь располагается мыс с говорящим названием «Конец земли» (Лендс-Энд). Когда-

то корнуолльцы говорили на корнском языке, но последний его носитель скончался в 1777 году, так что в XIX веке жители графства изъяснялись на сносном английском. Здесь вам расскажут предания о короле Артуре и небылицы о пикси, местной разновидности фейри. Корнуолл специализировался на добыче полезных ископаемых, и шахтерский быт придавал своеобразие жизни в этих краях. В XIX веке родилась даже поговорка: «Если в земле есть дыра, то на дне ее непременно найдешь корнуолльца» — поскольку владельцы шахт во всех концах света охотно нанимали корнуолльцев за их высокую квалификацию.

Джентльмен и горничная

С востока к Корнуоллу примыкают земли Девона, служившие в XIX веке местом морского отдыха. Само графство жило за счет рыболовства и сельского хозяйства. Строительство железной дороги и массовый туризм также благоприятствовали развитию края. Из Девона происходили легендарные пираты сэр Фрэнсис Дрейк и Уолтер Рейли, поэтому здесь встречаются многочисленные легенды о них. Строки еще одного уроженца этих земель — Сэмюэля Тэйлора Кольриджа — будут не раз процитированы на страницах этой книги.

Дорсет, или Дорсетшир, стал популярен во времена Георга Третьего, когда король приезжал купаться в Уэймут. Благодарные жители Уэймута поставили Георгу памятник на эспланаде, а также весьма почитали его внучку, королеву Викторию. Дорсет был родиной Томаса Гарди, чьи романы изобилуют аллюзиями к фольклору и описывают повседневный уклад жизни этого графства.

Хэмпшир — родина Джейн Остен и Чарльза Диккенса. Морские порты, отдых для

скупающих обывателей, прекрасный пейзажи. Отсюда, из Портсмута, отправлялся на Трафальгарскую битву адмирал Нельсон, и отсюда же сотни каторжан отплывали в Австралию на вечное поселение. На юг от Хэмпшира находится остров Уайт, где любила отдыхать, а впоследствии скончалась королева Виктория.

В Сомерсете расположился Бат, модный светский курорт. Помимо балов и вод графство славилось добычей сельди и лосося, овцеводством, а значит, производством шерсти и сыра. Хотя ближе к концу столетия Сомерсет превратился в сельскую глубинку, многочисленные исторические памятники и зеленые луга и по сей день служат хорошей приманкой для туристов. Рядом с Сомерсетом находятся Уилтшир с его Стонхенджем и Глостершир, известный Бристолем, из которого, если верить роману Стивенсона, началось когда-то плавание за сокровищами Флинта.

Морские купания. Иллюстрация из журнала «Панч»

Юго-Восточная Англия не столь привлекательна для любителей суетной светской жизни. Бакингерширу в XIX веке довелось пережить несколько эпидемий холеры, в результате чего большая часть жителей графства мигрировала за его пределы. Беркшир славился своими земледельцами, поставлявшими в Лондон яблоки, спаржу лук и выводившими уникальную породу свиней. Овощи и фрукты для лондонцев выращивали и жители Суррея. Сассекс известен торфяниками и меловыми горами, а также мягким климатом, который, несомненно, привлек туда знаменитого Шерлока Холмса. Но если вы не литературный персонаж на покое, Сассекс может показаться несколько скучным, несмотря на древнюю историю, хранящую память об англосаксах. Куда значительно более интересно Кент и Оксфордшир с Кентерберийским собором, Оксфордским университетом и множеством народных преданий.

Восточная Англия. Бедфорд известен кружевами и соломенными шляпами, а также сельскохозяйственными угодьями с тучными пастбищами. Кембриджшир славился своим университетом, Норфолк — своим диалектом, Саффолк — молочным хозяйством и конопляной пенькой. Хартфордшир, расположенный между Лондоном и северо-западными графствами, был прибежищем аристократии. Пожалуй, избранному кругу людей, желающих попасть в высшее английское общество, следует выбрать его или Эссекс — за близость к столице и удобство сообщения.

Регион Ист-Мидлендс — почти центр Англии и ее промышленный оплот. Выделялся ткацким Лестерширом и кожевенным Нортгемптонширом, где в конце XIX века к тому же обнаружили большие запасы железной руды. Впрочем, вам, возможно, придется по душе Линкольншир и Ноттингемшир, где можно отыскать следы Робин Гуда или познакомиться с поэтом сэром Альфредом Теннисоном, уроженцем Сомерсби (Линкольншир). Ну а те, кто рассчитывает заполучить в мужа мистера Дарси (представим себе, что герой Джейн Остин

все-таки существует), непременно должны прогуляться по холмам Дербишира, ведь именно там якобы располагалось его поместье.

Уэст-Мидлендс — западный край центра. Стаффордшир процветал за счет горной и фабричной промышленности. Фарфоровая глина, в изобилие добываемая здесь, позволила Джозае Веджвуду и его потомкам создать фабрику-поселение, снабжающую Европу и Америку прекрасным английским фарфором и недорогим фаянсом. Уорикшир знаменит родным городом Шекспира — Стратфордом-на-Эйвоне, а в XIX веке он подарил английской литературе еще одну звезду — Мэри Энн Эванс, печатавшуюся под псевдонимом Джордж Элиот. Здесь же находятся графства Шропшир, Вустершир и Херефордшир, где добывали каменный уголь, свинец, железо, выращивали скот, а также лучший в Англии хмель.

Уэльс, «мягкое подбрюшье» британского дракона, хранил древние традиции и свой национальный язык. Валлийцы охотно поведали бы вам о святом Давиде, покровителе этого края, а также о призрачных черных псах. В XIX веке здесь бурно росла промышленность, развивалось рабочее и профсоюзное движение. Морской порт Кардифф процветал за счет продажи угля за границу. Так что Уэльс — для любителей динамичной жизни и болельщиков регби. Именно в Уэльсе в XIX веке зародилась эта популярная во всем мире игра.

Карта Англии

Северо-Западная Англия. Уэстморленд являлся крупным центром овцеводства. В

Чешире родился Льюис Кэрролл и его знаменитый герой — Чеширский Кот. Камберленд пленял древней историей, а Ланкашир снабжал весь регион хлопчатобумажными изделиями. Его крупные города Манчестер и Ливерпуль были оплотом ткацкой промышленности и торговли. Здесь находились «фабрики шерстяные, полотняные, чулочные, писчебумажные, химические, машиностроительные заводы и многие другие; значительно также кораблестроение», — так писали в начале XX века Брокгауз и Ефрон.

Йоркшир, соперник Ланкашира со времен Войны Алой и Белой розы, в XIX веке успешно пользовался плодами прогресса. В Йоркшире были два модных курорта с минеральными водами — Харрогейт и Скарборо, судоходные каналы, свой уголь, построенная в середине столетия канализация и железная дорога. Вместе с тем в обширном крае оставалось множество деревень, где еще соблюдали старинные обычаи. Именно поэтому англичане со всех концов страны интересовались йоркширским фольклором и верили, что уж тут-то должны водиться феи! Западный Йоркшир сейчас называют «графством Бронте», ведь именно там родились и прожили большую часть жизни сестры-писательницы.

Северо-Восточная Англия. Крупнейшие земли этого региона — графства Нортумберленд и Дарем. Здесь, в Ньюкасле, «джорди» говорили на собственном диалекте, оставленном им в наследство англосаксами. Регион являл собой яркий контраст богатства и нищеты: с одной стороны, крупные промышленники, внедрявшие такие изобретения, как паровой двигатель, электрическая лампа и паровая турбина. С другой — многочисленные работники шахт и верфей с мизерными заработками за неквалифицированный труд.

Устремившись на север, мы упремся в Шотландию с ее высокогорьями и легендами. Шотландский фольклор куда ближе к ирландскому, чем к английскому, — сказывается влияние кельтов. Как и в соседней Ирландии, вы услышите здесь стоны баньши и поближе познакомитесь с фейри. Но не стоит забывать, что в XIX веке Шотландия, и в особенности Глазго, была центром прогресса. Здесь родились самые видные ученые, инженеры и архитекторы, чья слава распространилась по всему миру — Томас Телфорд, Роберт Стивенсон, Джеймс Уатт и другие знаменитые инженеры, архитекторы и строители.

Ирландии в XIX веке пришлось туго, поэтому, чтобы избрать местом жительства «Изумрудный остров», требовалось много мужества, стойкости и умения переносить невзгоды. В 1840-х годах «Великий голод» лишил Ирландию более миллиона граждан, еще около миллиона иммигрировало в США. На острове постоянно зрело недовольство Англией, зачастую вполне обоснованное, ведь англичане с презрением относились к ирландцам и высмеивали их как невежд. Тем не менее даже они восхищались блистательными, уроженцами Ирландии, такими как Оскар Уайльд и Уильям Батлер Йейтс. Чтобы оценить ирландский фольклор во всем его многообразии, потребовалось бы отдельное полномасштабное исследование, поэтому сведения об ирландских поверьях пришлось свести к минимуму.

Ну, и самое привлекательное место Великобритании, конечно же, ее столица — Лондон!

Обособленность английских городков и деревень способствовала сохранению традиций. Еще в XVIII столетии путешествия были делом хлопотным и дорогостоящим. Многие англичане почти безвылазно просиживали в родных городах и селах, а отъехать на 16 км от дома уже считалось серьезной поездкой! Но в XIX веке ситуация кардинально изменилась.

До наступления викторианской эпохи наиболее популярным средством передвижения из города в город были дилижансы. Дилижанс представлял собой четырехколесную карету с пассажирскими местами внутри и снаружи. Путешествие могло растянуться на несколько дней. В 1742 году дилижанс из Лондона в Бирмингем с остановкой в Оксфорде отъезжал в понедельник и прибывал к месту назначения в среду. Плата за проезд зависела от денежной политики транспортной компании и расстояния. В 1765 году проезд из Дувра в Лондон на дилижансе, запряженном шестеркой лошадей, стоил гинею. В 1784 году в Англии появился

еще один вид дилижанса — почтовая карета. Помимо пассажиров такой дилижанс развозил еще и почту. Скорость почтовых кареты достигала: летом 11–13 км/ч и зимой — 8 км/ч.

К середине XIX века самым быстрым и дешевым транспортным средством стали поезда. Железнодорожные пути для транспортировки угля начали прокладывать еще в 1820-х, но железнодорожный бум пришелся на 1840-е. Теперь железные дороги соединили все крупные города. В 1850-х скорость обычных поездов превышала 30 км/ч, курьерских — 60 км/ч. По сравнению с почтовыми каретами, поездки на них обходились дешевле. В 1844 году приняли Железнодорожный акт, согласно которому по каждой ветке как минимум раз в день пускали поезд со стоимостью билета в один пенни за милю. Поскольку поезда ходили часто, жители предместий могли ездить в город за покупками, а горожане — в сельскую местность на выходные, подышать свежим воздухом и отдохнуть от городской суеты.

Бакалейная лавка. Иллюстрация из журнала «Панч»

Раз уж мы заговорили о путешествиях, важно не упустить из вида еще одну деталь. Нам ведь понадобятся деньги!

В викторианскую эпоху в ходу были монеты разного достоинства: полфартинга, фартинг (½ пенни), полпенни, пенни, двухпенсовик, трехпенсовик, четырехпенсовик, шестипенсовик, шиллинг (12 пенсов), флорин (2 шиллинга), полкроны (2,5 шиллинга), крона (5 шиллингов), полсоверена (10 шиллингов), соверен (20 шиллингов). До 1860 года монеты достоинством в один пенни и ниже изготавливали из меди, затем их начали чеканить из бронзы. Шиллинг был серебряной монетой, соверен, т. е. один фунт, — золотой. 21 шиллинг равнялся одной гинее. Хотя эту монету перестали чеканить в начале XIX века, профессионалы из среднего класса получали гонорары именно в гинеях (т. е. в эквивалентных суммах), потому что джентльмену неприлично было брать оплату в фунтах. До середины столетия каждый банк мог выпускать банкноты, которые теряли свою ценность, стоило банку потерпеть финансовый крах. С 1840-х монополия на выпуск банкнот перешла к Английскому банку, Центральному банку Великобритании. Тем не менее бумажные деньги

были менее популярными, чем монеты.

А путешествие по страницам этой книги только начинается. Избрав себе общество по душе, регион и подходящий вид транспорта, нам с вами, любезные читатели, пора хотя бы на время оставить современный скептицизм и погрузиться в быт и фольклор викторианцев. Мы готовы отправиться в путь!

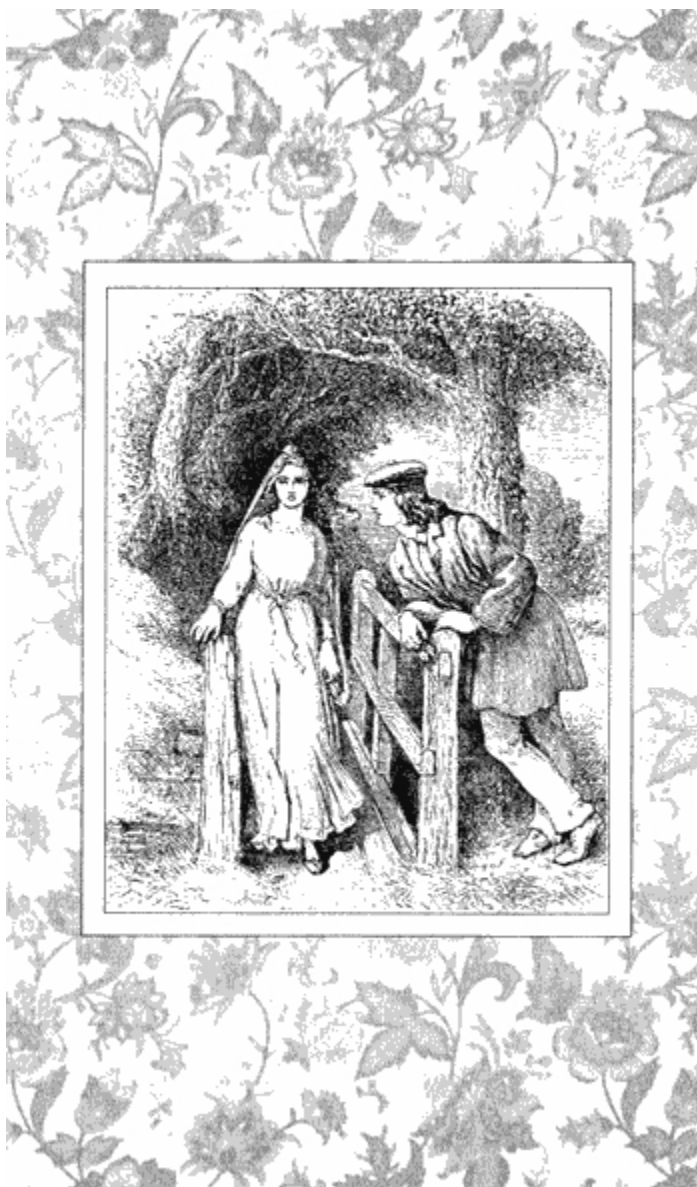

I

От рождения до смерти. Человеческая жизнь сквозь призму традиций

1

Свадьбы и замужняя жизнь

С пути я сбился поутру
в июньский день погожий
И повстречался на лугу
С девчонкою пригожей.

Не улыбнулась мне она
На ласковость привета.
«Корову пеструю свою
Я потеряла где-то!»

«Не огорчайся, ангел мой,
Ее я видел в роще.
Пойдем на поиски! Вдвоем,
Найти корову проще!»

«Благодарю вас, добрый сэр,
Что пособили в горе!»
«Пойдем, красавица, поверь,
Найдем пропажу вскоре».

Пробыли в роще целый день,
Ну как тут доискаться?
И лишь густая ночи тень
Заставила расстаться.

С тех пор, как не пройду лужком,
Девчонку вижу эту.
Корову пеструю вдвоем
Мы ищем до рассвета.

(«The Spotted Cow»)

Эта веселая песенка, звучавшая во время гулянок и праздников по всей Англии, прозрачно намекает на то, что Амур подчас может не только принять вид пестрой коровы, но и презреть сословные различия. Если в вашем хозяйстве нет такой удобной животины, поиски которой обеспечат алиби на каждый день, то придется изучить более подробную инструкцию по созданию семьи в викторианском обществе.

Гадания

В своем стремлении разузнать побольше о будущем женихе англичанки мало чем отличались от незамужних девиц по всему миру. Излюбленным способом было гадание. Только представьте себе: морозная ночь, девичья спальня объята полумраком, а ее хозяйка, затаив дыхание, всматривается... во что? В таинственное послание на дне чайной чашки? В письма, оставленные улиткой на тарелке с мукой? В обрывки бумаги в наполненном водой медном тазу? Разнообразным гаданиям несть числа. Суженого видели во сне, его отражение мелькало в зеркале, перед которым таинственно мигало пламя свечи, его дух приходил собрать рассыпанные конопляные зерна. Выбор определенного типа гадания зависел как от

местных традиций, так и от воображения самой девицы и не в последнюю очередь от наличия свободного времени. Гадание — дело трудоемкое.

Гадать предпочитали по определенным датам, в основном накануне церковных праздников. Ночь перед Рождеством идеально подходила для этих целей, точно так же, как и ночь накануне Дня Иоанна Крестителя (24 июня), именуемого в России Иваном Купалой. Методы гадания по большей части были взаимозаменяемы, хотя некоторые лучше всего сочетались с определенными праздниками. В Сочельник девушка стучалась в дверь курятника: если первой квохтала курица, на глаза гадалщицы наворачивались слезы. Кудахтанье означало, что девице не суждено выйти замуж, а ведь доля старой девы в викторианской Англии была незавидной. Придется коротать век в семье брата, ухаживая за его отпрысками, или до конца дней хлопотать в родительском доме. Тем приятнее услышать кукареканье петуха, обещавшее свадьбу в течение года.

Кур в гаданиях могли использовать иначе: сырое яйцо выливали в стакан с водой и оставляли на ночь. К утру желток принимал форму, так или иначе связанную с ремеслом будущего мужа. Если желток напоминал ножницы — супруг будет портным, посох — пастухом, башмак — сапожником, молот — каменщиком, ланцет — врачом, перо — писателем и т. д. В небольшом городке можно было сразу же сузить круг возможных женихов. Достаточно отыскать холостого сапожника, и останется только приданое приготовить.

В Сомерсете накануне Дня Иоанна Крестителя девушки бросали за спину пригоршню конопляных зерен и произносили:

Сею-сею коноплю
Для того, кого люблю.
Кому мужем моим быть,
Пусть придет ее косить!

Это гадание было отнюдь не таким невинным, как может показаться. Рассыпав зернышки, девушки бросались наутек. Лишь самые смелые оборачивались на ходу и краем глаза успевали разглядеть дух суженого... который гнался за ними с наточенной косой! Приятная встреча, ничего не скажешь.

На Хэллоуин обыкновенно жгли орехи. Один орех нарекали, именем девушки, другой — именем предполагаемого жениха, затем оба ореха бросали в огонь и наблюдали, как они горят. Если орехи сгорали одновременно и близко друг от друга, свадьбе быть, если порознь — отношения зайдут в тупик. В Девоне это гадание истолковывали несколько иначе. Та девушка, чей орех вспыхнет раньше остальных, первой примерит фату. Ту, чей орех треснет, перед свадьбой бросит жених. Если орех подпрыгнет, его обладательница вскоре отправится в путешествие, а вот замуж так никогда и не выйдет. Если орех начнет плавиться, девушку ожидают болезнь, разбитое сердце и всевозможные неприятности. Похожим способом гадали на желудях, только огонь заменяли водой. На желудях писали имена предполагаемых женихов, после чего желуды опускали в емкость с водой. Если подплывут друг к другу, можно готовиться к свадьбе. А уж если прибьются к краям, будто в испуге, то влюбленной паре никогда не бывать вместе.

Не менее часто гадали в канун Дня святого Марка (25 апреля), но именно гадания в ночь перед Днем святой Агнессы (21 января) пользовались особой популярностью. Сама Агнесса была христианской мученицей, казненной во времена императора Диоклетиана. По легенде, перед смертью целомудренную Агнессу приговорили к надругательству и сорвали с нее одежду. Благодаря Божьему вмешательству волосы девушки начали расти, да так быстро, что полностью скрыли ее тело от посторонних взглядов. А поскольку Агнесса, Божьей милостью, погибла девственницей, святая благоволила как к непорочным девицам, так и к

тем, кто желал поскорее избавиться от своей невинности — разумеется, законным путем, уже после свадьбы. До Реформации к ней устремлялись молитвы английских католичек. Но даже пуритане, боровшиеся с «пережитками папизма», не смогли повлиять на гадания в канун праздника длинноволосой мученицы.

Именно эту пору воспел поэт XIX века Джон Ките в стихотворении «Канун святой Агнессы». Юная Маделина строго следует всем фольклорным предписаниям и ложится спать без ужина:

В канун святой Агнессы дева может
Во сне вкусить пленительных усад
С любимым, — сна ничто не потревожит —
Так опытные дамы говорят;
Лишь соверши магический обряд:
Не прикасайся к лакомствам и хлебу,
Ложась в постель, не оглянись назад,
Не шевелись, глаза подними к небу —
И у небес всего, что ждешь, потребуй.

(Пер. Е. Витковского)

В награду за правильное исполнение ритуала, Маделину ждет встреча с ее возлюбленным Порфирио. Но его бестелесный дух не реет над ее ложем. Вместо сладких снов девушку ожидает не менее желанная реальность. Несмотря на ненависть родичей Маделины, Порфирио проник в ее замок и дождался любимую в спальне. Следуя поверьям, суженый должен накормить изголодавшуюся девушку, но и с этой задачей Порфирио справился блестяще — принес Маделине изысканные сласти. Девушка осталась довольна. Вместе они бегут из ненавистного замка, в то время как отец Маделины со своей свитой пирует в зале и не может их остановить.

Стихотворение Китса верно отображает суеверия и ритуалы, окружающие канун Дня святой Агнессы. Перед гаданием девушки всегда постились. Как пишет фольклорист Блейкборо, вкушали они исключительно черствый хлеб, запивая его чаем из петрушки. Тем не менее в отличие от целомудренных ритуалов Маделины далеко не все гадания были столь уж романтичны. Взять, к примеру, следующий образец из Йоркшира. В полночь девушка шла на кладбище и срывала травинку с могилы холостяка. Учитывая, что День святой Агнессы выпадает на конец января, отыскать траву в кромешной тьме под коркой льда — само по себе подвигом. На этом приключения не заканчивались. До кладбищенских ворот девушка возвращалась пятясь, спиной вперед, а потом во весь опор бежала домой. Оказавшись в своей комнате, она запирала дверь, а ключ вешала на гвоздь за окном. Наступала самая сложная часть ритуала — раздевание. Бедняжке предстояло раздеться в порядке одевания, т. е. сначала снять предмет гардероба, надетый первым!

В качестве небольшого отступления давайте вспомним, сколько слоев одежды носила на себе порядочная викторианская барышня. Самыми интимными предметами туалета были панталоны и сорочка. Сорочка представляла собой льняное или хлопковое платье без рукавов или с короткими рукавами, длиной по щиколотку. Укороченный вариант сорочки, до талии, назывался лифом и защищал кожу от корсета, который носили поверх лифа. Корсет приподнимал грудь, суживал талию, сглаживал живот и устранял все неровности фигуры. В свою очередь, поверх корсета надевался корсаж или лиф-чехол, защищавший корсет от верхнего платья, а также скрывавший его от нескромных глаз. Щедро украшенный кружевами, лиф-чехол спускался до талии и расстегивался спереди. Нижняя юбка утепляла одежду и придавала форму платью. В зависимости от веяний моды нижних юбок могло быть несколько. Нельзя забывать и о чулках. Начиная с 1878 года они крепились с помощью подтяжек к поясу, который надевался поверх корсета, или же непосредственно к корсету. До этого времени чулки держались на подвязках чуть выше колен. Так что ответом на загадку

«сто одежек и сто застежек» было бы: «викторианская дама в полном комплекте нижнего белья».

Теперь попытаемся представить, как снять корсет перед платьем или лиф, не снимая корсета. А чулки до башмаков? Крестьянки, естественно, не одевались столь изысканно, да и, готовясь к гаданию, наверняка натягивали что попроще. Но сама идея!

Обнажившись, девушка заворачивала заветную травинку в чистый лист бумаги, который клала под подушку. На подоконнике она ставила зажженную свечу и с легким сердцем ложилась спать. Какое-то время спустя дух суженого распахивал окно, забрасывал в комнату ключ и удалялся по-английски, не прощаясь. Как уточняет Блейкборо, при наличии стремянки проделать этот трюк было под силу даже простому смертному.

Кулинарок заинтересует гадание с «немым пирогом», тоже приуроченное к кануну Дня святой Агнессы. В нем принимало участие нечетное число участниц — три, пять или семь. Место действия — кухня, время — с 11 вечера до полуночи, расходные материалы — мука, вода и соль. Каждая девушка зачерпывала пригоршню муки и высыпала на большой лист бумаги. Как только ее рука касалась муки, девушка замолкала и обязывалась молчать вплоть до окончания ритуала. Собственно, отсюда и название «немой пирог». В муку затем добавляли соль и достаточно воды, чтобы замесить тесто. Месили его все участницы по очереди, опять же не произнося ни словечка. Даже если кто-то наступал кому-то на ногу или вытирал липкие пальцы о чужой подол. Раскатав тесто тонким слоем, девушки оставляли на нем свои инициалы. Получившийся пирог ставили в духовку и выпекали до готовности. Происходило все это в звенящей тишине, никто не смел нарушить обет молчания. Особенно страдали болтливые особы, но результат окупал все мучения. С полуночным боем часов к духовке приближался невидимый дух и надавливал на инициалы одной из девиц. Той, кому доставалась заветная вмятина, суждено было первой выйти замуж. Очень приятное и полезное гадание, учитывая, что после можно полакомиться пирогом.

Мука годилась и для другого гадания, менее аппетитного, зато без трудовых затрат. На присыпанную мукой тарелку сажали улитку, закрывали миской и оставляли на ночь, тем самым давая ей время изобразить что-нибудь читаемое. По слизким следам в муке определяли инициалы жениха. Особенно популярным это гадание было в Ирландии.

Гаданий с помощью всего того, что найдется на кухне, было превеликое множество. Любая наша современница может с легкостью пойти по следам английских гадалыщиц. Взять хотя бы яблоки. Простой, казалось бы, фрукт, но с его помощью можно узнать будущее. Зажгите свечу и поставьте перед зеркалом, после чего съешьте яблоко, желательно расчесывая при этом волосы. В зеркале появится лицо суженого, который заглянет вам через плечо. Попросит ли суженый поделиться яблоком, источники не уточняют. А если не появится — что ж, не судьба. Значит, яблоко было недостаточно английским, недостаточно викторианским. Известен и другой способ гадания: срезать с яблока шкурку одной длинной тоненькой полоской и бросить ее через плечо. По форме, принятой упавшим шкурком, можно определить начальную букву имени суженого. В ход пойдут и яблочные косточки. При наличии нескольких ухажеров можно вычислить, кто из них станет будущим мужем. Каждую косточку называют именем одного из кавалеров и лепят ко лбу. Понемногу они начнут отлипать от кожи, а та, что отвалится последней, укажет на жениха.

Близость к морю влияла не только на меню, но также на магические ритуалы. Жители, а точнее жительницы, графства Дарем очень уважали селедку. Чтобы повстречаться с суженым во сне, девушка съедала копченую селедку в один присест и целиком, т. е. с головой, хвостом и жабрами. Во время трапезы гадалыщица хранила молчание, что само по себе хорошо, поскольку рыбьей костью легко подавиться. Но, как и в случае с «немым пирогом», молчание имело сакральный смысл — произнесешь хоть слово, и все гадание насмарку. Неудивительно, что окружающие из всех сил старались спровоцировать гадалыщицу, чтобы с ее губ сорвалось восклицание. Младшие братья наверняка скакали вокруг нее и вопили ей в уши. Похожее, но еще более замысловатое гадание было записано на острове Мэн. Там уточняли, что селедку нужно украсть у соседа и съесть, не смывая

рассол и ничем не запивая. В таком случае суженый придет во сне не с пустыми руками, а принесет стакан воды. Появления суженого ждали с особым нетерпением, ведь после селедки пить хочется просто невыносимо.

Еще одной кулинарной составляющей гаданий служила баранья лопатка. Ее применяли не только для любовных гаданий, но и для серьезных предсказаний будущего. С кости соскабливали все мясо и приносили ее местному провидцу. Тот хмурил брови, вглядываясь в царапины и впадинки, и после досконального изучения поверхности изрекал пророчество. Но ни один пророк не сравнится с девицами по части изощренных махинаций. Любовные гадания на лопатке были гораздо сложнее: очищенную от мяса кость обвязывали белой лентой и подвешивали на каминной трубе в спальне. Перочинным ножом, одолженным у холостяка, прокалывали кость в течение девяти ночей, повторяя:

Не эту кость я желаю пронзить —
Любимого сердце хочу поразить.
Пусть он не ведает покоя,
Пока не поговорит со мною.

На десятый день юноша приходил к гадалщице с просьбой забинтовать порез на пальце. Болезненный способ, но чего только не сделаешь со своим любимым во имя своей к нему любви.

Мотив прокалывания предметов, символизирующих тело или сердце мужчины, часто встречается в приворотах. Относительно безвредный способ заключался в том, чтобы пронзить булавками свечу у основания, так чтобы острое прошло через фитиль. Привороту сопутствовал следующий заговор:

Я протыкаю эту свечу,
Сердце (имярек) пронзить я хочу,
Спит иль не дремлет порою ночной,
Только пусть явится он предо мной.

Когда свеча догорит, дух суженого появится рядом.

Другой способ шокирует своей жестокостью не только в отношении лягушки, вечной жертвы магических ритуалов, но и молодого человека, ради которого все затевалось. Сведения об этом привороте были записаны в Восточном Йоркшире в 1890-х. Чтобы вернуть любимого, юная дева проткнула живую лягушку иглами, посадила в коробку и неделю спустя удостоверилась, что амфибия издохла. Когда трупик окончательно разложился, девушка отыскала «жабью косточку», по форме напоминавшую ключ. Эту самую косточку она незаметно воткнула в куртку возлюбленному, прошептав заклинание:

Я не хочу причинить лягушке боль,
Я хочу, чтобы любимый был со мной,
Пусть он себе не находит покоя,
Пока не придет поговорить со мною.

Подобно измученной лягушке, юноша целую неделю томился от странного недомогания. Догадавшись, кто виновник его злключения, он пришел объясниться с бывшей подругой. Страдалец пообещал взять ее в жены, уточнив, однако, что насильно мил не будешь. Свадьба состоялась, но супруги жили как кошка с собакой. Разве стоило из-за этого так мучить бедную квакушку?

Помимо важных календарных дат новолуние также давало сигнал о начале гаданий. Английские девушки разглядывали молодой месяц через новый, никогда не стиранный шелковый платок. Шелковые нити преломляют свет, так что вместо одной луны можно увидеть несколько. Число увиденных лун соответствовало числу лет, отделяющих гадалщицу от замужества. (Вполне логично, особенно если лун будет слишком много, — кому нужна жена, которая наклюкалась перед гаданием?) Следуя другому методу, девушки карабкались на ворота — чем выше, тем лучше, — и оттуда обращались к месяцу:

Хвала луне над землей в вышине!
Добрая луна, открой,
Кто же будущий муж мой.
Той же ночью суженый объявлялся во сне.

Молодой месяц упоминается в гадании, записанном в середине XIX века в Девоне. После первого новолуния в году девицы снимали один чулок и бежали к ближайшим приступкам у изгороди. Там они ощупывали босую ступню, но не затем, чтобы проверить, на месте ли отмороженные пальцы. Между большим и соседним пальцами они рассчитывали обнаружить волос того самого цвета, который будет у жениха.

К счастью, не для всех гаданий требовалось проводить раскопки на кладбище или упражняться в альпинизме на воротах. Попадались более домашние, безопасные способы. Уроженки Восточной Англии клали двулистный клевер в правый башмак, рассчитывая, что суженым окажется или первый встреченный холостяк, или его тезка. Часто девушки завязывали узелки на подвязке для чулок, клали ее под подушку или наматывали на кровати столб. Привлеченный интимной деталью туалета, суженый придет во сне, а может статься, что и наяву. Рутинная работа вроде лущения гороха тоже способствовала исполнению желаний. Стручок с девятью горошинами оставляли на пороге кухни: первый вошедший мужчина женится на девице, отыскавшей это чудо природы.

Любовные гадания трудно совместить с христианской доктриной. В XIX веке, как и сейчас, магические ритуалы считались языческими рудиментами. Но верующие во все времена совмещали приятное с полезным, так что приспособили для гаданий даже Священное Писание. Как и в других случаях, способы гадания на Библии варьировались от

совсем простых до требующих ловкости рук и пристального внимания. Перед важными событиями или просто под настроение Библию открывали наугад и тыкали в любую строку. Выпавший стих приоткрывал завесу над грядущим. Таким благочестивым ритуалом не брезговали даже самые набожные англиканцы, ведь Священное Писание не может обмануть!

Другим популярнейшим обрядом было гадание с Библией и ключом. Таким способом узнавали имя суженого и даже вычисляли вора. Главное определиться с самого начала, какой из двух целей послужит гадание. А то ведь можно и перепутать. Материалы для него находились в любом английском хозяйстве XVIII–XIX веков: во-первых, Библия; во-вторых, большой ключ. Использование ключа в магических ритуалах обусловлено не только его бытовой функцией, но и особым статусом железа в английском фольклоре. Ключ закладывали внутрь книги так, чтобы он касался определенного стиха, но чтобы его дужка торчала наружу. Библию с зажатым в ней ключом крепко-накрепко перевязывали — о, кошунство! — подвязкой от чулок. Две гадалыщицы просовывали пальцы через дужку ключа, соприкасаясь подушечками, и держали книгу на весу. После зачитывания вслух отрывка из Писания они начинали перечислять имена подозреваемых воришек или потенциальных женихов. Как только книга закачается, вор или суженый будет опознан. Поскольку Библия — это тяжелый фолиант с потемневшими от времени страницами, дрожать она начинала относительно быстро — попробуй-ка удержи такую тяжесть на пальце! Да и подставить кого-нибудь при должной сноровке было не так уж сложно. Для обнаружения нечистой на руку прислуги использовали стих из псалма 49:18: «Когда видишь вора, сходишься с ним, и с прелюбодеями общаешься». Для любовных гаданий подходил отрывок из Книги Руфи 1:16: «Но Руфь сказала: не принуждай меня оставить тебя и возвратиться от тебя; но куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог — моим Богом». Тот факт, что эти слова Руфь обращает не к любимому, а к своей свекрови, гадалыщицы игнорировали.

Из вышеперечисленных примеров складывается впечатление, что любовные гадания — удел прекрасного пола. Это не совсем верно, поскольку юноши, хотя и реже, но тоже интересовались романтическими пророчествами. Мужские гадания отличались минимализмом. Например, в канун Дня святого Марка нужно было занять наблюдательный пост у амбара. Ровно в полночь дух будущей жены войдет в одну дверь и выйдет из другой. Один мужчина клялся, что ему привиделась черноволосая красotka, которая впоследствии стала его супругой. Зато другому гадалышке пригрезилось, что через амбар прошествовали мотыга и лопата. Так он и прожил бобылем. Все-таки супруг, у которого бывают такие видения, вряд ли кому-то нужен.

Порой гадания оборачивались бедой, как следует из полуанекдотической истории из Йоркшира. Чтобы узреть будущее, утром первого мая йоркширцы кидали пять белых камешков в реку Грейт Уз. Один аристократ пожелал приобщиться к традициям и узнать, чем в это время занимается его возлюбленная. Как только воды реки разгладились, он увидел ее поместье возле Скарборо. Из окна по веревочной лестнице спускался юнец в маске и плаще-домино. Вне себя от ревности, гадалыщик поспешил в поместье, где застал ту самую картину. Прежде чем юноша ступил на землю, разъяренный любовник заколол. А когда сорвал с соперника маску, то увидел искаженное болью лицо своей подруги. Дама собиралась на маскарад и входила в образ бесшабашного повесы.

Чтобы узнать о своих брачных перспективах, прибегать к гаданиям было даже не обязательно. Деревенские кумушки всегда рады были помочь и подробно объяснить, кто годится для брака, а кому суждено прозябать в одиночестве. Казалось бы, юноша, который всегда точно угадывает время, или девица, умеющая определить на глаз, сколько муки взять для пирога, станут хорошими супругами. Но пути фольклора неисповедимы. В Англии бытовало мнение, что хорошие угадчики не годятся для супружеской жизни. Гораздо милосерднее к догадливым юнцам относились в Ирландии — там им прочили счастливый брак.

Период ухаживаний и подготовка к свадьбе

Свадьбе предшествовал период ухаживаний, варьировавшийся по длительности в зависимости от общественного положения пары. Рассмотрим обряды ухаживания по нисходящей, двигаясь от высших слоев общества к простонародью. Каждому классу были присущи свои ритуалы, отличные друг от друга, но суть их была одна и та же: правильное исполнение ритуалов способствовало благополучию, нарушение общепринятого порядка сурово каралось.

В семьях среднего класса и выше свадьбе предшествовал затяжной период знакомства. До шестнадцати лет английская мисс вела уединенную жизнь в родительском доме или за неприступными стенами пансиона. На прогулки она отправлялась в сопровождении родственницы или гувернантки, в присутствии мужчин хранила молчание. Совсем иная жизнь начиналась с момента, когда девушка считалась принятой в обществе. Об изменении ее статуса свидетельствовало первое появление на официальном балу. Теперь молодые люди, а также их маменьки начинали рассматривать барышню в качестве невесты.

Дебют на балу не означал, что отныне можно пуститься во все тяжкие. Порядочная девушка, дорожившая своей и родительской репутацией, не могла прогуливаться наедине с мужчиной или кататься с ним в карете. Совместные скачки по лесам, теннисным и романтическим, тоже подпадали под запрет.

На конную прогулку приходилось брать грума. Даже переписываться до помолвки было крайне неприлично (но очень захватывающе)! Те легкомысленные особы, что нарушали этот запрет, могли очутиться в положении Мадлен Смит, попавшей под суд за «умышленное убийство» из-за слишком горячей и необдуманной страсти.

Эта история произошла в Глазго в 1857 году. Молоденькая дочь богатого архитектора понравилась бедному, но приятной внешности клерку Пьеру Эмилю Л'Анжельеру, выходцу с Норманнских островов. Л'Анжельер нашел в своей конторе знакомых, которые представили его Мадлен, и внушил девушке сильные чувства. Настолько сильные, что когда она с родителями уехала на лето за город, то начала переписку с возлюбленным, который не смог последовать за ней. Однако отец Мадлен распознал в ухажере «охотника за приданым» и строжайше запретил их общение. По настоянию родителей девушка согласилась на помолвку с другим мужчиной. Но Эмиль хранил ее письма и вовсе не собирался их возвращать. Особенно то, в котором Мадлен обещала «подарить ему свою девственность». Мадлен вынуждена была тайком заходить к Эмилю, в надежде уговорить его вернуть письма, как поступил бы на его месте любой порядочный джентльмен. Уходя, Мадлен угощала Эмиля какао, которое с каждым разом вызывало все большее подозрение у несостоявшегося жениха. В своем дневнике он подробно описывал, когда приходила Мадлен, какого вкуса было какао и сколько дней он болел после того, как его выпивал. 24 марта Эмиля нашли мертвым в его комнате. Причиной смерти стало отравление большой дозой мышьяка. На основании найденных писем и дневника полиция арестовала Мадлен. Ее отдали под суд. Процесс начался в Эдинбурге 30 июня и закончился 9 июля. Среди присяжных были только мужчины.

К счастью для Мадлен, репутация Эмиля не являлась непорочной. Он уже пытался жениться на богатой невесте, но дело прогорело. Кроме того, свидетели описывали его как жестокого и мстительного человека. Яд, обнаруженный в желудке Эмиля, отличался от того мышьяка, который два раза накануне убийства покупала Мадлен, по ее утверждению — в косметических целях. Многие викторианки принимали мышьяк в небольших дозах и умывались раствором с содержанием мышьяка, полагая, что он очищает кожу и поддерживает модную «бледность». На счастье девушки, адвокату удалось доказать, что Эмиль Л'Анжельер покончил жизнь самоубийством, предварительно подстроив все так, чтобы подозрение пало на Мадлен Смит. Присяжные признали ее невиновной и отпустили прямо в зале суда. Но молва еще долго трепала ее имя, так что Мадлен пришлось сменить и место жительства, и документы. В 1861 году она вышла замуж за Джорджа Уордела, став Леной Уордел. Вместе с мужем она вращалась в кругу прерафаэлитов и не хотела вспоминать историю, которую ей пришлось пережить в двадцать два года из-за запретной переписки.

После выхода в свет у девушки появлялось не в пример больше возможностей повстречать кандидатов на брак. С будущими женихами знакомились на балах, приемах и званых обедах, на сцене домашнего театра, в ложе оперы, за карточным столом. Но и там строгая мораль не позволяла девицам распускаться. Девушке полагалось вести себя скромно и сдержанно. Флиртовать напрабую было признаком дурных манер.

то родители отвергли его кандидатуру, если же слева, его сочли достойным женихом. Можно встречаться и дальше.

В викторианскую эпоху мысль о том, что женщина может посвататься к мужчине, казалась смехотворной.

В 1851 году в сатирическом журнале «Панч» появилась карикатура Джона Лича под заголовком «Последствия Блумеризма — теперь дамы делают предложение». Изнеженный джентльмен сидит в кресле, в то время как леди, встав на одно колено, умоляет его о взаимности. На даме коротенькая юбочка и панталоны-блумеры, названные так в честь американки Амелии Блумер, попытавшейся приблизить женскую моду к мужской. «Ответь мне, любимый! — вызывает дама. — Будешь ли ты моим?» — «Сначала поговори с моей маменькой», — кокетничает джентльмен. В дверном проеме маячит мужеподобная маменька, одетая точь-в-точь как первая дама.

В то время как лондонские карикатуристы высмеивали равноправие полов, фольклор относился к дамам гораздо милосерднее. В провинции бытовало поверье, что в високосный год женщины могут первыми делать предложение мужчинам. Такую привилегию для прекрасного пола добыла святая Бригитта, пожаловавшаяся святому Патрику на женское бесправие. Почему женщины вынуждены дожидаться предложений? Откуда такая несправедливость? В качестве компромисса Патрик пообещал предоставить им это право один раз в семь лет, но Бригитта продолжала торговаться. В конце концов, остановились на четырех годах. Но англичане в XIX веке оказались более прижимистыми, чем ирландский святой. Популярное мнение гласило, что дамы могут предлагать руку и сердце не в течение всего високосного года, а лишь в тот самый добавочный день, 29 февраля. Зато уж тогда мужчина обязан или принять предложение, или откупиться от дамы — крупной суммой денег, дорогим платьем и т. д.

Незадолго до свадьбы в жизни влюбленной парочки из простонародья наступал опасный период. Суеверия в это время приобретали особое значение, ведь любая неосторожность могла отразиться на семейном счастье. Горе тем нареченным, кого угораздило стать крестными одного и того же ребенка! «Вместе к купели, порознь к алтарю» — гласила поговорка. Этот обычай соблюдался именно на уровне суеверий, поскольку в англиканской церкви отсутствовал запрет на брак между крестными. Очень огорчались те девицы, у чьих женихов фамилия начиналась на ту же самую букву, что и их девичья. Если сменить фамилию, не меняя первую букву, замужество никогда не будет счастливым.

Поцелуи подслащали тяжкую долю влюбленных, но встречаться приходилось в условиях партизанской войны. В Йоркшире любой, кто заставлял нареченных обниматься, имел полное право потребовать от них денег на «кувшин пива». Склонные к насилию особы набрасывались на горе-жениха, прожигали дырку в его сюртуке или срезали пуговицы. Нечего обниматься до свадьбы, еще будет время натешиться!

Не все помолвленные ограничивались поцелуями. Возможно, наш читатель недоуменно поднимет брови. Секс до брака? В викторианскую эпоху? Ведь всем известно, что викторианские женщины во время этой неприятной процедуры «закрывали глаза и думали об Англии», а ножки рояля в гостиной были целомудренно задрапированы, дабы не искушать воображение своим сходством с женскими ногами. Но оба этих стереотипа являются даже не частью суеверий XIX века, а скорее образцами современного фольклора о XIX веке. Авторство бессмертной фразы приписывается королеве Виктории, якобы такой совет она дала своей дочери перед первой брачной ночью. На самом же деле ее написала леди Хиллингтон в 1912 году: «Я рада, что теперь Чарльз навещает мою спальню реже, чем раньше. Сейчас мне приходится терпеть только два визита в неделю, и когда я слышу его шаги у моей двери, я ложусь в кровать, закрываю глаза, раздвигаю ноги и думаю об Англии». Иными словами, это был не совет для юной невесты, а размышления женщины, давно уже пресытившейся обществом супруга. Что ж, и такое бывает. Сама же королева через неделю после свадьбы написала премьер-министру лорду Мельбурну: «Я никогда и представить не могла, что мне будет уготовано столько счастья».

Миф о задрапированных ножках рояля тоже относится к категории «слышали звон». Впрочем, возник он именно в XIX веке, а точнее в 1839 году. О таком элементе декора английские читатели узнали из «Американского дневника» капитана Фредерика Мэрриета, описавшего свои приключения в Новом Свете. В своих путевых заметках капитан выставил американцев ханжами, которые употребляют эвфемизм «конечность» вместо грубого слова «нога». Он же описал, как директриса женского учебного заведения нарядила ножки рояля в панталоны с рюшками. Соотечественники Мэрриета всласть посмеялись над зашоренными американцами, сложили на эту тему несколько песенок, и миф о задрапированных ножках пошел в народ. Со временем он стал настолько распространенным, что намертво приклеился к самим англичанам.

Что касается викторианцев, женское целомудрие до брака действительно представлялось идеалом, далеко не всегда совпадавшим с реальностью. В семьях среднего класса нравы были, безусловно, строже. Респектабельные родители считали, что только невежество уберет их дочерей от падения. Не так уж редко девицы выходили замуж в полном неведении о том, что ждет их на брачном ложе. Тем не менее, девочки могли узнать «про это» несколькими способами: например, найти у братьев книги с интересными иллюстрациями; понаблюдать за уличными кошками в марте; подслушать болтовню служанок. Узнавая про секс, и в особенности про деторождение, иные барышни приходили в ужас. Секс для них казался чем-то болезненным и постыдным. Даже после свадьбы они отказывались от половой жизни, тем самым как бы доказывая свое превосходство над мужчинами, повинующихся зову плоти.

В рабочих и крестьянских семьях дела обстояли иначе. Пуританское отношение к сексу наблюдалось среди той части рабочего класса, которая считала себя «солью земли». Несмотря на тяжкие условия труда, на скудную еду и убогое жилище, такие семьи стремились к определенной респектабельности. Мужья не напивались и не сквернословили, жены экономно вели хозяйство, а по воскресеньям вся семья отправлялась в церковь послушать проповедь о спасении. Неудивительно, что в таких семьях, как и в семьях среднего класса, дочерей воспитывали в строгости и целомудрии. В более бедных семьях, где ввиду нехватки жилплощади, тепла и постельного белья взрослые и дети спали вповалку, утаить или предотвратить что-то греховное было попросту невозможно.

В деревнях наблюдалась сходная ситуация. Нужно приложить нечеловеческие усилия, чтобы всю жизнь прожить на ферме и не узнать, откуда берутся телята. Там, где в изобилии молоко, еда и работа, даже незаконнорожденный ребенок не был обузой, поэтому и половая связь до брака не считалась тяжким грехом. Более того, существовала традиция так называемых «проверок» с целью доказать плодородие невесты. Парень брал в жены девушку лишь после того, как она рожала их первого ребенка. Тянуть лямку с бесплодной женой не хотелось ни одному крестьянину. В деревнях, где практиковались «проверки», рождение ребенка до брака не считалось постыдным. Настоящий позор наступал, если за крестинами не следовала свадьба, но это было нечто из ряда вон выходящее и случалось крайне редко. Согласно официальной статистике, в XIX веке около трети женщин выходили замуж уже беременными. Если рассмотреть статистику по отдельным графствам, результат получится еще более впечатляющим. Например, в 1870-х в деревнях Боутон, Данкирк и Хэрнхилл на северо-востоке Кента 50 процентов невест или шли под венец беременными, или успевали родить до брака.

Свадебная церемония

В Англии XIX века существовало несколько способов вступления в брак. Один из них — свадьба после оглашения имен в церкви («*marriage by the banns*»). В течение трех воскресений подряд пастор сообщал с кафедры о грядущей свадьбе. В тех случаях, когда жених и невеста проживали в разных приходах, эта процедура проводилась соответственно в двух приходских церквях. Если кто-то знал о препятствиях для брака — например, вторая

женушка, припрятанная на чердаке, — он мог заявить об этом во всеуслышание. Если же препятствий не находилось, молодая пара могла обвенчаться в течение 90 дней после последнего оглашения. Такой способ женитьбы был самым дешевым. Согласно йоркширской поговорке, после оглашения нареченные «висели, запутавшись в колокольных веревках». В те дни, когда зачитывали оповещение о предстоящей свадьбе, невесты в церкви не было. Считалось, что если она услышит слова пастора, ее первенец родится глухонемым.

Из-за неприличной дешевизны оглашения в церкви, а также из-за желания избежать огласки люди побогаче предпочитали женитьбу по лицензии. Именно такой способ выбрал мистер Рочестер в романе Шарлотты Бронте «Джейн Эйр». Любой человек, проживший в приходе не менее 15 дней, мог за несколько фунтов приобрести лицензию, позволявшую проводить бракосочетание в этом приходе. По традиции свадьба проводилась по месту жительства невесты, но получение лицензии считалось делом мужским. Во время беседы с пастором жених давал клятву, что является совершеннолетним. Совсем юные парочки приходили под конвоем опекунов. Если нареченные были соседями, проблем с лицензией не возникало. Если влюбленных разделяли многие мили, жених навещал невесту и вместе с ней шел к пастору. Получить лицензию могла и сама невеста, но это считалось неудобным и неприличным. Женская инициатива не поощрялась.

Особенно дорого обходилась лицензия, которую покупали у архиепископа Кентерберийского. По ней можно было жениться в любом приходе и в любое время. В середине XIX века она стоила баснословно дорого — 28 гиней. Поскольку архиепископ выдавал такие лицензии по собственному усмотрению, покупали их в основном люди знатные. Тем не менее миссис Беннет из «Гордости и предубеждения» Остин так радуется грядущей свадьбе Лиззи и мистера Дарси, что без умолку твердит, будто Лиззи непременно должна выйти замуж по особой лицензии.

Возможно, миссис Беннет хотела компенсировать более чем скромную свадьбу своей непутевой дочери Лидии. Изначально Лидия написала матери, что они с женихом поедут в Гретна-Грин. Так называлась деревушка на границе Шотландии и Англии в устье реки Эск. До 1753 года эта деревня мало чем отличалась от соседних, но в том году вспыхнула ее счастливая звезда. В Англии и Уэльсе действовал закон, согласно которому пары младше двадцати одного года могли венчаться только с согласия родителей или опекунов. Именно тогда стало необходимым оглашать имена в церкви или приобретать лицензию. В обоих случаях требовалось, чтобы до свадьбы нареченные некоторое время прожили в приходе. Тайный брак так не обстряпаешь. Но юные парочки, желавшие обвенчаться наперекор родительской воле, сообразили, что все эти ограничения не имеют силы на территории Шотландии. Ближайшей шотландской деревней оказалась Гретна-Грин, и туда хлынул поток влюбленных.

Спрос, как известно, рождает предложение, так что в Гретна-Грин организовали брачный бизнес. По шотландским законам, для вступления в брак достаточно было обменяться обетами в присутствии двух свидетелей. Но отыскать двух свидетелей в совершенно незнакомом крае было не так-то просто, по крайней мере даром. Так что будущим супругам приходилось раскошелиться. Спешные свадьбы поставили на поток: беглецов встречали и помогали устроиться на постоялом дворе, при желании выписывали свидетельство о браке. Церемонию мог провести кто угодно, хотя бы бакалейщик или паромщик. Однако главным символом Гретна-Грин стал кузнец. Причина кроется в том, что в фольклоре кузнецы играли особую роль, считались целителями и борцами с нечистой силой. Кузнецов из Гретна-Грин называли «жрецами наковальни»: точно так же, как он обрабатывал металлы, кузнец выковывал для молодоженов цепи Гименея.

Свадьба в Гретна-Грин была уделом не только отчаянных юнцов. К этому варианту прибегали люди постарше и посолиднее. Такой способ бракосочетания избрал лорд Томас Эрскин, занимавший пост лорда-канцлера в 1806–1807 годах. Его случай — это классическая иллюстрация к поговорке «седина в бороду, бес в ребро». Похоронив первую жену, сэр Томас увлекся своей экономкой Сарой Бак. Со временем интрижка переросла в нечто более

серьезное, но сочетаться браком с простолюдинкой лорду не позволялось. Дети от первого брака пригрозили упечь отца в приют для умалишенных. Но сэр Томас, которому на тот момент было под семьдесят, не растерялся. Переодевшись в женское платье и нацепив чепец с вуалью, он отправился в Гретна-Грин вместе со своей сожительницей и четырьмя внебрачными детьми. Создавалось впечатление, что молодая мать путешествует в сопровождении пожилой тетушки. В Гретна-Грин лорд Эрскин переоделся и уже в мужском костюме предстал перед нотариусом.

Из уст в уста переходили анекдоты о пасторе, умыкнувшем богатую тетушку прямо из-под носа племянников, или о пожилом папаше, который втайне обвенчался с юной красоткой, а по дороге из Гретна-Грин встретил своего сына. Сынок скакал в Шотландию с теми же самыми намерениями. Конец свадебному буму положил закон 1856 года, установивший, что до свадебной церемонии пара должна провести в Шотландии три недели. Впрочем, в Гретна-Грин продолжали ехать влюбленные. Это местечко уже полюбили англичанам.

Наконец, не обязательно было даже венчаться. Лицензии выдавали и тем, кто собирался провести гражданскую церемонию вне англиканской церкви или же обвенчаться по своему обряду. За такими лицензиями приходили в окружную контору регистратора-суперинтенданта. Обычно их получали католики, иудеи, пресвитериане, а также те, кто считал венчание предрассудком.

Свадебные церемонии проводились исключительно по утрам, и лишь в конце 1880-х время их проведения продлили до трех часов дня. Если молодожены опаздывали, священник опасливо поглядывал на часы. Венчание в неурочное время было уголовно наказуемым деянием. После церемонии новобрачные расписывались в приходской книге, причем невеста в последний раз писала свое девичье имя, а затем отправлялись праздновать.

В придачу к общепринятому протоколу существовали и весьма эксцентричные вариации, о которых викторианцы вспоминали со снисходительной улыбкой. Вплоть до XIX века бытовало мнение, что если невеста придет на свадьбу в натальной рубашке и босиком, муж освобождается от уплаты ее долгов. Вместе с одеждой невеста символически снимала с себя прежние обязательства и доставалась мужу в первозданном виде. Леди из Бирмингема, чья свадьба состоялась в 1797 году, накопила столько долгов, что подошла к алтарю даже не в сорочке, а голышом, предварительно раздевшись в ризнице. Подобные случаи происходили и в Сассексе. В 1794 году некий мистер Холлингдейл из Баркомба взял в жены вдову и, чтобы аннулировать долги ее покойного мужа, устроил «свадьбу в ночнушке». В качестве свидетелей он пригласил трех соседей, не предупредив их заранее, какого рода зрелище их ожидает. При виде невесты в исподнем один джентльмен так смутился, что не смог произнести слова клятвы. Неизвестно, увенчалась ли успехом эта отчаянная затея.

Традиционный обряд бракосочетания

Как ни прискорбно, в XIX веке свадьбы среднего класса почти полностью утратили фольклорную составляющую. У сливок общества был свой церемониал, по сложности и разнообразию ритуалов едва ли уступавший народным традициям. Сборники этикета подробно объясняли, где должен стоять жених, и с какой стороны к нему подходит невеста, и как правильно заполнять визитные карточки после свадьбы. Иное дело — свадьбы простого люда. Как восклицала вдова Эллин из романа Томаса Гарди «Джуд Незаметный»:

«Ну и времена настали! На женитьбу смотрят так серьезно, что просто страх берет замуж идти. В наше время все было проще, а жилось нам от этого не хуже! Помню, когда мы со стариком окрутились, так свадьбу закатали на целую неделю и все вино в округе выпили, а потом занимали полкроны на хозяйство!»

Разумеется, идеальной народной свадьбы с соблюдением всех возможных обрядов никогда не было и не могло быть. Те или иные обычаи выходили на передний план в зависимости от региона, достатка семьи, религиозных воззрений и еще множества факторов.

Вместе с тем можно рассмотреть как наиболее общие народные поверья, встречавшиеся в большинстве английских графств, так и местные вариации.

Самым несчастливым месяцем для любых начинаний, в том числе и для свадеб, считался май. Венчание в мае грозило бездетностью или же первенец мог родиться уродцем. Церковь не советовала сочетаться браком во время Великого поста — как-никак, это время для скорби, а не для столь легкомысленных затей. Что касается идеального дня для бракосочетания, жители Британских островов придерживались разных мнений. Однако у всех на слуху были такие вирши:

Понедельник — богатеть,
Вторник — не болеть,
Среда — лучше не сыскать,
Четверг — к гробам,
Пятница — к долгам.
Суббота — удачи не знать.

Воскресенье тоже было отличным вариантом. Главное, чтобы в день свадьбы ярко светило солнце, тогда молодых ожидает счастье.

Свадьба была отличным поводом обновить гардероб, причем покупки не ограничивались одним лишь платьем. В мужнин дом девушка приходила со своим приданым, включая одежду, постельное белье, скатерти и т. д. Невесты из простонародья шили его сами, барышни из обеспеченных семей заказывали у портных или покупали уже готовые комплекты в магазинах, предоставлявших такие услуги начиная с 1830-х. Но в центре внимания оказывался все-таки подвенечный наряд.

Современные свадебные платья ассоциируются исключительно с белым цветом, однако так было не всегда. Те, кто мог позволить себе роскошь, шили платья из дорогих шелков, но не обязательно белых. Пастельные расцветки пользовались успехом, а в музеях можно полюбоваться на подвенечные платья коричневых или пурпурных оттенков. В 1854 году Шарлотта Бронте выходила замуж в черном атласном платье с белой шалью и белой шляпке, украшенной зелеными листьями. Свадебные платья надевали по торжественным случаям и после венчания — в них посещали церковь, наносили визиты и т. д. Поговаривали, что женщине не будет везти до тех пор, пока она не износит свое свадебное платье.

Лишь в середине XIX века белый вытеснил остальные цвета из свадебной палитры, но и тогда английские крестьяне, не всегда имевшие средства на обновку, попросту облачались в свои воскресные наряды. В связи с таким разнообразием цветов возникли суеверия, регулирующие венчальный дресс-код. Наименее подходящим считался зеленый. На этот счет была поговорка: «Наденешь зеленый — оставит жених, наденешь желтый — жених нарушит клятву». Согласно другой поговорке, за зеленым следовал черный, т. е. если надеть зеленое платье, вскоре возникнет нужда в трауре. Неприязнь к зеленому зачастую объяснялась тем, что он прослыл любимым цветом фейри и те жестоко карали людей, посмевших его носить. Зеленый также намекал, что невеста уже рассталась с девственностью. В елизаветинские времена выражение «одарить девицу зеленой юбкой» подразумевало занятие любовью на траве.

Хотя белый цвет лидировал среди остальных, голубой тоже производил приятное впечатление. Цвет неба и истинной любви, он был следующим по популярности среди невест, а гости повязывали на левую руку голубую ленточку. Тем не менее региональные вариации возникали и тут. В частности, йоркширцы с недоверием относились к голубому: «Замуж в голубом — к скорби».

Символизм всех свадебных расцветок проясняет стих из Уорикшира:

Выйдешь замуж в белом — верным будет дело,
Выйдешь в зеленом — прослывешь гуленой,
Серое платье — в даль уезжать вам,
Выйдешь замуж в красном — измучишься напрасно,
Если выйдешь в голубом — будет счастье вам вдвоем,
В желтый нарядиться — жениха стыдиться,
В черном обвенчаться — назад возвращаться,
Выйдешь в розовом, тогда будешь с милым навсегда.

Каким бы ни было платье, голову невесты венчала фата. На свадьбу принято было надевать что-нибудь, взятое в долг, и зачастую одалживали именно фату. Невесты просили искомый предмет исключительно у женщин; проживших в браке долгие и счастливые годы. Одолжить фату у склочной вдовушки никто бы не рискнул. Другие предметы туалета тоже играли роль, пусть и не такую заметную. К примеру, бытовало поверье, что если перчатки невесты треснут, муж будет ее поколачивать.

Большое значение придавали обручальному кольцу. Во многих графствах считалось, что его нельзя использовать дважды — дочь не должна надевать кольцо матери и т. д. Самым неудачным камнем для колец на помолвку был белый опал, он ассоциировался со вдовством. В некоторых церквях на кольцо брызгали освященной водой, чтобы очистить его от скверны. Оброненное обручальное кольцо предвещало несчастливый брак. Потеря кольца была еще большим несчастьем, отчасти потому, что его постоянно применяли в народной медицине. А чем в таком случае лечить ячмень или бородавки? В Йоркшире молодым женам не рекомендовали снимать обручальное кольцо до рождения первенца. Если женщину все же угораздило его снять, надеть колечко обратно на палец должен был муж, а ни в коем случае не чужой мужчина — иначе не избежать вдовства. Не все крестьяне могли потратиться на золотое или серебряное колечко. В крайнем случае его заменяли первым попавшимся кольцом от любого предмета, откуда и пошло выражение «свадьба с кольцом от шторы» — в смысле «поспешная свадьба». На худой конец вместо обручального кольца годился и ключ от церкви, было бы во что палец воткнуть.

Походу в церковь предшествовало выполнение ритуалов разной степени сложности. Невесты из Уорикшира не красовались в обручальном кольце до брака и не вышивали на

приданом фамилию будущего мужа. Непосредственно перед свадьбой нельзя было смотреться в зеркало. Кокетки негодовали, когда суеверные маменьки запрещали им полюбоваться обновкой. В некоторых графствах нареченные должны были развязать все узлы на одежде и снова завязать их. Разумеется, проделывали эту процедуру приватно, а не под свист восхищенных гостей. Девонцы советовали новобрачным положить в карман веточку розмарина и душистой руты, а также несколько долек чеснока. Как только невеста покидала родительский дом, йоркширцы лили на порог кипящую воду. Прежде чем вода высохнет, кто-то успеет договориться о новой свадьбе.

До церкви крестьянская пара добиралась пешком. Карет простой люд не имел, а езда в телеге, запряженной парой облезлых коняг, все же не соответствовала ситуации. Кроме того, единственная лошадь семьи в тот момент могла тащить плуг на поле. Хотя поверье, что в день свадьбы жених должен увидеть невесту только у алтаря, бытовало и в XIX веке, соблюдали его не всегда. В случае пешей свадьбы преждевременной встречи, конечно, не избежать, раз уж в церковь помолвленные шли вместе. Обычно во главе процессии шагали жених с шафером, за ними невеста с подружкой и т. д. Несмотря на то что в викторианскую эпоху женщины были ограничены в юридических правах, одним из свидетелей на свадьбе была подружка невесты. Ей в свадебной церемонии отводилось почетное место, ведь именно она заведовала выполнением обрядов. Вместе с тем слишком часто помогать на чужих свадьбах тоже не советовали, а то как бы свою не упустить. Если три раза побывать подружкой невесты, сама замуж уже не выйдешь.

Когда процессия проходила мимо домов, односельчане выбегали на крыльцо и засыпали молодую пару поздравлениями. А вот гостей в церкви набиралось относительно немного. Зачастую присутствовали только близкие друзья, сами собиравшиеся пожениться в ближайшее время. Согласно церковно-приходским записям в Восточной Англии, родители появлялись на свадьбах крайне редко. Вместо родного отца невесту выдавал замуж посаженный отец, а им мог стать кто угодно. Напротив, в Шотландии, согласно этнографу Джеймсу Напиру, отцы новобрачных часто посещали венчание. Когда процессия возвращалась из церкви, именно гордые папаши вышагивали первой парой.

В Уорикшире первой шла подружка, гордо держа перед собой поднос с пирогом, испеченным лично невестой. В церкви его ломали на части и там же съедали, а молодая жена уносила с собой кусочек — не столько на память, сколько в качестве гарантии, что муж не будет изменять. Заветный кусочек съедали на крестинах первого ребенка, а гордая мать наконец вздыхала с облегчением. Ведь рождение первенца не может не стать залогом супружеской верности! По крайней мере, женщинам хотелось в это верить. По кусочку пирога брали подружки, чтобы положить их под подушку в надежде приманить суженого.

Считалось плохой приметой, если дорогу молодоженам перебежит свинья. Встреча с похоронной процессией сулила неописуемые беды, а уж если черная лошадь гробовщика повернет голову в их сторону, долго они на этом свете не задержатся. Несчастье сулил и бой церковных часов в разгар церемонии.

Свадебные традиции разнились от деревни к деревне. Например, в Эйлшэме (Норфолк) во время свадеб на наковальне поджигали порох. Церковь в Грейт-Ярмут (Норфолк) с конца XVI века украшал обломок китового черепа, который установили у ворот и наградили поэтичным названием «кресло дьявола». На подходе к церкви новобрачные пускались наперегонки. Тот, кто первым занимал место, оседлав череп, становился главой семьи. В Сомерсете и Девоне на пути свадебной процессии протягивали веревку, украшенную гирляндами цветов. За право войти в церковь жениху приходилось платить.

Венчание происходило следующим образом: во время вступления священник рассказывал о высоком предназначении брака, после чего предлагал всем присутствующим огласить причины, препятствующие этому бракосочетанию. Если препятствий не находилось, венчание продолжалось. После традиционных вопросов жениху и невесте о том, будут ли они хранить верность и заботиться друг о друге, священник обращался к родному или посаженному отцу невесты: «Кто отдает эту женщину в жены этому мужчине?» Отец

откликнулся. Тогда священник просил жениха взять невесту правой рукой за правую руку и повторить: «Я, (имя жениха), беру тебя, (имя невесты), в свои венчанные жены, чтобы отныне быть вместе с тобой в горе и радости, в богатстве и бедности, в болезни и здравии, чтобы любить и заботиться о тебе, пока смерть не разлучит нас, согласно воле Божьей. Для того даю тебе свое слово». Затем невеста брала жениха за правую руку и повторяла те же самые слова, только к обещанию любить и заботиться добавляла еще и «повиноваться». Пара разъединяла руки, а жених клал на Библию обручальное кольцо, а также плату для священника. Священник вновь передавал кольцо жениху, чтобы тот надел его невесте на безымянный палец левой руки. Молодожены преклоняли колени, священник читал молитву, после чего пара считалась обвенчанной.

В народе опасались, что невесту в любой момент может сглазить кто-нибудь из отвергнутых ухажеров. Даже в божьем храме новобрачные держали ухо востро. В Абердиншире рассказывали о девице, за которой увивались сразу двое парней. Один добился ее руки, другой остался с носом. На беду, свадебная процессия прошла совсем близко от поля, где в то время пахал неудачливый кавалер. Такой обиды он снести не мог и прокрался в церковь вслед за гостями. Началась церемония, но после первых же слов священника невеста упала в обморок. Заподозрив неладное, жених выхватил у кого-то из гостей нож и вилку — поскольку столовых приборов на всех не хватало, на праздничный обед приходили со своими. Находчивый юноша скрестил их на груди у невесты, девушка очнулась, и бракосочетание продолжалось без сучка без задоринки. А понурый «колдун» поплелся восвояси. На кусок свадебного пирога он мог уже не рассчитывать. Чтобы уберечься от таких напастей, шотландки еще некоторое время после свадьбы носили в башмаке шестипенсовик. Хуже всего было то, что отвергнутый поклонник мог навести порчу на дитя. Считалось, что именно из-за этого — а вовсе не из-за обилия виски, выпитого на свадебном пиру, — первенцы рождаются с физическими уродствами.

При выходе из церкви молодых осыпали рисом и пшеном, чтобы им всегда сопутствовали благополучие и достаток. Помимо риса в них швыряли обувь, что тоже было старинным английским пожеланием удачи. В Йоркшире новобрачных встречали оружейными залпами, причем оружие по традиции заряжали перьями. В некоторых северных деревнях практиковался пикантный обычай: после того как нареченных объявляли мужем и женой, невеста целовала пастора. Священнослужители, незнакомые с местными нравами, на первых порах удивлялись, с какой это стати невеста лезет к ним с поцелуями. А женихи обижались: почему пастора перекосило, неужели невеста настолько дурна собой?

В Уэльсе верили, что главой семьи станет тот из молодоженов, кто первым сделает покупку после свадьбы. Хитрые невесты прямо на крыльце церкви покупали булавку у одной из подружек. В Корнуолле женщины, жаждавшие главенства в семье, пили из колодца святой Кейн. Рассказывали про жениха, который прямо от алтаря рванулся к колодцу, чтобы обрести столь необходимый статус. Невеста не стала его догонять. Лишь улыбнулась вослед и приложила к бутылочке, которую загодя наполнила колодезной водой.

Колодец святой Кейн

На свадьбу могли пригласить трубочиста, причем требовали, чтобы он явился как есть, вымазанный сажей, в перепачканной одежде. Встреча с трубочистом сулила удачу, а в Норфолке невеста должна была поцеловать его. Считалось, что она так перепугается при виде чумазого трубочиста, что станет очень чистоплотной. Помимо трубочиста в норфолкских деревнях молодоженов приветствовали дети. От них требовалось как можно громче дудеть в дудочки, стучать ложками по медной посуде, создавать шум и хаос. Так они бесновались до тех пор, пока не получали несколько пенни. Согласно древним поверьям, громкий шум отпугивал нечистую силу.

Снятие подвязки с невесты было неотъемлемым элементом народных свадеб. В некоторых развеселых общинах шафер стягивал подвязку именно в тот момент, когда невеста преклоняла колени у алтаря! Приходилось лезть ей под юбку, да еще и в церкви, но невесты не протестовали. Почему бы не похвастаться расшитой узорами подвязкой? В Йоркшире подвязку снимали иначе. Парни устраивали забег, а победитель достаивался чести снять с ножки невесты вожаденный предмет. Интересно, что не только невесты из простонародья, но и суеверные аристократки соблюдали этот обычай. В 1820 году одна знатная йоркширка по возвращении из церкви первым делом спросила, кто выиграл гонку. Победителем оказался конюх. «В таком случае, Том, забирай свой приз, — сказала госпожа и сама приподняла подол шелкового платья. — Я хочу выйти замуж по всем правилам и получить всю ту удачу, которая мне причитается». Выигранную подвязку хранили на счастье или дарили подружкам.

По окончании церемонии свадебная процессия тем же маршрутом возвращалась в дом невесты, только теперь молодожены шли в авангарде и рука об руку. Как только вдали появлялся отчий дом невесты, шотландцы пускались бежать наперегонки, поскольку тот, кто первым сообщал теще радостную весть, получал в награду бутылку виски. В других краях шествие было более чинным. В доме невесты к тому времени уже собиралась родня, а теща готовила угощение. Втиснуть большую компанию в английский коттедж непросто: общая комната была маленькой, чтобы не сказать крошечной, так что приходилось потесниться.

После свадебного завтрака, который мог растянуться надолго, молодожены вместе с близкими друзьями отправлялись на прогулку. Тем временем теща и те из гостей, кто был достаточно трезв, чтобы ей помогать, готовили чай и хлопотали вокруг свадебного пирога. От обычного он отличался в основном размерами. Глазурь или розочки из крема появлялись на нем редко — крестьяне равнодушно относились к таким изыскам. Вечером гостей прибавлялось, ведь с полей возвращались мужчины. Даже свадьба близкого родственника не считалась поводом для отгула. Ужин заканчивался танцами во дворе или игрой в футбол на улице.

Вечерние развлечения проходили по-разному. В Корнуолле на пол ставили свечи, возле которых скакали новобрачные. Чем выше подпрыгнут, тем больше счастья обретут в семейной жизни. В Шотландии первый танец жених отплясывал в паре с тещей, а невеста — со свекром. Довольно жестоко англичане обходились с незамужней старшей сестрой невесты: ей приходилось плясать босиком или, того хуже, в свином корыте.

Всем известна традиция ловить букет невесты, но популярной она стала только в XIX веке. До этого в ход шли любые другие предметы. Например, через голову невесты бросали свадебный пирог. Среди подружек завязывалась потасовка, и каждая девица норовила урвать кусок побольше. В северных областях Англии похожим образом использовали сыр. Невеста отрезала кусок сыра, а девушка, схватившая его первой, должна была вскоре выйти замуж. Для мужчин существовал усложненный вариант — битва за нож, которым невеста отрезала кусок сыра. Тот из гостей, кто первым схватит нож и не порежется, женится в следующую очередь.

В Дареме подружка невесты бросала в толпу ее чулок. Та, на кого он упадет, вскоре наденет свадебное платье. Согласно источникам XIX века, в более древние времена с чулками забавлялись иначе. Гости зазывали в спальню, где молодая пара уже восседала на кровати в одежде, но без чулок. Одна из девушек брала чулок жениха, вставала у изножья, поворачивалась спиной и швыряла чулок левой рукой через правое плечо. Точно так же поступали и остальные незамужние девицы. Та из них, что попадет чулком в лицо жениху, будет следующей на очереди к алтарю. Поскольку нравы были грубыми, холостяки точно так же обходились с невестой. А самые меткие юноша и девушка начинали присматриваться друг к другу — вдруг им предстоит пожениться? Извлечь выгоду из чужой свадьбы можно было и с меньшими усилиями. Достаточно потереться плечами с молодоженами, и сам скоро окажешься на их месте.

Свадьбы, даже самые скромные, требовали затрат. Дарение подарков стало обязательным только в 1870–1880-х, да и то в среднем классе. Подарки отсылали заранее, а за день до свадьбы их выставляли на всеобщее обозрение в доме невесты. Фантазией гости не блистали, так что на отведенном для подарков столе могла красоваться дюжина лопаточек для сервировки рыбы. В сельской местности к подаркам относились практичнее. В XVIII и начале XIX века новобрачные из Уэльса составляли обращение к гостям. В своем послании они просили помочь деньгами, обещая вернуть долги при первой возможности. На стол ставили большое блюдо, в которое гости на протяжении свадебного пира кидали деньги. Уточнялось, что если кто-то в порыве щедрости жертвовал слишком много, забрать деньги с блюда он уже не мог.

Как следует погуляв у тещи, молодые супруги возвращались в дом мужа. Согласно одному поверью, тот, кто переступит через порог первым, обречен чистить обувь, так что супруги наверняка упражнялись в любезностях: «Проходи, дорогая! Спасибо, милый, после тебя». Но слишком долго переминаться с ноги на ногу они не могли, ведь у невесты были с собой головешки, прихваченные из родительского дома. С их помощью она разжигала очаг в своем новом жилище. В Шотландии молодую жену встречала свекровь: сначала ломала у нее над головой каравай, затем подводила к камину и вручала кочергу, символически передавая ей власть над огнем. В Уэльсе невесту переносили через порог, но не для того, чтобы продемонстрировать мужскую силу и женскую несостоятельность. Наступать на порог считалось опасным, так что невесту уберегали от беды.

После торжеств новоиспеченных супругов ожидали радости первой брачной ночи. Однако и в постели не получалось расслабиться! Согласно линкольнширскому суевию, тот из супругов, кто первым уснет после свадьбы, первым же и умрет. Представьте несчастных молодоженов, которые всю ночь лежат с открытыми глазами и украдкой пощипывают себя, чтобы не дай бог не задремать.

Для многих пар интимная обстановка была несбыточной мечтой. Об этом свидетельствует история из Йоркшира. Ведьма по имени Нэн Хардвик, скончавшаяся в 1835 году, любила посещать свою родню в дальней деревне Ловна Бридж. Другое дело, что родичи не радовались ее визитам, учитывая, что расстояние в двадцать миль ведьма пробегала в обличье зайца. Мало ли каких историй от нее потом наслушаешься, особенно по весне. Однажды Нэн явилась на свадьбу племянницы, причем в тот момент, когда свадебная процессия возвращалась домой. Узнав, что тетушка пожаловала с ночевкой, родственники начали решать, где же ее устроить. На каждую койку сразу нашлось несколько претендентов. Наконец, одна из соседок предложила Нэнни разделить постель с ней. Старушка радостно заулыбалась. Но когда женщины отошли подальше, раздался громкий шепот невесты: «Родня родней, а я бы с ней ни за какие коврижки спать не легла!» Годы не притупили слух Нэнни и уж совершенно точно отточили ее раздражительность. Ведьма обернулась и ткнула в болтунью узловатым пальцем: «Зато со своим женишком ты хочешь переспать! Да только ничего у тебя не выйдет!» Соседка поторопилась увести Нэнни, и за всеобщим весельем ее слова были забыты. А зря. Тем же вечером новоиспеченный супруг захотел интимной близости, но прокрасться к жене было не так-то просто. Друзья не собирались отпускать его с пирушки, так что пришлось пойти на хитрость — не подниматься на второй этаж по лестнице, где выставили караул, а проскользнуть в спальню через окно. Он сбегал за стремянкой. И вот, когда счастье было уже так близко, кто-то вышиб у бедняги лестницу из-под ног. С грохотом и проклятиями жених обрушился вниз. Дело обошлось переломом ноги, но в ту ночь новобрачным было не до ласк. В несчастье обвинили подвыпившего гостя, но к нему могла быть причастна и старушка-веселушка Нэнни Хардвик, взявшая под контроль исполнение проклятия.

Итак, ритуалы выполнены, вредных старушек выпроводили к соседям, можно приступать к долгожданным ласкам... Но что это за грохот, что за вопли? Не иначе как земляки пришли порадовать молодоженов серенадой. В XVIII–XIX веках на улицах Лондона можно было встретить группы мясников и их подмастерьев, выстукивавших незатейливый мотивчик на топориках и мозговых костях. В многоопытных коллективах каждый участник выстукивал только одну ноту, так что у восьмерых получалась целая октава. Этой-то какофонией и услаждали слух молодых. Многие умилялись такому трогательному, хотя и небескорыстному вниманию со стороны окружающих. Однако перспектива заниматься любовью под пение пьяных доброжелателей привлекала далеко не всех. Для того чтобы избежать серенад, возник обычай захватывать на медовый месяц кого-нибудь из родни. Если как следует законспирироваться, никто ведь не узнает, что это молодожены!

Чаще всего третьей персоной становилась сестра или же самая близкая подруга невесты. Следует учесть, что путешествие после свадьбы было прерогативой среднего класса или дворянства, а среди барышень из этих сословий добрачные половые связи считались делом немыслимым. Именно во время медового месяца девушка впервые познавала радости секса. А сестра могла утешить бедняжку, если любовные утехы оказывались совсем не тем, чего она ожидала. Появляясь на публике с двумя женщинами, новоиспеченный супруг уже не казался молодым и неопытным. Довольны были решительно все! Сестру мог заменить любой другой родич. Семейная хроника Джейн Остин отлично иллюстрирует эту практику: после того как состоятельный Томас Найт, дальний родственник отца Джейн, взял в жены богатую наследницу Кэтрин Начбулл, молодая чета отправилась путешествовать. По дороге они навестили семейство Остин в городке Стивентон (Хэпшир) и познакомились со старшим братом Джейн, двенадцатилетним Эдвардом (будущей писательнице на тот момент было около четырех лет). Белокурый мальчик с манерами джентльмена покориł молодоженов.

Они уговорили родителей отпустить его с ними на медовый месяц, так что путешествие продолжалось уже втроем. За это время Найты так привязались к Эдварду, что в 1783 году усыновили его и сделали наследником своего состояния. Внезапное везение не вскружило ему голову. Став владельцем двух прибыльных поместий, Эдвард не забывал родных и часто помогал им деньгами. Вот так из-за обычая распевать серенады у Джейн Остин появился богатый брат.

Свадьбы в балладах

Говоря о свадьбах, нельзя не рассмотреть отражение этой темы в устном народном творчестве. Любовь и смерть в балладах переплетены так тесно, что брачное ложе имеет все шансы превратиться в смертный одр. Героиня баллады Чайлда «Прекрасная Дженет» («Fair Janet», номер 64) беременна от своего любовника Уилли. К несчастью, отец уже просватал ее за французского аристократа. Влюбленные решаются бежать, но не успевают, поскольку Дженет на сносях. После родов она настолько слаба, что идея побега отпадает сама собой. Тем временем продолжаются приготовления к свадьбе, и невесту затягивают в свадебное платье. После венчания начинается пир, а затем и танцы. Дженет отказывается танцевать с кем-либо, кроме Уилли, — даже со своим женихом! Зато с Уилли она готова танцевать хоть до смерти. Так и вышло. Протанцевав с ним три круга, Дженет умирает прямо в разгаре пира. Уилли не может пережить ее смерть и тоже гибнет.

В балладе «Лорд Томас и прекрасная Аннет» («Lord Thomas and Fair Annet», номер 183) лорд Томас решает, на ком ему жениться — на своей подруге Аннет или на чернокожей богачке. Родня советует выбрать богачку. Он так и делает, а несчастная Аннет даже не подозревает об измене любимого. Однажды утром отец зовет ее в церковь, где должна состояться чья-то роскошная свадьба. Только там Аннет узнает правду. Но на ней такое изящное платье, а сама девушка так хороша, что жених забывает про невзрачную невесту. Богачка раздосадована. «Где ты взяла ту розовую воду, которой отмылась добела?» — недоумевает невеста. Аннет отвечает, что такой белой она стала еще в материнской утробе. Разъяренная невеста выхватывает длинную шпильку и пронзает сердце Аннет. Обезумевший от горя Томас закалывает невесту кинжалом, после чего кончает с собой. Томаса и Аннет хоронят неподалеку. Из его гроба вырастает береза, из ее — терновник, и растения переплетаются над могильными камнями. Где похоронили темнокожую невесту и что выросло на ее могиле, в балладе не уточняется. Зато баллада под номером 295 написана с точки зрения темнокожей девушки. Жених, который отверг ее из-за цвета кожи, умирает, а девица предвкушает, как целый год и один день будет отплясывать на его могиле!

Впрочем, не все баллады заканчиваются на минорной ноте. В балладе «Гил Брентон» («Gil Brenton», номер 5) невеста едет к своему заморскому жениху. Непокойно у нее на душе. Рядом с лошадью бежит паж, которого она исподволь расспрашивает об обычаях их страны. Выясняется, что король по прозвищу Гил Брентон одержим идеей жениться на девственнице. До сих пор его попытки не увенчались успехом: он уже перепробовал семь королевских дочек, а наутро отрезал им всем соски и отправлял не сумевших соблудности себя особ домой. Дело в том, что у короля есть простыня, проверяющая девственность. Если девушка уже потеряла невинность, простыня заявляет об этом вслух.

От таких речей невеста мрачнеет, и паж дает ей совет: подкупить свою служанку, чтобы та легла с королем вместо нее. Тут баллада начинает походить на легенду о Тристане и Изольде, с той разницей, что постельное белье так просто не проведешь. Натешившись со служанкой, король спрашивает простыню, с девицей ли он переспал. «Да, с девицей, — отвечает простыня. — Только не с той, на которой женился». Затем король узнает, что его настоящая жена уже беременна. Он впадает в ярость и мчится жаловаться матушке. «Ничего, сыночек, — успокаивает его мать. — Иди погуляй, а я пока побеседую с этой шлюхой».

В покоях невестки королева приступает к допросу. Уж не конюх ли ее обрюхатил? Рыдая, бедняжка рассказывает про свою беду. Когда она собирала цветы в лесу, к ней

пристал богато одетый рыцарь и не отпускал до самого вечера. Уходя, он оставил ей подарки — золотое кольцо, перочинный нож и т. д. Нахмурившись, королева возвращается к сыну и расспрашивает его, а где, собственно, то золотое колечко, которое она когда-то ему подарила, и перочинный нож, и остальные ее подарки. Оказывается, Гил Брентон и был тем самым лесным насильником. На радостях он мирится с женой и признает сына. Баллада очень поучительна. Среди всего прочего, она отлично иллюстрирует двойные стандарты.

Баллада «Рыцарь и дочь пастуха» («The Knight and the Shepherds Daughter», номер 110) рассказывает про еще одно изнасилование, но со счастливым исходом. В самом начале рыцарь насилует дочку пастуха. Отряхнувшись, жертва деловито спрашивает его имя. Рыцарь произносит какую-то тарабарщину. Но девушка заявляет, что это его имя на латыни, и с легкостью его расшифровывает. Рыцарь понимает, что за него взялись основательно. Он проворно вскакивает на коня, но девушка бросается вслед за ним. Так они добираются до берега реки. Рыцарь хоть и охоч до женского пола, но человек он совестливый и предлагает девушке своего коня. «Я плаваю не хуже угря», — заявляет она. Прежде чем рыцарь добрался до середины реки, она была уже на другом берегу. «Отстань, ну отстань! — взывает насильник в одном из вариантов. — У меня сердце разорвется». Но девица отвечает, что ее сердце уже разорвалось. И произошло это, когда он обесчестил ее на том холме.

Лишь у королевского дворца рыцарю удастся сбежать от своей попутчицы. Неумолимая девица идет к самому королю и сообщает, что один из рыцарей ее ограбил — украл ее девственность. Тут уж вмешивается королева. «Да быть такого не может! — возмущается она. — Ни один из наших рыцарей на такое не способен... кроме разве что моего брата Ричарда». Королева спрашивает, сумеет ли девица опознать обидчика среди сотни рыцарей, но та отвечает, что и среди ста десяти опознает. В зал начинают входить рыцари. Обычно Ричард появлялся в числе первых, в этот же раз он плетется в самом хвосте. Даже глаз прищурил и на ногу припадает. Но девушка узнает его в два счета. Свадьбы ему не избежать.

После венчания Ричард рыдает всю дорогу к замку. Чтобы он окончательно не пал духом, жена его развлекает. Встретят они бабушку-попрошайку, а она ей: «Бабушка! Расскажи всем соседям, какого я жениха отхватила». Или: «А хочешь, я тебе про свою маму расскажу, милый? Она как наестся, так лицом в тарелке и засыпает, ну свинья свиньей». Ричард тихонько стонет, что у него сейчас сердце разорвется. В замке новая хозяйка устанавливает свои порядки: «Это что тут у вас? Льняные простыни? Уберите их, я хочу сермягу. Привыкла к ней, знаете ли. А это серебряные ложки? Выбросить! Будем есть из бараньего рога». Отчаявшийся рыцарь дает зарок, что не только не будет насиловать девиц спяну, но больше в рот ни капли не возьмет спиртного. Только из колодца пить будет! Лишь тогда жена с улыбкой заявляет, что на самом деле богаче его в три раза, а пастушьей дочкой она просто притворялась. Чувство юмора у нее такое, ненавязчивое.

Очаровательна и баллада «Возвращение неверного возлюбленного» («The False Lover Won Back», номер 218). Девица дожидается своего милого Джонни, но тот приносит ей печальную весть: он нашел себе другую невесту. Уязвленная девица отвечает, что раз так, то и она кого-нибудь себе найдет. «Да на здоровье, — невозмутимо отзывается Джонни. — Ведь я-то свой выбор уже сделал. Нашел девушку краше тебя и уж точно ее не предаю». Но упрямца следует за ним. Джонни вежливо просит ее отвязаться, но не тут-то было. «Неужели ты никогда не полюбишь меня вновь?» — не отступает она. Так они доходят до первого города. Чтобы откупиться от навязчивой особы, Джонни дарит ей муфту и перчатки, но девица не отстает. Доходят они и до второго города, где Джонни покупает ей платье. Но девица только в раж вошла! А Джонни то ли понравилось покупать ей подарки, то ли он сообразил, что некуда теперь от нее деваться, но уже в следующем городе он покупает ей обручальное кольцо. Вот так совместный шоппинг спас любовь.

Нелегкая семейная жизнь

После веселой свадьбы мрачная реальность вступала в свои права. Жизнь англичанок XIX века была отнюдь не усыпана розами. В глазах закона женщина — всего-навсего придаток своего мужа, она не имела права заключать контракты от своего лица, распоряжаться имуществом или представлять себя в суде. За правонарушения представительниц слабого пола порой наказывали строже, чем мужчин. Взять, к примеру, такое преступление, как двоеженство (двоемужие). В 1845 году рабочего Томаса Холла привлекли в суд по этому обвинению. Его жена сбежала, а поскольку кто-то должен был присматривать за его маленькими детьми, Холл женился вторично. Принимая во внимания все смягчающие обстоятельства, суд приговорил его к одному дню тюрьмы. Женщины, обвиненные в двоемужии, не могли отделаться таким легким приговором. В 1863 году перед судом предстала некая Джесси Купер. Первый муж покинул ее, а после пустил слух о своей смерти, чтобы обмануть кредиторов. Поверив слухам, Джесси вышла замуж повторно. Когда ее первого мужа арестовали и обвинили в растрате, он, в свою очередь, донес на жену. Новый муж Джесси поклялся, что на момент заключения брака считал ее вдовой, поэтому расплачиваться пришлось ей одной. Женщину признали виновной и приговорили к нескольким месяцам тюремного заключения.

Бесправность женщины проявлялась еще и в том, что она не могла распоряжаться собственными заработками. Кажется, все не так страшно, пускай кладет деньги в общий котел, однако жизнь вносила коррективы. К примеру, жительница Северной Англии открыла дамский магазин, после того как ее муж потерпел крах в делах. Много лет супруги жили на доходы от этого заведения. Но когда муж умер, предприимчивую модистку ожидал сюрприз: оказывается, покойник завещал всю ее собственность своим незаконнорожденным детям! В другом случае, женщина, брошенная мужем, открыла собственную прачечную. Прослышав, что у жены дела пошли в гору, изменник отправился в банк и снял с ее счета все до последнего пенни. Он был в своем праве.

Помимо психологического и экономического насилия мужа не брезговали и насилием физическим. Долгое время избивание жены считалось делом заурядным, чем-то вроде шутки — вспомнить хотя бы кукол Панча и Джуди, которые гоняются друг за другом с палкой. Кстати, о палках. Широко известно выражение «rule of thumb» — «правило большого пальца». Оно обозначает упрощенную процедуру или же принятие решений на основе приблизительных данных. Считается, что фраза восходит к судебному решению сэра Фрэнсиса Буллера. В 1782 году он постановил, что муж имеет право бить жену, если палка, применяемая для вразумления, не толще его большого пальца. Острые языки окрестили Буллера «Судья Большой Палец».

Что же оставалось женщинам? На домашнего тирана можно было подать в суд. Хотя викторианские законы не благоволили прекрасному полу, кое-какую защиту женщины все же получали. Так, в 1854 году приняли Акт по предотвращению нападений на женщин и детей, благодаря которому мировые судьи могли сами разрешать дела, связанные с членовредительством. Прежде подобные иски направлялись в вышестоящий суд. Но памятуя, что «милые бранятся — только тешатся», судьи со снисходительной улыбкой выслушивали избитых жен. Один судья посоветовал жертве нападения больше не раздражать супруга. Другой решил удостовериться, не заслужила ли женщина побоев свои брызжанием. Увы, суд был делом ненадежным.

Иногда на помощь приходили родственники или соседи. Парадоксально, но приструнить домашнего тирана оказывалось проще всего в захолустном городке, где еще соблюдались старинные обычаи. На крыльцо тех домов, где мужа колотили жен, соседи сыпали соломой. Это было первым предупреждением. Сурово обходились с любителями распускать руки на острове Мэн: мужчины снимали ворота, силком укладывали на них драчуна и волокли по деревне, осыпая его насмешками и угощая палкой. Не менее популярным выражением народного гнева было «катание на шесте». Нарушителя сажали на шест, который держали на плечах двое мужчин, или же на стул, привязанный к шесту, и в таком неудобном положении носили по улицам в назидание остальным буянам. Участники

церемонии распевали песенки вроде следующей:

Есть в нашем городе мужчина,
Супругу бьющий без причины.
Поступит так еще хоть раз —
Расквасим нос ему тотчас.
Кричите, ребята! Кричите, ребята!
Звоните в колокола!
Кричите, ребята! Кричите, ребята!
Боже, храни короля!

В XIX веке сохранился обычай устраивать шаривари, или «кошачий концерт», тем соседям, чье поведение так или иначе возмутило всю общину. Доставалось склочным женам, мужьям, любившим махать кулаками, девицам, забеременевшим вне брака, неверным супругам и т. д. Ночью односельчане собирались под окнами тех, кого желали проучить. Сразу становилось шумно: разгневанная толпа била в сковородки, выкрикивала оскорбления, топала ногами, свистела и улюлюкала. В темноте собирались не для того, чтобы скрыть свои лица, просто днем находились более срочные дела. Хотя и при свете дня можно было побренчать чайниками, полными камней. Иногда во время шаривари сжигали чучело, изображавшее ненавистного соседа. Томас Гарди упоминает об этом обычае в романе «Возвращение на Родину», где несостоявшаяся невеста Томазин, услышав пение за окном, первым делом спрашивает, уж не «кошачий концерт» ли ей устроили.

В Сомерсете мужчине, от которого сбежала жена, шутники засовывали метлу в трубу. Это означало, что ему требуется помощь по дому, поскольку служанки приходили на ярмарки труда с метлами, символизирующими их ремесло. В Девоне в качестве публичного шельмования устраивали «охоту на оленя». Один из участников действия наряжался оленем, другие изображали охотника и гончих. С визгом и гиканьем они носились по улицам, пока не

оказывались на крыльце провинившегося односельчанина. Там охотник «убивал» оленя, протыкая бычий пузырь, наполненный кровью. Шумная свалка во дворе и ступени, забрызганные кровью, недвусмысленно намекали хозяевам на нежелательность их дальнейшего проживания в здешних краях. Шаривари проводились не только в провинции, но также в Лондоне и его пригородах. К примеру, в 1881 году некий житель Эддискомба, района на юге Лондона, обвенчался спустя всего-то шесть недель после смерти своей второй жены. Пospешная женитьба не понравилась соседям: они расколотили молодоженам окна и всю ночь взрывали хлопушки перед их домом. После таких инцидентов люди или брались за ум, или спешно переезжали. Трудно жить там, где тебя так откровенно презирают.

Итак, на домашних тиранов находилась управа, но и женщины нередко становились объектами публичных наказаний, в которых участвовала вся община. В XVII–XVIII веках одним из самых зрелищных провинциальных наказаний было окунание в воду. Применялось оно для невозддержанных на язык. Так могли покарать дочь, назвавшую отца «вором», а мать — «шлюхой», или женушку, которая слишком часто повышает голос на мужа. Отсюда и основополагающий принцип наказания — ледяная вода остужает горячую головушку. Провинившуюся сажали на стул, подвешенный над водоемом. При нажатии на рычаг стул погружался в воду. Это наказание не могло не отразиться в устном народном творчестве. К примеру, сюжет баллады «Окунание сварливой бабы» («The Clicking of a Scold») таков: одна особа слыла грозой всего квартала, но терпению властей наступил конец, когда она обругала констебля, безо всякой задней мысли помочившегося на стену ее дома. «Теперь каждая сволочь будет мочиться на мою стену!» — надсаживалась мегера. Констебль решил, что этого он так просто не оставит, и потащил скандалистку к судье. Недолго думая, тот приговорил ее к позорному стулу. Особенно примечательна реакция горожан, которые били в барабаны и подпрыгивали каждый раз, когда преступница скрывалась под водой. Допекла, что тут скажешь. В конце концов, злодейка раскаялась, и с тех пор ее гадкий язык соседям уже не докучал.

В XIX веке это наказание превратилось в забавный раритет. Последней англичанкой, наказанной подобным образом, стала некая Дженни Пайпс, которую окунули в 1807 году. В 1817 году решено было окунуть еще одну преступницу, но уровень воды в реке оказался слишком низким — так природа испортила людям праздник.

Плохих супругов наказывали гораздо чаще, чем поощряли хороших, но приятные исключения все же случались. Оригинальный обряд проводился в Грейт-Данмоу (Эссекс) в Духов день (Whit Monday), т. е. на 51-й день после Пасхи. Если супруги, женатые больше года, могли публично поклясться, что за все это время ни разу не затосковали по холостой жизни, местный помещик награждал их окороком или копченым свиным боком. Обычай зародился в раннем Средневековье — тогда супруги давали клятву перед настоятелем монастыря. В XVIII веке он едва не канул в забвение, но был возрожден в веке XIX, на волне интереса к английскому фольклору. Ходили упорные слухи, что помещик, выдававший этот приз, предложил его королеве Виктории после того, как она прожила в браке год и один день. По неизвестным причинам королева отказалась принять окорок.

Развод

К цепям Гименея английские законы относились со всей серьезностью: раз надев, снять их было практически невозможно. Пресытившись обществом друг друга, супруги все равно коротали вместе век до тех пор, пока один из них не отправлялся к праотцам. Церковный суд мог санкционировать раздельное проживание супругов, которое позволяло жене покинуть дом мужа. Раздельное проживание не было тождественно разводу, так как супруги считались формально женатыми и не могли вступить в повторный брак. Даже для такой полумеры жена должна была доказать, что со стороны мужа имело место насилие или какой-либо другой серьезный проступок. В 1758 году разрешение на раздельное проживание выдали жене графа Феррерса. Его беспутное поведение стало притчей во языцех, так что графине не составило

труда подтвердить жестокое обращение. Буквально через пару лет после разъезда Феррере застрелил своего управляющего и стал последним членом палаты лордов, приговоренным к повешению. Разрешение на раздельное жительство выдавали и в менее серьезных случаях. Женщине не обязательно было в красках расписывать, как благоверный гонялся за ней с ножом. Хватало упоминания о том, что он подрывает ее авторитет в глазах прислуги. Хотя законодатели отказывали женщинам в других правах, право самостоятельно вести хозяйство и командовать слугами они считали неизменным. Далеко не всегда разъезд сопровождался формальностями. Те, кому претило сутяжничество, разъезжались по взаимному согласию.

Очевидно, что такой вариант подходил не всем, ведь при наличии законного супруга о новом браке не могло быть и речи. Однако получить развод было невероятно трудно. Между 1670 и 1857 годами в Англии зафиксировано всего-навсего 325 разводов, только 4 из которых получили женщины. Муж мог развестись с женой в случае ее измены, но женщинам приходилось гораздо труднее. Мужниного адюльтера было недостаточно, требовались отягчающие обстоятельства, такие как физическое насилие, многоженство или инцест.

Процедура развода была дорогой и хлопотной. Сначала нужно было получить пресловутое разрешение на разъезд в церковном суде. Далее муж подавал иск на любовника жены в суд общего права. Это было унижительно для всех вовлеченных лиц, включая самого мужа. Кому приятно прослыть рогоносцем? Еще больше страдала жена, так как в данном

случае суд не рассматривал ее показания. Обвинение в адюльтере могло раз и навсегда запятнать репутацию женщины, даже если присяжные признавали подозрения мужа беспочвенными и отказывали ему в иске.

Если мужу удавалось доказать преступную связь жены, парламент издавал частный акт о расторжении брака. Так продолжалось до 1857 года, когда приняли Закон о бракоразводных процессах. Новый закон отчасти упростил процедуру расторжения брака. Вместо церковного суда бракоразводными процессами теперь заведовал суд по делам о разводах. Основания для развода остались прежними, хотя для жен была предусмотрена важная уступка: разведенные и покинутые мужьями женщины отныне имели право частично распоряжаться своим имуществом. В 1873 году было утверждено право разведенных матерей на доступ к своим детям, которые по закону проживали с отцом. В 1878 году женщинам был позволен развод вследствие жестокости мужа, а также опека над малолетними детьми.

Хотя закон 1857 года удешевил бракоразводный процесс, простому люду развод был не по карману. Кроме того, суд заседал в Лондоне, а туда попробуй доберись. Тем не менее рабочие семьи распадались довольно часто. В один прекрасный день мужья скрывались в неизвестном направлении, а женам и детям зачастую не оставалось ничего иного, как отправляться в работный дом. Но некоторые главы семей проявляли изобретательность и прибегали к славному обычаю — продаже жен.

Следуя установленному протоколу, опостылевшую жену вели на рыночную площадь за уздечку, наброшенную ей на шею. Уздечка символизировала власть мужа над женой. На рынке начинались самые настоящие торги. В Хартфордшире сделка считалась действительной, если за жену платили больше шиллинга — нехорошо ведь продавать человека за меньшие деньги! В 1787 году фермер из Саффолка выручил за свою женушку целых пять гиней — большая сумма по тем временам. На радостях он одарил бывшую супругу одной гинеей — пусть обновку себе купит, — а потом велел звонить в колокола. Наиболее склочных особ продавали по несколько раз. В 1820 году некий Смут из Хоршэма продал свою жену другому сассекцу по фамилии Стир за 3 шиллинга и 6 пенсов. Через некоторое время Стир осознал, какие именно черты характера женщины вынудили предыдущего мужа выставить ее на продажу. Ужиться со сварливой женушкой оказалось невозможно, так что Стир опять повел ее на рынок. Новому покупателю женщина пришлась по душе, и супруги прожили под одной крышей до самой смерти.

Законодатели неодобрительно относились к подобным мероприятиям. Обычай обычаем, но закон уважать нужно! На сассекской ярмарке в 1825 году кузнец выставил на торги свою миловидную жену. Предложение было из разряда «двое по цене одной», потому что покупатель в придачу получил одного из ее троих детей. Попраание семейных ценностей оскорбило всех присутствующих. Они обратились к судье, но прежде, чем тот успел принять меры, участники сделки уже разбежались.

Случались исключения, когда торговля женами происходила с разрешения местных властей. В 1814 году Генри Кук из Эффингема (Суррей) взял в жены соблазненную им уроженку Сассекса. Надолго его благородства не хватило. Шесть месяцев спустя он бросил жену с новорожденным, и молодая мать поступила в работный дом Эффингема. Там лишнему рту тоже не обрадовались. После недолгих раздумий приходской надзиратель предложил Куку продать жену. Прямоком из работного дома женщину привезли на торговую площадь Кройдона, где продали некому Джону Эрлу за один шиллинг. Поскольку продажей заведовали бюрократы, Кука заставили расписаться в получении денег. Расчувствовавшись, приходские надзиратели подарили молодой семье баранью ногу, чтобы было чем полакомиться на брачном пиру. Их ликование оказалось преждевременным: несколько лет спустя Эрл удостоверился в недействительности своего брака и вернул страдальцу в тот же работный дом.

В том случае, когда передумавший (или протрезвевший) супруг требовал жену обратно, у покупателя не было на нее никаких прав. В 1810 году житель Плимута Джон Смэйл сначала продал свою жену Эдварду Солтеру, а через некоторое время попросил ее

вернуть. Обиженный Солтер, которому очень понравилась купленная супруга, пошел в суд с ходатайством, но магистраты лишь руками развели. Пришлось возвращать жену законному владельцу.

С другой стороны, довольно часто между продавцом, покупателем и «покупкой» существовала предварительная договоренность. Случалось, что муж продавал жену ее же любовнику. После церемонии на площади все трое шли в кабак обмывать сделку. Многие женщины ликовали, когда забулдыги-мужья выставляли их на продажу. Так, жительница Йорка, проданная в середине XIX века за 7 шиллингов 6 пенсов (включая уздечку), жила со своим покупателем душа в душу. Время от времени к ней навещался законный муж и кланчил деньги на выпивку. Лишь через двадцать лет после заключения сделки пьяница испустил дух, а счастливая пара смогла узаконить свои отношения.

Тема продажи жен отлично освещена в романе Томаса Гарди «Мэр Кестербриджа». В начале романа главный герой продает жену заезжему моряку за 5 гиней. Хотя Гарди описал настоящий аукцион со стартовой ценой в 5 шиллингов, тем не менее он опустил самую унижительную часть церемонии — пресловутую уздечку. Узнав, что ей будет позволено забрать с собой малолетнюю дочь, героиня только рада уйти с незнакомцем. Кроме оскорблений, от законного супруга она ничего не видела.

О продаже жен сложили немало песен, в которых эта тема преподносится в более ироническом ключе:

На рынок муж погнал жену,
Как будто бы свинью!
И крикнул:
— Налетай любой,
Задаром отдаю!
Веревкой он ее взнуздал
И выставил к столбу:
— Назначьте цену, господа,
Недорого возьму!

Как ни запрещали этот обычай законодательные органы, как ни противилась ему церковь, но продажа жен продолжалась вплоть до XX века. И неудивительно, ведь это был хороший способ разойтись полюбовно и заработать немного денег.

2

Роды и воспитание детей

Уилли сосватал за морем жену,
Привез молодую в родную страну.
Любил он волос ее светлую прядь,
Но эту любовь прокляла его мать.
Заклятие злое сложила она,
Чтоб не разродилась Уилли жена.
Страдает невестка в постели от мук,
И в скорби сидит возле милой супруг.
Вот к матери в дом отправляется он,
К мерзкой ведьме, мерзейшей из жен.
Он молвил: «У леди есть кубок златой,
Сними же проклятье, и будет он твой.
Тебе подарок, что лучше нет,
Когда родится дитя на свет!»

Припев:

«О нет, не сможет дитя родиться,
Придется с леди своей проститься.
Она в могиле будет гнить,
А ты с другою станешь жить».
«Нет, не женюсь я на другой,
Не приведу ее домой.
Но если смерть грозит жене —
Не будет жизнь мила и мне».

«Отправься снова к матери в дом,
К мерзкой ведьме, мерзейшей из жен».
«У леди есть золотом подкованный конь,
Родится ребенок, и будет он твой.
Тебе подарок — быстрее нет,
Когда родится дитя на свет!»

Припев.

«Отправься снова к матери в дом,
К мерзкой ведьме, мерзейшей из жен.
Скажи, драгоценный ей пояс отдам,
Когда даст ребенка родить она нам!»
Он молвит: «У леди есть пояс золотой,
Сними же проклятье, и будет он твой!
Тебе подарок, что краше нет,
Когда родится дитя на свет!»

Припев:

Тут Билли Блинд, их домовой,
Совет разумный подал свой:
«Пойди на рынок на часок
И воска там купи кусок.
Из воска вылепи дитя
И вставь глаза из хрусталя,
Как на крестины мать придет —
Послушай, что произнесет!
Разрушишь все, что говорит,
И леди тотчас же родит!»

«Неужто кто распутать мог
В прическе ведьмин узелок?
И гребни, проклятые мной
Снять с головы ее льняной?
Кто смог ту жимолость убрать,
Что их должна разъединять?
И кто козленка отыскал,
Что у нее под ложем спал?
Кто снял ей левый башмачок,
Коль сын ее родиться смог?»

И Уилли в локонах жены
Распутал ведьмины узлы
И вынул из ее волос
Тот гребень, что проклятье нес.
Куст жимолости он убрал,
Что разродиться не давал.
Убил козленка он того,
Что слал на леди колдовство.
Снял с леди левый башмачок,
Чтоб сын его родиться смог.
И славный родился сынок!
Благослови супругов Бог!

(«Willie's Lady», номер 6)

Так, происками злой свекрови и колдовством объясняли в Англии и Шотландии трудные многочасовые роды. Самая тайная и самая путающая способность женщины — произвести на свет дитя — всегда волновала людские умы. Какими были зачатие, беременность и роды в викторианской Англии? Как растили и воспитывали маленьких детей? Об этом, дорогой читатель, тебе предстоит узнать, прочитав следующую главу.

Зачатие

Даже сегодня большая часть женских суеверий связана с беременностью. Бабушки и мамы передают их по наследству юным родственницам, ими пугают будущих матерей на форумах в сети Интернет. В XIX веке к суевериям приводило желание хоть как-то спрогнозировать рождение ребенка, заранее узнать его пол, напроорочить благополучное разрешение от бремени и счастливую судьбу своему чаду. Словом, материнские заботы той эпохи мало чем отличались от нынешних. Разве что не было УЗИ и ЭКО.

Для начала рассмотрим возможные стратегии при желании забеременеть. Незамужние девицы из Йоркшира полагались на нехитрый обряд, заключающийся в ношении соломенной подвязки. Для пущей плодovitости они обвязывали левую ногу соломой, выбирая столько соломин, сколько хотели детей. Для мальчиков брали стебли пшеницы, для девочек — стебли овса. Соломенную подвязку нужно было пронести в строгой тайне с пятницы до понедельника. Будучи замеченной, подвязка переставала действовать. Любая девушка, уже утратившая невинность, могла при таком обряде лишь накликать беду на будущего ребенка. Так что этот способ, совсем, казалось бы, простой, на поверку оказывался доступен далеко не всем.

Несколько проще было погадать о беременности тем, кто проживал в Камберленде. Для этого соседки приходили на чай к матери только что окрещенного ребенка. Уходя же из дома, каждая гостя перепрыгивала через ведро, поставленное хозяйкой в дверном проходе. Если женщина запиналась о ведро, это означало, что ей вскоре потребуются услуги повитухи. В других вариантах того же обряда в ведро ставили зажженную свечу или же поперек двух ведер клали метлу.

Иногда, чтобы скорее забеременеть, женщины садились на особую диету. Им советовали есть салат из пижмы или пить так называемый «мандрагоровый чай». На самом деле этот чай заваривали из корней переступня, которые, как и корни настоящей мандрагоры, отдаленно напоминают человеческую фигуру. Если эти меры не помогали, дамы шли к особым колдцам, вода из которых даровала плодородие. Таких колдцов было много в разных уголках Англии, и они часто становились объектом паломничества бесплодных жен.

Многодетная шотландская семья. Карикатура из журнала «Панч»

Несмотря на то что в Англии XIX века семьи были преимущественно многодетными, далеко не все женщины хотели детей. Заработки сельской и городской бедноты были скудными, куда уж еще один рот! Представительницы среднего класса тоже уставали от многочисленных родов, особенно в эпоху, когда они были сопряжены со смертельным риском для матери. Стоит ли удивляться, что не менее широкой популярностью пользовались и меры против зачатия.

Древнейший способ контрацепции — прерванный половой акт — всецело зависел от мужчины. То же самое касалось презервативов. Хотя в Европе они были известны с XVI века, против них существовала масса предубеждений. Религиозные деятели выступали против контроля над рождаемостью, условно признавая пользу презервативов для защиты от болезней, передающихся половым путем. Многие мужчины и тогда, как и сейчас, считали презервативы некомфортными. У них к тому было гораздо больше оснований: презервативы изготавливались из промасленных тканей, животных кишок и только с середины XIX века — из резины. Часто презервативы рвались и сминались во время процесса, так что не являлись стопроцентной гарантией от зачатия. Как средством предохранения ими пользовались в основном представители высшего и среднего классов. В низших слоях общества ввиду отсутствия полового просвещения этот метод контрацепции внедрялся очень медленно. Презервативам доставалось и от первых феминисток. С их точки зрения, это мужской способ контроля над рождаемостью, а женщины не должны полагаться на то, что может сделать только мужчина.

Широкодоступным, но столь же ненадежным методом было занятие сексом только в определенные дни, когда женщина не может забеременеть. Главный недостаток этого способа заключался в том, что в XIX веке никто в точности не знал, когда же выпадает этот заветный период. Не доверяя противоречивым сведениям, женщины предпочитали механические способы контрацепции: губки, пропитанные лимонным соком или уксусом, пессарии и диафрагмы. В начале XIX века в ходу были металлические пессарии, т. е. колпачки, которые вводили во влагалище для поддержания матки. Некоторые их разновидности не нужно было вынимать во время полового акта, что защищало женщину от нежелательной беременности. Во второй половине столетия на смену им пришла более

удобная и дешевая резиновая диафрагма. Как писал доктор Генри Оллбэтт в 1880-х годах, женщины могли пользоваться этим средством, ничего не сообщая мужьям. Но даже эти методы были доступны далеко не всем.

Многие женщины, особенно из рабочего класса, знали только один метод контрацепции — аборт. В викторианской Англии аборты были запрещены, но сведения о том, как прервать нежелательную беременность, передавались шепотом от соседки к соседке. Ингредиенты для подобных рецептов можно было купить в любой аптеке, причем многие из «бабушкиных средств» включали в себя свинец, что приводило к тяжелым отравлениям. Тем не менее женщины шли даже на такой риск. По словам одной англичанки, она скорее проглотила бы всю аптеку вместе с аптекарем, чем родила очередного ребенка.

И, конечно, самые достоверные сведения о контрацепции содержались в местном фольклоре. Например, чтобы не забеременеть в течение двух лет, достаточно было две минуты подержать за руку покойника. Другим народным контрацептивом считались «деньги мертвеца». До конца XIX века в деревнях на востоке Англии принято было класть флорин на лоб усопшему исходя из древнего поверья, что таким образом он заплатит за свои грехи. Перед тем как заколачивали гроб, местная знахарка забирала себе флорин, чтобы перепродать его тем, кто не хочет иметь детей. К счастью, с монетой не нужно было делать ничего пикантного — всего лишь класть ее под подушку перед сном.

Беременность

После желанного зачатия главной женской заботой становилось благополучное вынашивание ребенка. Для предотвращения выкидыша суеверные мамы стремились раздобыть «орлиный камень». Эти камни, по легенде, находили в гнездах орлов. Птицы приносили их для того, чтобы у них вылупились орлята. На самом же деле «орлиные камни» были кусками железяка, полыми внутри (так называемые жеоды). Камень привязывали к левой руке и носили весь период беременности. Затем его привязывали к бедру, чтобы обеспечить легкие роды.

Чтобы узнать пол ребенка, перед животом беременной подвешивали кольцо или кусок ваты на нитке. Если нитка не шевелилась — будет девочка, если вата качалась из стороны в сторону — будет мальчик. Предсказывали пол и такие растения, как петрушка, розмарин и шалфей. В тех домах, где верховодила жена, они росли в изобилии, а если женское начало столь сильно, то и рождаются будут только девочки. Но если петрушка желтела, а розмарин сох на корню, ждали мальчика. Оригинальное предсказание бытовало в Йоркшире: если первым словом малыша будет «папа» — следующим родится мальчик, если «мама» — тогда девочка.

Наблюдали и за состоянием окружающей среды. Распространенное поверье гласило, что в год, урожайный на яблоки или орехи, часто рождаются близнецы. Само по себе рождение близнецов не радовало матерей — хлопот не оберешься следить сразу за двоими. Зато на севере Англии верили: если женщина родит двух разнополых близнецов, ей уже никогда не суждено забеременеть. Многие женщины, непрерывно рожавшие из года в год, не отказались бы от такого счастья.

Юным матерям советовали ни в коем случае не качать пустую колыбель, причем в качестве последствий указывали как смерть ребенка, так и рождение нового. Последнее суеверие было распространено в Шропшире и Сассексе. Родительская скупость тоже отражалась на судьбе младенцев: если купить колыбель в долг, то у выросшего ребенка не будет средств заплатить за свой гроб.

Поведение матери во время беременности имело непосредственное влияние на будущую жизнь ребенка. В сборнике валлийского фольклора Мари Тревельян можно встретить такие «предсказания»: если женщина окунет пальцы в грязную воду, кожа на руках ее ребенка загрубеет. Если обвяжет веревку вокруг талии, дитя ждет несчастья. Если после стирки будет переворачивать корыто, ребенок вырастет опрятным. Если же станет вытирать

пыль фартуком, ребенок окажется неряхой. Если мать пройдет под спутанными веревками, ребенку предстоит жизнь, полная неразберихи. Беременным также не советовали прясть, чтобы ненароком не спрясть удавку для своего малыша.

Внезапный испуг матери или встреча с чем-то неприятным могли отразиться на внешности ребенка. Чаще всего в фольклоре упоминалась встреча с зайцем, которая якобы приводила к рождению ребенка с заячьей губой. С этим суеверием связана знаменитая история, прогремевшая в начале XVIII столетия. Хотя высокообразованные викторианцы сочли бы ее «преданьем старины глубокой», на ней стоит остановиться подробнее, поскольку она отлично иллюстрирует проникновение суеверий в различные общественные сферы.

19 ноября 1726 года в лондонской газете «Уикли Джорнэл» была опубликована заметка о Мэри Тофт, беременной крестьянке из Голдаминга (Суррей), которая во время полевых работ попыталась поймать кролика. Ничего не получилось, но с тех пор она не могла думать ни о чем ином, кроме кроликов. А когда вновь забеременела, то родила кроликообразное существо. Сохранить жизнь существу не удалось, но не беда, ведь две недели спустя она родила еще одного кролика, а потом несколько дней подряд рожала по кролику в день. К сожалению, ни один из них не выжил. На момент чудесных родов у Мэри и ее мужа, Джошуа Тофта, уже было трое самых обычных детей. Ее свекровь, местная повитуха, послала несколько фрагментов «новорожденного» Джону Говарду, акушеру из Гилфорда. Заинтересовавшись, Говард прибыл обследовать Мэри, которая тут же порадовала его еще несколькими кроличьими частями. Свидетельство доктора переплонуло даже статью в «Уикли Джорнэл», ибо он сообщил, что женщина родила не только кроличью ногу, но и три кошачьих лапы. Согласно его гипотезе, кошачьи лапы самозародились в ее организме, потому что любимая кошка спала с ней в кровати!

Слухи о чудесных родах разлетелись по стране. Посмотреть на Мэри Тофт, которую доктор Говард уже перевез в Гилфорд, прибыл Натаниэль Сен-Андре, швейцарский врач при королевском дворе. Он писал, что на его глазах женщина родила еще несколько кроликов, а также призывал маловеров приехать и убедиться в их наличии. Король Георг Первый заинтересовался таким дивом и направил в Гилфорд еще одного врача, Сириакуса Алерса. Однако доктор Алерс заподозрил мистификацию. Разглашать свои подозрения он не торопился. Наоборот, уверил Говарда и Сен-Андре в своем полном согласии с их теориями, сам же прихватил несколько кроличьих частей и поспешил в Лондон. Там он как следует изучил образцы и сообщил, что кроликов разрезали с помощью каких-то острых инструментов. Узнав о результатах, полученных Алерсом, оспорить его доводы приехал Сен-Андре.

Долго в Лондоне Сен-Андре не задержался, потому что Мэри Тофт снова произвела на свет кроликов. Доктор вернулся в Гилфорд, на этот раз в сопровождении знаменитого акушера Ричарда Маннингэма. На его глазах Мэри разродилась чем-то, что Маннингэм идентифицировал как свиной мочевой пузырь. Трое врачей, Говард, Сен-Андре и Маннингэм, решили до поры до времени не сообщать об этом публике и перевезли Мэри Тофт в Лондон. Женщина сразу же стала знаменитостью. О ней писали в газетах, судачили на улицах, ее загадочную физиологию обсуждали в научных кругах. Со столов исчезли блюда из крольчатины — а то что ж это такое, все равно как ребенка есть! В Лондоне у Мэри несколько раз начинались схватки, но долгожданные кролики так и не появились. Скептики затеяли расследование, в ходе которого выяснили, что в течение предыдущего месяца, пока Мэри пребывала в Гилфорде, ее муж постоянно покупал крольчат. После многочасовых допросов женщина созналась в мошенничестве. По словам Мэри, заработать столь необычным способом ее подучила цыганка, а помогала ей свекровь. Мэри помещала живых крольчат или их части себе во влагалище, после чего имитировала схватки. Доктора Говарда Мэри тоже назвала своим сообщником. Газеты, ранее превозносившие «загадку природы», теперь называли ее мерзкой лгуньей. Досталось и врачам: всем вместе и каждому по отдельности. Мэри Тофт хотели судить, но так и не нашли подходящую статью, так что с

миром отпустили домой. Но ее история надолго осталась в народной памяти в качестве «пугала» для будущих матерей. Да и то сказать: зачем беременным бродить по полям и лесам, за околицей? Что там может быть хорошего, помимо чудес?

Впрочем, чудеса и беременность тоже были взаимосвязаны. Женщины в положении обладали особым «магическим» статусом. В XVII веке на обряд экзорцизма часто приглашали беременных, поскольку английским демонам противна сама мысль о том, чтобы причинить вред особе «в деликатном положении». Трепетное отношение нечисти к беременным показано в балладе XVIII века «Плимутская трагедия» («The Plymouth tragedy»). К соблазненной и покинутой девице приходит дьявол с предложением вернуть неверного любовника в обмен на каплю ее крови. Бедняжка согласна, но никак не может проколоть кожу достаточно глубоко, чтобы хлынула кровь. Тогда она предлагает дьяволу самому нанести удар, но и у того рука не поднимается. До тех пор пока его жертва не разрешится от бремени, он не может причинить ей вреда. Что касается экзорцизма, особая благодать беременной распространялась и на остальных участников действия. Напрашивается вывод о том, что нечисть обращалась с женщинами куда бережнее, чем люди. Этот вывод еще раз подтверждают английские и шотландские баллады, в которых беременным приходится очень несладко, причем вред им причиняют именно люди.

Генри Мэтью Брок. Иллюстрация к балладе «Чайлд Уотерс»

Генри Мэтью Брок. Иллюстрация к балладе «Женищина из Эшерз-Уэлл»

В народном сознании прочно засел сюжет о внебрачной беременности. Популярность его основывалась на невеселых реалиях жизни низших классов. Несмотря на то что викторианское общество и церковь проповедовали воздержание и моральную чистоту, на практике девушки из прислуги часто становились жертвами своих хозяев, а количество содержанок и проституток росло быстрее, чем число заводов и фабрик. Собиратель баллад Фрэнсис Чайлд сохранил немало песен о похождениях незадачливых девиц, которые, попав в руки совратителя, вынужденно становятся матерями. К примеру, в начале баллады «Чайлд Уотерс» («Child Waters», номер 63) к герою подходит его любовница Эллен и сообщает, что пояс стал ей узок. Она беременна. Отец ребенка хочет откупиться от нее, но Эллен нужен только он сам. В отчаянии она предлагает стать его пажом, чтобы следовать за ним повсюду. Уотерс соглашается и требует, чтобы она обрезала свое зеленое платье до колен и коротко остригла волосы. После он весь день скачет на коне, а Эллен, уже в роли пажа, бежит рядом босиком — беременная! Тон повествования в балладах обычно нейтральный, но здесь появляется критика: «Если бы он был галантным рыцарем, то посадил бы Эллен в седло». Такое обращение с беременной женщиной кого угодно разозлит. Хотя Эллен просит его скакать помедленнее, рыцарю все равно. Вот они подъезжают к реке, и Уотерс предлагает Эллен перебираться вплавь. Женщине удастся доплыть до берега. Когда ребенок начинает ворочаться у нее в животе, Эллен утешает его: «Лежи спокойно, маленький, и не мучай свою мать, потому что твоему отцу, что скачет в седле, нет дела до нас обоих». Вместе с Уотерсом Эллен приходит в его замок. В то время как остальные леди веселятся, самая прекрасная из них вынуждена задавать корм коню. Сестра Уотерса замечает его нового пажа. Она поражена красотой «юноши», а также размерами его живота. Девушка просит отпустить пажа к ней в спальню, но Уотерс заявляет, что слуге не пристало соваться к благородным дамам. Пусть ест свой ужин на кухне. После ужина Уотерс вновь подзывает Эллен и требует от нее

определенного рода услугу. Упоминается эта услуга только в одной версии 63а и приводит чопорного Фрэнсиса Чайлда в ужас. Эллен должна пойти в город... и привести ему самую красивую куртизанку, чтобы ему было с кем переспать этой ночью. Вдобавок он приказывает Эллен помассировать девице ноги! Она безропотно выполняет приказ и просит лишь о том, чтобы Уотерс позволил ей провести ночь у изножья его постели. Больше спать ей негде. Он разрешает, но с утра пораньше отсылает ее накормить коня. В конюшне у Эллен начинаются роды. Мать Уотерса слышит стоны и сообщает сыну: «Должно быть, ты проклят, потому что в твоей конюшне стелет призрак, или же это женщина рождает». Уотерс мчится к Эллен. Кроткая женщина просит, чтобы ее с ребенком уложили на кровать хотя бы в сарае и кто-нибудь из слуг помог ей. Внезапно расщедрившийся Уотерс отвечает, что сегодня же не только окрестит младенца, но и женится на ней. Такой вот счастливый конец, а Эллен можно только позавидовать — повезло ей с муженьком, ничего не скажешь!

Еще более зловещую картину живописует баллада «Леди Мэйзри» («Lady Maisry», номер 65). Вся семейка: отец, мать, брат, сестра, по очереди называют Мэйзри «шлюхой». Она забеременела до свадьбы, да еще и от чужака. Поначалу героиня отрицает обвинения, но под конец просто плачет и уверяет, что английский лорд пообещал на ней жениться. Приговор за распутство суровый — сожжение на костре. Перед казнью Мэйзри отсылает пажа к своему любовнику. Английский лорд действительно готов на ней жениться и, оседлав коня, скачет к ней на помощь. Но к его приезду во дворе ее дома уже горит костер. В отчаянии лорд бежит по углям и успевает поцеловать любимую в губы, прежде чем ее обуглившееся тело распадается на части. Тогда разъяренный лорд клянется перебить всю ее родню и сжечь город, где нашлось место такому злодейству. Словом, внебрачная беременность в устном народном творчестве предстает если и не как грех, то как тяжелое испытание, нередко приводящее к смерти героини.

Иногда возникают пикантные ситуации, когда беременеет девица... переодетая в мужское платье! Беременностью заканчиваются приключения отважной девчонки в балладе XIX века «Красивый юнга» («The Handsome Cabin Boy»). Той захотелось повидать далекие края, вот она и поступила юнгой на корабль, разумеется, переодевшись в мальчишку. И капитану, и жене капитана новый морячок очень понравился. Жenuшка нередко целовала юнгу и с удовольствием порезвилась бы с ним, но именно капитан разгадал «его» секрет. «Отведав капитанских галет», юнга подурнел. А когда корабль проплывал через Бискайский залив, моряки слышали крики — юнга рожал! Матросы открестились от малыша, зато жена капитана, стоическая женщина, заявила мужу: «Поздравляю тебя, дорогой. Кажется, кто-то из нас двоих обрюхатил юнгу: или ты, или я».

Несомненно, баллады не только оглашали «прискорбные» поступки недальновидных женщин, но и предупреждали девочек о том, что любовь и жажда приключений имеют весьма очевидные последствия. Своеобразие балладных сюжетов позволяет соотнести их с современными «страшилками», которые, пугая, предписывают некие нормы общественного поведения.

Роды и уход за матерью и младенцем

В наши дни женщины, как правило, рожают в больнице, но в XIX веке туда отправляли только нищенок из работных домов. Неудивительно, ведь роды в больнице сопровождались смертельным риском. Врачи редко дезинфицировали инструменты, даже руки перед осмотром не мыли. Войти в родильную палату напрямую из морга было обычным делом. Ни одна женщина не отправилась бы в больницу добровольно. Рожать предпочитали дома.

При наличии финансов англичане приглашали семейного врача или специалиста-акушера. Молодые врачи радовались такой возможности поближе познакомиться с пациентками в надежде, что те и впредь будут пользоваться их услугами — рожали викторианки много. В свою очередь, роженицы надеялись, что в случае необходимости доктор применит хлороформ. После того как в 1853 году с его помощью обезболели роды у

самой королевы Виктории, ее подданные тоже захотели воспользоваться этим благом. Несмотря на растущий спрос со стороны пациенток, доктора еще долгое время с подозрением относились к обезболиванию при родах. Руководствовались они при этом по большей части религиозными аргументами. Ведь Господь сказал Еве, что она в муках будет рожать детей. Следовательно, уклоняться от боли при родах по меньшей мере аморально, если не кощунственно. Только в 1870-х годах отношение к хлороформу изменилось в лучшую сторону.

Для большинства же англичанок присутствие врача при родах было скорее роскошью. Как правило, роды принимали повитухи. Для сравнения: в 1870 году в трущобах лондонского Ист-Энда именно повитухи приняли половину всех родов. Зато в респектабельном Вест-Энде повитухи присутствовали только при 2 % родов. В то же время в деревнях благодаря повитухам появлялись на свет почти 90 % младенцев. Отсутствие медицинского образования у повитух компенсировалось обширным опытом. Тем не менее в медицинских кругах вставал вопрос о подготовке и лицензировании акушерок. Парадоксально, но подобным мерам противились как высокообразованные врачи, так и ранние феминистки. Первые опасались, что наплыв квалифицированных акушерок лишит их работы. Вторые — что необразованные повитухи не сдадут экзамены и лишатся своего единственного дохода. Так или иначе, но регистрацию повитух утвердили только в 1902 году.

Будучи наследницами не науки, а традиции, повитухи прибегали к специфическим методам родовспоможения. Чтобы роды проходили спокойнее, повивальные бабки с востока Англии угощали своих клиенток болеутоляющим пирогом. Муку для пирога смешивали с растертыми конопляными зернами, корнем ревеня и одуванчика, затем добавляли желтки, молоко и джин. Один кусок пирога давали роженице, другой — ее супругу, который страдал за компанию. (Интересно, что про беременных женщин в шутку говорили: «У них пирожок в духовке», а ребенка с задержкой в развитии называли «недопеченным».)

В Дареме помимо пирога для роженицы покупали так называемый «стонущий сыр» (Groaning Cheese), который можно было применять и в других целях. Например, девицы отрезали кусочек сыра и клали его под подушку, чтобы увидеть суженого во сне. В Оксфордшире повитухи прокалывали в середине сыра отверстие, надеясь таким образом облегчить роды. Но не пропадать же после этого остальной головке? Вплоть до крестин от серединки отрезали куски. Рано или поздно от головки сыра оставалась только высокобленная корка, и через нее в день крестин просовывали младенца.

Столь хитроумные способы помогали не всегда, и смертность рожениц оставалась высокой. В свою очередь, это нашло отражение в фольклоре. Высокой смертностью женщин при родах, вероятно, навеяна баллада «Красавица Мэри Уоллингтон» («Fair May of Wallington», номер 91). Когда из семи сестер пять скончались, не разродившись, две оставшиеся решили и вовсе не выходить замуж. Зачем идти на верную смерть? Но к одной из них, Мэри, уже посватался рыцарь из Уоллингтона. Судьба девушки решена. Она не смеет перечить матери, которая так и гонит несчастную под венец. Предчувствуя разрешение от бремени, а значит, и скорую кончину, Мэри отправляет к матери гонца, чтобы повидаться с ней в последний раз. Оставшейся сестре она передает свой наказ: никогда не выходить замуж, если та не хочет точно так же окончить свои дни. Мэри делают кесарево сечение, после чего она умирает. Узнав о ее смерти, младшая сестра категорически заявляет, что не родился еще тот мужчина, который возьмет ее в жены. Но мать прерывает ее речь. Она все равно заставит дочь выйти замуж, даже если после свадьбы той предстоит прожить меньше года.

К счастью, не все роды оканчивались чьей-то смертью. Но как только в сельском коттедже раздавался первый крик младенца, начинались новые хлопоты. В некоторых графствах до церковного крещения проводились дополнительные обряды, которые либо имитировали ритуал, либо должны были послужить охраной для младенца, прежде чем того окунут в купель. Так, в Камбрии голову ребенка ополаскивали ромом, а мать угощали местным деликатесом — ромовым маслом. В Шотландии новорожденного купали в соленой

воде и давали ему отведасть соли, считавшейся хорошим средством от сглаза. Младенцам из Уорикшира натирали рты смесью из масла, сахара и меда, чтобы их речь тоже стала медоточивой. Потом эти дети с успехом могли стать адвокатами, проповедниками или журналистами. А в Корнуолле малышей предпочитали не мыть хотя бы некоторое время, чтобы вместе с грязью они символически накапливали благополучие.

Приняв ребенка, повитуха торопилась улучшить его судьбу. Держа новорожденного на руках, нужно было подняться по лестнице. За неимением лестницы допускалось встать на какое-нибудь возвышение, хотя бы на стул. Это делалось для того, чтобы в жизни дитя двигалось только вверх. А вот спускаться с ним вниз нельзя было ни в коем случае, иначе карьеры ему никогда не сделать. Еще один важный запрет касался взвешивания ребенка. На столь привычный для нас вопрос о весе новорожденного суеверные саффолкцы покрутили бы пальцем у виска. Сразу же после родов младенца ни в коем случае не взвешивали, иначе он рано умрет.

Первым поцеловать малыша должен был человек с хорошим характером, ведь именно этот поцелуй повлияет на нрав крохи. Прежде чем лезть к чаду с поцелуями, вежливые люди спрашивали разрешения у матери. Наверняка случались и неловкие сцены, когда суеверная роженица изо всех сил старалась не допустить, чтобы первой ребенка чмокнула какая-нибудь тетюшка Пруденс, которую тихо ненавидит вся родня. В некоторых йоркширских семьях было принято давать новорожденного на руки девственнице, прежде чем к нему успела прикоснуться мать. Мальчику соприкосновение с девственницей внушало благородные помыслы, девочке — служило хорошим примером и воспитывало в ней скромность.

Хотя в центре внимания оказывались мать и малютка, в некоторых графствах не забывали и про папаш. После рождения первенца в Корнуолле сжигали шляпу гордого отца: то ли для обеспечения ребенку долгой жизни, то ли в знак того, что беспечные деньки для новоявленного родителя уже закончились.

По тому, в какой именно день и час родился ребенок, предсказывали его судьбу:

Дитя понедельника — ликом пригоже,
Рожденный во вторник — милостью Божьей,
Дитя среды — исполнено бед,
Дитя четверга — завоюет весь свет,
Рожденный в пятницу — добрый и щедрый,
Рожденный в субботу — от трудов бледный,
А коль в воскресенье родилось дитя —
Беспечно свой век проживет и шутя!

Майские дети считались болезненными и неудачливыми. Следует вспомнить, что, согласно легендам, именно в мае родился предатель Мордред, родной сын и убийца короля Артура.

Людей, родившихся во время восхода, валлийцы считали умными, а тех, кому не посчастливилось родиться на закате, — лентяями. Ребенок, родившийся ровно в полночь, особенно в Сочельник, будет обладать даром ясновидения. Подобные гадания предопределяют судьбу главного героя в романе Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфилд»:

«Начну рассказ о моей жизни с самого начала и скажу, что я родился в пятницу в двенадцать часов ночи (так мне сообщили, и я этому верю). Было отмечено, что мой первый крик совпал с первым ударом часов.

Принимая во внимание день и час моего рождения, сиделка моей матери и кое-какие умудренные опытом соседки, питавшие живейший интерес ко мне за много месяцев до нашего личного знакомства, объявили, во-первых, что мне предопределено испытать в жизни несчастья и, во-вторых, что мне дана привилегия видеть привидения и духов; по их мнению, все злосчастные младенцы мужского и женского пола, родившиеся в пятницу около полуночи, неизбежно получают оба эти дара».

Гадания не ограничивались днем и часом рождения малыша. Важно было и то, как ребенок выходит из материнской утробы, какой у него цвет глаз и волос. В Шотландии полагали, что если малыш родится ногами вперед, он будет обладать даром исцеления. Родственники внимательно наблюдали за тем, как малютка ведет себя в колыбели. Если отворачивается и не хочет смотреть в глаза, значит, вырастет лжецом. А чтобы проверить, насколько бережливым окажется будущий наследник, в ручку новорожденному совали серебряные монетки. Если ребенок стискивал монету, значит, будет разумно тратить деньги. Если давал ей выпасть — вырастет расточителем.

Внешности крохи придавали огромное значение. Многие родители на востоке Англии желали, чтобы у их отпрысков были карие глаза — признак благополучия. Но как исправить дефект, если дитя родилось голубоглазым? Даже в таких случаях матери не отчаивались и всего-навсего подвешивали в детской пучок ореховых прутьев. Если ребенок будет подолгу их рассматривать, то глаза потемнеют сами собой.

Самое ужасное случалось, если ребенок рождался рыжим. Какими только эпитетами не награждали бедняг! Называли их и коварными, и жестокими, а также развратными, невезучими и вообще не вызывающими доверия. В Средневековье рыжую шевелюру приписывали самым большим грешникам: Каину, Иуде и Марии Магдалине. Родословная рыжих попадала под подозрение: их называли потомками датчан или испанских моряков из Великой Армады. Иными словами, никто из англичан не хотел нести ответственность за рыжеволосых детей. Родился рыжий — значит, враги виноваты. Считалось также, что рыжие обильно потеют и воняют лисой. От их дыхания на коже других людей появляются волдыри. Причем доставалось не только детям, но и матерям. Якобы рыжеволосого ребенка можно зачать, вступив в половую связь во время менструации.

Особая удача выпадала на долю тех матерей, чьи дети «рождались в рубашке», т. е. с амниотической оболочкой на голове. Во-первых, если сохранить счастливую «рубашку», ребенка ждет удача. Во-вторых, ребенок никогда не утонет. Ну а в-третьих, на этой удаче можно заработать!

Обычай продавать «рубашку» упоминается в начале романа «Дэвид Копперфилд»: «Я родился в сорочке, и в газетах появилось объявление о ее продаже по дешевке — за пятнадцать гиней. Но либо в ту пору у моряков было мало денег, либо мало веры и они предпочитали пробковые пояса, — я не знаю; мне известно только, что поступило единственное предложение от некоего ходатая по делам, связанного с биржевыми маклерами, который предлагал два фунта наличными (намереваясь остальное возместить хересом), но дать больше, и тем самым предохранить себя от опасности утонуть, не пожелал».

Диккенс ничуть не преувеличивал — подобные сделки действительно заключались в XIX веке! Покупали «рубашку» как моряки, чтобы избежать кораблекрушений, так и юристы, поскольку «рубашка» наделяла любого человека даром убеждения. При необходимости рубашку можно было взять в долг, а после вернуть хозяевам. Именно так поступали родственники малыша из Норфолка, родившегося в 1891 году. Несколько раз его рубашку захватывали с собой друзья семьи, отправлявшиеся в плавание. Рубашка-путешественница побывала даже в Африке, куда ее увез солдат, воевавший в Англо-бурской войне. Во время Первой мировой она тоже не раз спасала жизни. В настоящее время чудесная рубашка хранится в Музее фольклора в Кембридже. Интересно, заимствуют ли ее хранители музея, если им предстоит серьезный разговор? Рубашку сберегали не всегда, но даже избавлялись от нее с выгодой. Повитухи в Кембриджшире бросали ее в огонь, а после сообщали матери, сколько раз рубашка трещала. Это число обозначало, сколько еще детей будет у роженицы.

Английский фольклор предписывал бережное обращение с молодыми матерями. Еще в шекспировские времена верили, что сквозняки губительны как для беременных, так и для рожениц. Подвергнуть женщину такой опасности было непростительным проступком. Отсюда и негодование Гермiony в «Зимней сказке» Шекспира, когда царственный супруг

велит ей предстать перед судом сразу после родов:

Всем женам всех сословий
После родов дают покой, — меня ж
Сюда влекут по холоду, когда
Я так слаба еще.

(Пер. П. Гнедича)

Тот факт, что ее вывели из покоев «по холоду» (в оригинале — «на открытый воздух»), особенно возмущает королеву. Интересно, что в XIX веке эти поверья продолжали влиять на повседневную жизнь матерей из разных классов. Англичанки из состоятельных семей некоторое время после родов (вплоть до месяца) проводили в постели. К ним относились как к тяжелобольным, даже поили бульончиком из особой чашки для лежачих пациентов. Окна в спальне наглухо закрывали, чтобы не допустить сквозняков. Среди английского крестьянства тоже сохранялось трепетное отношение к молодым матерям. К примеру, в Уорикшире четыре дня после родов женщину держали взаперти и на особой диете. Ее рацион составляла смесь из пива, овса, сахара и специй под названием «кодл». По традиции, за угощение отвечала супруга местного помещика, если таковая имелась в наличии.

Вполне вероятно, что столь бережное отношение к недавно родившим матерям диктовалось не только заботой об их здоровье, но и суеверной боязнью того, что в этот момент женщина «осквернена кровью». Согласно ветхозаветным установлениям, некоторое время после родов женщина считалась нечистой, и только по истечении ритуальных сроков она должна была пройти очищение в храме. Эта традиция сохранялась в Англии под названием *churching*. Молодым матерям уже не нужно было приносить «однолетнего агнца во всесожжение и молодого голубя или горлицу в жертву за грех». Требовалось всего лишь посетить церковь, где женщина становилась на колени, выслушивала слова священника и приносила благодарность Богу за разрешение от бремени. В XVI–XVII веках, когда церковным церемониям еще придавали большое значение, с этим обрядом было связано

множество предписаний и ограничений. Епископы настаивали на том, чтобы женщина приходила в церковь с покрытой головой. Изящная шляпка для такой okazji не годилась, волосы нужно было спрятать под платком. В противном случае священник мог отказать кокетке в проведении церемонии. Женщина, родившая вне брака, в те суровые годы не могла рассчитывать на обряд очищения, покуда не искупит свой проступок покаянием. Но в викторианскую эпоху интерес к ритуалу очищения пошел на спад. Зачастую к нему прибегали две категории женщин: суеверные особы, опасавшиеся сглаза, или жены и дочери англиканских священников, которым полагалось соблюдать все церковные обряды.

Следуя фольклорным предписаниям, перед очистительным обрядом женщина некоторое время не выходила на улицу, чтобы не гневить прохожих — встреча с «неочищенной» матерью грозила несчастьем. «Нечистое» состояние роженицы также привлекало к ней злые силы: фейри могли уволочь ее в качестве кормилицы для своего молодняка.

По мере того как дети подрастали, родители продолжали их оберегать. Проводя много времени подле колыбели, матери подмечали все, что происходило с малышом. Если маленький ребенок улыбался во сне, говорили, что он видит ангелов (как вариант — его целуют феи). По мнению умудренных опытом нянек, в первый месяц малютка видит во сне все грядущие события своей жизни. Поэтому матери старательно следили за выражением лица своего крохи. А ну как удастся отогнать дурные сны и тем самым обмануть судьбу?

Считалось, что если класть новорожденного на левый бок, он вырастет неуклюжим. Поэтому матушки и нянюшки приучали малышек спать на правом боку. Поскольку маленький ребенок постоянно нуждался в материнском присмотре, ее близости приписывали магические свойства. Например, мать якобы могла избавить ребенка от родимого пятна, если лизала пятно каждый день. С другой стороны, в Йоркшире верили, что веснушки на лице возникают от брызг материнского молока.

То, что мы сегодня посчитали бы закалкой, в XIX веке делали не только ради крепкого здоровья. Если родившегося зимой уорикширца валяли в снегу — значит, таким образом его хотели навсегда избавить от обморожений. А если валлийцы собирали дождевую воду и купали в ней малыша — так это для того, чтобы он начал говорить как можно раньше. Особую заботу проявляли о нравственности. До года детям не позволяли смотреться в зеркало, чтобы не выросли гордецами.

Маленьких детей старались не перехвалить: пускай матери и млели от счастья, слушая

похвалы щечкам и глазкам свои отпрысков, детей можно было запросто сглазить. Священнослужители тоже выступали против чрезмерной похвалы детей, но по иным причинам. Жестокую историю приводит собиратель шотландского фольклора Джеймс Напир: молодая шотландка не могла надышаться на своего первенца, а когда он внезапно скончался, так убивалась, что утешить ее пришли пастор и деревенский староста. Скорбящей матери сообщили, что она должна быть благодарна Богу за то, что тот устранил ее искушение — младенца, из-за которого она забыла о своем христианском долге. Нельзя уделять ребенку больше времени, чем ревнивому Богу. Впрочем, эта история скорее свидетельствует о противоположном: несмотря на проповеди священников и суровые предписания общества, матери старались ласкать детей хотя бы в младенчестве, пока жизнь не вынуждала их отдать своих малюток чужим людям — под присмотр, на обучение или в услужение.

Крещение

Говоря о крещении, необходимо разграничить церковный статус этого обряда и народные поверья. Посредством крещения маленький англичанин становился полноправным членом англиканской церкви. Крещение, как правило, проводили в следующее воскресенье после родов. Ребенка приносили в церковь, где священник окунал его в купель или, в случае слабого здоровья малыша, брызгал на него водой. Во время обряда у купели стояли крестные и в нужный момент отвечали на вопросы священника. Мальчику полагались два крестных отца и одна крестная мать, девочке — наоборот: две крестные матери и один крестный отец. Родители малыша не могли быть его крестными. Перед тем как окунуть ребенка в воду, священник просил крестных назвать имя младенца. Согласно уставу архиепископа Джона Пекхэма: «Священники не должны позволять, чтобы младенцев, особенно женского пола, нарекали вычурными, непотребными именами; в противном случае епископ во время конфирмации имеет право изменить ребенку имя». Другое дело, что архиепископ Пекхэм проживал в XIII веке, так что в XIX столетии его заветам уже не придавали особого значения.

Если поход в церковь угрожал здоровью ребенка, священник мог окрестить его на дому. В крайних случаях, когда младенец рождался слишком слабым и мог с минуты на минуту умереть, окрестить его могла мать или повитуха. Священникам советовали почаще напоминать своим прихожанам формулировку: «Крещу тебя во имя Отца, и Сына, и Святого Духа». Произнеся эти слова и побрызгав на ребенка водой, любой прихожанин выполнял функцию священника. Такое крещение считалось действительным, а если ребенок все-таки выживал, крестить его повторно уже не требовалось. Церковный устав всего-навсего оговаривал, чтобы воду, использованную для импровизированного крещения, затем вылили в огонь или отнесли в церковь. Несмотря на четко прописанные церковные правила, отношение к крещению «своими силами» было далеко не однозначным. В народе такой младенец считался окрещенным только наполовину. В случае смерти его похоронили бы на северной стороне кладбища, рядом с самоубийцами и некрещеными детьми. Именно такая ситуация описана в романе Томаса Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». Поскольку отец Тэсс не пускает пастора на порог, ей приходится самой окрестить свое внебрачное дитя, которое она нарекает подходящим именем «Горе». После смерти младенца Тэсс первым делом спрашивает священника, есть ли разница между ее домашним обрядом и церемонией в церкви. Как пишет Гарди: «Испытывая вполне естественное чувство профессионала, узнавшего, что работу, которую следовало бы исполнить ему, взяли на себя его неискусные клиенты, он склонен был ответить отрицательно». Но сострадание к девушке берет верх, и священник сообщает, что разницы между такими обрядами нет. После долгих уговоров он разрешает похоронить дитя на кладбище, но «в том жалком уголке божьего сада, где с божьего соизволения растет крапива и где хоронят всех некрещеных младенцев, известных пьяниц, самоубийц и других людей, чьи души обречены на гибель».

Хотя англиканская доктрина рассматривала крещение как принятие младенца в лоно церкви, народные поверья, сохраняя отголоски католицизма, связывали крещение со спасением души. Без крещения ребенка ожидали посмертные мучения. Души некрещеных детей не могли упокоиться, и тихими ночами слышались их завывания и горестный плач. Распространенным было поверье, что души некрещеных младенцев превращаются в блуждающие огоньки и заманивают путников в трясину.

Некрещеный ребенок — желанная добыча фейри, поэтому детей старались крестить как можно скорее. В некоторых деревнях, к примеру в Северной Шотландии, имя ребенка сохраняли в тайне до крещения, чтобы фейри не завладели малышом. Даже в церкви его опасались произносить вслух. Перед крещением имя писали на бумажке и отдавали ее пастору, который сам оглашал написанное во время обряда. Во многих графствах считалось несчастливym давать новорожденному имя умершего ребенка из той же семьи. Шотландцы пошли еще дальше и заподозрили в несчастьях фамилию. Если в шотландской семье дети умирали в младенчестве, следующего ребенка называли «дорожным» именем. Таковым служило имя первого человека, встреченного по пути на крестины. К примеру, предок семейства Мак-Рори из Петершира получил такое имя, когда его родители, сами прозывавшиеся Мак-Ларенами, попросили благословения у прохожего по имени Рори Мак-Ферсон. В результате имя прохожего стало фамилией ребенка.

В целом, случайные прохожие играли важную роль в традициях, связанных с крещением. В Шотландии бытовал обычай угощать первого прохожего, которого родители встречали по дороге в церковь. Ему вручали гостинец: мешочек с хлебом и сыром, иногда с пирогом или печеньем, а то и с серебряными деньгами. В свою очередь, прохожий благословлял малыша. В Корнуолле на церемонию захватывали пирог, прозванный «кимбли». Куском такого пирога угощали первого встречного, чтобы обеспечить ребенку здоровье и долгую жизнь.

Перед крещением младенца наряжали в длинную крестильную рубашку. В некоторых церквях хранились запасные, так что бедняки могли взять их напрокат. С самой церемонией тоже были связаны обычаи и поверья. Считалось добрым знаком, если во время обряда младенец громко плачет. Значит, его тело оставил дьявол. О детях, плачущих в купели, говорили, что они «отзываются на имя». А вот если младенец молчит, это не к добру. Многие верили, что после крещения болезненный ребенок должен непременно пойти на поправку, поскольку болезнь насыщается нечистой силой. В Абердиншире верили, что ребенок будет видеть призраков, если окрестить его после заката. В Девоне боялись проносить ребенка в церковь мимо вырытой могилы.

Целую россыпь суеверий можно было найти в Уэльсе. Валлийцы предпочитали не крестить детей после похорон или же в годовщину смерти их брата или сестрички. Плохим днем для крещения считалась пятница — у окрещенного в этот день были все шансы вырасти мошенником. Зато, если окрестить ребенка на Пасху или сразу же после чьей-то свадьбы, богатство и успех ему гарантированы.

Похищение ребенка фейри

Не только акту крещения, но и крестильной воде приписывались чудодейственные свойства. На западе Шотландии с помощью такой воды отгоняли ведьм или промывали ею глаза, чтобы никогда не видеть призраков. На Гебридских островах крестильная вода слыла отличным лекарством от лунатизма: нужно неожиданно вылить ее на голову лунатику, причем когда он бодрствует и ни о чем не подозревает. Тогда он перестанет бродить по ночам (а вот начнет ли заикаться — уже другой вопрос). Жители Гебридских островов советовали подмешать немного вина в воду перед крещением — в этом случае ребенку не будут досаждать комары.

Нередко в один день крестили несколько детей, как мальчиков, так и девочек. В Пертшире родители требовали, чтобы первым всегда крестили мальчика, а в Северной Шотландии мать удовлетворенно вздыхала, только если первой крестили девочку. Примечательно, что мотивация в обоих случаях была одинаковой: если окрестить детей в неправильном порядке, у мальчика никогда не отрастет борода. Зато она вырастет у девочки! Так что родители строго следили за церемониалом. Кому хочется водить дочь к цирюльнику?

В подарок окрещенный ребенок получал серебряную ложку, которую потом берегли всю жизнь. Такие ложки назывались «апостольскими», потому что на черенке был изображен один из апостолов. Щедрые крестные дарили сразу двенадцать ложек — по числу апостолов. Другим подарком на крестины издавна служил коралл, оберегавший дитя от дурного глаза. Его могли повесить на шею или приделать к ручке погремушки. Помимо оберегов на крестины дарили детскую одежду и подушечки для булавок, обильно украшенные кружевами и с сентиментальными надписями, вроде: «Добро пожаловать, маленький незнакомец!» или «Храни тебя Господь от всех напастей!». Надписи не вышивали, а выкладывали на подушечке, втыкая в нее булавки. Ни подушечкой, ни булавками никогда не пользовались, но хранили исключительно в качестве сувенира.

Подменыши

Новорожденный ребенок был наиболее уязвим для нечистой силы. Его могли сглазить

местные ведьмы или, того хуже, он мог сделаться добычей волшебных существ. Фейри только и ждали возможности украсть младенца, а вместо него подложить в люльку своего подменыша. Человеческих детей похищали по разным причинам. Кто-то утверждал, что фейри забирают только миловидных малышей, золотоволосых и голубоглазых, чтобы тем самым улучшить свою породу (сами фейри якобы смуглые и неприглядные). Другие считали, что фейри платят дань Сатане и отдают ему человеческих детей, жалея своих собственных. Существовал, наконец, и более прозаичный мотив — дети нужны фейри в качестве слуг.

Матери и знахарки не жалели сил, чтобы не допустить вторжения фейри. В некоторых графствах ребенка сразу после рождения пеленали в старую одежду, иногда в одежду противоположного пола. Считалось, что тогда мальчик будет пользоваться успехом у девочек, и наоборот. Кроме того, таким образом родители надеялись сбить с толку фейри. Другим средством от фейри была серебряная брошка, приколотая к распашонке, а также мешочек с солью или косичка из материнских волос. Кровать, на которой спали мать с младенцем, ставили в центре комнаты и три раза обмахивали Библией, заклиная всех нечистых духов убраться подобру-поздорову. На полу возле кровати рисовали крест, а в изножье клали... мужнино нижнее белье. Возможно, английские эльфы настолько чопорны, что смутились бы при виде портков. Если матери требовалось отлучиться, а других взрослых в доме не было, жители острова Мэн оставляли под колыбелью перекрещенные щипцы для угля или кочергу — железо отпугнет фейри.

Безалаберных родителей, пренебрегающих этими предосторожностями, ожидала беда. Английский фольклор изобилует упоминаниями о подменышах, которых фейри оставляют вместо похищенных детей. Иногда это был деревянный чурбан, которому с помощью магии придали форму младенца. Гораздо чаще подменыш был живым существом, пускай и не человеческого происхождения. Им мог оказаться как младенец-фейри, так и престарелый эльф, которому соплеменники постарались обеспечить достойную старость. Будучи стариком, подменыш не развивался, как обычный ребенок, но сидел сиднем и беспрестанно кланчил еду. В сказках упоминаются его сморщенное лицо, иссохшее тело и тонкие, как прутики, ножки. В крестьянском хозяйстве, где трудились все, от мала до велика, появление тунеядца грозило разорением. Поэтому с подменышами не церемонились. Считалось, что посредством жестокого обращения с подменным можно вынудить фейри забрать

нахлебника и вернуть украденное дитя. В ход шли любые средства: их окунали в ледяную воду, прижигали раскаленной кочергой, совали в печь, секли крапивой, швыряли на навозную кучу. Впрочем, использовали и более щадящие способы. Подменыша можно было обхитрить, заставив его выдать свой настоящий возраст. В сказках распространен следующий сюжет: мать собирает яичную скорлупу и бросает ее в котелок с кипящей водой (как вариант — раскладывает скорлупу вокруг очага и наливает в нее воду). Пока она помешивает странное варево, подменыша снедает любопытство. Наконец из колыбели раздается голосок: «Матушка, что ты делаешь?» — «Варю пиво из яичной скорлупы», — отвечает женщина. Тут уж фейри не может сдержать удивленный возглас: «Сотни лет живу я на свете, а ни разу не видывал пива из яичной скорлупы!» Проболтавшись, подменыш исчезает, а вместо него в колыбели появляется украденный младенец.

В Англии XIX века поверья о подменышах нередко определяли отношение родителей к их отпрыскам, отличавшимся по тем или иным причинам от других детей. Методы борьбы с подменышами встречались не только в сказках, но, к сожалению, и в повседневной жизни. Время от времени в газетах появлялись заметки о жестоком обращении с детьми-инвалидами, которых посчитали подменышами. В 1826 году ирландка Энн Рош утопила четырехлетнего Майкла, который не мог двигаться и разговаривать. Бабушка мальчика велела Энн трижды окунуть его в реку, чтобы заставить фейри вернуть «настоящего» ребенка. В июле 1843 года Джона Тревелияна из Пензанса (Корнуолл) обвинили в издевательствах над сыном. Пятнадцатимесячного малыша морили голодом и избивали, а в Сочельник вынесли на мороз на два с половиной часа. Как объяснили родители, ребенка считали подменным, так что и обращались с ним в соответствии с фольклорными предписаниями. Дело закрыли за недостатком улик. Два года спустя в глостерширской деревушке Уик маленькую девочку посадили в корзину с щепками и держали над огнем, пока щепки не вспыхнули. Подобные случаи были не редкостью и во второй половине столетия. В 1884 году две жительницы ирландского городка Клонмел дождались, пока их соседка выйдет из дома, чтобы провести обряд изгнания подменыша над ее сыном. У трехлетнего Филиппа Диллона были парализованы конечности, но женщины сочли его волшебным самозванцем. Чтобы вернуть настоящее дитя, они положили раздетого малыша на раскаленную лопату. В результате мальчик получил обширные ожоги, а обе «благотельницы» пошли под суд.

В сказке Редьярда Киплинга Пак, представитель «маленького народца», заявляет: «...Все эти байки о подменышах распускают люди, чтобы оправдать свою жестокость. Не верьте им. Будь моя воля, я привязал бы таких родителей к телеге и гнал плетью через три деревни». Действительно, фейри в фольклоре порой оказываются милосерднее людей. Даже

явившись за младенцем, они могут преподнести родителям приятный сюрприз. Так, шотландский клан Мак-Лаудов обладал интереснейшим артефактом — знаменем фейри. По легенде, в XIV веке Мак-Лауды праздновали рождение наследника у вождя клана. Пока взрослые пировали, младенец остался без присмотра и расплакался. На счастье, мимо колыбели проходили фейри и, сжалившись, завернули маленького Мак-Лауда в свое знамя. Волшебное знамя, согласно поверьям, даровало клану победу в битвах. Оно до сих пор хранится в Данвегане, родовом замке Мак-Лаудов на острове Скай. Поговаривают, что шелк был соткан в Сирии или на Родосе, так что вполне вероятно, что знамя попало в Шотландию во время Крестовых походов. С другой стороны, для фейри нет ничего невозможного. Что им стоит добыть роскошную ткань?

Чем пугали детей

Когда ребятишки становились постарше, наступало время сказок и страшных историй. Фольклористы выделяют особую категорию волшебных существ, которыми пугали исключительно маленьких детей. Целью подобных «страшилок» было добиться от малышей хорошего поведения, а также предотвратить такие проступки, как сквернословие, воровство, купание в неположенном месте и т. д. В реке Тис, что на севере Англии, обитала водяная старуха Пэг Паулер (или Разбойница Пэг), утаскивающая под воду непослушных ребятишек. Предпочитала она тех детей, которые купаются по воскресеньям, вместо того чтобы изучать Библию в воскресной школе. Ее родственницами были Длиннорукая Нэлл и Дженни Зеленые Зубы, топившие непосед в других графствах. Среди «узких специалистов» были духи, сторожившие сады от маленьких грабителей. В Хэмпшире и Сомерсете воришек отпугивал Ленивый Лоуренс: он оборачивался жеребенком и гонял бедолаг по саду. Его коллега, Пэг-из-Пахты, стерегла недозрелые орехи в Западном Йоркшире. В свободное от работы время она прогуливалась возле орешников и попыхивала трубкой.

Кроме того, встречались специалисты «широкого профиля». Чтобы попасть на зубок к этим существам, не обязательно было провиниться в чем-то конкретном. Они интересовались любыми непослушными детьми. В Дареме проказников уносила ведьма по прозвищу Зубы-как-Борона. Зубы у нее и вправду были железными и очень острыми. Ведьма подвывала из-за двери: «Принесите их сюда! Уж я накормлю их пеплом и скисшим молоком!» Ланкаширская и йоркширская детвора трепетала при одной мысли о чудовище Кровавые Кости. Оно ютилось в чуланах под лестницей. Храбрецы уверяли, что если заглянуть в щелку, можно разглядеть чудище с окровавленной мордой. Скрючившись, оно сидит на гряде обглоданных костей, оставшихся от врунишек и шалунов.

Зато следующее существо не только пугало малышей, но и досаждало взрослым. Даже лорд-мэр Лондона крепко призадумался, пытаясь выяснить, что же представляет из себя диковинная тварь. Речь идет об одной из неразгаданных тайн викторианской эпохи — так называемом Джеке-на-Пружинах, или Джеке-Прыгуне. Слухи о нем пронесли по Лондону и окрестностям зимой 1837/1838 года. В начале января 1838 года лорд-мэр Лондона получил анонимное послание от некоего жителя Пекхэма. Послание сообщало о пари между аристократами. Один из них вознамерился пугать народ, переодеваясь то призраком, то чертом, а то и медведем. Таким манером он уже напугал несколько дам до потери сознания, и возмущенный аноним требовал изловить негодяя. Хотя поначалу мэр скептически отнесся к слухам о переодетом злодее, но все же пообещал принять меры и передал дело полиции. Между тем паника нарастала. Отовсюду поступали подробные описания злодея. По словам свидетелей, он был одет в стальные доспехи или облегающий костюм и перчатки с металлическими когтями, а за спиной у него развевался черный плащ. Наибольший интерес вызывали его странные сапоги с пружинами на подошвах. Благодаря этим пружинам злодей, прозванный Джеком-Прыгуном, перемахивал через стены и взлетал на крыши. Его излюбленной забавой было выпрыгнуть из ниоткуда перед экипажем, так чтобы лошади взвились на дыбы, а кучер получил увечья. Пострадавшие описывали его дьявольские черты лица и странный шлем с рогами, а две девушки, на которых напал Джек, твердили, что он изрыгал синее пламя. Многие считали его не переодетым шутником, а самим Сатаной.

Понемногу страхи лондонцев рассеялись, но вплоть до начала XX века свидетельства о встречах с Джеком-Прыгуном поступали из других графств. Считается, что в последний раз его видели в Ливерпуле в 1904 году. Зловещая популярность Джека привела к тому, что в 1840-х о нем появилось две пьесы и целая серия дешевых «ужастиков» — так называемых penny-dreadfuls. Родители использовали истории о Джеке в своих целях. Загадочный попрыгунчик примкнул к чудовищам, которые прививали маленьким англичанам хорошие манеры. Даже в 1890-х годах сассекские ребятишки по-прежнему боялись Джека. На своих мощных пружинах он мог допрыгнуть до самого высокого окна и в два счета разглядеть шалунов, а уж потом разделаться с ними по своему усмотрению.

Со всех сторон окруженные чудовищами, на ночь дети читали особую молитву, чтобы злые силы не явились за ними во сне:

Марк, Лука, Матфей и Джон!
Благословите кровать и мой сон!
Все угла ее четыре,
Чтобы я проснулся в мире!

Зато послушные детки верили, что их хорошее поведение благословят не только евангелисты, но и лунная фея, которая принесет свои «небесные» подарки:

Луна на небе светит
И звезды в вышине!
И крошка Нэнни Баттонкап.

Предстанет завтра мне.

Стишок интересен тем, что, по мнению исследователей фольклора, под Nanny Buttoncar изначально подразумевалась Нанна, супруга Бальдра и скандинавская богиня зари. Со временем она превратилась в лунную фею, которая награждает хороших детей.

Детская смертность и ее причины

Даже в конце XIX века детская смертность в Англии оставалась очень высокой: из 1000 родившихся 153 ребенка умирали, не дожив до одного года. По большей части эти смерти являлись следствием плохого или неправильного ухода за детьми. Стоит изучить подробнее, как в малоимущих семьях заботились о младенцах, и начинаешь удивляться их живучести. Как, ну как они выживали в таких ужасающих условиях?

Если у матери не хватало своего молока, младенца вскармливали коровьим, зачастую некачественным. Хорошо, если оно было просто разбавлено водой! Учитывая, что коров держали прямо в городе, в загаженных загонах, в молоке попадалось все, что угодно. Нужно ли упоминать, что перед тем, как налить его в бутылочку, молоко не кипятили? Контейнеры для молока — это отдельный разговор. В ход шли любые бутылки, которые редко ополаскивали из-за отсутствия водопровода. В середине 1850-х годов в употребление вошли резиновые соски, но бедняки по-прежнему затыкали бутылочки тряпьем. В жаркую погоду пропитанные молоком тряпки служили идеальной средой для размножения бактерий.

Детская смесь появилась в продаже в 1867 году, но была не по карману рабочему классу. Для простых людей кормление грудью являлось единственным способом сохранять детское здоровье. Распространенная примета гласила, что, если мать надолго оставит новорожденного, каждый раз, как он заплачет, у нее будет болеть грудь. Хотя бы из-за таких суеверий матери старались по мере возможности быть рядом со своими детьми. Сразу после отлучения от груди малышей начинали кормить едой со взрослого стола: хлебом, сыром, жареным луком, даже пива могли налить. Некоторые матери готовили подобие детской смеси из муки, овса и крахмала. На севере Англии существовала особая «народная» смесь для отлучения ребенка от груди. Ее называли «побби». В состав входили размоченный хлеб, молоко и сахар или патока.

Чтобы утихомирить малышей, их опаивали настойкой опия или же заворачивали для них маковые зернышки в тряпицу и давали пососать. Особой популярностью мак пользовался на востоке Англии. Про местных жителей поговаривали, что они отстают в развитии потому, что с младых ногтей до одури напиваются маковой настойкой.

Работающие матери не получали декретного отпуска. Малышей они оставляли со старшими детьми, бабушками, тетушками, а за неимением родни отдавали за небольшую плату на так называемые «фермы младенцев».

Туда же принимали незаконнорожденных детей и сирот, с тем чтобы впоследствии «передать их достойным воспитателям». Стоимость подобной сделки варьировалась в пределах от 4 до 30 фунтов.

На «детской ферме», где от дурного обращения умирало «восемь детей из десяти», начал свой жизненный путь знаменитый Оливер Твист. Современники Диккенса ужасались порядкам, описанным в его романе, однако улучшения в жизни воспитанников таких «ферм» происходили медленно. Воспитатели не просто ограничивали детей во всем, присваивая сэкономленные деньги, но часто убивали малышей вполне сознательно, при этом продолжая писать родителям, что ребенок жив-здоров, и требуя средств на его содержание.

В 1869 году сержант лондонской полиции Ричард Рэлф приступил к расследованию 16 случаев обнаружения мертвых младенцев в районе Брикстон. Ключом к раскрытию преступления послужило заявление об исчезновении маленького Джона Коуэна. Его мать, семнадцатилетняя Жанетт Коуэн, была изнасилована мужем своей подруги. Когда она родила сына, ее отец без согласия Жанетт отдал малыша на усыновление некой даме, представившейся ему как «миссис Оливьер». Именно эта дама попала под подозрения сержанта Рэлфа. Она меняла имена, но Рэлф, сам будучи отцом нескольких детей, преисполнился решимости разыскать мошенницу. Через газетные объявления он выследил «миссис Оливьер» и встретился с ней на вокзале якобы для того, чтобы отдать собственного сына. По «легенде» Рэлф и его подружка были слишком бедны, чтобы пожениться, но у них уже родился мальчик, и они хотели подыскать для него приемных родителей. Дама пообещала, что передаст крошку добрым людям, которые станут растить его, как «маленького джентльмена». Назначила плату. Отец Жанетт Коуэн наблюдал за происходящим из тени, но женщину так и не опознал (как выяснилось впоследствии,

напарницей детоубийцы была ее сестра). Тем не менее Рэлф проследил ее путь до небольшого домика с грязными окнами в Брикстоне. В доме проживала вдова Маргарет Уотерс и ее сестра Сара Эллис. На следующий день Рэлф явился к ним с полицией, требуя предъявить Джона Коуэна. Когда полиция вошла на «ферму», то обнаружила там полную комнату слабых, больных и истощенных детей. Хозяйка утверждала, что тратит на их содержание достаточные средства, но служанка показала, что рацион детей порой ограничивался смесью извести (!) и воды. К сожалению, спасти Джона Коуэна не удалось, а вместе с ним вскоре скончались еще четверо малышей.

Маргарет Уотерс и Сару Эллис арестовали и отдали под суд. Миссис Уотерс приговорили к повешению, ее сестру — к 18 месяцам каторжных работ, так как против нее выдвинули обвинение только в финансовом мошенничестве. «Таймс» широко разрекламировала этот судебный процесс, а за несколько дней до исполнения приговора опубликовала интервью с Маргарет. В нем детоубийца выставляла себя жертвой системы. Овдовев, миссис Уотерс попыталась открыть швейную мастерскую, но прогорела. Помыкавшись по Лондону, она начала давать газетные объявления, что возьмет на воспитание новорожденных детей. Деловой хваткой у миссис Уотерс не обладала, значительного дохода новое предприятие не приносило, и «фермерша» все глубже увязала в долгах. Младенцев, скончавшихся от «естественных причин» — судорог и «грубого питания», не предназначенного для нежных желудков, ей не на что было хоронить. Она заворачивала их останки в бумагу и оставляла на улице, где тела потом находили прохожие. Иногда она поступала иначе: останавливала играющих детей и просила их подержать младенца, пока она, уставшая от ходьбы, передохнет. В награду она давала им несколько пенсов, чтобы купили себе что-нибудь в лавке. Когда ребенок с младенцем на руках заходил в лавку, она убегала, а «найденшей» потом отправляли в работный дом. Так что к их смерти она уже никак не была бы причастна.

По словам Маргарет, менять имя и место жительства ее якобы заставило преследование ростовщиков, и только крайняя нужда не позволяла хоронить малюток как полагается. Впрочем, не все газеты соглашались с «Таймс». Журналисты заклеили ее имя позором и призывали общество прекратить существование детских ферм, по сути являющихся, как и аборт, видом детоубийства. Оснований для такой оценки имелось куда больше. Многие клиенты Уотерс оказались людьми состоятельными. Неужели они были так наивны, что верили обещаниям Маргарет? Или же их вполне устраивало, что незаконнорожденные дети пропадут бесследно и не смогут претендовать на то, чтобы родители признали их спустя много лет?

Приговор Маргарет Уотерс был приведен в исполнение 11 октября 1870 года. Только в 1889 году британский парламент принял Закон о защите детей до четырнадцати лет от жестокого обращения. Конечно, можно было бы посчитать дело миссис Уотерс исключением, а ее поведение оправдать дурной наследственностью (ее отец скончался в сумасшедшем доме), но этот случай не единственный.

Не менее печальные сюжеты об убийстве нежеланных детей сохранились в английских балладах. Так, в балладе «Жестокая мать» («Cruel Mother», номер 20) девица внезапно узнает о беременности. Чтобы скрыть позор, она уходит в лес и садится под деревом, прислонясь к нему спиной. Родив двойню, она убивает младенцев и, как ни в чем не бывало, возвращается в отцовский замок. Через некоторое время на глаза ей попадаются двое прелестных малышей. Умилившись, она говорит: «Если бы вы были моими, я бы одела вас в шелка!» На это дети отвечают, что когда они были ее, то не видели от нее добра. Возможно, маленькие призраки — это порождение нечистой совести, знак того, что женщина раскаивается в своем злодеянии. В одном из вариантов баллады преступница спрашивает, какая кара ее ожидает. Дети отвечают, что семь лет она будет летать птицей в лесах, еще семь — плавать рыбой в море, еще семь — болтаться колоколом на колокольне и последние семь — служить привратником в аду. Жестокая мать готова принять любые наказания, но перспектива оказаться в аду ее ужасает.

Другая баллада о детоубийстве называется «Девица и пилигрим» («The Maid and the Palmer», номер 21). Красавица-девица приходит стирать к колодцу. Там она встречает пилигрима, который просит у нее воды. У девушки нет с собой чаши, чтобы зачерпнуть воду, о чем она и сообщает пилигриму. Настырный паломник заявляет, что для своего любовника она бы точно отыскала чашу. Любовник? У нее? Девица клянется всеми святыми, что у нее отродясь не было любовника. «Ты лжешь, — спокойно продолжает паломник. — У тебя даже было девять детей». Он перечисляет, где зарыты убитые дети: кто у изголовья кровати, кто на лугу. В сумме как раз и выходит девять. Раскаившаяся грешница просит его о наказании. Ее ожидают кары, похожие на воздаяние из предыдущей баллады. Вытерпев эти муки, она сможет вновь вернуться домой.

Баллада «Мэри Гамильтон» («Mary Hamilton», номер 173В) начинается с того, что девушку отправляют поучиться премудрости при королевском дворе. Вскоре она беременеет от короля и тайком избавляется от ребенка: сажает его в бочку и бросает в море. Остальные фрейлины успевают услышать детский плач, о чем и доносят королеве. Та подступает к девушке с расспросами. Узнав правду, государыня приглашает Мэри поехать вместе с ней в Эдинбург, якобы на свадьбу. Мэри догадывается, что это всего лишь предлог, но тем не менее надевает свои золотые украшения вместо траурного платья. Сверкая ими, она едет по улицам города. Когда женщины начинают ее оплакивать, она просит их не скорбеть по ней, потому что она заслужила смерть за убийство ребенка. Тем не менее Мэри далека от смирения. Королеве она говорит, что еще вчера омывала ей ноги и стелила постель, а сегодня получила петлю в качестве награды. Когда Мэри уже стоит на виселице, появляется отец ее ребенка — король. Он привез фрейлине помилование. Однако Мэри заявляет, что если бы он и в правду хотел спасти ей жизнь, то не позорил бы ее так. Разумеется, девушка будет повешена. Некоторые исследовали, в том числе и сам Фрэнсис Чайлд, считают, что эта баллада основана на реальных событиях. В частности, ее связывают с королевой Марией

Стюарт, которая отправилась во Францию с четырьмя фрейлинами, носившими имя Мэри. Другое дело, что фамилии у них были Сетон, Битон, Флеминг и Ливингстон. Мэри Гамильтон среди камеристок не значилась. Более того, слово «Мэри» (иногда пишется со строчной буквы — *mary*) служило условным обозначением камеристки. Еще более оригинальная версия называет прототипом героини Марию Гамильтон, любовницу Петра Первого. Родив от царского денщика Ивана Орлова, Мария Гамильтон утопила своего ребенка, за что и была казнена. Эту версию всерьез рассматривал Фрэнсис Чайлд, полагая, что история о царской любовнице могла попасть в Шотландию, где ей придали национальный колорит (в балладе Мэри вешают, а не отрубают ей голову, как Марии Гамильтон). Однако саму балладу датируют XVI веком, так что вряд ли трагедия, произошедшая с любовницей царя Петра, действительно на нее повлияла. Тем не менее совпадение весьма интересное.

Не менее красноречивы истории о привидениях, показывающие, что не только грудные младенцы, но и дети постарше гибли от пренебрежения взрослых.

Пожалуй, одним из самых несчастных английских призраков считается Мальчик из Гилсленда, которого можно встретить в одноименной деревне возле вала Адриана. Хотя легенда о нем касается более ранних времен, упоминания об этом приведении берут свое начало в XIX веке. Призрак может подойти к прохожему, идущему вдоль вала, и взять его за руку. А когда прохожий, пожившись от ледяного прикосновения, опустит глаза, то никого не увидит. Впрочем, свидетели все же описывали маленького мальчика, который дрожит от холода и протягивает руку, словно прося еды. Много веков назад юного наследника замка взял на прогулку дядюшка-злодей и бросил посреди обледенелой пустоши. Через несколько дней крестьяне нашли окоченевший труп ребенка. Мальчик замерз насмерть, пытаясь укрыться за валуном. С тех самых пор его призрак преследовал потомков убийцы. Когда одному из них случалось захворать, рядом с постелью появлялся призрачный ребенок и, если болезнь была смертельной, клал на больного руку, бормоча: «Холодно, холодно, ах, как мне холодно! Но и ты замерзнешь навечно».

Не менее жуткая история произошла в поместье Бишэм Эбби в Беркшире. В восточном крыле поместья бродит призрак леди Элизабет Хоби, которая и по сей день оплакивает своего погибшего сына Уильяма. Элизабет, дружившая со своей тезкой Елизаветой Первой, в совершенстве знала латынь и греческий. Амбициозная мать хотела, чтобы ее дети тоже достигли успеха в науках. К сожалению, младший сын учился из рук вон плохо. Когда он в который раз наделал ошибок в домашнем задании, мать высекла его и заперла в чулане, сказав, что не выпустит, покуда он все не переписшет. В тот же день к ней прискакал гонец от королевы, срочно требовавшей ее во дворец. Впопыхах леди Элизабет забыла про запертого Уильяма, а когда вернулась домой, мальчик уже умер от голода в чулане. До конца своих дней леди Элизабет не могла забыть тот жестокий поступок, и даже после смерти она продолжает рыдать в коридорах поместья. А в 1840 году, во время ремонта, под старыми половицами нашли листы бумаги с именем «Уильям Хоби». Листы были сплошь исписаны неряшливым детским почерком, но в некоторых местах чернила были размыты (вероятно, от слез). Впрочем, скептики утверждают, что леди Элизабет не имела сына с таким именем и все это вымысел.

Изобилие призраков, в том числе и малолетних, можно найти в Йорке. Гиды рассказывают, что в начале XIX века в районе Бэдэрн находился приют, где творились темные делишки. Насколько темные — о том есть различные версии. По одной из них, наставник-пропойца попросту заморил голодом нескольких ребятишек, а вот по другой, он был настоящим маньяком. От голода и холода его подопечные умирали десятками, но директор ленился их хоронить. Чтобы не тратить усилий понапрасну, он складывал тела в шкаф. Далее эта версия тоже разветвляется. То ли директор засунул в шкаф еще живого мальчишку, который поднял крик, обнаружив там мертвых товарищей, то ли крики почудились директору, ведь шкаф, битком набитый трупами, расшатывает нервы. В любом случае, директор схватил нож и перерезал всех оставшихся детей. Духи убитых оборвышей задержались в этом районе: иногда до прохожих доносится их плач, а иногда смех. Призрак маленькой девочки обитает в Йорке по адресу Стоунгейт, 41. Эта девочка родилась уже в викторианскую эпоху. Однажды родители устраивали прием и совсем забыли про дочку. Ей же очень хотелось посмотреть, как веселятся взрослые. Девочка перевесилась через перила на лестнице, но потеряла равновесие, упала и разбилась. Время от времени ее призрак скрипит ступенями, а иногда сидит на магазинной стойке (сейчас в доме находится магазин) и болтает ногами.

Истории со счастливым исходом хоть и редки, но все же встречаются в английском фольклоре. В Девоне рассказывали о графине Изабелле, которая как-то раз во время прогулки повстречала крестьянина, тащившего большую корзину. Проницательная графиня заметила, что в корзине что-то попискивает и шевелится. На все расспросы крестьянин отвечал, что несет топить щенков. Но графиня не отставала, и тогда мужчина нехотя признался, что его жена родила сразу семерых сыновей. Прокормить такую ораву бедняге было не под силу, вот он и решил разделаться со всеми разом. Жалостливая дама усыновила малюток, которые потом унаследовали ее состояние.

Детский труд

Не секрет, что в XIX веке детям приходилось трудиться наравне со взрослыми. Дети постарше могли, к примеру, устроиться на фабрику или пойти в услужение. Кроме того, женщины и дети работали в шахтах по двенадцать и более часов в день. В некоторых шахтах

от них требовалось поднимать на поверхность корзины с углем, в других — ползти на четвереньках и тянуть за собой груженую вагонетку, которая крепилась к талии с помощью цепи. Дети тянули вагонетки наравне со взрослыми или же открывали затвор дверей, чтобы вагонетки могли проехать. Сара Гудер, восьмилетняя девочка, открывавшая дверь вагонеткам, так описывала свою работу: «Я не устаю, но там, где я сижу, нет света, и мне страшно. Если рядом есть свет, иногда я пою, но только не в темноте. Тогда я не смею петь. Мне не нравится в шахте».

В 1833 году были определены часы работы для несовершеннолетних шахтеров: дети младше 13 лет не могли работать больше 8 часов в день, подростки до 18 лет — только 12 часов в день. Детям запретили работать по ночам. Вместе с тем законодательные препоны можно было обойти: родители прибавляли своим отпрыскам пару лет, чтобы те работали дольше, а значит, и зарабатывали больше. После 1842 года женщины и девочки трудились только на поверхности, занимаясь в основном сортировкой угля.

А лондонские трущобы? Чем только ни приходилось заниматься тамошним детям! Они стояли с метлами на перекрестках, чтобы очистить проходимую дорогу от слякоти, и рылись по берегам Темзы, собирая гвозди, кусочки угля и обрывки веревки, словом, все то, что можно было продать старьевщику.

Но самая известная детская профессия XIX века — это, конечно, трубочист. Чтобы каминные трубы работали исправно, не дымили, трубы приходилось время от времени чистить. Трубы были узкими, так что для их чистки требовалось или специальное оборудование, или же очень худенькие работники маленького роста. Дети, иными словами. А поскольку дети стоили дешевле новых технологий, англичане предпочитали использовать именно их.

В подмастерья к трубочистам отдавали мальчиков-сирот в возрасте от четырех лет — чем младше, тем лучше. Сиротские приюты таким образом «обеспечивали будущее» своим воспитанникам, и вполне законным было принуждать к этой работе бродяжек. Хозяин маленького подмастерья обязывался одевать его, кормить и обучать мастерству. Теоретически подмастерье мог дослужиться до помощника трубочиста, но большинство мальчишек, когда их рост уже не позволял лезть в трубы, вынуждены были искать другую

работу. Некоторые гибли в юном возрасте, ведь такому заработку сопутствовал серьезный риск. Работа заключалась в том, чтобы залезть в трубу и почистить ее изнутри скребком или щеткой. На первых порах дети боялись лезть вверх по трубе, вдруг застрянешь. Поэтому обычной практикой считалось зажечь немного соломы в камине, чтобы вынудить трубочиста двигаться вверх. Отсюда и происходит английское выражение «развести под кем-то огонь» (to light a fire under somebody) в смысле: «заставить кого-то работать быстрее». У трубочистов не было защитной одежды или респираторов. Порою дети застревали, срывались вниз или задыхались от пыли прямо в трубе. Кормили их плохо, ведь чем тоньше подмастерье, тем он полезнее. Мальчишки редко мылись (воду для них никто разогревать не станет), поэтому год за годом на их телах накапливались слои сажи. Постоянное соприкосновение кожи и копоты приводило к серьезным заболеваниям, в том числе онкологическим. Мало кого заботило физическое состояние трубочистов, а вот за их духовным развитием строго следили. Согласно лондонским законам, подмастерья трубочистов могли работать лишь 6 дней в неделю. В воскресенье мальчики должны были посещать воскресную школу для изучения Библии, ибо только так они могли спасти свои души. Можно представить, что чувствовали дети, никогда не знавшие милосердия, сталкиваясь с подобным лицемерием. С другой стороны, религия давала им утешение и прогоняла одиночество. Это двоякое чувство отражено в стихотворении Уильяма Блейка «Маленький трубочист»:

Был я крошкой, когда умерла моя мать.
И отец меня продал, едва лепетать
Стал мой детский язык. Я невзгоды терплю,
Ваши трубы я чищу, и в саже я сплю.

Стригли давеча кудри у нас новичку,
Белокурую живо обстригли башку.
Я сказал ему: — Полно! Не трать своих слез.
Сажа, братец, не любит курчавых волос!

Том забылся, утих и, уйдя на покой,
В ту же самую ночь сон увидел такой:
Будто мы, трубочисты — Дик, Чарли и Джим, —
В черных гробиках тесных, свернувшись, лежим.

Но явился к нам ангел, — рассказывал Том, —
Наши гробики отпер блестящим ключом,
И стремглав по лугам мы помчались к реке,
Смыли сажу и грелись в горячем песке.
Нагишом, налегке, без тяжелых мешков,
Мы взобрались, смеясь, на гряды облаков.
И смеющийся ангел сказал ему: «Том,
Будь хорошим — и Бог тебе будет отцом!»

В это утро мы шли на работу впотьмах,
Каждый с черным мешком и метлою в руках.
Утро было холодным, но Том не продрог.
Тот, кто честен и прям, не боится тревог.

(Пер С. Маршака)

В оригинале этого стихотворения можно увидеть немаловажную игру слов: трубочисты ходили по улицам и кричали «Sweep!»

рекламируя свои услуги. В детских устах слово «sweep» — «чистить», звучало, как «weep» — «плакать».

В 1803 году сформировали Общество по замене детей-трубочистов, целью которого было найти оборудование, способное чистить трубы без применения детского труда. Такие щетки изобрели еще в XVIII веке, в 1828 году их улучшил Джозеф Гласс. Но использовать детей все равно было дешевле. Только в 1840 году парламент запретил забираться в трубы лицам до 21 года, а в 1864 году штраф за эксплуатацию малолетних трубочистов повысили до 10 фунтов. Новая мера получила как юридическую, так и общественную поддержку. Эксплуатирование маленьких трубочистов прекратилось.

Для лондонских девочек популярным родом деятельности была торговля водяным крессом. Это растение из семейства капустных издавна шло в пищу как зеленый овощ.

Водяной кресс можно было собирать самим, но гораздо чаще его покупали на рынке, а потом перепродавали чуть дороже. Чтобы купить кресс на рынке, да еще и по выгодной цене, нужно было встать спозаранку и прийти в овощной ряд в 4 часа утра, а иначе весь кресс будет раскуплен. Чтобы получить хоть какую-то прибыль, девочки отчаянно торговались. Когда кресс был куплен, его мыли у колонки (холодным утром пальцы коченели от воды), а потом связывали в пучки. Маленькие торговки стучались в двери, предлагая свой нехитрый товар, или же бродили по улицам, выкрикивая: «Кресс, четыре пучка за пенни!». Восьмилетняя торговка, у которой взяли интервью в 1851 году, сообщала, что однажды она заработала феноменальную сумму — 1 шиллинг и 6 пенсов за день при стоимости кресса в 6 пенсов. Обычно ее доход бывал гораздо скромнее: 3–4 пенса в день. Самый продуктивный период торговли выпадал на интервал между 6 и 10 часами утра. Многие девочки завтракали лишь после того, как кресс был распродан. Завтрак представлял собой пару кусков хлеба с маслом и чашку чая. Вернувшись домой, девочки не теряли времени даром и занимались уборкой или же помогали матерям с их работой (например, дочки швеи могли пришивать пуговицы к рубашкам). Хотя многие имели игрушки, времени на игры почти не оставалось.

Упоминания о детском труде встречаются в фольклоре. Так, в английской сказке рассказывается про маленькую торговку крессом, которую ведьма пригласила к себе жить, но с условием, чтобы та не заглядывала в печную трубу. Девочка продержалась несколько дней, но любопытство ее одолело, и она нарушила запрет. В трубе оказался мешок с золотом. Девочка схватила его и убежала в сад. Там она вскарабкалась на яблоню и попросила деревья не выдавать ее ведьме. Обнаружив пропажу, колдунья отправилась на поиски беглянки. Но какое бы дерево она ни спрашивала, ответ был неизменным. Даже яблоня, в кроне которой притаилась девочка, заявила, что не видела воровку. Раздосадованная ведьма пошла спать, а девочка вернулась домой с мешком золота. Ей уже не нужно было заниматься изнурительным трудом!

Сказки повествуют и о других предприимчивых детях, например о мальчике, чей отец воровал жирную овцу на каждое Рождество. Как-то раз крестьянин стащил овцу у священника, а сынишка пошел по деревне, напевая:

Отец у пастора овцу украл под Рождество.
 Теперь поджарим колбасу на праздник в честь него.
 Волшебный пудинг на столе нас будет поджидать!
 Но как добыли то мясо, придется нам скрывать!

Мимо проходил тот самый пастор и, прислушавшись к пению, заговорил с мальчуганом:

— Мальчик мой, как славно ты поешь! А почему бы тебе не спеть эту песенку в воскресенье в церкви?

— Я бы и рад, да надеть нечего, — отвечал мальчик.

Тогда пастор пообещал купить ему новую одежду, так что в церковь паренек явился в обновке.

— А теперь послушайте, братья, что поет этот мальчик, — обратился пастор к прихожанам. — Я ручаюсь за каждое его слово!

Он надеялся что бесхитростный парнишка обвинит своего отца во всеуслышание. Тогда мальчик встал и спел:

Я видел пастора в полях с девчонкою одной.
За то он мне купил на днях костюмчик выходной.
Сидит отлично мой костюм, не буду отрицать.
А почему он куплен был, придется мне скрывать!

3 Бытовые и профессиональные приметы

Присядьте ближе. Я спою,
Чтоб выслушали вы
Из незапамятных времен
Предания молвы.
Про то, что помнит старина,
И недосуг теперь,
Коль хочешь — выдумкой считай,
А коли хочешь — верь.

Припев:

Я вам приметы расскажу,
Из бабушкиных дней.
И убедиться попрошу,
Что знаков нет верней.

Богатый и бедняк прибьет
Подкову у ворот —
И никакая ведьма в дом
К нему не попадет.
Кто бросит на столе мехи —
Тот ссору разожжет,
А если кто скрестит ножи —
Так драку навлечет.

К решетке сажа пристаёт —
Жди незнакомца в дом.
А если кошка вдруг чихнет,
Придут мороз с дождем.
Увидишь с дыркой уголек —
Быть полным кошельку.
Но длинный вылетит на пол —
Кому-то лечь в гробу.

Коль левый глаз чесаться стал
— Устанешь хохотать.
И ночью чешутся глаза —
Не стоит горевать.
Случится локоть почесать —
Чужому спать с тобой,
А если чешется ступня —
Пройдешь чужой землей.

Колени чешутся к добру —
Их в церкви преклонять.
Живот почешешь поутру —
Знать, пудинг поесть!
Спина зудится — я клянусь,
Не упадет цена!
В ночи — петух, собачий вой
— Знать будет смерть страшна.

Одеть наизуоборот сюртук —
Удача подведет.
А нос зачесется не вдруг —
Вас близкий доведет.
Чесался палец на ноге —
Получите под зад.
Желания исполнить чтоб —
Смотри на звездопад!

Случайно волос в рот попал?
Напьетесь знамо где,
Мизинец на ноге чесать —
Потонете в воде.
Внезапно дрожь вас разберет —
Знать смерть уже близка.
А кто под лестницей пройдет —

Удача нелегка.

Но лучше раз не повезет,
Чем без талана жить.
Вам мудрости былых времен
Хотел я изложить,
Чтоб каждый счастье отыскал,
В стихах открыта дверь!
Коль хочешь — выдумкой считай,
А коли хочешь — верь.

(«Women's Sayings»)

Судя по этой уличной балладе, в Англии XIX века шагу нельзя было ступить, чтобы не наткнуться на какую-нибудь примету. Чем же руководствовались суеверные викторианцы в повседневной жизни? Каких бед боялись и каких радостей ожидали? Каким образом отпугивали несчастья и приманивали благополучие? В этой главе мы узнаем множество подробностей о повседневной жизни викторианцев.

Округа и город

Место жительства англичанина, как правило, обрастало множеством самых необычайных легенд. Какие-то из них рассказывали туристам и любопытным, о каких-то, не слишком приятных, предпочитали умалчивать, но они все же становились известными. Некоторые легенды имеют параллели и в общеевропейском фольклоре. Например, следующая история о затонувшем городе напоминает русское сказание о граде Китеже, а также библейскую историю разрушения Содома и Гоморры.

В Йоркшире часто рассказывали об озере Семеруотер. В прежние времена здесь находился процветающий город, но его жители были заносчивы и скупы. Когда эти края посетил апостол Павел, перед ним захлопнулись все двери. Уязвленный апостол отправился на восток, где его приютила пожилая чета, занимавшая убогую хижину посреди долины. Пообедав, апостол благословил крестьян, а чванливых горожан проклял. Не успел он договорить, как из-под земли вырвался поток воды и затопил город. Йоркширцы утверждали, что в солнечный день в водах озера заметны руины.

О происхождении многих мостов тоже ходила достаточно типичная легенда. Хотя название конкретного моста от местечка к местечку менялось, действующие лица оставались прежними. Долгое время жители деревни маялись с постройкой моста, пока дьявол не явился к ним с заманчивым предложением. Нечистый пообещал самолично выстроить мост, которому не страшны будут стихии. В качестве ответной любезности он потребовал от крестьян отдать ему первого, кто пересечет новый мост. Они ударили по рукам, но когда мост появился, никто не решался на него ступить. Тогда старый пастух переплыл через реку, а после свистнул своего пса. Верный пес помчался по мосту и, как это ни печально, стал добычей дьявола.

Были в каждом графстве и уникальные истории о том или ином холме и поле, о загадочной пещере или скале причудливой формы. Этим легендам можно посвятить отдельную книгу, и даже не одну. В качестве образца приведем корнуолльское предание: возле церкви Святого Левана в одноименной деревне находился «Сад Джоанны» — треугольный участок земли, на котором ничего не росло. Согласно легенде, погожим воскресным утром святой Леван подхватил удочку и отправился рыбачить. Он уже предвкушал хороший улов, как вдруг за его спиной раздался окрик. Некая Джоанна пропалывала грядки, но поднялась, чтобы упрекнуть святого. Ведь работать, в том числе и рыбачить, в воскресенье — большой грех. Леван обомлел от такой наглости, но тут же вступил в перепалку. Получается, рыбачить в воскресенье — это грех, а трудиться на огороде

— не грех? Распалившись, святой проклял ее сад, а саму женщину обозвал «глупой Джоанной». Он прибавил, что если впредь кого-нибудь здесь окрестят таким именем, девочка вырастет еще большей душой, чем нахальная огородница. Местные жители приняли его слова близко к сердцу и стали избегать имени «Джоанна». А сад Джоанны порос бурьяном да крапивой.

Теперь перенесемся из глухой деревеньки на западе Корнуолла в столицу Британской империи. Какие только байки и небылицы не рассказывали лондонцы! Каждый городской квартал мог похвастаться десятком легенд. А уж такое название, как «Подворье Кровоточащего Сердца», расположенное в Лондонском Сити, заслужило даже упоминаний в литературе. Вот что пишет об этом местечке Диккенс в романе «Крошка Доррит»:

«По вопросу о том, откуда пошло название подворья, мнения обитателей разделялись. Люди практического склада склонялись к предположению, что здесь когда-то было совершено убийство. Более чувствительные и наделенные более пылким воображением (в том числе все представительницы прекрасного пола) предпочитали верить легенде о юной деве, которую жестокий отец подверг заточению за то, что она, храня верность своему возлюбленному, противилась браку с избранником отца. По словам легенды, эта юная дева до самой смерти имела обыкновение сидеть у своего забранного решеткой окна и тихонько петь грустную любовную песню с таким припевом: „Раненое сердце, раненое сердце, раненое сердце кровью истечет“» (пер. Е. Калашниковой).

С подворьем была связана еще одна небылица, настолько жуткая, что Диккенс предпочел не доводить ее до сведения читателей. Во времена Елизаветы Первой здесь проживал знатный вельможа сэр Уильям Хэттон, чья жена якобы продала душу дьяволу.

Князь Тьмы пришел забрать свой долг во время пира, который давали супруги Хэттон. На глазах у гостей он схватил хозяйку, разорвал на куски и уволок с собой, оставив лежать на земле ее кровоточащее сердце. В честь единственного уцелевшего органа и назвали подворье. Его жители показывали всем желающим насос, о который дьявол размозжил голову несправедливой леди, и клялись, что если воспользоваться им в полночь, вместо воды хлынет кровь.

В Средние века самыми впечатляющими строениями в любой местности были церковь и замок. Неудивительно, что эти здания нашли свое место в английском фольклоре. Строительство храмов — дело хлопотное. Помимо непогоды, тяжких условий труда и халатности коллег строителям, оказывается, мешали паранормальные явления. К примеру, церковь в Холлингтоне (Сассекс) находилась на самой окраине и в окружении густого леса. Неудачное месторасположение объясняли проделками дьявола. По одной версии, во время работ стройматериалы загадочным образом исчезали. Так продолжалось до тех пор, пока, проходя мимо чащобы, каменщики не увидели там заново отстроенную церковь. Кирпичи воровал сам дьявол! Князь Тьмы оказался честнее иных людей. Он не присвоил стройматериалы, а использовал их для постройки церкви, правда, уже в труднодоступном месте — ни дать ни взять у черта на куличках!

Известная легенда с острова Мэн объясняет, почему на церкви Святого Триниана и по сей день нет крыши. Нехватка черепицы тут ни при чем. Просто каждый раз, когда звали кровельщика, из-под земли вылезало чудовище с черными космами и все крушило. Устав с ним бороться, местные жители так и не закончили строительство.

Шпиль церкви в Честерфилде (Дербишир) закручен на манер штопора. Одна из небылиц объясняет это происками дьявола, который дернул за шпиль, пролетая мимо. По другой, более пикантной версии, как-то раз невеста на свадьбе оказалась... девственницей! Чтобы получше разглядеть эту невидаль, шпиль повернулся вокруг своей оси, да так и застрял.

Легенды связывали происхождение церквей не только с чертом, но и со святыми. В Стейнинге (Западный Сассекс) рассказывали о святом Катмене, жившем в VII веке. Святой странствовал по Англии, ожидая, когда голос с небес укажет, где ему основать церковь. Всю дорогу он толкал тачку, в которой сидела его парализованная матушка. Под Стейнингом у тачки отвалилось колесо. Святой начал чинить его, а косари с придорожного поля стали потешаться над чужаком. «Люди смеются, а небо плачет», — смиренно отвечал Катмен. В тот же миг над полем разразилась гроза. Промокло лишь то сено, которое косили весельчаки, на соседних полях оно осталось нетронутым. С тех пор каждый год во время сенокоса над «Проклятым полем» идет ливень. Как ни старался святой, а его тачка все же развалилась на части. Катмен счел ее поломку долгожданным знамением и основал церковь в Стейнинге. Поговаривали, что в строительстве ему помогал сам Христос под видом странствующего плотника.

Часто в легендах о строительстве церквей фигурируют животные. Например, в Ланкашире рассказывали о мудрой свинье, знавшей точное расположение могилы святого Освальда. Когда строители по ошибке заложили фундамент церкви в другом месте, свинья перетаскала камни на могилу святого. В благодарность на каменной стене церкви вырезали изображение свиньи.

Колокольный звон, призывавший верующих в церковь, тоже не был обойден вниманием. Иногда в установленное время суток колокол трезвонил в память о какой-нибудь важной персоне. Например, аббатиса леди Тэнсли как-то раз отправилась в Аттоксетер (Стаффордшир) с одним лишь провожатым. Путешественники сбились с пути, но сумели добраться до города, ориентируясь на колокольный звон. На радостях аббатиса приказала наполнить колокол золотом до самых краев. В память о ее щедротах в колокол стали звонить три раза утром и три раза вечером. А если звонарь-ротозей забывал помянуть аббатису трехкратным звоном, ее призрак высовывался из-под колокола.

Повседневные ритуалы

Большинство жителей Британских островов сходились во мнении, что пятница — это самый худший день недели. Какое бы дело вы ни затеяли в пятницу, оно не увенчается успехом. Корни этого суеверия следует искать в Средних веках, когда церковь призывала верующих к умерщвлению плоти именно по пятницам, в память о казни Христа. Но хотя пятница в целом считалась несчастливым днем для любых начинаний, будь то крестины или ловля рыбы, снам, увиденным в этот день, придавалось огромное значение. Согласно популярному стишку, если в пятницу приснится приятный сон, надо рассказать его кому-то в субботу и тогда он сбудется.

Число тринадцать вселяет трепет даже у наших современников, а уж пятница тринадцатое кажется поистине зловещим днем. Учитывая популярность этого суеверия, можно прийти к выводу о его древнем происхождении — так прочно оно вошло в европейскую культуру. Тем не менее, согласно исследованиям Стива Роуда и Жаклин Симпсон, суеверный ужас перед числом тринадцать насчитывает всего-то несколько веков. Стив Роуд связывает неприязнь к этому числу с Тайной вечерей, на которой присутствовали Иисус Христос и двенадцать апостолов. До Реформации англичане старались подражать Христу, так что принято было собираться по тринадцать человек. Если Христос пригласил на ужин двенадцать друзей, что же в том плохого? Но после Реформации, когда католические обряды подверглись гонениям, число тринадцать изменило свое значение. Теперь оно казалось чуждым и зловещим, как все, что было связано со старой верой. Отсюда и страх. Что касается «пятницы тринадцатого», то Роуд видит в нем слияние двух суеверий: древнего поверья о том, что пятница — это самый несчастливый день, и негативных ассоциаций, развившихся под влиянием Реформации.

В XIX веке страх перед несчастливым числом выражался в нежелании сажать за стол тринадцать гостей. В этом случае «что-то плохое» должно было произойти с тем, кто первым встанет из-за стола. Пока гости подсаживались к столу, все было в порядке, но вдруг ни с того ни с сего какой-то доморощенный математик начинал их считать... Обычно проблему решали полубовно. Хозяйка удалялась ужинать на кухню или же за стол сажали кошку, объявляя ее полноправным членом семьи, на крайний случай среди гостей обнаруживалась беременная женщина, которая считалась не одной персоной, а вроде как двумя.

Жизнь в английской провинции текла размеренно и не баловала развлечениями. В таких условиях любые, даже самые незначительные происшествя приобретали символический смысл. Взять, к примеру, течение беседы. Если в разговоре возникла пауза, считалось, что над домом пролетел ангел. А среди школьников Дарема практиковался простенький ритуал: если две девочки заговаривали одновременно, они сцеплялись правыми мизинцами, загадывали желание и отпускали пальцы. С этого момента нужно было хранить молчание до тех пор, пока кто-то не обратится к ним первым. Куда более мрачное значение подобному совпадению придавали в других графствах. В Аргайле (Шотландия) полагали, что заговорившие одновременно умрут в одно и то же время.

Не меньшее внимание уделялось встречам и прощаниям. Характеристики людей, встреча с которыми считалась нежелательной, зависели от региона. Йоркширцы избегали встречи с левшой во вторник и с человеком, страдающим плоскостопием, в понедельник. А вот увидеть косоглазую женщину — дурная примета в любой день недели. Нужно сразу плюнуть через левое плечо. На острове Джерси верили, что если в понедельник утром старая дева повстречает замужнюю женщину, а холостяк — женатого мужчину, быть беде. Жаль, что источники не уточняют, какой именно беде быть. Возможно, это означает всего-навсего испорченный понедельник для старой девы, которая будет изнывать от зависти.

Суеверия, связанные с прощанием, сводились к тому, чтобы избежать окончательного расставания. Старожилы не советовали говорить «прощай» три раза подряд, а также прощаться на перекрестках, у ворот и над могилами. Если попрощаться с другом перед мостом, можно расстаться навек. Чтобы избежать этого, суеверные валлийцы переходили

мост вместе с приятелем, обменивались прощаниями уже на другой стороне, а потом провожающий шел обратно. Возвращаться домой за забытой вещью тоже считалось дурной приметой.

Во многих случаях беду можно было отвести, постучав по дереву или схватившись за железо. Обычай стучать по дереву связывают с культом деревьев в языческие времена или, в качестве христианской альтернативы, с деревянным крестом, на котором был распят Иисус Христос.

Дом

Разница в жилищных условиях между представителями высших и низших классов была огромна. В сельской местности бедняки ютились в хижинах с земляным полом и соломенной крышей. Иногда весь дом состоял из общей комнаты, хотя в более зажиточных семьях могла быть одна или несколько спален, а также маленькая гостиная в придачу к кухне. Не редкостью были двухэтажные коттеджи. В городских трущобах жизнь протекала в еще более тяжких условиях. Целая семья могла проживать в одной тесной каморке или снимать угол в комнате. Те, кто не мог заплатить за комнату, спали на лестницах и в коридорах.

Семьи аристократов проживали в старинных поместьях за городом или в престижных лондонских районах, таких как Белгравия и Пимлико. На планировку домов среднего и высшего классов повлияли новые тенденции как в градостроении, так и в общественных отношениях. В густонаселенной столице дома приходилось строить не вширь, а ввысь, поэтому таунхаусы XIX века были многоэтажными и примыкали стена к стене. Кроме того, изменилось отношение к частной жизни. В XVII–XVIII веках слуги могли спать в одной комнате с господами, дети — с родителями, мальчики — с девочками. Теперь же всем требовались отдельные комнаты. Идеалом стал дом, в котором каждая комната выполняла только одну функцию: в столовой обедали, в школьной комнате делали уроки, в судомойне мыли посуду и чистили рыбу. Смешение функций свидетельствовало о низком доходе семьи. В городских домах кухня и хозяйственные помещения располагались в подвале, столовая, как правило, находилась на первом этаже, гостиная — на втором, спальня и комнаты родителей — на третьем, детская и спальни детей — на четвертом, а комнатенки прислуги — под самой крышей.

Между тем многие суеверия сохранили совсем иные принципы строительства! Так, по мнению многих исследователей фольклора, песенка «Лондонский мост падает» («London bridge is falling down») связана с практикой жертвоприношений, когда в фундамент здания или моста зарывали ребенка, чтобы тем самым обеспечить прочность постройки. В XIX веке человеческие жертвоприношения, разумеется, уже не практиковались. Тем не менее отголоски древних ритуалов еще звучали. В Шотландии в фундамент нового дома зарывали кошачьи когти, человеческие ногти и коровьи копыта, а под порог клали серебро. Точно так же поступали крестьяне с востока Англии. В ход шли любые символические предметы: кости вместо животных, детские ботинки вместо живых детей, бутылки с разноцветными нитями, зерно и т. д. Каменщики примешивали кровь животных к строительному раствору, чтобы кладка была прочнее.

Угловой дом, т. е. крайний дом на улице, считался несчастливым. При выборе жилья угловых домов неизменно избегали. Причина, вероятно, кроется в том, что его жильцам постоянно приходилось «быть крайними»: то нечистая сила вмешается, то нетрезвые соседи будут стучаться по ночам. Переездов в пятницу тоже старались избегать. Перед тем как внести мебель в пустующий дом, херефордширцы оставляли там ведро угля и миску с солью. Попадались и более причудливые суеверия. В Корнуолле через крышу нового жилища перебрасывали отрезанный свиной пяточок. Если он застревал на крыше, быть беде, так что корнуолльцы размахивались как следует. Считалось также, что если перебросить через крышу дома перо, а с другой стороны поймать его в миску, оно превратится в серебряную ложку.

Разнообразные приметы были связаны с воротами и приступками у изгороди. В Шропшире считалось плохой приметой, если в ворота одновременно входили двое. В Саффолке больные лихорадкой вбивали гвоздь в ту часть приступок, куда ступали ноги пешеходов, а в Кенте в приступки втыкали булавку каждый раз, когда через них переносили гроб.

Проходить под лестницей до сих пор считается дурной приметой. О происхождении этого табу есть много различных версий. По одной из них, прообразом любой лестницы является та, которую прислонили к кресту, чтобы снять тело Иисуса. Под той лестницей притаился дьявол, то ли радуясь смерти своего гонителя, то ли мешая снимать его тело. Согласно другой версии, приговоренные к повешению карабкались по лестнице, которую потом вышибали у них из-под ног. Так или иначе, ни одна из этих теорий пока что не получила подтверждения. Однако запрет основывался не только на сверхъестественных толкованиях, но и на практическом опыте. Разумно предположить, что наверху лестницы будет стоять рабочий, а он, в свою очередь, может облить неосторожного прохожего краской или уронить ему на голову тяжелый предмет. Лучше не испытывать судьбу.

Тело, одежда и обувь

Если ухо чешется или покалывает, в этот момент кто-то говорит о вас. Поскольку правая сторона традиционно связывалась с добром, а левая — со злом, эти ассоциации распространялись и на уши. Так что если зачесалось правое ухо, о вас говорят хорошее, если левое — кто-то распускает сплетни. Остановить клеветника можно, ущипнув себя за ухо или укусив за палец. Тогда сплетник прикусит язык или начнет заикаться. По тому же принципу правая рука чешется к деньгам, левая — к убыткам. Те, кто мылся нечасто, должно быть, уставали примечать, что именно им сулит зуд по телу. Ведь правый глаз чешется к смеху, левый — к слезам, а если чешутся ступни ног, значит, уже предвкушают танцы (как вариант — скоро пройдутся по чужой земле). Нос чесался к встрече с дураком, ссоре с женщиной или хорошей выпивке.

В Норфолке один чих обещал поцелуй, два — исполнение желания, три — письмо, четыре — еще что-нибудь хорошее. На востоке Англии верили, что чихнувший три раза в понедельник утром получит подарок до конца недели. В Девоне считалось, что если чихнуть в субботу после того, как зажгут свечи, вскоре повстречаешься с незнакомцем.

С пальцами рук и ног тоже были связаны разнообразные приметы. В Абердиншире уверяли, что у мужа-тирана второй палец на ноге всегда длиннее, чем большой. А если пальцы на ногах соединены перепонкой, такому человеку будет везти. Указательный палец на руке прослыл ядовитым и совершенно непригодным для нанесения мазей. Зачерпывать мазь советовали средним или безымянным пальцем. Скрюченные пальцы выдавали раздражительного человека, слишком длинный указательный палец — вора. Щипая друг друга за мизинец, дети проверяли, кто из них может хранить секрет. Если завопить во время проверки, значит, сразу разболтаешь тайну. Кроме того, ребяташки верили, что белые точки на ногтях предвещают скорый подарок. Зачастую их так и называли — «подарки». А чтобы узнать, рождены ли вы править или подчиняться, нужно было сцепить руки. Если сверху окажется большой палец правой руки, вас ждут великие свершения, если же левой — увы, не повезло!

Народные поверья не обошли стороной и спину. Почувствовать, как по спине внезапно пробежал холодок, означает, что в этот момент кто-то наступил на то место, где будет вырыта ваша могила. Прикоснуться к спине горбуна — удача в делах. Перед скачками предприимчивые горбуны предлагали всем желающим потерять свой горб — разумеется, не бесплатно.

Не только тело, но и то, что на нем надето, имело огромное значение в повседневных приметах. Перед тем как отдать платье заказчику, добросовестные портные клали в карман мелкую монетку на удачу. Поскольку одежда стоила недешево, к ее покупке относились серьезно. В Шропшире придерживались мнения, что человека, появившегося в новом костюме, нужно ущипнуть на удачу. Особенно этот обычай был популярен среди ребятни.

В Шотландии именно мужчина должен был первым поздравить владельца с обновкой.

Впрочем, если первой поздравляла женщина, родившая сына, это считалось приемлемым. Чтобы новая одежда прослужила дольше, носить ее начинали с воскресенья. Кроме того, в году было несколько дней, когда всем предписывалось надевать новую или хотя бы чистую одежду. Среди таких дней упоминаются Рождество, Новый год, Пасха и Пятидесятница. Нерях, не пожелавших следовать обычаю, ожидала суровая кара — на их одежду постоянно будут гадить вороны.

Случайно надеть любой предмет одежды наизнанку — к везению в делах и скорому подарку. Более того, одежда шиворот-навыворот отгоняет фей и разрушает заклятия. В прибрежных районах Йоркшира девушки выворачивали платья наизнанку во время штормов, чтобы уберечь от опасности моряков.

Если у девушки развязывался фартук, она знала, что о ней думает возлюбленный. Репей, приставший к юбке, в Уэльсе рассматривали как знак того, что в девушку кто-то влюбился. А вот если у замужней женщины упадет подвязка на улице, муж ей изменит. В тех случаях, когда нижняя юбка девочки была длиннее, чем платье, шотландцы говорили, что дочку сильнее любит отец, а не мать. Возможно, потому, что равнодушная мать не сшила ей платье подлиннее?

С одеждой связывался ряд запретов: нельзя подбирать левую перчатку, лежащую на дороге, примерять чепец вдовы и зашивать платье на себе. В последнем случае женщину ожидали всевозможные неприятности, от неизбежной бедности до мужа-пьяницы. В целом, пустой карман притягивает беды — в нем даже заводятся черти! Чтобы избежать несчастья, в каждом кармане нужно что-то носить, желательно, амулет или оберег — например, погнутую монету. А если жена украдкой насыпет мужу в карманы семена тмина, он не сможет ей изменить.

В Центральной Англии считалось, что чистый носовой платок нужно развернуть, прежде чем сунуть в карман. Положить аккуратно сложенный — к огорчениям. Чтобы не забыть о чем-то важном, на платке делали узелок. Если простой узел не срабатывал, в следующий раз во время завязывания шептали какую-нибудь волшебную формулу. В Глостере три раза произносили слово «кролики». С помощью носового платка избавлялись

от болезней, передавая их покойнику. Достаточно бросить в гроб самоубийце носовой платок с тем расчетом, что, когда тело истлеет, болезнь оставит страдальца.

Особые суеверия регулировали пошив одежды: если перепрыгнуть через готовое платье, заказчица не принесет его на доработку. Нельзя подкалывать платье черными булавками или метать швы зелеными нитками. Если замарать свадебное платье кровью из уколотого пальца, невесту ждет несчастье. Если портниха случайно пришьет свой волос к чужому приданому, вскоре сама выйдет замуж. А если не закончит обметывать петли для пуговиц до полуночи в субботу, заказчица платья будет долго тянуть с оплатой.

По обуви предсказывали судьбу человека. Если подметки ботинок сношены в середине или у носка, их владелец добьется успеха в жизни. Если, по краям или у пятки, то ничего путного из него не выйдет. Если обувь громко скрипела, на ее владельца смотрели с неприязнью: ботинки давали знать, что за них не заплатили!

В зависимости от графства первым нужно было надевать или правый, или левый ботинок. Единого мнения на сей счет не существовало, но наверняка можно было проконсультироваться с местными кумушками и выяснить, как принято обуваться в данном населенном пункте. Отходя ко сну, башмаки сдвигали буквой Т для избавления от судорог. Точно так же поступали в расчете увидеть во сне суженого, хотя еще проще было засунуть туфли под подушку. Желая кому-то удачи, вслед ему бросали башмак. Поскольку швыряние обуви напрямую связывалось с пожеланиями счастья, башмаками перебрасывались на свадьбах. В Херефордшире и Девоне старую обувь на счастье сжигали. Делали это как на Рождество, так и перед дальней дорогой.

Развязавшиеся шнурки грозили куда худшими несчастьями, чем расквашенный нос в результате падения. Заметив развязавшийся шнурок, йоркширцы предпочитали пройти еще 9 шагов, прежде чем нагнуться и уделить ему внимание. Если завязать шнурок сразу, вместе с ним привяжешь невезение на целый день.

По всей Англии считалось крайне нежелательным класть на стол обувь, кузнечные мехи, а также зонтики. Вдобавок зонтики опасно было ронять или открывать в помещении — в последнем случае нарушительно грозила смерть.

Работа по дому

Большинство повседневных занятий нашли отражение в фольклоре. Возможно, таким образом женщины пытались хоть как-то отвлечься от рутины.

Работа по дому в XIX столетии была невыносимо тяжелой. Вот как в середине века описывала свой рабочий день Ханна Каллвик, лондонская служанка, известная своими мемуарами: «Открыла ставни и зажгла огонь на кухне. Вытряхнула золу со своих вещей в мусорную яму, туда же выбросила всю золу. Подмела и вытерла пыль во всех комнатах и в зале. Разожгла огонь и отнесла хозяевам завтрак. Почистила две пары ботинок. Заправила постели и вынесла ночные горшки. Убрала со стола после завтрака. Помыла посуду, столовое серебро и ножи. Отнесла обед. Снова прибралась. Привела в порядок кухню,

распаковала корзину с покупками. Двух цыплят отнесла кухарке миссис Брюэрс, передала хозяйке ее ответ. Испекла пирог и выпотрошила двух уток, потом зажарила их. Стоя на коленях, вымыла крыльцо. Натерла графитом скребок перед ступенями, затем вычистила тротуар на улице. Вымыла посуду. Прибралась в кладовке и дочиста выскребла столы. Вымыла тротуар возле дома и протерла подоконники. В девять забрала на кухне чай для мистера и миссис Уорвик. Я была в грязной одежде, так что чай наверх отнесла Энн. Вымыла сортир, коридор и пол в судомойне. Вымыла собаку, потом вычистила раковины. Принесла ужин, который Энн отнесла наверх — я была слишком грязной и усталой, чтобы идти туда самой. Вымылась в ванне и пошла спать».

Первые стиральные машины, которые начали пользоваться популярностью только в 1880-х годах, рвали ткань и оставляли на ней ржавые отметины. Так что даже в конце XIX века женщинам приходилось стирать, используя бабушкины методы. Стирка начиналась в понедельник и могла растянуться на несколько дней. Для начала требовалось раздобыть воду. Если вы жили в сельской местности, где нет водопровода, за ней пришлось бы идти к колодцу. Некоторые крестьянки предпочитали стирать прямо на реке, если она протекала поблизости и если позволяла погода. Горожанки набирали воду из насоса, а служанки в богатых домах пользовались водопроводной водой. Согласно фольклору, стирка была не только изматывающим трудом, но и опасным. Как бы беду не накликать! Ведь если обрызгаться во время стирки, муж будет пьяницей. А если постирать новую одежду, когда на небе висит молодой месяц, она износится слишком быстро. Воду для стирки приходилось кипятить, но если от чана с кипятком валил сильный пар, значит, в гости пожалует незнакомец.

Итак, воду мы принесли и даже подогрели, дальше нам понадобятся надежные моющие средства. Мыло в начале XIX века изготавливали в домашних условиях из воды, золы и жира, пока в середине столетия его не начали выпускать промышленными методами. Массовое производство мыла пришлось как нельзя кстати, но оставалась проблема трудноотстирывающихся пятен. Хорошая английская домохозяйка знала множество способов, как справиться с самыми стойкими загрязнениями. Для выведения жирных пятен брали мел, для пятен от травы — спирт, для кровавых пятен — керосин. В качестве отбеливателя долгое время использовали человеческую мочу или свиной навоз, но самым лучшим отбеливателем считался лимонный сок. Одежду стирали в большом ведре или лохани, используя валец или мешалку для белья. Покончив со стиркой, женщины развешивали белье на веревке на улице или, в зимнее время, на чердаке.

Многоквартирный городской дом

Зажигание огня и чистка каминов тоже были нелегким делом. До того как спички подешевели и вошли в широкое употребление во второй половине XIX века, англичане пользовались огнивом, состоявшим из кресала (куска металла), кремня и трута, т. е. волокнистого материала вроде льна или мха. Хранилось огниво в коробочке, которую обычно клали у кровати. Представьте только, что, услышав посреди ночи подозрительный звук, нужно в кромешной тьме нащупать все эти предметы и зажечь свечу. Уж не эта ли трудоемкая задача приводила к ночным страхам и байкам о привидениях? Перед тем как зажечь камин, из него выметали золу, собирали тлеющие угольки, которые можно было снова использовать, и начищали каминную решетку графитом. На все это уходило до получаса, а ведь в богатых домах камин имелся в каждой комнате!

Поскольку камин занимал центральное место в любом доме, стоит ли удивляться, что с ним связано столько суеверий? В отдаленных валлийских деревушках сохранялся обычай нашептывать свои беды огню, чтобы они сгорели в пламени. Если огонь шипел, валлийцы ожидали ссору, а если горел медленно, то проверяли трубу — не забрался ли туда дьявол? Разводя огонь поутру, английские служанки сначала клали кочергу поперек камина, так, чтобы ее конец покоился на каминной решетке. После этого нехитрого ритуала, огонь должен был лучше гореть. Далеко не каждый имел право помешивать кочергой угли в чужом камине. В Уэльсе это позволялось лишь близким знакомым — тем, кого знаешь не менее семи лет, или, на худой конец, тем, с кем хозяева выпивали уже три раза. Хотя поверье было распространенным, всегда находились исключения. Жители Вустершира, к примеру, только радовались, если гость начинал шуровать в камине — это приносило удачу.

Девушки присматривались к уголькам, которые время от времени вылетали через решетку на пол. По их форме предсказывали будущее. Круглый уголек напоминал кошелек и предвещал богатство, а продолговатый походил на гроб и уж точно ничего хорошего не сулил. Если уголек вылетал тихо, это было зловещим знаком, не иначе как к похоронам. Если весело потрескивал, то к деньгам. Предсказание относилось в первую очередь к тому человеку, возле которого он падал. Найти уголек на дороге было доброй приметой. Его подбирали и бросали через плечо, предварительно поплевав на него.

Популярнейшее суеверие было связано с хлопьями саж, приставшими к каминной решетке. Пленочка саж предвещала приход гостя. Это суеверие воспел английский поэт Сэмюэль Кольридж в стихотворении «Полуночный мороз»:

Как часто в школе, веря всей душой
В предвестия, смотрел я на решетку,
Где тихо реял этот «гость»! И часто,
С открытыми глазами, я мечтал
О милой родине, о старой церкви,
Чей благовест, отрада бедняка,
Звучал с утра до ночи в теплый праздник
Так сладостно, что диким наслажденьем
Я был охвачен и внимал ему,
Как явственным речам о том, что будет!

(Пер. М. Лозинского)

Наиболее въедливые наблюдатели сортировали «гостей» по размеру: пленочка

покрупнее предсказывала появление мужчины, среднего размера — женщины, совсем крошечная — ребенка. Два «гостя», прилипшие к решетке, приравнивались к замужней паре. Хлопья сажи трепетали из-за горячего воздуха, но рано или поздно улетали. Даже их исчезновению придавалось значение: если «гости» попадут в пламя, вскоре вас навестит друг, если улетят в трубу, друг все равно придет, только вы с ним разминетесь. Если две пленочки улетали одновременно, в семье ожидалась свадьба, поэтому девушки махали фартуками, помогая хлопьям улететь поскорее.

Коммерческое применение газа для освещения началось в 1792 году, когда Уильям Мердок впервые использовал природный газ в своем доме в Корнуолле. К концу 1840-х газовое освещение достигло деревень. Тем не менее даже во второй половине XIX века оно было не во всех домах. Многие все так же полагались на свечи. Самые дешевые свечи изготавливали из сала, а поскольку на них шли самые низкосортные сорта жира, они ужасно коптели и воняли. Нагар со свечей снимали особыми щипцами: чтобы кончики фитиля не упали в расплавленный жир, на щипцах находилась коробочка, куда они и попадали. В 1820 году изобрели плетеный фитиль, полностью сгорающий в пламени, так что не нужно было постоянно снимать нагар. Это открытие совпало с изобретением свечей из стеарина. Твердые и белые, они горели ярко и не дымили. Помимо сала и стеарина материалами для изготовления свечей служили пчелиный воск, парафин и спермацетовый жир. Восковые свечи, которые меньше коптели и пахли приятнее, использовали во время торжественных церковных служб или же при королевском дворе.

Свечи были неотъемлемой частью гаданий, но и сами по себе становились объектами суеверий. Зажженная свеча в пустой комнате предвещает похороны, не говоря уже о том, что это неэкономно. Если пламя горит синим, поблизости бродят призраки. Яркая вспышка над огоньком свечи означала приход письма. Когда струйка воска стекала по оплывшей свече и закручивалась вокруг нее, мнительные люди приходили в ужас. Такая струйка называлась «ручка от гроба» или «саван». Линкольнширцы верили, что если зажечь свечу от огня камина, кончишь дни в работном доме, а если свеча потухнет сама, в море погибнет матрос. До начала XVIII века свечам находили еще одно применение. Распространены были аукционы, во время которых при помощи свечи отмеряли время для ставок. Когда свеча догорала до обозначенной точки, ставки прекращались.

Домашняя прислуга

С кроватями тоже приходилось повозиться. Поскольку матрасы были перьевыми, а не пружинными, их требовалось часто перетряхивать. Служанки опасались переворачивать матрасы по пятницам и воскресеньям. Это действие сулило различные несчастья, начиная с дурных снов до болезней и смерти. А про ворчунов говорили, что они встали с левой ноги или с левой стороны кровати.

В Кардиффе (Уэльс) рассказывали про молодую семью, которая за бесценок приобрела массивную кровать времен Иакова Первого. Покупку поставили в гостевую спальню, но из-за ремонта туда перебралась жена с четырехмесячным ребенком. В первую же ночь малыш начал метаться по кровати и громко плакать. То же самое продолжилось на следующую ночь. Испуганная мать вызвала доктора, но его советы не помогли. На четвертую ночь

ребенок скончался на руках у матери. Женщина разглядела на маленькой шейке отметину, из которой сочилась кровь. Доктор пришел к выводу, что кто-то высосал из ребенка кровь, но так и не смог установить, откуда взялась загадочная царапина. Прошли годы, и женщина родила еще одного ребенка. В супружеской спальне для мужа временно не нашлось места, так что он перебрался в гостевую комнату. Когда он улегся на старинную кровать, то почувствовал, как чья-то невидимая рука сдавила ему горло. Вскочив, мужчина подбежал к зеркалу и увидел красноватый отпечаток, как будто кто-то присосался губами к его шее. Из проколотой кожи текла кровь. Знатоки фольклора сообщили бедняге, что ему досталась «вампирическая кровать». Избавиться от вредного предмета мебели он так и не решился, но и спать на ней больше не стал. Эта история приведена в сборнике валлийского фольклора Мари Тревельян. Нельзя исключать, что собирательница пошла на поводу у публики, раззадоренной Брэмом Стокером, и связала валлийские суеверия с популярной вампирской тематикой.

Метла была опасным предметом обихода. Если девушка перешагнет через лежащую метлу, то забеременеет до свадьбы. Метла, купленная в мае, выметала из дома все счастье. Особое внимание метлам уделяли йоркширцы. Прежде чем выметать сор новой метлой, следовало сначала замести что-нибудь в дом. Заметание сора внутрь символизировало прибыль. Совершив это обрядовое действие, можно было подметать как обычно. Опасно ворчать на метлу, даже если она оставляла за собой шлейф пыли. Ведь нельзя быть в точности уверенным, что этой самой метлой не пользовалась ведьма. А уж она точно обидится, если ее транспортное средство начнут ругать почем зря.

Оригинальное применение метле нашла жительница острова Танет у восточного побережья Кента. Узнав, что племянник взял в жены девушку, которую она не одобряла, тетушка прокляла его с порога церкви, подмела дом новой метлой и повесила ее на двери, тем самым давая знать, что не желает иметь с новобрачными ничего общего.

Херефордширские служанки верили, что если во время работы у метлы отвалится ручка, значит, хозяева не заплатят жалованье. Вполне логично — кому нужна служанка, которая ломает инвентарь? Самим хозяевам, если верить фольклору, тоже стоило испытать служанок при помощи метлы. Некое семейство фермеров захотело нанять прислугу. Перед знакомством с каждой кандидаткой на пороге клали метлу. Первая девушка оттолкнула метлу ногой, и ее забраковали: раз не хочет гнуть спину, на ферме ей нечего делать. Вторая девушка перепрыгнула через метлу, но и ей отказали от места: значит, точно так же будет перескакивать через работу. Только третья девушка подняла метлу и аккуратно поставила в угол. Наняли именно ее.

Судя по сказкам, с работой по дому людям помогали брауни — особая разновидность фейри, напоминающая русских домовых.

Брауни описывали как человечков ростом не выше метра, лохматых и с бурыми лицами. После того как все домочадцы отходили ко сну, брауни начинали хлопотать по хозяйству. В обмен на их услуги хозяева оставляли им молоко и какое-нибудь угощение. Обделит домовых едой было чревато неприятностями. В сказке, распространенной по всей Англии, одна старушка оставляла брауни миску сливок и буханку белого хлеба. В коттедже сменились жильцы, а новая хозяйка оказалась скуповатой — угостила фейри всего лишь черным хлебом да селедкой. Тогда разгневанные домовые ухватили ее за ноги и потащили вниз по лестнице, приговаривая:

Ржаная горбушка и связка селедки —
А как тебе нравится вкус нашей плетки?

Разозленный брауни мог запросто превратиться в богарта и уже не помогать хозяевам, а издеваться над ними, швыряя вещи, опрокидывая горшки и пугая маленьких детей. Порой брауни превращались в злобных духов, чтобы выразить протест. Шотландская домовиха по кличке Мэгги Молох так усердно трудилась на ферме, что прижимистый хозяин прогнал работников-людей и оставил только ее. Пожалев коллег, Мэгги устроила забастовку. Она донимала хозяина своими выходками до тех пор, пока он не позвал обратно всех работников!

Брауни. Иллюстрация Доррис Уильямсон

Викторианская еда

С развитием индустриализации еда в Англии становилась дешевле. В то время как для крестьян XVIII столетия белый хлеб и чай были скорее лакомствами, в викторианскую эпоху они стали основной пищей в небогатых семьях. Вместе с тем на спад пошли такие традиционные занятия английских хозяек, как выпечка хлеба и пивоварение. Хлеб все чаще покупали в булочных, а пиво — уже разлитым в бутылки. После повсеместного распространения железных дорог продукцию стало проще доставлять из сельской местности в города. К примеру, из Кента и Суррея в Лондон везли овощи, из Уэльса — баранину, из Шотландии — говядину. Рыбу, выловленную утром у восточного побережья Англии, тем же вечером продавали в Бирмингеме, на западе. Чай экспортировали из Индии и Китая. Кроме того, из колоний в столицу Британской империи поступали экзотические фрукты, такие как ананасы и бананы.

Рацион англичан всецело зависел от уровня их дохода. В урожайный год крестьяне не жаловались на голод, зато в неурожай затягивали пояса потуже. Как правило, их пищу составляли пшеничный хлеб, картофель, масло, сыр, молоко, пиво и чай. Выбор мясных продуктов, особенно зимой, ограничивался соленой свиной. О том, чтобы разнообразить стол дичью или тушеным кроликом, крестьяне могли только мечтать. Все леса и дичь в них были собственностью помещиков. В Англии действовали суровые законы против браконьерства: вплоть до 1857 года убийство кролика в помещичьем лесу каралось высылкой из страны, а во второй половине столетия — тюремным заключением или

штрафом. Нарушение запретов нашло отражение в фольклоре: существует немало баллад о противостоянии браконьеров и лесников.

Заработки городских рабочих в середине XIX века варьировались от 5 до 40 шиллингов в неделю — все зависело от места работы и квалификации рабочего. К примеру, квалифицированный лондонский рабочий Ричард Гудвин зарабатывал 30 шиллингов в неделю. На эти деньги жила его неработающая жена и пятеро маленьких детей. Статьи расходов в неделю были следующими: 50 г чая — 8 пенсов; 200 г кофе — 10,5 пенсов; 1,4 кг сахара — 1 шиллинг 9 пенсов; уголь, кокс и дрова — 2 шиллинга 3 пенса; 12 буханок хлеба — 8 шиллингов; 8 кг картофеля — 9 пенсов; полкило масла — 1 шиллинг 6 пенсов; полкило мыла и сода — 7 пенсов; крахмал и синька — 2 пенса; свечи — 7 пенсов; бекон — 2 шиллинга 6 пенсов; зелень и овощи — 6 пенсов; перец, соль и горчица — 3 пенса; селедка — 9 пенсов; табак — 6 пенсов; оплата жилья — 4 шиллинга; мясо, купленное у мясника, — 3 шиллинга 6 пенсов. Почти все заработанные деньги тратились на еду и повседневные расходы. Отложить что-то на черный день было сложно.

При необходимости горожане могли перекусить на улице, тем более что отовсюду слышались приглашающие выкрики торговцев. Снедь у них имела самая разная: апельсины и яблоки, шербет и имбирные пряники, устрицы и вареный рубец. Торговец печеной картошкой толкал телегу, на которой была установлена печка. Торговка пирогами с угрем или требухой ловко поддевала их с поддона и бросала прямо в руки едокам. Запивали пироги чаем и кофе, которые тоже продавались в уличных киосках. Ближе к концу XIX века популярной уличной едой стала жареная рыба с картошкой — fish and chips. После появления паровых траулеров английские рыбаки значительно расширили ареал рыбной ловли, так что рыба стала дешевле. Жареная рыба с картошкой полюбилась лондонцам, ведь она была хрустящей, горячей и очень жирной — идеальная еда для промозглого дня! Клерки и рабочие, у которых водились лишние деньги, могли заскочить в кофейню или пообедать в пабе, купив там кружку пива, кусок хлеба и сыр.

В XIX веке в семьях среднего класса и выше значительно изменился распорядок еды. В предыдущем столетии «сливки общества» начинали день с обильного и довольно позднего завтрака, включавшего в себя холодную говядину, иногда даже отбивные, рыбу, яйца, сыр и эль. За завтраком следовали легкий ланч и ужин в 5–6 часов вечера. К 1830-м годам чай и

кофе вытеснили пиво за завтраком, а вместо мясных блюд начали подавать всевозможную выпечку и тосты с маслом и вареньем. Сам завтрак начинался гораздо раньше, около 8 часов утра. Поскольку профессионалы из среднего класса работали вне дома, на ланч они шли в ресторан с коллегами. Их жены обедали дома, в основном остатками ужина. На протяжении викторианской эпохи ужины становились все более поздними. Причин этому было несколько, включая удлиненный рабочий день, долгую дорогу домой из конторы и сравнительно недорогое газовое освещение, благодаря которому можно было засиживаться допоздна. Не последнюю роль здесь играло подражание правящим классам: аристократы давали приемы по вечерам, а средний класс старательно копировал их привычки. Так что ужин во второй половине века начинался уже после 7 вечера.

Семья среднего класса с доходом в 150–200 фунтов в год могла нанять одну служанку, которой платили около 16 фунтов. В таком случае хозяйке тоже приходилось выполнять хотя бы какую-то работу по дому. Такой доход приравнял семейство к низшему среднему классу и был свойствен мелким торговцам, клеркам, журналистам, начинающим врачам. С доходом в 500 фунтов в год викторианцы нанимали трех служанок — няньку для детей, горничную и кухарку. К кухаркам обращались «миссис», даже если они были незамужними, и относились с уважением. Хозяйка же проверяла припасы, иногда так назойливо, что это оскорбляло слуг, выбирала меню на неделю и следила за тем, чтобы трапеза начиналась вовремя. Запоздалый ужин считался признаком неумелого домоводства.

Кулинарные советы хозяйкам давала неутомимая Изабелла Битон, автор бестселлера «Книга миссис Битон о ведении домашнего хозяйства». Поскольку викторианки любили рассуждать о домоводстве, найти образцы их меню не составляет труда. Некая миссис Б. проследила, как изменялся их домашний рацион, по мере того как расширялась торговля ее мужа. Когда он только открыл свою лавку, ужины в течение недели были следующими: воскресенье — ростбиф, картофель, зелень и йоркширский пудинг; понедельник —

порубленная и поджаренная говядина и картофель; вторник — жареная говядина, овощи и сладкий пудинг с сухофруктами; среда — рыба (если дешевая), отбивные и овощи; четверг — жареная свинина, горох, пудинг и зелень; пятница — гороховый суп, остатки свинины; суббота — тушеная говядина с пудингом. Со временем отец семейства добился успеха в торговле, так что рацион семьи пополнился новыми блюдами: воскресенье — тушеное мясо с овощами, баранья нога, рыба, два вида овощей, выпечка, фруктовый пудинг, десерт; понедельник — суп с вермишелью, остатками мяса от воскресного ужина, два вида овощей, фруктовый пирог; вторник — рыба, телячья лопатка с начинкой, запеченные голуби, заяц или карри, два вида овощей, яблоки с рисом; среда — весенний суп, запеченная птица, остатки телятины, яйца пашот, два вида овощей, сладкий пудинг; четверг — ростбиф, остатки птицы, два вида овощей, сладкий омлет; пятница — рыба, баранья лопатка, вареная говядина, два вида овощей, запеченный пудинг; суббота — бульон из баранины, жареная баранья шея, печень и бекон, два вида овощей, пудинг с изюмом.

Ступенькой выше на общественной лестнице находились аристократы, которые могли побаловать себя не только мясом, но и разнообразными деликатесами. После Великой французской революции в Англии осело много французских эмигрантов, в том числе и поваров. Французская кухня пользовалась популярностью, хотя консерваторы по-прежнему предпочитали добрый старый ростбиф.

Хозяйка и кухарка

Представители высшей прослойки среднего класса и аристократы практиковали сложный ритуал — званый ужин. К концу XIX века гостей на него приглашали между половиной седьмого и половиной восьмого вечера. Перед ужином хозяин дома подводил мужчину к женщине, предназначенной ему в партнерши на вечер, и знакомил их. Мужчина кланялся, не протягивая даме руки, и развлекал ее легкой беседой. Когда наступало время еды, он сопровождал ее к столу и садился рядом с ней. Процессию в столовую возглавлял

хозяин, сопровождавший наиболее высокопоставленную даму, за ним выстраивались остальные пары, с социальным статусом в порядке убывания. Завершала процессию хозяйка дома под руку с наиболее высокопоставленным мужчиной. Хозяин и хозяйка садились на противоположных концах стола. Ближе к центру усаживали мелких сошек. Заняв свои места, дамы наконец могли снять перчатки.

Существовали два основных способа подавать блюда — *a la franzaise* и *a la russe*, т. е. по-французски и по-русски. Французский способ доминировал в первой половине столетия. Когда гости приходили к столу, он уже был уставлен едой. Перед хозяйкой стояла огромная супница, а на противоположной стороне, перед хозяином, — блюдо с рыбой. Хозяева наливали и нарезали, а затем слуга передавал наполненные тарелки гостям. После супа и рыбы наступало время для первой перемены блюд. Перед хозяином появлялся большой кусок запеченного мяса, перед хозяйкой — птица. Помимо этих основных блюд на столе присутствовали еще и так называемые угловые — т. е. блюда по углам стола. В основном это было порционное мясо — почки, котлеты, зобные железы — или что-нибудь вроде карри. После мясной перемены со стола убирали все блюда и приносили новые, в том же количестве. Теперь перед хозяйкой стояло сладкое блюдо, перед хозяином — пряное, например дичь. После этих закусок со стола снова убирали все, включая скатерть, и появлялся десерт — фрукты и орехи. Гостям предлагали мисочки с водой для мытья пальцев. После десерта дамы покидали столовую и удалялись в гостиную. Оставшиеся мужчины курили, выпивали и лакомились острыми и пикантными блюдами, которые женщинам в силу природной женской слабости есть не позволялось.

Русский способ подачи блюд появился в Париже в 1830-х, а в 1880-х прочно угнезвился в Англии. В отличие от французского способа из еды на столе находились только фрукты и орехи в красивых вазочках. После того как приглашенные усаживались за стол, слуги вносили блюдо за блюдом и предлагали их гостям. Это позволяло хозяевам сэкономить, потому что требовалось гораздо меньше продуктов: суп можно было наливать не до краев, мясо подавать меньшими порциями. Званный ужин завершался музыкой и легкими угощениями, а в некоторых случаях — чаем и сэндвичами. Гости разъезжались по домам в десять-одиннадцать часов вечера.

Главной проблемой викторианцев, связанной с едой, стала фальсификация продуктов питания. Основным способом мошенничества было увеличение объема продукта с помощью различных, подчас вредных, добавок. То, что молоко разбавляли водой вплоть до 50 %, мало

кого удивляло. К хлебу подмешивали картофель, но и это еще полбеды. Гораздо неприятнее были такие добавки, как алюминиевые квасцы, мел и гипс. В овес подсыпали более дешевый ячмень, к топленому жиру примешивали картофельный крахмал, карбонат натрия и известь. Молотый кофе разбавляли цикорием, сушеной кормовой свеклой, морковью, желудями, мукой, опилками и даже обычной землей. С чаем поступали так: мошенники по дешевке скупали спитую заварку, высушивали ее, подкрашивали и продавали заново. Краски, придававшие продуктам привлекательный цвет, были ядовитыми из-за высокого содержания окиси свинца и мышьяка. Тем не менее многие викторианцы, даже зная об этих опасностях, предпочитали покупать ярко-зеленые соленые огурчики или красные анчоусы — ведь еда должна быть красива!

Отдельного упоминания заслуживает помещение, в котором готовили еду. Миссис Битон так излагала устройство идеальной кухни:

- 1) Просторное помещение.
- 2) Хорошее освещение, высокий потолок и проветриваемость.
- 3) Легкий доступ на кухню, минуя хозяйские комнаты.
- 4) Достаточная удаленность от жилых помещений, чтобы членов семьи или гостей не беспокоили кухонные запахи и шум.
- 5) Достаточное количество топлива и доступ к воде для мытья посуды.

Достичь такого комфорта удавалось только в особняках, где кухня располагалась на первом этаже, а в ней трудился огромный штат прислуги. Викторианская городская застройка позволяла размещать кухни только в подвалах или полуподвалах, рядом с чуланом для угля, кладовой, судомойней, иногда еще прачечной и гладильной комнатой. В кухне было душно и темно: свет с улицы почти не поступал, так что газ горел здесь с утра до вечера. Иногда тут же спали слуги.

До наступления викторианской эпохи еду готовили на открытом огне. Мясо запекали на вертеле, который вращали несчастные повара или коротконогие собаки, специально выведенные для этих целей. Последние часами напролет бегали в колесе, соединенном с вертелом. Впрочем, существовали и более гуманные механические устройства для вращения вертела. Со второй половины XIX века в большинстве кухонь появилась огромная чугунная плита. Она топилась углем или коксом и выбрасывала в атмосферу зловонный дым — часть знаменитых лондонских туманов. Тем не менее новые плиты считались очень удобными. В духовке можно было запекать мясо или печь хлеб, а на самой плите — варить суп или нагревать утюги. Температурного режима в духовках не было, поэтому старинные рецепты вместо указания точной температуры запекания сообщают что-нибудь вроде «развести огонь пожарче». В некоторых плитах был установлен бойлер, в котором нагревалась вода для стирки и купания.

Холодильников в XIX веке еще не существовало. Некоторые кухни оснащались ледниками или чуланами для хранения скоропортящихся продуктов, но в городских домах они встречались редко. Единственным выходом было покупать свежие продукты каждый день — у мясника, молочника, пекаря, зеленщика и т. д. Кухаркам давали советы по сохранению скоропортящихся продуктов. Например, мясо присыпали перцем и имбирем от мух, рыбу клали на уголь, в кувшин с молоком добавляли тертый хрен, вареные яйца смазывали льняным маслом и упаковывали в опилки. Начиная с 1860-х годов в продаже появились консервы.

Кухня в сельском коттедже

В сельских коттеджах кухня соединяла в себе функции столовой и жилой комнаты. Крестьяне продолжали готовить на открытом огне, хотя в XIX веке в очаги все чаще встраивали плиты. Чтобы готовить над открытым огнем, требовалась специальная посуда — не с плоским дном, как мы сейчас привыкли, а с закругленным, чтобы лучше распределялось тепло. Котелки подвешивали над огнем на крючьях или ставили у очага на треножниках. Для жарки мяса в очаге устанавливали решетку, а лепешки выпекали на железных противнях, тоже подвешенных над огнем. Некоторые крестьянские дома могли похвастаться кирпичной печью для выпечки хлеба, но печь была доступна далеко не всем. Небогатые крестьяне и горожане выпекали тесто у булочника или в общественной печи.

В Уэльсе, Ирландии и Шотландии коттеджи были еще меньше, а жизнь — еще более примитивной и суровой. Здесь топили не углем или дровами, а торфом. Дым выходил через отверстие в крыше или небольшой деревянный дымоход, но в ветреные дни большая его часть попадала обратно и коптила комнаты. На кухне находилось все, от сундуков, на которых спали, до маслбоек, седел и прочей хозяйственной утвари. Тут же стояла колыбель с ребенком, чтобы хозяйка могла за ним присматривать, не отходя от очага. Освещалась кухня самодельными свечками или переносной лампой на рыбьем жире.

Застольные суеверия

Появление гостей предвещал уроненный столовый прибор: нож — приход мужчины, вилка — женщины, ложка — ребенка или дурака. Во многих графствах верили, что упавшую ложку нельзя поднимать самостоятельно, иначе накличешь беду. Нужно позвать кого-нибудь на помощь. Большое значение придавалось двум ложкам, случайно оказавшимся в одной чашке: они могли означать скорое замужество, грядущую беременность или поцелуй дурака. Скрещенные ножи на столе грозили бедой. Когда дарили ножи, ножницы или любые другие острые предметы, нужно было обязательно отдариться мелкой монетой. В противном случае

лезвие ножа перережет нить дружбы. Из любого суеверия можно извлечь выгоду, поэтому девушки, желавшие разорвать отношения, дарили надоевшим ухажерам нож и отказывались брать что-то взамен. Намек получался недвусмысленный.

Хлеб фигурировал во множестве суеверий. На востоке Англии фейри присматривали за тестом, оставленным подходить у очага. Только в том случае, когда хозяйка открывала дверь и приглашала фейри войти, она могла рассчитывать на вкусные пироги. Без помощи фейри тесто оставалось плоским, как подошва. В Уорикшире жесткие куски теста обзывали «фартингами лентяек» — то был знак, что кухарка поленилась как следует вымесить тесто. Для пышной сдобы к дрожжам подмешивали чайную ложку дождевой воды, собранной на Вознесение. В Херефордшире верили, что если девушка, меся тесто, потрогает лицо мальчика своей запачканной рукой, у него никогда не вырастут усы. Во время выпечки хлеба хозяйки часто делали на тесте знак креста. Таким образом, они оберегали хлеб от черта и от ведьм. Страхом перед нечистой силой объяснялся и запрет на сожжение хлеба. Если крестьянский ребенок стряхивал крошки в очаг, мать могла строго его отчитать: «Зачем кормишь черта?»

Уронить хлеб, доставая его из печи, — не к добру. Опасной считалась и дырка в хлебе — если напрямь воображение, она покажется похожей на могилу! В Кенте дырку даже измеряли: если она совсем большая, беда грозит близкому родственнику, а если маленькая — умрет кто-то из седьмой воды на киселе, не велика потеря. Трещины на выпеченном хлебе предсказывали визит голодного гостя. Но если хлеб трескался постоянно, шотландцы начинали беспокоиться. Возможно, хозяйку сглазили.

К разрезанию хлеба относились со всей серьезностью. В некоторых дербиширских семьях его предпочитали не резать, а ломать. Ведь именно так Христос делил хлеб между апостолами. Иногда ломали только первую буханку, а остальные уже разрезали. Кроме того, бытовало мнение, что если отрезать у хлеба сразу две горбушки, над домом пролетит дьявол. Придерживать хлеб, который режет кто-то другой, или поджаривать ломоть хлеба, наколов его на нож, тоже считалось нежелательным.

Пищевые суеверия были неразрывно связаны с ведьмами. Тем ведь только дай повод испортить людям запасы! В Стаффордшире рассказывали о фермерше, повстречавшей ведьму по дороге с мельницы. Когда ведьма спросила, что та несет в мешке, простодушная фермерша ответила, что муку. «А вот и не угадала — навоз», — захихикала ведьма. Как только женщина открыла мешок, то действительно обнаружила там навоз. Выбрасывать его было жалко — в хозяйстве все пригодится, — поэтому она дотащила мешок и поставила его в свинарнике. Спустя некоторое время на бедняжку напустился муж. Зачем оставлять в сарае мешок муки? Совсем замороченная, женщина поспешила к мешку и увидела, что из него сыплется мука.

Ходили легенды о проклятии, которое некая Черная Леди с острова Джерси наложила на мальчишку по имени Эдуард, за то, что тот называл ее «черномазой». Услышав дерзкие слова, ведьма процедила: «Пройдет немало времени, прежде чем ты возьмешь в рот хлеб». За ужином Эдуард не смог проглотить ни крошки хлеба. Если подносил краюху к губам, рот попросту не открывался! А без хлеба какая сила? Просидев несколько лет на бесхлебной диете, юнец совсем ослабел. Сельский врач только руками разводил — ему ли тягаться с Черной Леди? И вот однажды Эдуард помчался на кухню, схватил каравай и, громко чавкая, вгрызся в него. Как выяснилось, в этот самый момент Черная Леди скончалась, а вместе с ней развеялись злые чары.

Запрет на поедание хлеба был, судя по всему, излюбленным проклятием джерсийских ведьм. Рассказывали про другую колдунью, которая точно так же наказала девушку по имени Николетт. Но отвадить Николетт от хлеба оказалось не так-то просто. Находчивая девушка пошла за советом к доброй колдунье, и та предложила ей следующее: купить пачку новых булавок, начистить до блеска, а в полночь сварить их в новой же кастрюле. Так и было сделано. Как только вода забурлила, в дверь забарабанили. «Прекрати меня мучить!» — взывала ведьма во дворе. — «Сначала позволь мне есть хлеб», — отвечала девушка,

невозмутимо помешивая булавки. — «Да ешь ты его, ешь!» — возопила ведьма, и проклятие было разрушено.

Еще чаще, чем на чужой хлеб, ведьмы покушались на масло. Им ничего не стоило издалека заколдовать маслобойку так, что масло не взбивалось, сколько бы хозяйка с ним не мучилась. Чтобы расколдовать масло, следовало бросить в маслобойку шиллинг или сунуть туда раскаленную кочергу. Дипломатичные особы могли договориться со злодейкой. Так, одна ланкаширка как-то раз взялась за маслобойку, но масло все не спешило появляться. Тут женщина вспомнила, что вчера отказала соседке, пришедшей занять что-то по мелочи. К соседке тут же побежала служанка и не только принесла ей все то, о чем та просила, но еще и полдюжины яиц в подарок. Улыбнувшись, ведьма пожелала хозяйке удачи. В результате фермерша взбила невиданное количество масла! Ведьмы ведь любят, когда к ним относятся с уважением.

Особое место в ряду продуктов занимала, конечно же, соль. Перед тем как выносить из дома мясо или рыбу, шотландцы посыпали их солью, чтобы продукты не достались фейри. Соль также сыпали на порог после ухода неприятных гостей, чтобы предотвратить их повторный визит. Соседи никогда не одалживали соль, но отдавали ее просто так. Соль нельзя было без спроса сыпать в чужую тарелку, чтобы не навлечь на человека беды. Известнейшее суеверие, сохранившееся до наших дней, гласит, что того, кто рассыплет соль, ждет несчастье. Невозможно в точности установить, когда возник этот запрет, но, вероятно, еще в те времена, когда соль стоила дорого продуктом и ее не расходовали понапрасну. Впрочем, фольклор выдвигал свои гипотезы. По одной версии, во время Тайной вечери Иуда задел солонку локтем, и ему совершенно точно не повезло! Беду можно было предотвратить, бросив щепотку соли через левое плечо. Осторожные шотландцы поднимали соль на лезвии ножа.

Как и соль, чай был практически неотделим от английской трапезы. К 1850 году чай стал напитком, доступным для всех слоев населения. В те времена, когда ужинали сравнительно рано, вечер заканчивался чаепитием, чтобы не идти спать на голодный желудок. После того как ужин отодвинули на более позднее время, в ночных чаепитиях отпала необходимость. Зато с чашечкой чая можно было скоротать время от ланча до ужина. Но и тут началось классовое расслоение! Среднему классу и аристократии были свойственны

чаепития между тремя и пятью часами пополудни (afternoon tea), во время которых вместе с чаем подавали крошечные бутерброды, булочки и печенье. Рабочие пили чай чуть позже, между пятью и шестью вечера, а вместо сэндвичей ели что-нибудь более существенное — например, яйца или мясные продукты. Это чаепитие, напоминавшее ранний ужин, называлось high tea («поздний чай») или meat tea («мясной чай»).

Чаепитие обросло суевериями. Если пристально смотреть на чайник, кажется, что вода закипает целую вечность. Но суеверные личности божились, что если чайник закипает слишком медленно, он заколдован. Чтобы расколдовать его, надо взять для растопки очага три разные породы дерева. Девонские крестьяне запивали чай сидром, полагая, что чай повредит здоровью, если не ополоснуть после него печень. В Оксфордшире последние 9 капель чая, оставшиеся в чайнике, считались хорошим лекарством от боли в сердце. В Дербишире идеальную чашку чая готовили в такой последовательности — чай, сахар, молоко. Если перепутать местами молоко и сахар, расстанешься с любимым человеком. Мешать заварку в чайнике, особенно ножом, считалось нежелательным — можно поднять со дна беду. К счастью, суеверия не запрещали размешивать чай вообще. Этой лазейкой пользовались ланкаширцы. Они энергично размешивали чай в надежде, что на его поверхности появятся пузырьки. Чем больше пены, тем больше будет денег. В других краях к пузырькам относились с меньшим восторгом: в Северной Ирландии они предвещали путешествие по воде, в Эссексе — приход незнакомца. С визитом незнакомца связывали также одиночный чайный лист или стебелек в чашке. Беркширцы считали, что твердый стебелек означает мужчину, мягкий — женщину. Нежелательного визита можно было избежать, бросив чайник под стол. В Дербишире чайник называли «кавалером», ее появление приводило старых дев в восторг. Чай быстро размешивали и задерживали ложку в середине чашки. Если чайник прилипла к черенку ложки, таинственный незнакомец пожалует вечером того же дня. Если же она приставала к краям чашки, он мог и вовсе не явиться. Разливать чай по чашкам должен был только один человек за столом, как правило, сама хозяйка. Если две женщины разливали чай из одного чайника, обеим грозила беда: у них — о ужас! — родятся рыжеволосые близнецы. Универсальным было гадание на чайных листьях и на кофейной гуще. По очертаниям спитой заварки старались определить грядущие события. А если заварку не использовали для гадания, лучше всего ее сжечь. Если просто выбросишь — накличешь бедность.

На викторианском столе можно было встретить блюда, которые удивят современных англичан: говяжий студень, телячьи сердца, зубные железы, жареный целиком заяц с хрустящими ушами, кожа со свиной морды вместе с пяточком и вареная телячья голова, причем глаза считались особым лакомством. Но даже на фоне таких деликатесов корнуолльская кухня поражала своей оригинальностью. О корнуолльцах судачили, что они и черта запекут. Отвесная скала возле деревни Голант образовалась якобы от того, что дьявол обрушил камни, когда удирал от сельчан, жаждавших отведать пирог с рогатой и хвостатой начинкой. Что верно, то верно — пироги в Корнуолле пекут странные. Учитывая дороговизну мяса, начинали их чем придется, и овечья требуха была далеко не худшим вариантом. Пироги taddago пекут из мертворожденных поросят, а пироги veets — из таких же невезучих ягнят. Рыбные головы не отрезали, но закладывали рыбу в пирог целиком, так чтобы жир с головы стекал в начинку. Создавалось впечатление, что рыбы высунули из пирога головы и укоризненно глядят на едоков. Запивали пироги терновой наливкой и вином из пастернака.

В городке Денби Дейл (Йоркшир) до сих пор выпекают гигантский пирог с мясом и овощами. Впервые таким образом отпраздновали исцеление короля Георга Третьего от душевной болезни в 1788 году. Затем пирог выпекали в честь битвы при Ватерлоо, юбилея королевы Виктории в 1887 году и т. д. На пирог, испеченный в 1964 году, ушло 3 тонны говядины, полторы тонны картофеля и полтонны подлив. Угоститься им смогли 30 тысяч человек!

В большинстве своем англичане пекут менее оригинальные пироги, но даже самая

простая выпечка требовала внимательности. Выбирая начинку, следовало свериться с календарем. Например, ежевику нельзя было собирать после 11 октября, старой даты Дня Михаила Архангела (теперь 29 сентября). В этот день Сатана был низвергнут с небес и приземлился в аккурат на куст ежевики. Дьявол так разозлился, что каждый год именно в этот день вымещает обиду на ягодах — плюет на них и даже мочится.

Одним из национальных блюд Великобритании является пудинг. Самые первые пудинги готовили в оболочках для колбасы. В наследство от этой традиции остались такие виды пудинга, как «черный пудинг» (или кровяная колбаса), хаггис и некоторые другие. В свиных кишках готовили не только пудинги из мяса, но также миндальные и рисовые пудинги, хлебные пудинги и лакомства с добавлением розовой воды. В отличие от колбасы пудинги варили, а потом обжаривали на сковороде или запекали в печи.

Еще один тип пудинга — это пудинг под вертелом, например йоркширский пудинг. Наиболее ранний рецепт этого пудинга датируется 1737 годом: «Приготовить жидкое тесто как на блины, вылить в подогретый поддон, смазанный жиром, и поставить под баранью тушу, чтобы на пудинг стекал горячий жир. Время от времени поддон нужно шевелить, чтобы пудинг получился воздушным. Когда баранина будет готова, можно вынимать и пудинг. Перевернуть его на блюдо и подавать горячим». Когда мясо на вертеле утратило популярность, йоркширский пудинг стали запекать в духовке. С куса пудинга, обильно сдобренного подливой, начинали ужин. К мясным блюдам приступали позже, когда все едоки уже набили желудок калорийным первым блюдом. Таким образом, мяса съедали гораздо меньше — очевидная экономия.

Вареные пудинги готовили на основе жира с добавлением хлебных крошек, круп, гороха и т. д. К вареным разновидностям относятся пудинг из мяса и почек и рождественский плам-пудинг. Эти пудинги заворачивали в льняную ткань и погружали в кастрюлю с кипящей водой, где зачастую варилось мясо. Любопытным комментарием к приготовлению пудингов служит детский стишок:

Что это было? Что это было?
Веревку от пудинга кошка стащила!
Что же мне петь? Что же мне петь?
Кошка завязку сумела поддеть!
Что же мне делать? Как же мне быть?
Кошка успела мой пудинг схватить!
Что это было? Что это было?
Кошка огромный кусок откусила!
Что же мне делать? Как же мне быть?
Кошке весь пудинг придется скормить.

Ткань, в которую была завернута сырая смесь для пудинга, или завязывали в узел, или же обвязывали веревкой. А веревочка, торчащая из кастрюли, была желанной добычей для любой кошки. Стоило хозяйке отвернуться, как пудинга и след простыл!

Ребятишки распевали и другую песенку про пудинги:

Артур был добрым королем,
Как нам его забыть!
Украл он кварту с ячменем,
Чтоб пудинг с ним сварить!

Только представьте себе короля Артура, ворующего ячмень из-за нехватки продуктов на королевской кухне!

Наем и деньги

В середине сентября наступала пора ярмарок труда, во время которых фермеры подыскивали новых работников. Основу такой системе найма положил указ времен Эдуарда Третьего. Из-за нехватки рабочих рук в сельском хозяйстве возникла потребность в регулировании отношений между нанимателями и работниками. Несколько раз в году проводились «статутные сессии», на которых судьи оглашали установленные тарифы заработной платы. Елизавета Первая отменила эту процедуру, но традиционные встречи нанимателей и работников сохранились. Обычно работников нанимали сроком на год. Если по истечении этого срока фермер не желал продлевать договор или же батраку хотелось попытать счастья в других краях, оба отправлялись на статутную ярмарку. Соискатели прихватывали с собой какой-либо атрибут своей профессии: пастухи привязывали к шляпам клочок овечьей шерсти, горничные приносили метлу и т. д.

К сожалению, далеко не всегда наниматель и работник приходили к соглашению. О том, что может произойти, если кто-то нарушит договор, рассказано в балладе «Ламкин» («Lamkin», номер 93). Лорд нанял каменщика построить ему замок, а после отказался платить. Каменщик Ламкин затаил обиду. Через некоторое время лорду понадобилось уехать по делам, а нянька, любовница Ламкина, впустила свирепого каменщика в замок. Чтобы

выманить хозяйку из спальни, Ламкин пырнул ножом ее маленького сынишку. Плачущего младенца оставили в колыбели, которая начала наполняться кровью. Услышав плач, леди позвала из своей комнаты: «В чем дело, отчего мой малыш плачет?» Нянька отвечала, что успокоить его может только мать. Когда хозяйка спустилась вниз, то увидела Ламкина и взмолилась о пощаде. В свою очередь, Ламкин спросил няньку, убить ли ему госпожу или пощадить. «О, убей ее, убей, — ответила нянька. — Она всегда ко мне плохо относилась». Тогда Ламкин не просто убил леди, но собрал ее кровь в чашу. В одном из вариантов баллады он приказал няньке начистить чашу до блеска, ведь в нее попадет кровь благородной дамы. Однако нянька отказалась наотрез: пускай кровь леди течет на пол, чем она лучше крови бедняков? Когда лорд вернулся в родные края, он узнал о чудовищном преступлении. Оба убийцы были схвачены и казнены: Ламкина повесили на воротах, а няньку сожгли на костре. А ведь если бы лорд сразу заплатил каменщику, скольких смертей удалось бы избежать!

Сложные товарно-денежные отношения никогда не обходились без суеверий. Важной концепцией в английском фольклоре был «почин» (handsel), т. е. благословение начала любого дела. Доброе начало влекло за собой столь же благоприятное развитие событий. Это суеверие охватывало все сферы жизни — рождение детей, торговлю, покупку новой одежды, начало года и т. д. Лондонские торговки плевали на первую выручку в году в надежде, что она не станет последней. Точно так же поступали слуги, получившие чаевые.

Взаимосвязь денег и удачи часто встречается в народных верованиях. После того как покупатель заплатил за покупку, продавец возвращал ему символическую сумму денег, так называемые *luck money* — «деньги на удачу». В сельской местности, где суеверия принимали всерьез, подобные обычаи были в ходу. В первую очередь возврат мелкой монеты означал, что продавец и покупатель договорились полюбовно, между ними не осталось недомолвок. К сожалению, даже такой милый обычай открывал дорогу злоупотреблениям. В 1870-х годах линкольнширские фермеры возмущались, когда у них требовали «денег на удачу», считая эту практику чем-то вроде незаконного налога с продаж. Помимо «денег на удачу» в ходу был противоположный принцип, так называемый «Божий пенни» (God's penny). Это были деньги, которые вносили в качестве задатка перед покупкой. Несмотря на название, сумма могла значительно превышать один пенни. Как и в случае с «деньгами на удачу», «Божий пенни» скреплял сделку, подтверждая добрую волю обеих сторон.

Профессиональные суеверия

К возникновению суеверий часто приводит атмосфера неуверенности и страха. В таких условиях суеверия дарят надежду, пусть даже иллюзорную. Именно с постоянным риском для жизни вкупе с невозможностью полностью контролировать свою судьбу связано большинство профессиональных суеверий.

Рыбная ловля на утлом суденышке диктовала свои страхи, и самое большое количество профессиональных суеверий рождалось в среде моряков. Казалось бы, любой рыбак рад похвастаться своим уловом. Тем не менее на Оркнейских островах считалось дурной приметой расспрашивать рыбаков о количестве пойманной рыбы. Оркнейцы вздрагивали, заведя акулий плавник, ведь появление акулы предвещало скорую смерть одного из членов экипажа. Верили и в то, что утопленники выкрикивают свои имена, предупреждая живых коллег о надвигающемся шторме. Заслышав их странный зов, моряки разворачивались к берегу.

Валлийцы верили, что если одолжить что-либо на другой корабль, можно ненароком отдать всю удачу. Поэтому одалживаемую вещь следовало хоть немного, но подпортить. Дурной приметой считалось менять название судна, что происходило довольно часто при продаже кораблей или смене руководства судоходной компании. Хотя эта практика была стандартной, экипаж с недоверием относился к любым новшествам. Свист на борту вызывал ветер, поэтому свистеть разрешалось только в штиль. Чтобы намеренно вызвать ветер, надо было свиснуть или воткнуть в мачту нож. Также под мачту засовывали монеты, призывая добрый улов.

Плыть по морю следовало «посолонь», т. е. в направлении движения солнца. Особенно строго эту примету соблюдали в Шотландии. В некоторые дни предпочитали и вовсе не рыбачить, все равно хорошего улова не дождешься. Самым несчастливым днем считалась пятница, а счастливыми — понедельник, суббота и особенно воскресенье, когда можно получить церковное благословение. Рыбаки огорчались, если по дороге к лодке встречали зайцев, кроликов или свиней, а также священников и рыжеволосых женщин. Возможно, из-за того что священники ассоциируются с похоронами, встреча с ними была несчастливой для представителей любых профессий. Тем не менее рыбаки с острова Мэн утверждали, что встреча с католическим священником не грозит бедой в отличие от встречи с протестантом. Католики лучше управляются с нечистой силой, так что рядом с ними безопаснее.

На борту судна нельзя было произносить следующие слова: свинья, заяц, кролик, лиса, тюлень, церковь, священник, яйцо, кошка, крыса и, как это ни парадоксально, лосось. Если

запретное словечко срывалось с губ, моряк хватался за железо. Приходилось прибегать к эвфемизмам: шотландские моряки называли лису «красная собака», а тюленя — «лысый зверь». Англичане именовали свинью «обедом на четырех ногах». Рыбацкие семьи разводили свиней, так что на суше моряк мог полакомиться окороком и расспросить жену о здоровье поросят. Упомянуть свинью дома было не зазорно, но стоило рыбаку ступить на палубу, как все разговоры о животных с пяточками тут же прекращались.

Члены команды частенько обращались друг к другу по кличкам. Не последнюю роль здесь играло поверье, что лучше не открывать свое христианское имя, иначе попадешь под чары нечисти. Но были и более рациональные объяснения, учитывая, что в одной и той же деревушке рыбной ловлей занимались все мужчины поголовно, отцы и сыновья, братья и кузены. Попробуй разберись, особенно в шторм, какого именно Джо ты имеешь в виду! А вот окликнул Косого, и обернулся тот, кто надо.

К своему улову рыбаки относились уважительно. В Лоустофте (Саффолк) особым почетом была окружена селедка. Даже после Реформации местные рыбаки-протестанты поднимали кружки за здоровье папы римского. Ведь именно он когда-то повелел всем верующим есть рыбу в пост:

Пьем за его святейшество,
За папскую тиару,
Пьем за девять долларов
Верного навара.

Девять долларов они рассчитывали выручить за каждую бочку соленой рыбы, которую экспортировали в католические Испанию и Италию во время поста. А рыбаки с острова Мэн считали, что косяк селедки можно обнаружить в том месте, где только что проплыли корабли фейри.

Пикша считалась хорошей рыбой, но не столько из-за вкуса, сколько из-за предполагаемой связи с эпизодом из Евангелия от Матфея 17:24–27. Когда собиратели дидрахм потребовали пошлину у апостола Петра, Иисус повелел ему: «Пойди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми, и, открыв у ней рот, найдешь статир; возьми его и отдай им за Меня и за себя». По уверениям английских рыболовов, пикша — та самая рыба, внутри которой Петр обнаружил монету. Темные пятнышки у нее на спине — это не что иное, как отпечатки его пальцев. Торговцы рыбой тыкали в эти пятна, доказывая покупателям, что предлагают настоящую пикшу, а не какую-нибудь невкусную рыбешку.

Не только сами моряки, но также их жены были крайне суеверны. В то время как мужья сражались со стихией в открытом море, женщины прикладывали все усилия, чтобы не накликать беду. Ни одна рыбачка в здравом уме не пряла после заката солнца, чтобы не спрясть мужу саван. Буханку хлеба, упавшую горбушкой вниз, сразу переворачивали, чтобы мужнина лодка не перевернулась в море. После отплытия лодок запрещалось стирать, иначе волна смоем мужа с палубы.

Уходя в плавание, моряки дарили женам и подругам стеклянные скалки. Этими скалками из разноцветного стекла и с сентиментальными надписями не раскатывали тесто. Их хранили в качестве талисмана, а треснувшая скалка сообщала о кораблекрушении. По большей части скалки были полыми, с пробкой на одном конце. В них можно было хранить чай или ром, но суеверные морячки наполняли их солью, уберегавшей от сглаза. Иногда в стеклянные контейнеры прятали высушенную «рубашку», т. е. водную оболочку плода. Согласно поверьям, она спасала от смерти на воде.

Прибрежные воды бороздили призрачные корабли. Появлялись они в годовщину катастрофы, повлекшей смерть всего экипажа. Зачарованные зрители наблюдали, как корабль вновь пробивает корму о риф и идет ко дну под крики и стенания бесплотных матросов. Жители Южной Шотландии уверяли, что каждое Рождество видят призрачное судно «Бетси Джейн». В свое время этот корабль принадлежал работоторговцу. Чернокожих рабов загоняли в трюм, где они просиживали неделями, страдая от голода и задыхаясь от испарений. Многие умирали там же, в темном трюме, среди стонов соплеменников. Однажды под Рождество команда возвращалась после успешной сделки в родные края. Матросы расслабились, подсчитывая грязные барыши и прикидывая, на что они их потратят. Но в тот день фортуна отвернулась от них, и корабль наткнулся на риф. Судно пошло на дно, но каждый год его призрак упрямо плывет в порт.

На острове Джерси моряки прислушивались, не звонят ли подводные колокола. Тот, кому почудится их звон, был обречен на скорую гибель. Рассказывали, что король Эдуард Шестой повелел снять колокола с местных церквей и отправить их французскому купцу, уплатившему за них хорошую цену. Но святотатство не осталось безнаказанным. Корабль, перевозивший колокола, потерпел крушение, и теперь они звонят уже со дна. Подобные легенды присущи не только острову Джерси, но встречаются по всей Англии.

На дне морском рыскал дух Дейви Джонса и собирал обломки кораблей, трупы моряков и все то, что попадало в его чертоги. Отсюда и название моря — «рундук Дейви Джонса». В романе Тобайаса Смоллета «Приключения Перигрина Пикля» описан розыгрыш, устроенный членами команды одному из офицеров: «К шкуре большого быка Пайпс приладил кожаную маску самого устрашающего вида, растянутую на челюстях акулы, которую он привез с моря, и снабженную парой больших стекол вместо глаз. За этими стеклами он поместил две тростниковых свечи и из смеси серы и селитры сделал запал, который укрепил между двумя рядами зубов». Предприятие возымело успех, и офицер был

изрядно напуган. Смоллет уточняет: «Согласно легендам моряков, Дэви Джонс — дьявол, господствующий над всеми злыми духами морской пучины, и его часто видели под разными личинами восседающим среди снастей перед ураганом, кораблекрушением и другими катастрофами, нередкими на море, и предупреждающим обреченную несчастную жертву о беде и смерти».

Известный мореплаватель, пират и вице-адмирал елизаветинских времен сэр Фрэнсис Дрейк (1540–1596) тоже стал фольклорным героем. Он представал в народном воображении могущественным колдуном. Однажды Дрейку сообщили, что к берегам Англии подплывает вражеский флот. Сэр Фрэнсис как ни в чем не бывало закончил игру в кегли и лишь затем потребовал деревянную колоду и топор. Дерево он порубил, а щепки бросил в воду. Каждая из щепок превратилась в боевой корабль, и враги королевы Елизаветы были разгромлены. Другая легенда описывает взаимоотношения знаменитого пирата с супругой. Семь лет прождав возвращения мужа из плавания, она уже посчитала себя вдовой. Чтобы не коротать век в одиночестве, леди Дрейк решила повторно выйти замуж. В то самое время, когда свадебная процессия подъезжала к церкви, сэр Фрэнсис обрелся на другой стороне Земного шара. Но мир не без добрых людей — точнее, не без добрых духов. Один такой дух поведал адмиралу о свадебных приготовлениях, и сэр Фрэнсис поспешил вернуть себе супругу. Он выпалил из пушки, да так хорошо прицелился, что ядро угодило в крышу церкви и приземлилось как раз между женихом и невестой. «Должно быть, сэр Фрэнсис восточку прислал!» — обрадовалась леди Дрейк и остановила церемонию. Спустя некоторое время на ее пороге появился нищий и попросил милостыню. Когда он пел Лазаря, то не смог сдержать улыбку, и леди сразу же узнала любимого мужа. С ним не соскучишься!

По суеверности с моряками соперничали только шахтеры. Население шахтерских

поселков Корнуолла придавало огромное значение приметам и обрядам. Шахтер предпочел бы работать на голодный желудок, чем вернуться домой за забытым обедом. Ни в коем случае нельзя было свистеть в шахте или с наступлением темноты, иначе накличешь беду. С нарушением этого табу связана легенда о Семи Свистунах. Как-то раз семеро шахтеров напились в воскресенье и решили забавы ради посвистеть после заката. Вихрь унес их в поднебесье, и с тех пор в облике птиц они летают по свету, нигде не находя покоя. Услышав зловещий посвист, шахтеры немедленно расходились по домам. Самые суеверные и весь следующий день не выходили на улицу.

Наравне с горняками в шахтах трудились дружелюбные духи по прозвищу knockers — нокеры. По словам очевидцев, ростом нокеры были не больше куклы, зато одеждой и повадками походили на заправских шахтеров. Своим стуком они предупреждали о грядущих обвалах.

Услышав эти звуки, нужно было срочно покинуть шахту. Перекусив, горняки оставляли подземным знакомцам немного хлеба, а если жадничали, нокеры сами могли утащить шахтерский обед. Многие считали их обычными брауни, вроде тех, что трудятся в домах за блюдце молока.

Не менее распространенное поверье гласило, что это духи евреев, которых римляне привезли с собой в качестве рабов и заставили трудиться в шахтах. За столько лет духи уменьшились в размерах, зато сохранили свои обряды. Поэтому нокеров никогда не слышно по субботам — они блюдут Шаббат.

Напоследок рассмотрим суеверия игроков. Скрестить пальцы на удачу — как часто мы слышим эту фразу! Тем не менее, по данным фольклориста Стива Роуда, сведения об этом жесте появились лишь во второй половине XIX века. Прежде на удачу скрещивали не пальцы, а ноги. Особенно популярным это поверье было среди картежников. Завсегдатаи игорных домов также носили барсучий зуб в жилетном кармане, опасались пересаживаться со стула на стул и старались не прикасаться первыми к трефовой двойке.

Отношение к игре в карты было неоднозначным, но далеко не всегда отрицательным. К примеру, игра в карты была традиционным занятием под Рождество. С другой стороны, люди набожные относились к «дьявольским картинкам» с подозрением. По их представлениям, особо тяжким проступком считалась игра в карты по воскресеньям. В популярной истории рассказывается о картежниках, к которым присоединился незнакомец. В ходе игры карта соскользнула на пол и один из игроков нагнулся за ней. Под столом он разглядел, что у незнакомца вместо ступней были копыта. Оpoznанный дьявол растворился в клубах дыма и вылетел в трубу.

У леди скорбный экипаж
С шестеркой лошадей.
У леди черный гончий пес,
Бегущий перед ней.

На экипаже черный креп
И кучер безголов,
А платье леди источил
Узор могильных мхов.

«Прошу вас, — леди говорит, —
Мой разделите путь!»
Но только лучше я пешком
Дойду когда-нибудь.

В ночи не слышен стук колес,
Не ноет скрип ступиц,
Беззвучно экипаж плывет
Под мерный блеск зарниц.

«Прошу вас, — леди говорит, —
Поедемте со мной!»
Дитя из колыбели взяв,
Везет его с собой.

«Прошу вас, — леди говорит, —
Ускорю путь я ваш».
Невесту, бледную, как снег,
Сажает в экипаж.

«Прошу вас, — леди говорит, —
Лишь вас карета ждет».
И знатный сквайр в экипаж
Как миленький взойдет.

«Прошу вас, — леди говорит, —
Прокатимся быстрее».
И вот старик на костылях
Карабкается к ней.

Уж лучше топать сотню миль
Или бежать бегом,
Чем, встретив этот экипаж,
Увидеть леди в нем.

«Прошу вас, сядьте-ка сюда,
Не говоря ни слова!
Здесь хватит места и для вас,
И для всего живого!»

(«Lady Howard»)

Героиня этой баллады — леди Мэри Говард, знаменитый дартмурский призрак. Говорят, что именно ее история и черный пес поразили воображение сэра Артура Конан Дойля настолько, что он подарил миру «Собаку Баскервильей». Впрочем, сэр Артур с каретой-призраком не встречался, а поверил на слово знакомому. Иначе, как знать, что произошло бы со знаменитым писателем. Ведь эта встреча не сулит прохожим ничего хорошего, кроме быстрой и безболезненной смерти. Согласно легенде, леди Говард жила в начале XVI века и, будучи богатой невестой, сменила поочередно четырех мужей. Все они умирали так быстро, что только в четвертом браке Мэри успела родить ребенка. Но и сын ее долго не прожил, хотя сама леди Говард скончалась в почтенном возрасте 75 лет. После смерти Бог наказал ее тем, что каждую ночь в карете из костей своих бывших мужей (четыре черепа украшают четыре угла экипажа) леди Говард проделывает путь в 30 миль от своего дома в Тавистоке до замка Окхэмптон и обратно. Перед каретой бежит дьявольский черный пес с красными глазами и ужасными клыками, а на облучке сидит безголовый кучер. Если карета остановится возле чьего-то дома, живущий в нем вскоре умрет.

Хотя историческая леди Говард вовсе не была отъявленной злодейкой, имела несколько детей и всего-навсего развелась со своим жестоким четвертым мужем, вернув себе фамилию Говард, взятую в третьем браке, народ в Дартмуре до сих пор верит, что сухой стук костей, слышимый на дороге по ночам, возвещает скорую смерть. Нам же с вами предстоит узнать, как, с точки зрения викторианцев, выглядела смерть, какие приметы свидетельствовали о ее приближении и какие традиции ее окружали.

Предвестники смерти

Как и у многих германских народов, смерть у англичан чаще всего предстает мужчиной, а не женщиной. Это Мрачный Жнец, скелет в темных одеждах и с косой в руках. Он может наносить визиты пешком, но чаще разъезжает на коне. Образ Смерти в седле возник под влиянием стиха из Откровения 6:8, где упоминается «конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть». Мрачный Жнец не лишен своеобразного обаяния и частенько вступает в споры со своими «клиентами», а иногда сдается в ответ на их доводы.

Следующая история входила в репертуар бродячих певцов из графства Гламорган (Уэльс) в начале XIX века:

Эван Бач — Маленький Эван — из городка Портковл мечтал дожить до преклонных лет. Когда за ним явился Смерть, Эвану было шестьдесят и, по его мнению, умирать ему, конечно, «до смешного рано». Эван вежливо поприветствовал Смерть и пригласил того присесть на скамейку у камелька.

— Некогда мне, — отнекивался посетитель. — Нужно нанести еще пару визитов в ваших краях.

— Время уже позднее, а каких-то полчаса ничего не изменят, — заметил Эван.

— Я очень спешу, так что следуй за мной, — настаивал Смерть.

— А не рановато ли? — осведомился Эван. — Мне всего-то шестьдесят, а уж сколько добрых дел я совершу к восьмидесяти!

— Так-то оно так, — ответил Смерть, угрожающе постукивая костями, — но я уже принял решение забрать мужчину твоего возраста прямо сегодня или самое позднее завтра. А то шестидесятилетние начинают задаваться.

— Ну так возьми Билли Джеймса из Ньютона, — предложил Эван. — Ему только что стукнуло шестьдесят. Да, вот именно. Если подумать, он даже обрадуется, ведь бедолагу лет с сорока мучает ревматизм. Это послужит хорошим предупреждением для остальных.

Смерть сурово посмотрел на Эвана Бача и сообщил:

— Мне нужен здоровый мужчина, про которого потом скажут: «Господь прибрал его в самом расцвете сил».

— Ну так я порекомендую тебе настоящего здоровяка! Как раз тот, кто тебе нужен! Да, вот именно. Большой Дейви из Пайла. Да он может сорок миль без усталости прошагать! Как тебе мое предложение? А то на тебя не угодишь.

Все это старик проговорил, с улыбкой потирая руки.

— В наших краях полно мужчин гораздо крепче меня, — продолжал Эван. — Взять хотя бы Неда из Мэртир Маур, или Джека из Конелли, или хоть старого дядюшку Дика из Ньютона. А ведь всем им за восемьдесят перевалило!

— Вот именно, все они для меня слишком старые, — не сдавался Смерть.

— А что, если я отдам тебе все мои сбережения? Их прилично накопилось, только ты, чур, никому не рассказывай, — подмигнул Эван Смерти. — Почти три тысячи фунтов.

— Деньги мне ни к чему, — сказал Смерть. — Но если хочешь заключить со мной сделку, я готов нарушить свои правила.

— Конечно, дорогуша! Проси чего хочешь, я все сделаю. Да, вот именно!

Смерть понизил голос и произнес со всей серьезностью:

— Мои условия таковы: ты должен почаще работать на поле, а то ведь совсем обленился, как скопил три тысячи фунтов.

— Обещаю трудиться каждый день, кроме воскресенья! — согласился Эван.

— Ты обязуешься ухаживать за своей теткой, которая живет на приходское пособие.

— Будет сделано!

— Подаришь новую лодку племяннику, он как раз собирается жениться.

— Само собой!

— Не будешь таким скупердям, как в последние несколько лет, — продолжал Смерть.

— Все, что только пожелаешь! — отвечал Эван.

— И наконец, — сказал Смерть, — будешь больше жертвовать на бедных и помогать деньгами приходской церкви. Если нарушишь хоть одно из этих условий, я сразу за тобой приду.

— А если выполню все, то смогу жить вечно?

— Нет, но в таком случае дотянешь до ста лет. Еще лет сорок проживешь, не меньше.

— Дорогуша, да если я хоть до девяноста девяти доживу, все равно буду на седьмом небе от счастья. Да, вот именно!

Смерть отправился своей дорогой, а Эван остался выполнять условия сделки. Тетушку Молли он поселил у себя дома, племяннику купил новую лодку и уже не проходил мимо коробки для сбора пожертвований, чтобы не опустить в нее деньги. Так продолжалось до тех пор, пока ему не стукнуло девяносто. К тому времени тетушка успела скончаться, а племянник нажил состояние. Эван вновь стал корыстолюбивым и жертвовал на церковные нужды все меньше и меньше. К девяноста трем годам он и вовсе прекратил добрые дела. Немного погодя за ним пришел Смерть. Эван умолял его о еще шести годах жизни, но уговоры не помогли, ведь условия сделки были нарушены.

Иногда Смерть был не чужд «человеческим» привязанностям. По крайней мере так рассказывали в Уэльсе в первой половине XIX века. На эту историю оказал влияние традиционный мотив «Смерть и Дева», когда Смерть предстает в образе жениха и уводит девицу в свои чертоги.

В Меллинкурте, в четырех милях от городка Нит (графство Порт-Толбот), жила старая тетушка Нэн. Несколько раз невидимая сила уносила ее прочь, над горами и ручьями, через равнины и леса, но каждый раз возвращала ее домой. Никто не знал, что именно происходило с тетушкой Нэн. Поговаривали, что время от времени ее посещает незнакомец в длинном сером плаще и серой шляпе с обвислыми полями. Лица его никто не мог разглядеть. Хотя соседи не раз наблюдали, как он входит к тетушке Нэн, никто не видел, чтобы он выходил из ее дома. А когда незнакомец проходил мимо, раздавалось бряцанье, как от кандалов или бьющихся друг о друга ключей. Племянник Нэн вернулся из плавания и решил, что если странный гость вновь пожалует, уж он-то разгадает эту тайну! Одной декабрьской ночью его желание исполнилось. Джек спал на втором этаже, но через щели в полу мог с легкостью разглядеть, что творится на первом. Посреди ночи он услышал стук в дверь. Тетушка же не сразу его расслышала, так что стук повторился трижды.

— Кто там? — спросила она, поднимаясь.

— Сама знаешь кто, — последовал ответ.

Тетушка сняла засовы, и Джек увидел, как в дом вошел незнакомец в сером плаще. Старушка опустилась на скамью.

— Я пришел за тобой, — сказал гость.

— Подожди чуток, — ответила Нэн. — Я еще не готова. Ночь сегодня холодная.

И она вздрогнула. Они еще поговорили, а потом незнакомец скинул плащ, под которым оказался настоящий скелет. Джек задрожал от страха, но продолжал наблюдать за странной парочкой.

— Третий раз я тебя прошу, — сказал скелет. — Сегодня ночью ты станешь моей невестой.

Тетушка Нэн поежилась на скамейке. Они еще пошептались, но скелет вдруг схватил старушку и закружил ее в танце. В бешеном темпе они кружили по комнате, пока Нэн не почувствовала себя дурно и не попросила передышки. Пока она отдыхала, скелет накинул на плечи плащ, надел шляпу и приготовился к отъезду. Он распахнул дверь, подхватил тетушку Нэн, а когда Джек бросился к окну, то разглядел в лунном свете навьюченную серую лошадь, пбджидавшую их перед домом. Скелет усадил Нэн в седло, затем сам вскочил на лошадь, и они ускакали прочь со скоростью молнии. Соседи пришли к выводу, что за тетушкой Нэн приехал Смерть, ведь с тех пор она как в воду канула.

Будучи истинным джентльменом, Смерть не приходил без предупреждения, а заранее объявлял о своем визите. Увидев или услышав что-то необычное, люди в точности знали, что близится смертный час. Смерть предвещали любые внезапные звуки: звон в ушах, мерное щелканье жука-точильщика, стрекот сверчка, шорох на пустой лестнице, потрескивание мебели, собачий вой посреди ночи, скрип невидимой телеги на улице. Особенно зловещим считался тройной стук в дверь, за которой никого не оказывалось. Подробнее об этом суеверии можно прочесть в романе Джорджа Элиота «Адам Бид», повествующем о жизни в английской провинции в конце XVIII века. В нижеприведенном отрывке главный герой, плотник Адам Бид, мастерит гроб для скончавшегося соседа, как вдруг слышит необычный звук:

«В этот миг послышался резкий стук, словно о входную дверь ударяли веткой ивы, и Джип, вместо того чтобы залаять как обычно, громко завыл. Встревоженный, Адам подошел к двери и распахнул ее. Никого за ней не было. <...> Адам обошел вокруг дома, но не заметил ничего, кроме крысы, что метнулась в сарай, когда он проходил мимо. Недоумевая, он вернулся домой. Таким необычным был тот звук, что как только Адам услышал его, в голове сам собой возник образ ивы, ударяющей о дверь. Поневоле он вздрогнул, вспоминая материнские рассказы о том, что именно такой звук предвещает чью-то смерть».

На следующий день Адам узнал, что ночью утонул его пьянчуга-отец. Предсказание оказалось точным.

Многие верили в так называемые «свечки мертвецов» — голубые огоньки в воздухе, появление которых предвещало скорую смерть в округе. Загорались они над тем местом, где будет выкопана могила, или же над поверхностью воды, если вскорости кто-то утонет. Валлийцы верили, что эту приметку даровал им святой Давид, покровитель Уэльса. Святой молился, чтобы его паства могла заранее узнавать о приближении смерти и достойно подготовиться к переходу в мир иной. Вот Господь и зажег для них особые свечи. Размер призрачного огонька указывал на возраст будущего покойника. Если суждено умереть ребенку, огонек будет крошечным, зато взрослый может рассчитывать на иллюминацию посолиднее.

Завораживающим, хотя и неприятным, зрелищем были призрачные похороны. В начале XIX века в Уэльсе бытовало мнение, что настоящим похоронам предшествует призрачная репетиция: можно услышать, как бестелесный плотник вбивает гвозди в гроб или священник читает проповедь. Рядом с ними духи тех, кто будет присутствовать на поминках, поднимают бокалы и вкушают призрачную пищу. Кто-то считал, что такие видения доступны всем людям, но в особенности тем, чьи окна выходят на кладбище. Тогда призрачными процессиями можно любоваться хоть каждую ночь. Другие же уверяли, что узреть призрачные похороны могут только ясновидящие. Подобный феномен описывали и жители острова Мэн. Некоторые клялись, что призрачная процессия может нагнать прохожего на безлюдной дороге и положить похоронные носилки ему на плечо. Впрочем, встреча с реальной похоронной процессией тоже ничего хорошего не сулила. В начале XIX века суеверная дама из Хартфордшира прославилась тем, что в дорогу захватывала набор булавок на случай встречи с похоронной процессией. Булавки она бросала из окна кареты, чтобы отвести беду.

Способность предугадывать время собственной или чужой смерти связывалась с ясновидением, даром, которым народная молва наделяла шотландских горцев. В XVII–XVIII веках, не только фольклористы, но и ученые мужи всерьез занимались изучением этого феномена. Сами шотландцы ценили ясновидение как национальное достояние, выгодно отличавшее их от англичан. Вместе с тем возникал вопрос о передаче ясновидения по наследству, ведь дети многих провидцев были напрочь лишены этого дара. Согласно общему мнению, далеко не каждый горец-провидец, зато у любого провидца обязательно были шотландские корни. Даром ясновидения гордились, хотя он приносил скорее скорбь, чем радость. Провидец в точности знал, когда ему или кому-то из близких предстоит отойти в мир иной. Незадолго до смерти он видел своего двойника, закутанного в саван.

Знаменитый рисунок Данте Габриэля Россетти «Как они встретили самих себя», где изображена пара любовников, столкнувшихся в лесу словно со своим отражением в зеркале, иллюстрирует именно это поверье. Дама падает в обморок потому, что узнала дурную примету.

По всей Англии сверхъестественного двойника, встреча с которым предвещала смерть, называли «фетч». Йоркширцы именовали его «уафф» и клялись, что смерти можно избежать, если обругать его как следует. Один йоркширец наткнулся на своего двойника в бакалейной лавке и набросился на него с угрозами: «А ты что здесь забыл? А ну-ка убирайся подсобру-поздорову! Пошел вон, кому говорят!» Пристыженный уафф поплелся прочь и более не досаждал храбрецу.

Самой известной предвестницей смерти на Британских островах является, безусловно, ирландская баньши. Она предстает как в образе юной девушки с длинными волосами и серым плащом поверх зеленого платья, так и уродливой старухи, но тоже длинноволосой. Баньши можно застать у ручья, где она полощет окровавленные одежды людей, обреченных на смерть. Главное, не просить ее постирать вашу рубашку, иначе оскорбленная баньши задушит вас в два счета. В другом, более известном варианте легенды баньши бродит возле дома будущего покойника и своим криком оповещает его о скорой смерти. Однако большинство викторианцев вряд ли слышали или рассчитывали услышать завывания баньши. Дело в том, что баньши «обслуживает» только представителей старинных ирландских и шотландских родов. Менее родовитых господ она попросту игнорирует.

Над теми, кто придавал мрачным предвестиям чрезмерное значение, любили посмеяться. Да и сами суеверные господа потом хохотали от души — еще бы, такой груз, как собственные похороны, с души свалился. Рассказывали, к примеру, как некий пастор шел с фермы, где учил детей катехизису. В дороге его застал звон, исходивший из ниоткуда. Звон следовал за ним несколько миль, так что домой пастор вернулся в унылом настроении. Призрачный звон всегда предвещал смерть, а пастор, хотя и был христианином, народными приметами тоже не брезговал. Но какова же была его радость, когда, скинув сюртук, он увидел, что из кармана выкатился колокольчик. Несколько часов назад на ферме поднялся

рой пчел, и почетного гостя попросили образумить насекомых звоном. В суматохе пастор совершенно забыл, куда сунул колокольчик, так что принял его треньканье за зловещий перезвон смерти.

Встреча с духом умершего родственника

Люди предпочитали умирать дома, в кругу семьи. Приготовления к смерти обычно не занимали много времени. Уладить дела, написать завещание — это удел высших сословий. Беднякам было проще — главное, правильно лечь в постель. По бытовавшей тогда примете, если кровать стоит не параллельно половицам, а пересекает их, то лежащий на ней человек будет умирать долго и мучительно. То же самое произойдет, если в подушке или перине окажутся голубиные перья. Последняя примета частично объясняет способ эвтаназии, когда из-под головы больного убирали подушку, тем самым затрудняя дыхание и ускоряя наступление смерти. Нет подушки — нет и зловредных перьев. Чтобы не испытывать деликатность Смерти, следовало сразу же правильно разместить и постель, и умирающего. Тогда душа быстро расстанется с телом, предоставив родственникам заботиться о бранных останках.

Несмотря на то что христианство не поощряет чрезмерной заботы о мертвом теле, уже лишенном благодати после отделения души, для викторианцев, видевших смерть довольно часто, важно было правильно проводить покойника, чтобы ненароком не приманить новую смерть. В первую очередь умершему закрывали глаза, иначе мертвец будет высматривать, кому из членов семьи предстоит умереть в следующую очередь. На глаза по древней

традиции клали монеты. Готовя тело к похоронам, его обмывали, подвязывали подбородок платком, расчесывали волосы. То была сугубо женская работа, и женщины ей гордились. Помочь вдове приходили соседки или приезжали родственницы.

В комнате покойного всегда занавешивали зеркала. Считалось, что если посмотреться в это зеркало, увидишь мертвеца за спиной. Сразу же после чьей-то смерти следовало распахнуть окно, чтобы душа могла отлететь в мир иной. Держать двери нараспашку нужно было и во время похорон, до тех пор пока похоронная процессия не вернется с кладбища. Только так семья могла избежать еще одной смерти в ближайшем будущем. Чтобы в отсутствие хозяев из дома ничего не украли, сторожить добро оставляли кого-нибудь из родни. Под кровать, на которой лежал покойник, ставили миску с холодной водой, чтобы трупный запах ушел в воду. Как символ бренности всего сущего на живот покойнику ставили тарелку с солью и землей. Помимо символического у этого акта было и более приземленное значение: многие верили, что нагруженная тарелка предотвратит попадание воздуха во внутренности и труп не раздуется.

В некоторых графствах, хотя и очень редко, практиковался неаппетитный ритуал — поедание греха. Обычно в роли поедательниц выступали нищие старухи. В сельском обществе они занимали положение «неприкасаемых» — односельчане не общались с ними без крайней необходимости. В 1870 году учительница из Норфолка так описала знакомую ей «грехоедку»: «Однажды она до бессознательного состояния напилась маковым чаем. Обеспокоенная соседка побежала за пастором, а тот пришел к выводу, что человеческая помощь в данном случае уже бесполезна, и выполнил свой долг, прочитав над ней молитвы и отпустив ее грехи... Мало-помалу дурман рассеялся, но когда старуха поднялась, соседка сообщила, что отныне она мертва в глазах церкви. Все ее грехи отпущены, а поскольку теперь для мира ее не существует, снова нагрешить она не сможет. С тех пор она стала зарабатывать на жизнь в качестве поедательницы грехов». Во время похорон грехоедка съедала кусок хлеба и соль с тарелки, символически принимая на себя грехи покойника. На востоке Англии в качестве оплаты за свой труд она получала 30 пенни. Фольклористы второй половины XIX века скептически относились к упоминаниям о ритуальном «поедании греха» и особенно к попыткам связать этот ритуал с древней практикой каннибализма. Принято считать, что если профессия «грехоеда» все же встречалась в XVII–XVIII веках, в XIX веке она сошла на нет. С другой стороны, во многих деревнях утверждали, что каждая капля вина, выпитая на поминках, соответствует греху покойника. Так что благочестивые гости налегали на спиртное с целью облегчить загробную жизнь усопшего.

Пока покойный еще не совсем очоенел, родственники стремились увековечить его память в фотографии. Этот обычай был распространен в первую очередь среди английского среднего класса. Лондонские «Браун и сын» или мистер Флемонс из Тонбриджа (Кент), а также многие другие фотоателье занимались изготовлением так называемых *carte-de-visite* — постмортем. Это были посмертные снимки, напечатанные в нескольких экземплярах и оформленные в картонные паспарту, иногда даже с золотым тиснением. В память об умершем их дарили родственникам и друзьям семьи.

Несомненно, фотографии постмортем берут начало из посмертных портретов, эмалевых миниатюр и скульптур, которые в предыдущие столетия заказывали в память о покойных. В отличие от традиционных видов искусства, где художник и скульптор выступали посредниками между объективной реальностью и идеальным миром, фотография была точна и беспристрастна, позволяя до мельчайших деталей запечатлеть образ умершего. Но и тут традиция оказала свое влияние. С 50-х годов XIX века, когда фотографии от дорогих дагерротипов перешли к более дешевым способам съемки, фотографии постмортем превратились в особый, востребованный жанр. Поскольку художники, даже делая посмертный портрет, изображали на своих полотнах живых людей, то и фотографии стремились запечатлеть умершего так, словно он был еще жив, — сидя или стоя, с открытыми глазами, иногда в окружении живых родственников, включая маленьких детей. В крайнем случае — придать лицу умершего вид безмятежного сна, а фотографию дополнить

траурными символами: увядшими цветами, гирляндами и крестиками. Умерших детей часто фотографировали с игрушками или на руках у скорбящих родителей. Так как детская смертность была очень высока, то именно ребятишек чаще всего можно увидеть на посмертных фотографиях. Порой это становилось единственным шансом сохранить память о ребенке. При жизни детей иногда не успевали сфотографировать, ведь позировать фотографу в те времена приходилось подолгу сохраняя неподвижность. А как заставить егозу пяти-шести лет сидеть ровно, застыв в одной позе?

Еще одна заметная тенденция в фотографиях постмортем — запечатлеть умерших в пышно декорированных гробах, в прекраснейших кружевных саванах, так чтобы стало понятно, что человек уже приобщился к сонму небесных ангелов и больше не вернется в обитель страданий. Красивые саваны сами по себе были характерной чертой викторианских похорон. В XVII веке для поддержки английской шерстопрядильной промышленности был принят парламентский акт, предписывающий хоронить всех умерших, кроме нищих и жертв чумы, в шерстяных саванах. Время шло, закон повсеместно начали игнорировать, а в 1814 году его окончательно отменили. Под влиянием романтизма смерть стала восприниматься как торжественный момент перехода души в вечность, так что и одежаний она потребовала особых. Покойника, конечно, могли обрядить в повседневную одежду, однако девиц и детей стало принято хоронить в одежаниях цвета чистоты и безгрешности, легких, как крылья ангелов.

Купить саван можно было в лавке гробовщика. Готовые саваны шили из дешевых тканей и украшали бумажными оборками, однако некоторые женщины проявляли смекалку и заранее готовили свой собственный саван, более добротный, чтобы не стыдно было людям на глаза показаться. Изящный кружевной саван нередко входил в приданое невесты. В музее Йорка хранится саван, вышитый в начале XX века одной йоркширкой. Он показался ее родственникам таким красивым, что вместо того, чтобы похоронить ее в нем, они оставили саван себе на память.

В торжественном и благостном виде тело умершего выставляли дома в открытом гробу, чтобы родственники и знакомые могли с ним попрощаться. Восприятие смерти в те времена значительно отличалось от нашего. Во-первых, умирали тогда не в пример чаще и большее число умерших были детьми или же людьми молодыми. Во-вторых, тела покойных вплоть до самых похорон находились дома. Многие англичане из рабочего класса вспоминали, что им не раз приходилось спать в одной комнате с умершей бабушкой, братом или сестрой. Наконец, помогала вера в бессмертие души, и умирающие не боялись столкнуться с небытием за порогом смерти. Вместе с тем следует отметить, что со второй половины XIX века смертность в Англии начала снижаться: если в 1868 году на 1000 человек приходилось 21,8 смертей, то в 1908 — уже 14,8. Средняя продолжительность жизни в Англии и Уэльсе тоже постепенно увеличивалась — с 40,2 лет в 1841 году до 51,5 годов в 1911.

Похороны

Похороны в викторианской Англии зависели от общественного положения, которое занимала семья покойного, а также от готовности раскошелиться. Вплоть до начала XX века на похоронах не экономили. Помпезные похороны подчеркивали статус семьи и давали родственникам умершего возможность «пустить пыль в глаза» соседям. В то время как английские крестьяне сами занимались организацией церемонии, их зажиточные соотечественники обращались в контору гробовщика. Прейскурант в таких заведениях был рассчитан на людей с разными уровнями доходов. В 1870 году за 3 фунта 5 шиллингов гробовщики предоставляли следующий пакет услуг: карету, запряженную лошадью, гроб без украшений, но с обивкой из ткани; покров для гроба; перчатки, шарфы и повязки для плакальщиков. В эту же сумму входили услуги кучера, носильщиков и немного плакальщика. Присутствие последнего придавало похоронам торжественность, хотя его обязанности были несложными — молча и со скорбным видом стоять у входа в дом, держа в руках посох с

бантом. Глядя на немного плакальщика, прохожие проникались печальной атмосферой похорон. Именно в таком качестве решил применить Оливера Твиста его хозяин-гробовщик, которому понравилось «меланхолическое выражение лица» мальчика. Немного плакальщика легко было опознать по цилиндру, с которого свисал длинный, почти до пояса шарф — черный или, в случае детских похорон, белый.

При желании и финансовых возможностях можно было нанять катафалк и траурные кареты, чтобы доставить семью на кладбище. Запряженных в них лошадей украшали плюмажами из страусиных перьев. Число плакальщиков, несущих посохи с бантами или подносы со страусиными перьями, тоже зависело от платежеспособности клиента. Присутствовавшие на похоронах дамы надевали плащи с капюшонами, господа облачались в черные плащи, часто взятые напрокат у гробовщика, и привязывали к шляпе узкую черную ленту. Так выглядели похороны людей среднего достатка и выше.

Поскольку воскресенье являлось праздничным днем, в этот день не советовали проводить похороны и копать могилу. Оставлять покойника дома в воскресенье тоже считалось нежелательным, так что похороны старались закончить до выходных, за исключением тех случаев, когда смерть наступала в праздник. Тогда утешение можно было черпать разве что из валлийского поверья, что по воскресеньям умирают люди праведные.

Совсем иная картина наблюдалась в семьях городской бедноты. Воскресенье — единственный выходной день, а отпроситься с работы даже по такому серьезному случаю было невозможно. Так что бедняки из трущоб в пику суевериям и к вящему неудовольствию остальных горожан выбирали для похорон именно воскресенье. На этом их мытарства не заканчивались. Смерть могла случиться внезапно, а если в семье не хватало денег, чтобы зарыть покойника в первое же воскресенье после его кончины, труп оставался дома до тех пор, пока родственники не соберут нужную сумму. Порой на подготовку к похоронам уходило несколько недель. На протяжении этого времени труп лежал в той же комнатенке, в которой ютилась вся семья.

Впрочем, иногда похороны задерживались не только по случаю выходного дня или из-за отсутствия средств. Довольно оригинально телом своего супруга распорядилась уроженка Дарема в 1747 году. Ее супруг, ректор Седжфилда, отправился к праотцам за неделю до сбора церковной десятины. В случае смерти ректора десятина отходила епископу Дарема, но такой утечки капитала находчивая леди никак не могла допустить. Поэтому она решила... засолить мужнин труп. «Соленый пастор» пролежал в комнате вплоть до того дня, когда прихожане явились с долгожданной десятиной. Ушлая вдова припрятала деньги и лишь тогда объявила о кончине супруга. Тем не менее слухи о «соленом пасторе» расползлись по округе, а дух обиженного ректора еще долгие годы не мог успокоиться.

Эксцентричный сэр Джеймс Лоутер, первый граф Лонсейла, родившийся в 1736 году, тоже долгое время не мог похоронить жену, но уже по другим причинам. В молодости он страстно влюбился в красавицу-простолюдинку. Из-за своего зависимого положения девица не посмела отказать высокородному ухажеру. Граф увез ее в Хэмпшир, окружил роскошью, но молодая любовница угасла от тоски по дому. После ее смерти Лоутер никак не мог расстаться с прекрасным телом. Даже когда труп начал гнить, граф по-прежнему сажал любимую покойницу за стол и вел с ней беседы. Из-за невыносимого запаха из поместья разбежались слуги. В конце концов даже безутешный сэр Джеймс понял, что возлюбленную уже не вернешь. Сначала он приказал положить ее тело в стеклянный гроб и еще долго любовался ее останками. Лишь через некоторое время он решил предать тело христианскому погребению. Девушку похоронили на кладбище Пэддингтон в Лондоне, а когда от нее остались одни воспоминания, граф совсем затосковал. Характер его испортился настолько, что среди своих арендаторов сэр Джеймс снискал нелестное прозвище «Злобный Джимми».

Для того чтобы узнать об исконных английских похоронных обычаях, нам нужно отправиться в сельскую местность. Там с погребением не тянули, хотя могли и отложить его на день-другой, чтобы родня из дальних мест успела проститься с умершим. Поскольку

считалось, что тело покойного нельзя ни на минуту оставлять в одиночестве, вечером перед похоронами родные и близкие устраивали бдение над телом. В XIX веке этот обычай практиковался в основном ирландцами и шотландцами. Со смесью негодования и восхищения англичане из среднего класса читали об удачных забавах во время бдений. К примеру шотландцы, чтобы не заскучать, играли в карты, причем карточным столом служил гроб. Поскольку слезами голод не утолишь, хозяева подносили гостям угощение, нередко и спиртное. То и дело бдение превращалось в попойку, а гости настолько входили во вкус, что пировали несколько дней напролет, забывая про печальный повод для встречи. Когда игнорировать покойника становилось решительно невозможно — особенно в летнюю жару, — его старались зарыть поскорее, чтоб возобновить гуляние, на этот раз в кабаке.

Поминальная трапеза

В день похорон в доме умершего собирались родственники и соседи. В начале XIX века в некоторых английских графствах (в частности, в Нортумберленде) гостей на похороны сзывали служащие похоронной конторы. Они никогда не стучали в дверь кулаком, только ключом, который носили с собой. Иногда приглашениями занимался местный звонарь. Перед тем как отправиться на кладбище, гостям предлагали помянуть усопшего. В деревне Им (Дербишир), вошедшей в историю из-за случившейся там в 1665–1666 годах эпидемии чумы, во время которой жители подвергли себя добровольному карантину, на похоронах подавали бисквиты треугольной формы. Угощение запивали темным элем со специями, причем смоченные элем бисквиты оставляли возле ульев, чтобы пчелы тоже помянули усопшего. В Йоркшире в начале XIX века все гости получали круглый сладкий пирожок. Исключением были похороны особ, приживших внебрачного ребенка. Переводить сахар и муку на поминание блудниц считалось нецелесообразным. В семьях посolidнее «похоронный пирог» заворачивали в писчую бумагу и запечатывали черным воском, чтобы

гость помянул покойника уже дома. В XVIII веке обертку для пирога украшали «аппетитными» изображениями гробов, черепов со скрещенными костями, могильных мотыг и песочных часов. Таким образом, едок не просто поглощал углеводы, а размышлял о вечности. Прежде чем гроб выносили из дома, гости брали из большой чаши по веточке розмарина, который потом клали на могилу. Как напоминает нам шекспировская Офелия: «Розмарин — это для памяти».

В Шотландии гости клали руку на грудь покойнику, особенно если он погиб насильственной смертью. Во-первых, считалось, что если потрогать покойника, он не будет являться во сне. Поэтому все, даже дети, должны были пройти через эту процедуру. Во-вторых, существовало древнее поверье: если человек погиб насильственной смертью, а среди гостей затесался убийца, раны откроются и начнут кровоточить.

Как и свадьбы, похороны в сельской местности были пешими. Разнообразные суеверия регулировали движение похоронной процессии. Спешка в этом деле недопустима. На западе Уэльса считали, что носильщики гроба должны идти чинно, ведь если процессия движется слишком быстро, новая смерть уже не за горами. В 1922 году в Дорсете было записано поверье, что за похоронной процессией нельзя бежать, иначе торопыгу самого вскоре понесут на кладбище. Важно также, чтобы гроб несли по направлению солнца, т. е. по часовой стрелке.

Одно из интереснейших суеверий гласило, что стоит только похоронной процессии пройти по мосту, за проезд по которому взимается плата, как он тут же станет бесплатным. То же самое касалось частных помещичьих дорог, которые якобы становились открытыми для общественного пользования. Хотя в английском законодательстве нет ни слова о подобных привилегиях, это поверье было живучим. Согласно легенде, еще в XIII веке во время похорон капеллана епископа Эксетера плакальщикам пришлось сменить маршрут из-за плохой погоды. Дорога на кладбище лежала через земли помещика, а тот, наслушавшись суеверий, так перепугался, что велел своим крестьянам забаррикадировать мост. Ведь в противном случае мост стал бы бесплатным! Между крестьянами и участниками похоронной процессии завязалась драка, в результате чего гроб оказался в реке. В более поздние века помещики уже не были столь воинственны. Считалось, что аннулировать право прохода по чужой земле можно, если потребовать с похоронной процессии пошлину. Благодаря этому прецеденту пошлину можно взимать и в будущем. В XIX веке такая пошлина, если она вообще взималась, была чисто символической — например, в виде нескольких булавочек.

В некоторых валлийских деревнях, напротив, не полагались на случай, а прокладывали особые «похоронные тропы», чтобы кратчайшим путем добраться до кладбища. На такой дорожке не было ни ям, ни ухабов. За порядком тщательно следили, ведь, согласно поверьям, за три дня до смерти человека по дороге прохаживалась Смерть или скакала на своем коне (точнее, «прохаживался» или «скакал»). А ссориться со Смертью никому не хотелось.

Для пущей торжественности, да и чтобы облегчить путь, гроб иногда помещали в катафалк. Но пожилые провинциалы питали антипатию к катафалкам и просили, чтобы на кладбище их несли родные и близкие. Зачастую носильщики гроба были того же пола, что и покойник. Юную девственницу в последний путь провожали девушки в скромных белых платьях, соломенных шляпках и в белых же перчатках. Незамужних девиц предупреждали, что если им случилось побывать на трех похоронах подряд, обязательно нужно посетить свадьбу. Иначе за четвертыми похоронами последуют их собственные. Гробик с младенцем в соответствии с правилами несла под мышкой женщина. Через гроб матери, скончавшейся при родах, перебрасывали белое полотно. Во многих деревнях Восточной Англии девочек хоронили в белых гробах, которые на кладбище несли школьники в белых костюмчиках и белых перчатках. Мальчиков, напротив, хоронили во всем черном, и плакальщики тоже наряжались в черные одежды, с черными лентами, повязанными через плечо и вокруг пояса. Гроб с маленьким ребенком здесь несли на натянутом белом полотнище.

Пастухов было принято хоронить с клоком шерсти в руках. Этот артефакт покойники должны были предъявить на Страшном суде в качестве оправдания за частые пропуски

воскресных служб. Ведь овцы могут заблудиться в любой момент, не сверяясь с календарем, а уж тогда пастуху будет не до проповедей. Абердинширцы, особенно пожилые, опасались смотреть на похороны из окна или дверного прохода, поэтому обязательно выходили на улицу. Как в Шотландии, так и в Англии несчастливой считалась случайная встреча с похоронной процессией. Нетрудно догадаться, что такая встреча сулила прохожему, если, конечно, он не предпринимал определенные меры. Чтобы отвести несчастье, а заодно и выразить уважение покойному, нужно было снять шляпу. Еще более действенный способ — самому присоединиться к процессии, показывая тем самым, что встреча с ней отнюдь не случайна. Достаточно проследовать за процессией сотню шагов, а затем можно идти по своим делам.

В свою очередь, родственники покойного огорчались, случись им повстречать по дороге на кладбище какое-либо несчастливое животное, к примеру зайца. Зато дождь считался доброй приметой, даже если все промокали до нитки. Дождь символизировал, что покойника оплакивают небеса, следовательно, человеком он был хорошим.

Не обходилось без казусов. В Абердине рассказывали о зловредной женушке, долгие годы помыкавшей своим супругом. Вряд ли он сильно огорчился, когда в один прекрасный день она не встала с постели. Чтобы как следует отпраздновать похороны, вдовец не поскупился ни на еду, ни на выпивку. Вследствие обильных возлияний плакальщики поплелись на кладбище, то и дело спотыкаясь, а уже на месте врезались в выступающий угол ограды и в щепы разнесли гроб. И тут из разбитой домовины выскочила покойница, да еще злее прежнего! Оказалось, что все это время она пролежала в коме, но очнувшись от столкновения со стеной. Еще несколько лет муж тосковал под ее железной пятой, а когда супруга скончалась во второй раз, предупредил носильщиков: «Вы поосторожнее с тем углом, ребята». К счастью для супруга, повторного воскрешения не произошло.

Кладбище

Проследуем же за столь непохожими процессиями на кладбище. Но здесь наша дорога опять раздваивается! В английских городах богачей и бедняков хоронили на разных кладбищах. Сами кладбища являлись зеркальным отражением как престижных городских кварталов, так и трущоб: мраморные мавзолеи солидных некрополей контрастировали со зловонными кладбищами бедноты. Даже после смерти викторианцы оказывались в той же обстановке, в которой прожили жизнь.

Представителей различных религиозных конфессий хоронили на разных кладбищах, хотя на одном и тот же кладбище могли быть отграниченные участки, где обретали последний приют англиканцы и католики, иудеи и шотландцы-нонконформисты.

В Средние века людей из высших сословий хоронили внутри церкви — в склепах, каменных гробницах или прямо под полом. Иногда гробницы украшали статуями в полный рост, а поскольку человеческая память столь же причудлива, сколь недолговечна, со временем эти скульптуры обрастали легендами. Например, средневековую статую рыцаря в доспехах, установленную в церкви Святого Ботолфа в Иствике (Хартфордшир), считали памятником великану — покровителю деревни.

Могила остальных традиционно располагались вокруг церкви. На месте захоронения воздвигали могильную плиту, на которой писали имя и даты жизни покойника. Хозяева нередко платили за похороны слуг и покупали им надгробные камни за свой счет. В таком случае имя нанимателя тоже могли выбить на надгробии, причем даже большими буквами, чем имя скончавшегося слуги. Надгробия было принято украшать эпитафиями, в основном сентиментальными, хотя попадаются и довольно ехидные образцы. Известная на всю Великобританию эпитафия украшает могилу в приходе Нортмавин на Шетландских островах. Надпись гласит: «ДОНАЛЬД РОБЕРТСОН (родился 1 января 1785 года, скончался 4 июня 1848 года в возрасте 63 лет). Он был тихим, миролюбивым человеком и добрым христианином. Его безвременная кончина вызвана дуростью ЛОРЕНСА ТУЛЛОХА из

Клотертон, который продал ему селитру вместо слабительного, вследствие чего он скончался через три часа после принятия одной дозы».

Со стремительным ростом урбанизации мест на городских кладбищах стало не хватать. В начале XIX века появляются частные кладбища, построенные на деньги акционеров, рассчитывавших получить прибыль от платы за погребения. Стоимость погребения могла быть высока, но скорбящих родственников устраивала чистота и надежность новых кладбищ. Частные некрополи не были привязаны к церкви, своей планировкой они скорее напоминали парки. Усаженные деревьями и цветами, с мраморными обелисками, которые старались перещеголять друг друга роскошью, эти кладбища становились подходящим местом для семейной прогулки в выходной. Кладбищами нового образца считаются некрополь Глазго и кладбище Кенсал-Грин на западе Лондона.

Вместе с тем нерешенным оставался вопрос о захоронениях простого люда. Не имея возможности купить участок на престижном кладбище, небогатые горожане продолжали хоронить мертвецов на кладбищах при церкви. В конце 1830-х годов Джордж Уокер, врач из Лондона, произвел инспекцию городских кладбищ и опубликовал доклад, от которого встали дыбом волосы даже у видавших виды лондонцев. Уокер утверждал, что на кладбищах Ист-Энда видел человеческие кости, сваленные в груды, черепа с остатками волос, гниющие гробы и пьяных могильщиков. Негодование доктора Уокера разделял общественный реформатор Эдвин Чадуик, изучавший положение лондонской бедноты. Чадуик настаивал на создании государственных кладбищ, где малоимущих горожан хоронили бы достойно и за умеренную плату. После докладов Уокера и Чадуика дело сдвинулось с мертвой точки. В 1852 году был принят Акт о городских захоронениях, положивший начало открытию новых кладбищ за городской чертой. В 1880-х стоимость захоронения на муниципальном кладбище варьировалась от фунта до пяти фунтов в зависимости от «класса» могилы, т. е. ее размера и

месторасположения. За надгробие приходилось платить дополнительно.

Чтобы не разориться на похоронах, небогатые англичане загодя покупали похоронную страховку, делая еженедельные выплаты в размере от трех до десяти пенсов. За неимением страховки они готовы были отнести ростовщику любые ценности, лишь бы только избежать страшной участи — захоронения в общей могиле. Нет на свете ничего ужаснее и постыднее. Так называемые «похороны нищего» являлись полной противоположностью викторианскому идеалу похорон. Эта участь была уготована тем, кого хоронили за счет прихода, например обитателям работных домов. Казалось, что саму процедуру похорон тщательно разработали, чтобы унижить покойника и его семью. Тела клали в грубо сколоченные гробы, которые опускали в общую могилу. Молитвы над ними читали наспех. Самой тяжкой обидой для родни покойного был запрет на установку надгробия, существовавший в некоторых приходах. Общая могила должна была оставаться анонимной, чтобы имена мертвых бедняков исчезли из людской памяти. Подобные похороны считались таким бесчестьем, что некоторые семьи, скопив немного денег, добивались эксгумации своего покойника из общей могилы, чтобы перезахоронить его уже в отдельной.

Все-таки сельский погост по сравнению с городскими кладбищами выглядел куда уютнее. Туда-то мы и отправимся сейчас, примкнув к пешей траурной процессии. Покойника на кладбище следовало вносить ногами вперед, а хоронить ногами на восток. В Дербишире считали, что в таком случае умершему проще будет подняться во время Страшного суда, когда Иисус взойдет на Масличную гору на востоке. В большинстве приходов северная часть кладбища считалась непригодной для погребения добропорядочных христиан. Там хоронили чужаков, нищих, самоубийц, некрещеных младенцев. В Хартфордшире верили, что по этой стороне бродит дьявол. Как объясняет фольклорист Стив Роуд, это суеверие связано с архитектурой английских церквей, расположенных на оси восток — запад. Таким образом, вход на кладбище оказывался с юга, так что входящие могли сразу же увидеть могилы, расположенные на южной стороне. Захоронения на северной стороне были скрыты от людских глаз, поэтому и хоронили там тех, о ком лишний раз лучше не вспоминать. К тому же, северная сторона находилась в тени от здания церкви. Лежать там после смерти будет зябко.

Повсеместным был страх погребения заживо. Масла в огонь подливали рассказы о стуке из склепов, а также байки могильщиков, якобы находивших скрюченные в странных позах скелеты. Чтобы избежать этой страшной участи, обеспокоенные граждане принимали меры. Особенно расстарался преподобный Ричард Орме, викарий церкви Всех Святых в Хартфорде, оставивший подробные инструкции касательно собственных похорон. Беспокойного священника погребли в надземной гробнице, забор вокруг нее с одной стороны разобрали, чтобы покойнику проще было выбраться, случись ему ожить. Запасной ключ от гробницы положили в гроб, вместе с буханкой хлеба и бутылкой вина (на случай, если у покойника разыграется аппетит). Хотя викария похоронили в 1845 году, потомки, верные его наказам, запечатали гробницу только в 1881.

Кладбище города Лидса

Сельское кладбище

Церковный староста и священник возле кладбища

Во время похорон в церкви били в колокол — в память об умершем или, согласно популярному мнению, чтобы отогнать злых духов от могилы. Отсюда и пошло выражение «по ком звонит колокол», увековеченное как в стихотворении Джона Донна, так и в романе Эрнеста Хемингуэя. В зависимости от графства по числу колокольных ударов узнавали пол умершего. К примеру, в Мэршеме (Норфолк) выстраивалась своеобразная иерархия: 9 раз звонили по женатому мужчине, 8 — по холостяку, 7 — по замужней женщине, 6 — по старой деве, 4 — по мальчику и 3 — по девочке.

В Шотландии верили, что дух последнего покойника будет сторожить кладбище до тех пор, пока следующий призрак не сменит его на этом посту. В обязанности призрака входило наблюдение за тем, чтобы в освященной земле случайно не зарыли самоубийцу или некрещеного младенца. Непонятно, правда, как именно он должен был предотвращать подобные нарушения. Возможно, появиться перед плакальщиками и препроводить их в северную часть. Поскольку никому не хотелось, чтобы именно их дедушка так утруждал себя после смерти, в случае нескольких похорон в один день каждая процессия старалась добраться до кладбища первой. У ворот запросто могла завязаться потасовка.

Однако чаще всего несколько ночей после похорон могилу сторожили не призраки, а родные покойника, из опасения, что до тела доберутся похитители трупов, они же «воскресители».

Кражи тел стали серьезной проблемой в Англии XVIII — начала XIX века. С развитием медицины требовалось все больше трупов для вскрытия в анатомических театрах. Одна беда — по закону для этих целей дозволялось использовать только тела висельников. Посмертное вскрытие считалось частью наказания. Хотя в Англии вешали достаточно преступников, их тела не могли обеспечить все медицинские университеты. Из-за нехватки трупов некоторые врачи прибегали к услугам «похитителей тел», которые тайком вскрывали свежие захоронения и уносили мертвецов. Поговаривали, что именно «воскресители» распускают слухи о привидениях, чтобы никто не отважился прийти на кладбище ночной порой, а сами они могли без помех заниматься своим бесчестным ремеслом. Доходило до абсурда — некий житель Уитвелла, городка в Хартфордшире, хвастался, что самолично выкопал и продал тело своей бабушки! По крайней мере, деньги остались в семье.

Английские законодатели боролись с этой проблемой как могли, но их решения не вызывали энтузиазма среди простого люда. В 1832 году был принят Анатомический акт, согласно которому врачи получили право вскрывать тела неопознанных нищих, заключенных и обитателей рабочих домов. Этот закон вызвал возмущение среди малоимущих слоев населения, ведь посмертное вскрытие стойко ассоциировалось с наказанием. «Теперь с нами будут обращаться как с преступниками», — рассуждали бедняки. Если они и раньше не особенно доверяли врачам, то после Акта 1832 года пришли к выводу, что те нарочно будут залечивать их до смерти, чтобы заполучить их труп! Но так или иначе, а воровство тел начиная с 1830-х годов пошло на спад.

Среди горожан среднего класса и аристократии было принято расходиться по домам сразу после похорон. На память гостям выдавали карточки, на которых были написаны имя и возраст умершего, дата смерти и месторасположение могилы. Зато гостеприимные провинциалы устраивали поминки, во время которых подавали ветчину, овощи, разнообразные пироги и всегда вдоволь чая. Чтобы на всех гостей хватило столовых приборов, их одалживали у соседей, в местном кабаке или даже у гробовщика, в лавке которого хранились запасы на все случаи жизни и смерти.

В сельских церквях практиковался интересный обычай поминовения усопших девственниц. На скамью, где они сидели при жизни, прикрепляли венок из искусственных цветов, шелковых или бумажных, с белой бумажной перчаткой в центре. На перчатке писали имя и возраст покойницы. В качестве символа чистоты на могиле девственницы сажали куст белых роз.

В Уорикшире родственницы покойного приходили на первую после похорон службу в

траурным вуалях, но не откидывали их с лица и не вставали с места даже во время пения гимнов. Могилы там украшали цветами не только в день смерти, но и в день рождения покойника. Особым почтением к мертвым отличались валлийцы. Они посещали могилы в Вербное воскресенье или на Пасху, выпалывали сорняки, заново белили надгробья, а могилу украшали цветами.

Траур

Вслед за похоронами наступало время для тщательно продуманного и очень сложного викторианского ритуала — траура. Траурные одежды носили представители всех сословий, хотя пролетариат уделял им гораздо меньше внимания, чем «сливки общества». Последние должны были на некоторое время отказаться от увеселений, не посещать балы и не давать приемы. Целый год после смерти мужа вдова принимала только близких друзей, а о том, чтобы вести активную светскую жизнь, не могло быть и речи. Особое внимание уделяли внешнему виду. Мужчины обходились черной лентой на шляпе и черной повязкой выше локтя, а вот женщинам приходилось тщательно подбирать наряд в зависимости от близости родства с покойным и временем, истекшим с момента его смерти. Если умирал кто-то из хозяйской семьи, слуги тоже носили траур. Горничные надевали чепчики, воротнички и манжеты из черного крепа, шелковой ткани с неровной, шероховатой поверхностью. Для мужской прислуги хозяева покупали черные ливреи с матовыми пуговицами. Даже дети носили черные платьица, а распашонки младенцев украшали черными ленточками. В Музее Йорка выставлена кукла, одетая в строгое черное платье, — когда дело касалось траура, никто не оставался в стороне!

Викторианцы различали четыре периода траура — первый, второй, обычный и полутраур. Для вдовы первый период длился год и месяц с момента смерти мужа, а каждый последующий этап — еще шесть месяцев. Похожие правила регулировали траур и по остальным членам семьи. К примеру, мать, потерявшая ребенка, носила строгий (первый) траур шесть месяцев. Женщина, у которой скончался кузен, вообще избегала первых двух этапов и носила обычный траур от месяца до шести недель. Чем же различались эти периоды? Возьмем за образец викторианскую вдову. В первый период вся ее одежда была черного цвета, за исключением белого домашнего чепца, воротничков и широких белых манжет, о которые вдова могла вытирать горькие слезы. Ленты на панталонах и нижних юбках тоже были черными. Платья для строгого траура шили из бомбазина и отделявали крепом. Бомбазин, или бумазею, в те годы изготавливали из шерсти, переплетенной с шелком. В эпоху, когда ценились легкие и блестящие материи, тусклый бомбазин воплощал уныние. Именно поэтому он идеально подходил для траурного убранства. Напротив, наряды из шелка и других переливающихся тканей считались вульгарными в эту скорбную пору. Выходя на улицу, вдова надевала черный чепец, иногда с вуалью, накидывала пелерину из крепа, клал в карман носовой платок с черной каемкой и брала черный же зонтик.

Второй период был не менее строгим, однако вдовам позволялось носить меньше крепа (креп быстро выцветал и портился от дождя, так что возни с ним было немало). В обычный траур вдовам дозволялось носить черные или черно-белые платья из любых тканей. По истечении двух лет с момента смерти мужа для вдов наступал долгожданный период полутраура. Помимо черного и белого цветов разрешалось использовать лиловый, пурпурный и серый. Советы и рекомендации вдовам давали многочисленные журналы мод. В них же знакомились с новейшими фасонами траурных платьев, после чего заказывали понравившийся наряд портнихе. Готовые платья и аксессуары продавались в магазинах, специализировавшихся на траурном убранстве, крупнейшие из них располагались на Риджент-стрит в Лондоне.

Траурные украшения заслуживают отдельного упоминания. В первый год траура вдове позволялось носить исключительно украшения из гагата (небогатые, но хитроумные вдовы заменяли его гуттаперчей). Для глубокого траура поверхности гагатовых украшений

оставляли матовыми. Лу Тейлор, исследовательница викторианского костюма, связывает запрет на блестящие поверхности украшений с суевериями, касающимися отражения покойника: по тому же принципу занавешивали зеркала в доме умершего. Второму и обычному трауру сопутствовали черные и белые украшения, особенно из жемчуга, символизировавшего слезы. Во время полутраура дамы наконец-то могли покрасоваться в бриллиантах. Традиционными траурными украшениями были медальоны с портретами, фотографиями или прядями волос покойных. Из волос любимых покойников также плели браслеты, ожерелья, кольца и броши.

«Нелегкая доля вдовы». Иллюстрация из журнала «Arthur's Home Magazine» конца XIX века

Траурные платья конца XIX века

Горе той светской леди, которая отказалась бы соблюдать все эти предписания! Злые языки еще долго трепали бы ее имя. Дамы из среднего класса прикладывали все усилия, чтобы походить на аристократок, тщательно копировали их этикет и манеру одеваться, в том числе и во время траура. Именно эти вдовушки относились к траурным нарядам с особым тщанием и засыпали журналы письмами, уточняя малейшие детали соответствующего туалета. С другой стороны, бедные вдовы не могли соблюсти все четыре траурных периода, ведь для каждого требовалось покупать обновку, а со смертью кормильца многие женщины оставались без гроша. При наличии денег они шили черное платье, в крайнем случае — перекрашивали в черный цвет свой повседневный наряд.

По окончании отведенного на траур срока многие вдовы не снимали черные одежды. Примером им служила королева Виктория, которая в течение 40 лет носила траур по принцу Альберту. Даже на празднование своего «бриллиантового юбилея» — шестьдесят лет на троне — она пожаловала в черном платье и вдовьем чепце. Однако суеверные йоркширки не разделяли позицию королевы в этом вопросе. Как только срок траура истекал, они тут же избавлялись от темных и мрачных платьев. Дело даже не в том, что унылые наряды успевали им опостылеть. Цепляться за траурное платье означало накликать новую смерть.

Особые случаи: смертная казнь, насильственная смерть и самоубийство

Преступники, безумцы и самоубийцы даже после смерти подлежали всеобщему презрению. Тела их не зарывали в землю там, где хоронили приличных людей, а их души в силу лежащего на них проклятия не обретали покоя.

Смертная казнь в XIX столетии применялась довольно часто. Она осуществлялась через повешение, хотя английское законодательство предусматривало и такие меры, как отсечение головы, четвертование, сожжение на костре или варка в кипятке. К счастью, эти средневековые пережитки уже не применялись на практике, хотя законодательно четвертование и отсечение головы отменили только в 1870 году.

По действующим законам повешение происходило публично, хотя с начала XIX века стали раздаваться отдельные требования сделать процедуру закрытой (этим просьбам вняли только в 1868 году). До 1808 года смертной казни могли подвергнуть даже за карманную кражу, если сумма украденного превышала 5 шиллингов. Вместе с тем многие судьи выступали против столь сурового наказания, и законы начали постепенно смягчаться. В 1823 году парламент принял акт, позволявший заменять преступникам смертную казнь на более мягкие наказания — такие, как тюремное заключение, каторга или высылка в колонии. Для женщин и несовершеннолетних преступников активно применялась порка. В 1861 году смертную казнь оставили только для таких преступлений, как убийство, пиратство, поджог королевских верфей и арсеналов, а также государственная измена. Серьезной проблемой на протяжении всего столетия оставалась казнь детей. Теоретически это наказание могло применяться к любому гражданину начиная с 7–8 лет. Только в 1908 году законодатели подняли возраст смертной казни до 16 лет. Еще одна «гуманистическая» реформа произошла в 1866 году по настоянию ирландского врача Сэмюэля Хотона, опубликовавшего очерк под названием «О повешении, рассмотренном с механической и физиологической точек зрения». Проблема заключалась в том, что повешение осуществлялось путем удушения преступника в петле. При этом смерть наступала долго и мучительно, и бывали случаи, когда приговоренный не умирал и через полчаса после начала казни. После публикации очерка процедуру повешения изменили. Приговоренного стали сбрасывать с высокого эшафота через специальный люк. Веревка под тяжестью тела ломала позвоночник, и смерть наступала мгновенно.

Вплоть до 1783 года виселица в Лондоне располагалась на перекрестке современных улиц Эджвер-роуд и Оксфорд-стрит, там, где сейчас находится Мраморная Арка. В XII веке эту территорию занимали Тайбернские поля, поросшие вязами, которым лондонцы нашли удачное применение — стали вешать на них преступников. Но с ростом урбанизации кандидатов на повешение становилось все больше, а деревьев меньше, так что в Тайберне соорудили виселицу. Первое упоминание о тройной тайбернской виселице относится к концу XVI века. Время от времени ее чинили, но в 1759 году решили заменить постоянную виселицу передвижной. Вплоть до последнего повешения в ноябре 1783 года виселицу собирали перед каждой казнью. Осужденные дожидались казни в тюрьме, зачастую в Ньюгейт, откуда в назначенный день их везли к «тайбернскому дереву». Их маршрут породил поговорку «отправиться на запад», т. е. быть казненным. Существовала и масса других идиом, связанных с повешением. Вот некоторые из них: болеутоляющее ожерелье, конопляный воротник, конопляный галстук — петля. Картинная рамка шерифа, трехногая кобыла, тройное дерево — виселица. Подняться в кровать по лестнице — взойти на эшафот. Отдохнуть в лошадином колпаке, умереть от конопляной лихорадки — быть повешенным. Танцевать под ньюгейтскую волынку, танцевать тайбернскую джигу, танцевать на балу у шерифа и показывать гостям язык — дергаться в петле. С сухим языком и мокрыми штанами — описание результата повешения. Висельные яблочки — повешенные. Тайбернский цветочек — малолетний вор, который рано или поздно «дозреет» до петли. Конопляная вдова — женщина, чей муж был повешен.

После повешения тело преступника оставляли болтаться в петле примерно час для пущего устрашения зрителей. Начиналась настоящая фантасмагория, потому что женщины хватали труп за руки и терлись о них щеками — считалось, что это лечит прыщи и бородавки. К телу подносили младенцев, страдавших от кожных болезней, чтобы «смертный пот» исцелил их язвы. Щепки от виселицы слыли хорошим средством от зубной боли, а конопляная удавка приносила удачу. Кусками веревки торговал палач, и чем известнее был преступник, тем дороже она ценилась. Из высушенной руки повешенного можно было изготовить «руку славы». Руку следовало отрубить, пока тело еще висело в петле. Потом из руки выжимали всю кровь, мариновали руку в смеси соли, перца и селитры, высушивали на солнце, а между пальцами вставляли свечу, изготовленную из жира повешенного, воска и кунжутного масла. Считалось, что если грабитель зажжет эту свечу, перед ним откроется

любая дверь. Более того, обитатели дома погрузятся в глубокий сон, пока вор будет выносить их добро.

Казненных преступников не хоронили в освященной земле, т. е. в пределах кладбища. Самоубийцы, совершившие тяжкий грех осознанно, приравнивались к преступникам или безумцам. Совершивших неудачную попытку суицида заключали в сумасшедшие дома, а тех, кому удалось наложить на себя руки, ожидали посмертные злоключения. С их телами обращались варварски, чтобы не только причинить как можно больше неудобства духу покойника, но и внушить страх живым и отвести их от подобной затеи. До 1823 года «нехороших» покойников хоронили на обочине или возле перекрестка дорог. Надгробие не воздвигали, чтобы над останками ежедневно прохаживались ничего не подозревающие прохожие — пусть грешнику и после смерти не будет покоя! Вплоть до XX века «дурных» покойников клали в гроб лицом вниз с тем расчетом, что если мертвецы захотят откопаться, чтобы продолжать злодейства, то будут зарываться в землю все глубже и глубже. Похороны проводили ночью, покойников не отпевали, а в некоторых случаях тела даже протыкали колом. Этот устрашающий обычай давал пищу местным легендам, в частности о том, что тот или иной кол пустил ветви и превратился в дерево.

В отличие от схожих румынских обрядов в Англии обычай протыкать тело колом не связан с предотвращением вампиризма, тем более что до появления повести Джона Полидори «Вампир» (1819) англичане мало интересовались ожившими кровопийцами. Гораздо убедительнее кажется версия, что кол должен был помешать воскрешению тела во время Страшного суда. В Шотландии тела самоубийц выносили не через дверь, а через приподнятую соломенную крышу. Подобные меры должны были предотвратить визиты покойника. Даже если его дух подберется к дому, то все равно не вспомнит, как проникнуть внутрь.

В 1823 году особый парламентский акт повелел всем приходам выделять для похорон преступников, безумцев и самоубийц участок неосвященной земли. Запрещались придорожные похороны, а также применение кола. Самоубийц отныне позволялось хоронить и на кладбище, но в самой неприглядной северной части. Несмотря на эти послажки, Акт 1823 года сохранил как запрет на отпевание, так и время похорон, уточнив, что похороны должны проводиться между девятью вечера и полуночью. Для тех, кто покончил с собой в приступе безумия, делали послабление: над ними читали молитвы, но все равно хоронили в северной части кладбища.

Еще одним «исключительным» видом смерти был несчастный случай. Как это ни парадоксально, во многих прибрежных районах верили, что тонущего человека лучше не спасать. Пусть себе идет на дно. Подобную черствость объясняли следующим образом: море уже выбрало свою жертву, а если отнять ее, в следующий раз море заберет тебя самого. Вдобавок бытовало мнение, что спасенный из воды человек станет заклятым врагом своему спасителю или же что спаситель обязан будет содержать его и похоронить за свой счет. Быть чьим-либо должником люди не хотели, вот и позволяли Господу самому распорядиться жизнью тонущего.

Иное дело, если человек уже утонул, — тут важно присмотреться повнимательнее. В Уэльсе верили, что мужские тела плывут лицом вниз, женские — лицом вверх. Хорошо, что хоть не против течения, как некоторые сварливые жены в русских сказках! Чтобы обнаружить тело утопленника, которое долго не всплывало, по воде пускали каравай, утяжеленный ртутью. Там, где хлеб остановится, нужно искать тело. Иногда в этих целях палили из пушек или громко били в барабаны. Из-за громких звуков желчный пузырь утопленника должен был разорваться, вследствие чего тело могло всплыть на поверхность. Хоронили утопленников в соответствии со статусом смерти: если это был несчастный случай, то с добрыми людьми; если человек утопился, то как самоубийцу.

Жизнь после смерти: привидения в английском фольклоре

Согласно английской народной поэзии, в могиле обитают призраки умерших. И менее всего эти призраки напоминают полупрозрачную субстанцию, растиражированную в популярной литературе. Скорее это аналог румынского вампира или скандинавского друга — покойник, чье тело вопреки христианским законам не желает лежать смирно. Призрак

приходит непосредственно из могилы и туда же возвращается. Хотя рай и ад тоже упоминаются в балладах, они отодвинуты на задний план, а на переднем маячит гроб. В нем компанию призраку составляют черви. В балладе номер 77 из сборника Чайлда призрак объясняет отсутствие рук тем, что черви их отъели, — это еще раз указывает на материальность балладного призрака.

Сам визит зачастую связан с дискомфортом в могиле, вызванным чрезмерной скорбью живых. В балладе «Беспокойная могила» («The Unquiet Grave», номер 78) безутешная девушка плачет на могиле любимого год и один день. Наконец из могилы раздается голос: «Кто мешает мне спать?» Девушка умоляет об одном-единственном поцелуе, но поцелуй призрака означал бы для нее смерть. Вальтер Скотт упоминает, что, согласно шотландским суевериям, чрезмерная скорбь живых мешает мертвым обрести покой в загробном мире. Из-за слез, пролитых над могилой, у мертвеца мокнет саван. А спать в мокром белье кому понравится?

Другими причинами для визита балладного призрака может стать желание отомстить за свою смерть, преподнести живым урок, предупредить их о грядущей смерти, забрать их с собой в иной мир, разорвать помолвку, позаботиться об оставшихся сиротами детях или утешить мать. Трогательная история приводится в балладе «Женщина из Эшерз-Уэлл» («The Wife of Usher's Well», номер 79). У богатой крестьянки было трое сыновей, которые отправились попытать счастья в море. Вскоре она получила известие, что все трое погибли один за другим. Тогда мать пожелала, чтобы море штормило до тех пор, пока сыновья не вернутся к ней в плоти и крови. Столь сильным оказалось ее желание, что в День святого Мартина все трое пришли домой. На юношах были шапки из березовой коры, сорванной у райских врат. Ночь напролет сыновья пировали со своей матушкой, а на рассвете, как только прокричал петух, им пришлось уйти. Хоть они и покинули ее навсегда, но, по крайней мере, зашли попрощаться напоследок.

Хотя балладный призрак похож на живого мертвеца, легенды о вампирах как таковых, т. е. об оживших трупах, сосущих кровь, нехарактерны для английского фольклора. Тем не менее в средневековых летописях попадаются сведения о чем-то подобном. В конце XII века Уильям Ньюбургский записал свидетельства о живучих покойниках. Один из них выбрался из могилы в 1196 году и слонялся по улицам Эника (Нортумберленд), источая гнилостный запах, вследствие чего в городке началась эпидемия. Двое смельчаков раскопали могилу, в которой беспокойный труп отдыхал днем, и увидели, что он весь раздулся от крови. После того как сердце ожившего мертвеца вырвали, а его тело сожгли, эпидемия прекратилась. Но в целом сведения о таких происшествиях редки, и далеко не во всех историях об оживших мертвецах фигурировала кровь.

Уже в XIX веке, после популяризации восточноевропейских легенд о вампирах, английские этнографы постарались отыскать упырей и в родном фольклоре. Мари Тревельян упоминает о валлийских вампирах, хотя в записанной ею истории вампир скорее олицетворяет жадность. Некий фермер был таким сквалыгой, что, по словам родни, «мог кровь из камня высосать». После его смерти все состояние отошло старшему сыну. А когда скончался сын, родственники почему-то не стали устраивать бдение над телом и оставили покойника в комнате на ночь. Утром на теле умершего обнаружили следы укусов. Поразмыслив, семейство пришло к выводу, что это покойный скряга навестил сыночка, «чтобы проверить, нельзя ли еще что-нибудь высосать из трупа». Как видно, метафора с камнем пришлась ему по душе. Когда последующие поколения замечали на покойниках странные отметины, то лишь вздыхали: «Ну вот, опять старикашка позабавился!».

В некоторых случаях призрака можно было вызвать посредством определенных действий. Хартфордширские ребятишки верили, что если в полночь несколько раз обежать вокруг могилы, из нее высунется покойник, а то и сам дьявол. В некоторых графствах такой репутацией пользовались не все могилы, а лишь избранные. Нехорошей слыла могила мельника на кладбище возле холма Хайдаун, что в западном Сассексе. Если обежать вокруг нее семь раз, дух мельника Джона Оливера выскочит и пустится вдогонку. С этой могилой

связана еще одна легенда: будучи уверенным, что во время Страшного суда земля перевернется, мельник распорядился, чтобы его погребли вниз головой. Подобные истории рассказывали и о других захоронениях по всей Англии.

Тревожить духов по пустякам было чревато неприятностями. Чаще всего призраки сами являлись перед ничего не подозревающими людьми. Английские призраки могли принимать обличье животных и птиц (вороны, белой совы, коровы или черного быка, вепря, кота или огромного пса).

Воображению жителей Мартинхоу (Девон) можно только позавидовать: местный призрак оборачивался в черного пса и разъезжал в огненной колеснице, запряженной четырьмя слонами! Не меньшей популярностью пользовались истории о призраках в человеческом облике, пусть и пугающем. Довольно часто они появлялись сразу же после похорон. Вернувшись с кладбища, плакальщики заставляли привидение дома: оно грелось у камина и дожидалось поминок по себе. Дух некого Тома Тренемана из Айвибриджа (Девон) возник на кухне и до смерти напугал посудомойку. Призрак мистера Лайда из деревни Салкомб Реджис (Девон) подсел прямо к столу, испортив родственникам тризну. Вместо того чтобы горестно вздыхать и произносить речи о покойнике, им пришлось ломать голову, как же его прогнать.

Привидения бродили как поодиночке, так и большими группами. Историю о призрачной процессии рассказывали в Дареме. В стародавние времена у одного барона была дочь Абигайль. Как это часто случается, девица втайне вздыхала по небогатому красавцу, но отец распорядился иначе. Абигайль сосватали за богача, а ее возлюбленного изгнали из баронских земель. Покорная родительской воле девушка пошла под венец с нелюбимым. Сразу после венчания молодожены во главе кавалькады гостей отправились на прогулку. В замке их ожидал роскошный пир. Глашатаи застыли на башнях, готовясь протрубить сигнал, стоит только всадникам показаться у ворот. Слуги расставляли на столах изысканные яства, а сам барон мерил шагами парадную залу, дожидаясь припозднившихся молодоженов. Час тянулся за часом, вот уж и полночь пробило, а от них — ни слуху ни духу. Лишь ранним утром послышался глухой топот копыт. Свадебная процессия показалась из леса. Всадники спешили и, не произнеся ни слова, прошествовали в замок. Слуги кинулись к ним с расспросами, но в ужасе отшатнулись, а сам барон упал без чувств. По лицам вошедших стекала кровь. В зал ворвался ветер, а как только присутствующие опомнились, от призраков

не осталось и следа. Чуть позже обезображенные тела молодоженов и гостей нашли в овраге. Разбойников, совершивших это злодейство, так и не поймали, но ни у кого не оставалось сомнений, что их вожаком был отвергнутый любовник Абигаиль.

В общении с привидениями срабатывал такой наивный метод, как «если я его не вижу, он не видит меня». Шропширцы верили, что призрак рано или поздно оставит девушку в покое, если та закроет лицо фартуком. При виде Дикой охоты следовало упасть ничком, закрыть глаза, скрестить руки и ноги и твердить «Отче наш». Призраки проскачут мимо, не причинив вреда. В Шотландии полагали, что злые духи неспособны пересекать текущую воду, причем особенно неприятен для них ручей, текущий с севера на юг. Чтобы избежать преследования нечистой силы, достаточно перепрыгнуть через такой ручеек. Смельчакам предлагали другой способ — призрак исчезнет, если обойти вокруг него 9 раз. Но проще всего общение с привидениями давалось людям разговорчивым. Согласно традиции, призрак не может первым начать беседу. Ночь за ночью он будет маячить перед глазами и многозначительно помалкивать, пока человек не спросит, что же, черт побери, ему нужно. В этом случае призрак поведаст свою скорбную историю или попросит помощи.

В качестве доброй услуги призраку можно было отыскать его тело и предать христианскому погребению. В конце XVIII века на путешественников нагонял страх безголовый призрак корабейника, бродивший по дороге вблизи Байгрева (Хартфордшир). Как-то раз корабейник возвращался домой с хорошим барышом, но в дороге его застигла буря. Пришлось искать ночлег на ближайшей ферме. Позарившись на выручку, фермер убил торговца, после чего сбросил тело в высохший колодец, а голову зарыл отдельно. Еще долго привидение прогуливалось вдоль дороги, держа под мышкой свою голову. Много лет спустя

останки корабельника нашли и похоронили, после чего зловещие визиты прекратились.

В каждом графстве можно было насчитать добрую сотню историй о безголовых призраках. Например, в Ланкашире рассказывали о гуляке, который поздно ночью шел домой из кабака. Ему повстречалась женщина в длиннополом плаще и чепце с широкими полями, полностью скрывавшими ее лицо. Незнакомка несла большую корзину. Как ни старался наш балагур завести с ней беседу, скромница все отмалчивалась. Исчерпав темы для разговоров, галантный кавалер предложил донести ее поклажу. «Благодарю вас», — донеслось откуда-то снизу, как только корзина переключивалась в его руки. Удивленный мужчина огляделся по сторонам, а потом, пораженный догадкой, откинул с корзины белое полотно. На дне ему кокетливо улыбалась женская голова. Завопив, гуляка понесся в деревню, а призрачная голова парила рядом, норовя цапнуть его за щиколотку.

Вместо просьбы о погребении призраки порой выдвигали довольно необычные требования.

Возвращаясь с поля, батрак из графства Гламорган (Уэльс) столкнулся с леди в белом. «Твоя жена только что разрешилась от бремени. Принеси же мне ребенка, чтобы избавить меня от мук», — взмолилась леди. Крики новорожденного вскоре подтвердили ее слова. Тем не менее, валлийцу не хотелось нести своего малыша незнакомому привидению. Мало ли что оно сотворит с ребенком! Решено было окрестить новорожденного и тогда уже показать его бестелесной даме. Но когда батрак вместе с малышом вернулся на место встречи, то увидел, что привидение стенает и заламывает руки. Залогом его спасения был поцелуй некрещеного дитяти.

Привидения обитают в местах, так или иначе связанных с их смертью. К примеру, в реке Риббл, что в Ланкашире, обязанности водяного выполняла Пег-о-Нелл. Именно такой была посмертная профессия служанки из Клитероу, провалившейся под лед, когда жестокие хозяева послали ее за водой в морозную ночь. Дух служанки привязался к реке и каждые 7 лет требовал жертвы. По части жертв Пег была непривередлива: вместо человека охотно забирала и животное, поэтому крестьяне топили для нее кошек и собак. Рассказывали про безрассудного юнца, который, несмотря на предупреждения, решил верхом пересечь реку как раз в седьмой год после последнего жертвоприношения. Внезапно возникший поток воды поглотил и наездника, и лошадь.

В Уэстморленде рассказывали другую историю: в 1834 году некий пастух вместе с женой поселился в коттедже в Мартиндейле. Однажды в утренней полумгле пастух отправился стогать коров на пастбище и вдруг услышал, как его пес предупреждающе зарычал. Мимо них прошла женщина с ребенком на руках. Хотя внезапное появление незнакомки испугало мужчину, он окликнул ее и спросил, не нужна ли ей помощь. Тогда-то она и поведала ему о своих горестях. Сорок лет назад она проживала в том самом коттедже, где поселились супруги. Девушка пала жертвой богатого соблазнителя, а тот, узнав, что его любовница носит дитя, дал ей выпить какое-то лекарство, якобы вызывавшее выкидыш. Снадобье оказалось ядом и стоило жизни не только ребенку, но и матери. С тех пор ее призрак скитается по окрестностям и несет с собой плод своего греха. Только через сто лет с момента смерти она сможет обрести покой. Испуганный пастух вернулся домой, и вскоре они с женой покинули проклятое место.

Любой английский город может похвастаться целым выводком мятущихся духов. Привидения разгуливают по улицам, но еще больше им нравится домашний уют. Наверное, поэтому английские поместья так и кишат призраками. В поместье Клоптон-Хаус в Стратфорде (Уорикшир) уживались целых три привидения. Одним из них был призрак Маргарет Клоптон, утопившейся в 1563 году, после того как отец запретил ей выходить замуж за любимого. Есть вероятность, что именно она послужила прототипом Офелии в пьесе Уильяма Шекспира, уроженца здешних мест. Вместе с ней по усадьбе бродил дух Шарлотты Клоптон, жертвы чумы 1564 года. Опасаясь распространения заразы, родственники поспешили отнести ее тело в фамильный склеп. Через неделю скончался еще один член семьи, так что Клоптоны вновь открыли усыпальницу и... застыли на пороге. Гроб

Шарлотты был пуст, а ее тело обнаружили в углу, привалившимся к стене. Из-за тяжелой болезни девушка впала в забытие, а очнувшись уже в склепе, где скончалась в темноте и одиночестве. От невыносимых мук она впиалась зубами себе в плечо, именно в такой позе ее обнаружили скорбящие родичи. Компанию двум прелестным дамам составлял священник, убитый здесь в конце XVI века. Его тело приволокли в одну из спален, после чего на полу осталась несмываемая полоса крови.

Не менее мрачные слухи ходили о поместье Хэден Холл в Стаффордшире. В раннем Средневековье молодой священник из аббатства Хэйле нарушил свои обеты из-за любви к прекрасной прихожанке.

Влюбленные решили покинуть аббатство по подземному ходу, соединявшему его с поместьем неподалеку. Беглецов поймали и в назидание другим распутникам, замуровали в подземелье. Их призраки томятся в стенах Хэден-Холла.

Привидение могло последовать за человеком, ставшим причиной его смерти, а уже потом обосноваться в жилище убийцы. Когда юноша по имени Роберт Стюарт вернулся из гранд-тура в родное поместье в Алланбэнке (Шотландия), у ворот его поджидала призрачная девушка в кружевном платье, с лицом, вымазанным кровью. При виде призрака юноша упал в обморок. Его родители удивлялись: до приезда сына ничего сверхъестественного в поместье не наблюдалось! Слуги, которые то и дело слышали странные шорохи, косились на молодого господина с подозрением. Кто-то привозит из Европы букет венерических болезней, а вот их хозяин-повеса личного призрака привез! В конце концов юноша сознался, что в Париже закрутил роман с молоденькой послушницей по имени Жанна де ла Салль. Роберт пообещал на ней жениться, хотя с самого начала знал, что родители не одобряют брак с иностранкой. Вдоволь натешившись, он собирался покинуть город, но Жанна, узнав, что жених ее бросает, преградила ему дорогу. Когда она попыталась забраться к нему в карету, Роберт велел кучеру пустить лошадей вскачь. Девушка упала, и заднее колесо проехало по ее лицу. Перед смертью Жанна успела прокричать: «Роберт Стюарт, на какой бы женщине ты ни женился, я буду между вами!» Последовав за горе-женихом в Шотландию, ее дух

поселился в его поместье и, выполняя свою угрозу, начал до истерики пугать его новую жену. Тогда Роберт проявил смекалку. Он описал художнику внешность погибшей любовницы, и тот набросал ее портрет, который повесили в гостиной между портретами Роберта и его супруги. Призрачной Жанне так понравилась эта композиция, что на время она перестала досаждать семейству. Но стоило жене Роберта убрать ее портрет, как все началось заново.

В народе этого призрака прозвали «Pearlin Jean» — «Кружевная Джин», от слова «pearlin» — «кружево». Ее даже воспели в стихах «О, Кружевная Джин!»:

О, Кружевная Джин!
Ты бродишь по дорожке,
По дому и в холмах,
Глазами дикой кошки
Вселяешь в душу страх.

Из следующей истории непонятно, почему призрак выбрал именно это место проживания, но сама история весьма интересная. В 1890 году некая дама из Кембриджа зашла осмотреть дом, выставленный на продажу. Сообщив, что хозяйка вот-вот освободится, горничная проводила ее в гостиную. Там ее внимание привлек портрет над камином. На полотне была изображена женщина в ярко-зеленом платье и шляпке с алым пером. Выражение лица этой особы показалось гостье неприятным, как будто зловещим. К счастью, ей не пришлось долго оставаться наедине с пугающим портретом. Вернулась служанка, чтобы отвести ее к хозяйке дома, и гостя с облегчением последовала за ней. Поговорив с хозяйкой, дама сообщила о своем намерении купить дом. Обстановка и месторасположение ей понравились. Но хозяйка отчего-то смутилась и, поколебавшись, пробормотала:

— Пожалуй, следует рассказать вам про глупые сплетни о том, что в доме якобы водятся привидения. Хотя сами мы ничего странного тут не замечали.

— Должно быть, это дух той дамы с портрета в гостиной! — догадалась гостя.

— С портрета? — удивилась хозяйка. — Простите, но с какого портрета?

Когда они вернулись в гостиную, покупательница увидела, что над камином висит акварель с сельским пейзажем.

Как можно заметить, большинство из приведенных выше историй повествует о кровавых драмах, произошедших до начала XIX века. Тем не менее, XIX столетие тоже порождало своих призраков. У всех на слуху была история убийства Марии Мартен, широко известная как «Убийство в Красном амбаре». Мария Мартен, дочь ловца кротов, проживала в деревне Полстэд, в Саффолке. Добропорядочностью она не отличалась. К моменту знакомства со своим будущим убийцей, Уильямом Кордером, Мария родила двух детей вне брака. Сам Уильям, сын местного фермера, промышлял воровством и мошенничеством. Не самый подходящий кандидат в женихи, но Мария полагала, что лучшего мужчину она уже не найдет. Мария и Уильям начали тайно встречаться, а после рождения и скоропостижной смерти их ребенка Кордер пообещал взять Марию в жены. В присутствии мачехи Марии Кордер предложил женщине бежать с ним в Ипсвич, где они смогут обвенчаться. По его словам, местные власти собирались наказать Марию за беспутный образ жизни. Решено было встретиться в Красном амбаре — здании на краю деревни, прозванном так за красную черепицу на крыше.

18 мая 1827 года Мария отправилась в Красный амбар... и исчезла. Кордер тоже не вернулся домой, но впоследствии написал отцу Марии, что они поженились и проживают на острове Уайт. Хотя родные ждали весточки от дочери, Кордер придумывал различные предлоги для ее молчания. В Полстэде заподозрили неладное. По словам миссис Мартен, ночь за ночью она видела сны, в которых ее посещал призрак Марии и умолял отыскать ее тело в Красном амбаре. Наконец женщина не выдержала и послала мужа на поиски убитой. В указанном месте мистер Мартен откопал труп своей дочери, спрятанный в мешке. Тело

почти разложилось, но Марию сумели опознать по зубам и клочкам одежды. На ее шее был затянут зеленый платок Уильяма Кордера. Отыскать убийцу не составило труда. На суде Кордер отрицал свою причастность к смерти Марии. Он клялся, что Мария случайно застрелилась из его пистолета, но суд присяжных признал его виновным и приговорил к повешению. После нескольких дней в тюрьме Уильям Кордер сознался в убийстве, хотя настаивал, что застрелил любовницу случайно, по неосторожности. Одиннадцатого августа 1828 года Кордер был повешен в Саффолке на глазах у многотысячной толпы. Его скелет выставили в качестве наглядного пособия в Королевском колледже хирургов, а его кожей переплели отчет о злодеянии. Еще долгое время убийство в Красном амбаре интриговало современников. Вербку, на которой был повешен Кордер, продали по гинее за кусок, а Красный амбар превратился в местную достопримечательность. Эта история также послужила основой для одноименных баллады и мелодрамы.

В фольклорных сборниках XIX века встречаются упоминания об экзорцистах, изгонявших призраков, но все эти истории относятся к XVIII или, самое позднее, началу XIX века. «Охотники за привидениями» по своей основной профессии были священнослужителями. Они не гнушались оккультных наук, в некоторых случаях сами вызывали духов. Для этого они рисовали на земле круг, но универсального метода не существовало: иногда в круг становился сам экзорцист со товарищи, иногда там появлялся дух, который не мог вырваться за пределы круга. Еще чаще экзорцистов приглашали изгнать какое-нибудь настырное привидение. Силой своих молитв священник укрощал призрака, но не отправлял его в мир иной, а старался заточить в удаленном местечке. Для этого он давал привидению задание столь же скучное, сколь невыполнимое: носить воду в решете, плести веревки из песка или считать травинки. Монотонное занятие должно было отвлечь призрака от пакостей, но и тут мертвые проявляли смекалку. Так, призраку Бенджамина Гейера из Окхэмптона, скончавшегося в 1701 году, было поручено вычерпать воду ситом из пруда. По рассеянности экзорцист не уточнил, можно ли при этом вносить изменения в конструкцию сита. А Бенджи Гейер не зря трижды избирался на пост мэра. Разглядеть бюрократическую лазейку ему не составило труда. Освежив овцу, призрак расстелил ее шкуру на дне сита и с таким рвением начал черпать воду, что затопил весь городок.

Очень часто экзорцист обращал привидение в черного коня, после чего посылал какого-нибудь смельчака скакать на нем прочь из деревни. Именно так поступили с назойливым духом одного фермера из Дартмура. Обратив его в жеребенка, экзорцист вручил уздечку мальчику-слуте и велел отвести призрака к пруду. Там парнишка должен был оставить призрака, а сам без оглядки мчаться домой. Но если даже Орфей в такой ситуации не выдержал, чего ожидать от сельского паренька? Украдкой он оглянулся и увидел, как призрак огненным шаром упал в реку. На прощание жеребенок отсалютовал задней ногой, да так лихо, что вышиб мальчишке глаз.

Известным экзорцистом Корнуолла был преподобный Вудс из Лэдока. Его излюбленный способ борьбы с привидениями заключался в том, чтобы обратить их в животную форму, а после выпороть как следует. Методику своего коллеги перенял пастор Ричардс из Кемборна. Рассказывали, что как-то раз поздней ночью двое шахтеров шли мимо кладбища, где пастор в тот момент охаживал плетью беспокойный дух лорда де Дунстанвилля. Когда экзекуция внезапно прекратилась, призрак наверняка обрадовался. Зато пастор так рассердился на незваных гостей, что гнал их до самой деревни, подстегивая плетью.

Изгнание призрака не всегда протекало так уж гладко. В Центральной Англии ходили легенды о молочнице Молли Ли, которая даже после смерти бродила по улицам Бурслема, придерживая на голове кувшин с молоком. Право на частную жизнь старушка не признавала, так что запросто могла появиться в любом жилище. Она присаживалась в уголке, вязала прозрачные чулки и бормотала заклинания (а может, просто считала петли). Горожанам так надоели ее визиты, что они призвали на помощь клир. В местную церковь принесли свиное корыто, возле которого с глубокомысленным видом собрались шестеро пасторов. Они

затянули молитву об упокоении души, и призрак Молли вскоре замаячил над крышей церкви. Привидение удалось загнать в корыто, которое тут же зарыли в могиле. Но сладить с упрямой молочницей было так трудно, что во время экзорцизма трое священников скончались, а остальные тяжело заболели.

С наступлением викторианской эпохи отношение к потусторонним явлениям изменилось. Привидения уже не изгоняли, но приглашали в светскую гостиную и просили устраиваться поудобнее. В эпоху небывалого технического прогресса викторианцы искали любую лазейку из сетей материализма. Пусть страну опутали железные дороги, пусть были ярко освещены улицы, но англичанам все равно хотелось верить хоть во что-нибудь, кроме электричества и стали. Хотя англиканство оставалось официальной религией, в XIX веке оно начало сдавать позиции. В Лондоне даже вставал вопрос о закрытии некоторых церквей из-за низкой посещаемости. Вместе с тем во второй половине столетия все большей популярностью пользовались альтернативные религиозные учения, такие как теософия и спиритизм (спиритуализм).

Спиритизм, т. е. вера в существование загробной жизни и возможность общения с духами умерших, перебрался в Англию из США. Следует отметить, что человечество на протяжении тысячелетий верило в общение с призраками. В том виде, в каком спиритизм практиковался в XIX веке, он зародился в 1848 году в городе Гайдсвилль, штат Нью-Йорк. Тамашние жительницы, сестры Кейт и Маргарет Фокс, сообщили знакомым, что вступили в контакт с духом убитого торговца. Призрак якобы общался с ними с помощью перестукиваний. Уже в конце 1880-х сестры признались, что всего-навсего наловчились щелкать пальцами ног, но это уже не имело значения. Спиритизм пустил корни в США, а затем перебрался в Европу.

«Незримый мир». Карикатура из журнала «Панн». Джентльмен научного склада ума (чувствуя, как волосы встают дыбом): Оч-чень странно! Я готов поклясться, что... кто-то крадется вслед за мной! (мчится в спальню, запирает дверь, а на следующий день пишет в «Атеней»)

Начиная с 1850-х годов в Англии наблюдалось настоящее помешательство на спиритизме. В роли посредника между миром живых и мертвых выступали медиумы. В

отличие от экзорцистов прежних времен медиумы были светскими фигурами. Происходили они из всех классов, как из аристократической среды, так и с рабочих окраин. Необыкновенную популярность спиритизм приобрел среди скучающих домохозяек, которые тоже впадали в трансы, предсказывали будущее и двигали мебель одной только силой духа. Медиумизм был заразным: если кто-то из членов семьи проявлял сверхъестественные способности, то и остальные начинали замечать за собой что-нибудь этакое. Профессиональные медиумы работали за деньги или, по крайней мере, принимали дорогие подарки от своих клиентов. Сеансы проводились как в снятых помещениях, так и в апартаментах медиума или же по месту проживания клиентов. Паранормальные явления во время сеансов радовали разнообразием: из ниоткуда слышались таинственные стуки, стол, вокруг которого сидели спириты, начинал подпрыгивать, сами собой играли музыкальные инструменты. Отдельные медиумы, по свидетельствам очевидцев, даже взмывали в воздух. Другие умели производить странную липкую субстанцию — эктоплазму. Крайне сложным эффектом была «полная материализация», когда вызванный дух появлялся в полный рост, ходил среди собравшихся гостей и даже мог позировать для фотографии.

Именно с «полной материализацией» связан один из самых громких спиритических скандалов. В 1870-х годах широкую известность приобрели сеансы совсем юной Флоренс Кук, вызывавшей своего «духовного проводника» — привидение по имени Кейти Кинг. В начале сеанса девушка удалялась в угол комнаты, отгороженный шторкой. Там она садилась на стул, ее руки связывали за спиной, а узлы запечатывали. При благоприятных условиях из-за шторки вскоре появлялась Кейти Кинг, миловидная дева в белом. В полутьме Кейти общалась с гостями, млела от комплиментов, а через некоторое время удалялась. Когда участники сеанса навевались к Флоренс, то находили ее изможденной, ведь материализация призрака требовала невероятных энергетических затрат. Со стула она не вставала, а узлы на веревках оставались нетронутыми. В 1874 году один из участников сеанса, Уильям Волкман, внезапно схватил привидение за руку. Тем самым он хотел доказать, что сама Флоренс переодевалась в белые одежды. Остальные спириты вцепились в Волкмана и намяли ему бока, в то время как призрак унесся за шторку. Чтобы восстановить репутацию Флоренс, ее друзья обратились к Уильяму Круксу, известному химику и физику. Тот исследовал феномен материализации призрака и пришел к выводу о подлинности Кейти!

«Зловещий призрак». Карикатура из журнала «Панч»

Ученый не побоялся опубликовать свои заключения, хотя эта публикация едва не стоила ему членства в Лондонском королевском обществе по развитию знаний о природе. Коллегам не понравилось, что Крукс защищает мракобесие, зато спириты ликовали! Поговаривали, правда, и о пикантной подоплеке скандала: разоблачитель мистер Волкман вскоре женился на некой миссис Гаппи, конкурентке Флоренс Кук. А сама Флоренс якобы стала любовницей Крукса, вот ученый и бросился ее защищать. Впрочем, это был далеко не единственный скандал в среде спиритов.

Отношение к спиритизму было неоднозначным. Пресса, в частности сатирический журнал «Панч», высмеивала легковверных «духовидцев».

Проповедники называли сеансы сатанинскими и напоминали о библейском запрете на общение с духами. По другую сторону баррикад находились те, кому спиритизм или заменял религию, или же являлся дополнением к христианской вере. В спиритических кружках было немало верующих англиканцев. Общение с духами не противоречило их религиозным воззрениям: наоборот, тем самым подтверждалось обещание Христа даровать своим последователям вечную жизнь. Призраков рассматривали не только сквозь призму духовности, но и с точки зрения науки. В 1882 году было основано Общество психических исследований, целью которого стало объективное научное изучение паранормальных явлений. В 1893 году членом этого общества стал Артур Конан Дойль, со временем ставший ярым спиритом.

Впрочем, самый страшный призрак из всех возможных — это тот, что существует в нашем воображении.

Пожалуй, в каждом графстве рассказывали байки о суеверном господине, который, возвращаясь из кабака после заката, замечал, что его преследует нечто. О том, чтобы оглянуться на адскую тварь, не могло быть и речи. Смелости хватало только чуточку скосить глаза, и тогда боковым зрением он замечал рога. Существо не только шло за ним по пятам, но и цинично трезвонило в похоронный колокол. Обессиленный, на трясущихся ногах, господин добирался до своего крыльца и лишь тогда открывал... что за ним увязалась очень дружелюбная коза!

II

Восприятие мира. Вторжение сверхъестественного

1

Природа

Кукушка вечно весела,
Летает и поет.
Приносит добрые слова
И никогда не лжет.
Она пьет яйца прочих птиц,
Чтоб звонче куковать,
Нам нескончаемым «Ку-ку»
Тепло знаменовать.
Кукушка ленится подчас
И не совет гнезда.
Но песней, радостной для нас,
Поделится всегда.
Она не высидит птенцов —
Подбросит их другим,
Но за веселое «Ку-ку»

Мы это ей простим.
Как жаль, что свежесть позади,
У года свой отсчет.
И развеселое «Ку-ку»
Из леса пропадет.
В весенний и июньский день
Звенит кукушкой лес.
Но грянет летняя жара —
А крик «Ку-ку» исчез!

(«The Cuckoo»)

Почему так радовались англичане, заслышав крики кукушки? Потому что этот крик считался доброй приметой и сулил благополучие. Если викторианцы чем-то и отличались от нас с вами, так это более тесным общением с природой: содержание домашней скотины и охота вынуждали их то и дело обращать внимание на окружающий мир. Иногда эти наблюдения были вынужденными — кому же захочется, чтобы единственная корова (а у кого-то и призовая лошадь) пала от неведомой хворобы? Но чаще обычаи, приметы и суеверия просто вращались в привычный быт. В конце концов, если кто-то из млекопитающихся или чешуйчатокрылых случайно подвернулся под ногу — должен же в этом быть какой-то смысл?

Большая часть примет, конечно же, относилась к домашним животным. На каждой божьей твари, от крупной рогатой скотины до мелкого паучка, лежала обязанность быть полезным домовладельцу. За что же еще он их всех кормит?

Домашние животные и птицы

Огромное число примет и суеверий связано с коровами. В них проглядывает постоянная борьба с враждебными силами за наличие молока и здоровье «кормилиц». Когда у коров ни с того ни с сего раздувался живот, а на шкуре появлялись язвы, фермеры звали знахаря для установления окончательного диагноза. Несколько дней подряд знахарь измерял заболевшую корову от кончика носа до хвоста. Если животное уменьшалось в размерах, дела плохи. Значит, корову поразила стрела эльфов. На территории Англии находили каменные наконечники стрел, оставшиеся от древних обитателей острова. Именно их и принимали за волшебные орудия. Согласно поверьям, эльфы постреливали и в людей, но их излюбленной жертвой был все же домашний скот. Хворобу от эльфийской стрелы лечили по принципу «клин клином вышибают». Каменный наконечник клали в кувшин с водой и оставляли на несколько дней, чтобы вода настоялась. По истечении этого срока волшебную жидкость брызгали на больное животное. Иногда вместо наконечников использовали серебряные монеты, которые тоже опускали в воду.

Если среди скотины начиналась эпидемия ящура, первую заболевшую корову зарывали в землю живьем, чтобы уберечь от заразы оставшихся. Для профилактики и лечения ящура йоркширцы жгли солому в коровнике до тех пор, пока животные не начинали задыхаться. Такой пример якобы подал ангел, который в глубоком прошлом спустился с небес и поджег дерево. Запах гари исцелил всех окрестных коров, а фермерам не оставалось ничего иного, как перенять методику небесного ветеринара.

Чтобы захворавшая корова или лошадь выздоровела, необходимо было перестать помешивать их корм острыми и колющими предметами. Приходилось проявлять чудеса изобретательности, думая, чем бы заменить вилы. А чтобы коровы давали больше молока, омелу, оставшуюся от рождественских украшений, скармливали первой отелившейся в новом году корове.

На острове Джерси рассказывали о фермере, чьи коровы начали чахнуть. Какие только средства ни перепробовал хозяин, какой едой их ни кормил, но коровы слабели день ото дня. Тогда он заподозрил колдовство. Зарядив ружье серебряной монетой, он укрылся в сарае и дождался захода солнца. Около полуночи через изгородь перемахнул огромный черный пес, заскочил в коровник и... принялся отплясывать перед скотиной. Коровы все, как одна, поднялись и повторили его движения. Плясал пес так лихо, что бедняжки едва могли за ним угнаться, а некоторые падали на землю в изнеможении. Насмотревшись на такие издевательства, фермер выпалил в собаку из ружья. Пес, поскуливая, выбежал вон, а наутро один из соседей показался с перевязанной рукой. Урок пошел колдуну на пользу: с ночными плясками было покончено, а коровы снова набрали вес.

Зато в даремской деревне Хедли рассказывали о зловредном духе-боггарте, который мог принимать любое обличье, но чаще всего пугал доярок, оборачиваясь в их любимую корову. Дояркам приходилось побегать за коровой Хедли (Hedley Kow) по всему полю. Потом зловредная тварь опрокидывала подойник с молоком и, громко хохоча, исчезала.

Если собственные коровы доставляли столько проблем, что уж говорить о чужих? Если чужая корова заберется в огород — это к беде. Причем беда не ограничивалась вытоптанной грядкой клубники, а была куда серьезнее — в доме кто-то вскоре умрет. (А ну как сосед решит, что его корову увели со двора? Так ведь точно убьет!)

Следующими в ряду животных по значимости и по количеству примет были лошади.

Беременных кобыл в Линконшире не запрягали в катаfalки. В противном случае смерть грозила не только кобыле и жеребенку, но и всей хозяйской семье. Считалось также, что если увидеть первого в году жеребенка (или ягненка) со стороны хвоста, то и весь год пойдет задом наперед. А вот если спереди, год окажется удачным.

Корова Хедли

Важную роль в суевериях играла лошадиная масть. Встреча с пегой лошастью сулила удачу, а чтобы закрепить ее, совершали какой-нибудь нехитрый ритуал — плевали три раза, загадывая при этом желания, или девять раз делали книксен, а также трогали бока лошади. Серые лошади тоже приносили удачу, поэтому именно их принято было запрягать в свадебные кареты. Белые по большей части считались несчастливymi, хотя в Херефордшире верили, что даже такую встречу можно обернуть себе на пользу — например, если соединить большие пальцы рук или же перекрестить ботинок. При покупке лошади белый «чулок» на ее ноге истолковывали по-разному: один чулок — купишь лошадь, два — опробуешь ее, три — осмотришь со всех сторон, четыре — уйдешь ни с чем.

Непосредственно с лошадьми связан известный амулет — камень с отверстием, проточенным водой, который в России называют «куриный бог», а в Англии — «ведьмин», или «гадючий», камень. Последнее название объясняется тем, что возникновение полости в камне объясняли укусом гадюки. Очень часто амулет можно было увидеть на конюшне. Конюхи клялись, что поутру застают лошадей уставшими и взмыленными. То был верный признак, что всю ночь на них скакали ведьмы и чуть совсем не загнали. Чтобы предотвратить подобные проделки, над стойлами подвешивали «ведьмины» камни. Поскольку камни с дыркой отгоняют ведьм не только от животных, но и от людей, амулеты оставляли в спальнях, чтобы спящих не тревожили кошмары.

Наравне с ведьмиными камнями для тех же целей применяли подковы и любые изделия из железа — металла, на который у английской нечисти издавна была аллергия. О подобной практике писал английский поэт XVII века Роберт Геррик:

Ведьма, в службе Сатане,
Угнездится на коне,
Загоняет в пот и грязь,
Чтобы грива вся сплелась.
Вывесь ножницы на крюк —
Отпугнут они недуг!

Металлические крюки и ножницы для стрижки овец, упоминаемые в этом стихотворении, должны были защитить лошадей от полетов на шабаш. В попытке примирить суеверия с официальной религией некоторые рассказчики сравнивали форму подковы с нимбом или терновым венцом. Гораздо вероятнее, что суть этого поверья заключалась не в

форме подковы, а, так сказать, в ее содержании, ведь именно подкова — один из самых легкодоступных предметов из железа. Наиболее чудодейственной считалась подкова, найденная случайно. Ее можно было забрать с собой или, как верили на севере Англии, плюнуть на нее и швырнуть через плечо, загадав желание.

Подковы прибивали на двери любых зданий, будь то жилой дом, хлев, сарай, конюшня, кузня, а также на корму лодок. Велись оживленные споры о том, как правильно прибивать подкову — рожками или дугой вверх. Те, кто подвешивал подковы рожками вверх, а дугой вниз, утверждали, что таким образом ловят удачу. В этом случае подкова напоминает чашу, в которой скапливается счастье. Зато их оппоненты утверждали, что на ней удобно сидеть дьяволу. А вот если прибить ее дугой вверх, и дьявол, и все несчастья с нее просто скатятся.

Английский фольклор пестрит небылицами не только о лошадях из плоти и крови, но и об их призрачных двойниках. По дорогам колесили экипажи, запряженные безголовыми или огнедышащими конями. В некоторых случаях такими каретами оказывались повозки контрабандистов, нарочно распускавших слухи о страшных катафалках. Для пущей убедительности колеса карет подбивали мягкой тканью, чтобы катились бесшумно, а лошадей красили блестящей краской. Наслушавшись баек, селяне носа на улицу не казали после заката, а контрабандистам только этого и надо было! Никто не мешал им проворачивать аферы.

В ходу были истории как о призрачных лошадях, так и ослах. Возвращаясь поздно ночью, фермерша из Леттона (Норфолк) повстречала чудовище, похожее на безголового осла. Тварь шла на задних ногах и стремительно приближалась к ней. Вне себя от ужаса женщина бросилась бежать. Но дома любопытство пересилило страх, она выглянула в окно и увидела при свете звезд все того же безголового осла. Он топал куда-то по своим ослиным

делам.

Согласно легенде, когда Ной приготовился отчалить, упрямый осел все еще топтался по трапу, не желая входить в ковчег. Пришлось втягивать его на борт за уши. С тех самых пор уши так и остались длинными. Несмотря на свое упрямство, осел считался полезным животным, причем не только в сельском хозяйстве, но и в медицине. Крестьяне подмечали, что черные волоски на спине осла образуют крест и объясняли это тем, что именно так был отмечен осел, на котором Иисус Христос въехал в Иерусалим. Следовательно, у особенных волосков должна быть чудодейственная сила. Шерстью, состриженной со спины осла, лечили коклюш и бронхит. В лучшем случае волоски складывали в мешочек, который больной ребенок носил на шее. В худшем — высушивали в печи, измельчали в порошок и кормили им больного. Чтобы сделать снадобье чуть более терпимым, истолченную ослиную шерсть насыпали между двумя кусочками хлеба с маслом. К счастью, во многих графствах считали, что коклюш не обязательно лечить ослиной шерстью. Достаточно протащить ребенка под брюхом осла.

Несмотря на то что образ козла часто был созвучен образу дьявола, сами козлы считались живыми оберегами. Английские фермеры держали козлов в конюшне или коровнике, потому что их присутствие, согласно распространенному поверью, положительно влияло на остальных животных. Чем более вонючим был козел, тем лучше, ведь как раз его запах был полезным для скотины. Бытовало мнение, что козлы съедают траву, ядовитую для коров, притягивают на себя все хвори, а также топчут гадюк. В Глостершире вдобавок верили, что козел в хлеву предотвращает выкидыши у коров. Негативные характеристики козлам приписываются редко, но и такие случаи встречаются. Например, в 1832 году в газете «Миррор» приводилось поверье, что за козлом невозможно наблюдать 24 часа напролет. В течение суток он хотя бы раз навещает Сатану, который расчесывает ему бороду.

Свиньи, как и коровы с лошадьми, становились жертвами ведьм и нечистой силы. Но с ними связывались и другие поверья. По поведению свиней повсеместно предсказывали погоду, а в Нортхэмптоншире их наделяли иным даром пророчества: особым визгом они сообщали хозяину о его грядущей смерти.

Закалывали свиней исключительно во время нарастающей луны. Если кто-то допускал ошибку и убивал свинью при луне убывающей, на качественный бекон можно было не рассчитывать. Закалывать свиней советовали между 8 и 10 утра, тогда они будут больше весить. Остуженной водой, которой ошпаривали забитых свиней, валлийцы ополаскивали уцелевших поросят, чтобы те лучше росли и нагуливали жирок.

Как это ни странно, небылицы о свиньях стали частью городского фольклора. Во второй половине XIX века тошеры (toshers), особая прослойка людей, ради заработков рывшихся в отбросах в лондонской канализации, божились, что туннели под районом Хэмпстед населяет стадо диких свиней. Их прародительница провалилась в канализационный люк, опоросилась под землей и вскормила свое потомство помоями, которые ежедневно стекали в туннели. Помои оказались настолько питательны, что

подземные свиньи расплодились и стали столь же грозными, сколь и многочисленными.

Для свиней нашлось место и в народной медицине. Свиной навоз добавляли в мази и снадобья, а в Девоне он считался лучшим кровоостанавливающим средством. Что может быть приятнее, чем пригоршня свежего навоза, втертая в открытую рану или набитая в кровоточащий нос? Для хорошего роста волос голову натирали несоленой свининой, а в Ирландии при эпилепсии пациенту давали отведать свиного молока. «Свинское» лекарство подходило не только людям. Если коровы страдали от расстройства пищеварения, им в корм подсыпали перемолотую челюсть свиньи.

Пожалуй, ни одно из домашних животных не имело такой популярности в фольклоре, как кошка. Кошки фигурируют во множестве суеверий. Например, их использовали в качестве барометра. Если кошка умывает мордочку или трет лапой уши, на завтра жди дождя. Сидит спиной к камину — зима будет морозной. А наступить кошке на хвост считалось плохой приметой. Ну еще бы, что хорошего в расцарапанной ноге?

Удивительно, но факт — в Англии считалось и до сих пор считается, что именно черная кошка приносит удачу. Если приютить черную кошку, хозяевам обязательно повезет, а если прогнать ее, кошка заберет с собой их счастье. Наличие черной кошки сулило успех в сердечных делах: «Черная кошка в доме живет — много возлюбленных женщину ждет». Согласно даремским поверьям, чтобы убедить кошку остаться в доме, нужно натереть ей лапы жиром или окунуть их в сливки.

Не стоит забывать, что любой фольклор — это не монолитная глыба. Он неоднороден и варьируется от области к области. Так что не удивляйтесь, если в английских источниках вы встретите упоминание о черных кошках, приносящих несчастья. Отношение к кошкам вообще и к их цвету в частности было неоднозначным, а порой индивидуальным. Считалось, например, что от кошек любого окраса, родившихся в мае, пользы не жди. В Корнуолле добавляли, что котята, родившиеся в мае, приманивают в дом гадюк. Связаны с кошками и куда более зловещие приметы. В некоторых корнуолльских шахтах даже на слово «кошка» налагался запрет. Если кошка входила в шахту, работы приостанавливались. Моряки тоже трепетно относились к кошкам. Швырнуть кошку за борт и утопить ее в море означало навлечь на себя беду. В придумывании кошачьих примет особенно отличились валлийские моряки. Вот лишь некоторые из этих суеверий: если корабельная кошка ни с того ни с сего начала мяукать — экипажу предстоит длительное плавание. Если кошки резвятся на палубе,

значит, чуют «ветер на хвосте и дождь на мордочке». Если кошка внезапно повернулась спиной к капитану, корабль сядет на мель. Если часто трет лапкой морду, дела тоже плохи. Если скребет мачту, уже ничто не спасет матросов от гибели в морской пучине.

Хотя кошка считается обладательницей девяти жизней, ее стойко ассоциировали с похоронами и смертью. Кошек всегда выносили из дома покойника. Согласно распространенному поверью, если кошка перепрыгнет через мертвое тело, дух покойного не сможет отойти в мир иной. Подобные поверья встречаются и в других странах Европы, а также в Японии. Кошек старались не оставлять наедине с маленькими детьми, потому что домашняя любимица якобы высасывает дыхание ребенка. Могла она и болезнь наслать: как чихнет три раза подряд, так вся семья расхворается. Умиравших кошек относили на улицу, иначе ангел смерти, который явится их забрать, может надолго задержаться в доме.

Столь зловещие ассоциации объясняются тем, что кошки исстари считались или одним из обликов ведьм, или хотя бы их питомцами. За обиду, нанесенную своим любимым животным, ведьмы жестоко мстили. В начале XIX века в деревне Тэбэй (Вестморлэнд) жила некая Мэри Бейнс, снискавшая репутацию ведьмы. Однажды пес местного помещика убил ее кошку. Чтобы задобрить ведьму, помещик отправил своего слугу выкопать могилу. Ведьма рассчитывала на более торжественные похороны, так что потребовала прочесть над усопшей кошкой стих из Библии. Расхохотавшись, мужчина безо всяких церемоний швырнул трупик в яму, а Мэри Бейнс затаила обиду. Вскоре слуга ослеп в результате несчастного случая во время пахоты. Сразу же пошли разговоры о проклятиях, но поскольку времена охоты на ведьм уже миновали, односельчане могли лишь сплетничать за спиной у Мэри.

Еще более распространенным является мотив о превращении самой ведьмы в кошку. Одна из типичных историй повествует о набожном христианине, проживавшем в XVII веке в селении Баденох возле Инвернесс (Шотландия). Все свободное время он посвящал охоте на ведьм, хотя и обычной охотой тоже не гнушался. Как-то раз во время бури вместе со своими гончими он укрылся в полуразрушенной хижине. Через некоторое время в дверь поскребли, а на пороге появилась промокшая черная кошка. мех ее сваялся, и вид она имела самый что ни на есть жалкий. Сердобольный охотник отогнал собак и впустил ее погреться. Тогда кошка заговорила с ним человеческим голосом. Она представилась ведьмой, которая, прознав о его добродетелях, пришла за наставлениями. Присутствие собак беспокоило кошечку, поэтому она протянула охотнику длинный седой волос, чтобы привязать их покрепче. Проницательный охотник сделал вид, что выполнил ее просьбу. На самом же деле он просто отогнал собак, ожидая, когда ведьма проявит свою истинную сущность. Долго ждать не пришлось. Кошка начала увеличиваться в размерах, пока не превратилась в его соседку, Матушку из Лаггана. Она потянулась к его горлу скрюченными когтями, но охотник

спустил псов. Истерзанная ведьма сумела обернуться черной птицей и вылететь в окно. Охотник же поспешил обратно в деревню, где застал Матушку на смертном одре. Возле нее столпились односельчане, но сочувственные вздохи сменились воплями ярости, как только охотник сорвал с ведьмы одеяло и показал следы от собачьих зубов. Выслушав его историю, разъяренные крестьяне вздернули ведьму на ближайшем дереве.

Почетное место в английском фольклоре занимает кошка Ричарда Уиттингтона. Согласно легенде, сирота Дик Уиттингтон в поисках лучшей доли подался в Лондон, где поступил в услужение к купцу Фитцуоррену. Работы мальчик не гнушался, господа были им довольны, и всем бы его новое житье было хорошо, да одна беда — на Дика взелась кухарка. Она постоянно шпыняла его, а то и колотила. На дворе стоял XIV век, благополучие слуг никого не заботило, так что Дика поселили на чердаке. К попрекам кухарки добавилась борьба с крысами. Устав от них отбиваться, мальчик купил кошку. Присутствие хвостатого компаньона скрасило его жизнь, а уж в охоте на мышей кошке не было равных!

Вскоре Фитцуоррен снарядил корабль к дальнему плаванию и предложил слугам послать за границу деньги для покупки товаров или какую-нибудь вещь для обмена. Находчивый Дик боялся упустить такой шанс, но единственное его имущество ходило на четырех лапах и чесалось от блох. Была не была! И мальчик отдал купцу свою кошку, авось тот выменяет ее на что-нибудь стоящее.

С отъездом хозяина кухарка совсем озверела, и Дик решил покинуть Лондон. Прежде чем забрезжил рассвет, он отправился прочь из города. В дороге мальчик устал и, дойдя до Хайгет-Хилл, присел отдохнуть. Здесь его настиг звон колоколов церкви Бау-Чёрч. «Вернись, вернись, Дик Уиттингтон, трижды лорд-мэр Лондона!» гудели колокола. Мальчишка подивился этим словам, но спорить с колоколами не посмел и отправился обратно в дом купца.

Между тем корабль Фитцуоррена приплыл в заморскую страну, жители которой страдали от засилья крыс. Кошек там не водилось, так что крысы плодились и лютовали. Воспользовавшись обстоятельствами, купец предложил местному царю кошку Дика. Правитель так обрадовался, что заплатил за кошку баснословную сумму, которую по возвращении в Англию честный купец отдал своему слуге. В мгновение ока Дик разбогател! Деньгами он распоряжался разумно и приумножил богатство, а как вырос, взял в жены дочь Фитцуоррена. Со временем мистер Ричард Уиттингтон стал политиком и трижды избрался на пост лорда-мэра — и все это благодаря кошке!

Настоящий Ричард Уиттингтон (1350–1423), действительно трижды занимавший этот пост, мало чем напоминал мальчишку из легенды. В отличие от сказочного Дика он вырос в богатой семье, так что наниматься в услужение ему не было нужды. Впоследствии купец Ричард Уиттингтон поставлял дорогие ткани королевскому двору и одажливал английским монархам крупные суммы денег. Невозможно доподлинно установить, почему именно его имя упоминается в легендах и помогла ли ему кошка на карьерном пути. Тем не менее образ кошки практически неотделим от имени Ричарда Уиттингтона. Ее неизменно пририсовывают к его портретам, а в 1964 году на каменную плиту в Хайгете, отмечающую то место, где Дик услышал колокола, добавили скульптуру кошки. Без нее мемориал смотрелся сиротливо.

Собаки хотя и являются вечными антагонистами кошек, в плане примет имели довольно сходные функции с последними. Разумеется, не у всех примет, связанных с собаками, был мистический налет, встречались и более приземленные образцы. В Шотландии полагали, что если за прохожим внезапно увязывалась бродячая собака, все его начинания увенчаются успехом. Наверняка шансы на успех возрастали, если прохожий возвращался из мясной лавки со связкой сосисок!

Но зловещих поверий было гораздо больше. В Западном Сассексе верили, что духи собак после смерти бродят по земле, вот только увидеть их могут лишь другие собаки. Считалось также, что собаки предсказывают смерть. Уэссекс, пес Томаса Гарди, однажды подал такой знак: при виде гостя собака то подбегала к нему и скребла его лапой, то отбегала, скуля. На следующий день до писателя дошло известие о смерти его давешнего посетителя.

По всей Англии рассказывали небылицы о псах-призраках. Как правило, это огромные зверюги, жуткие, как собака Баскервиль. Среди засилья дьявольских мастиффов нет-нет да и упоминаются другие породы. Например, в истории, записанной в Уэльсе, по душу грешника пришел маленький черный терьер.

На севере призрачные псы были известны под названием «Гитраш», о чем свидетельствует отрывок из романа Шарлотты Бронте «Джен Эйр»:

«И, слушая топот, ожидая появления лошади из сумрачных теней, я вспомнила услышанные от Беси предания, в которых действовал некий северо-английский оборотень, называемый Гитраш, — в облике коня, мула или огромного пса он являлся припоздавшим путникам на пустынных дорогах, как этот конь должен был вот-вот появиться передо мной.

Он был уже совсем близко, но все еще оставался невидимым, когда я услышала шорох за живой изгородью и совсем рядом возле ореховых кустов проскользнул огромный пес, ясно выделявшийся на их фоне черно-белой окраской шерсти. Точно таким же было, по словам Беси, одно из обличий Гитраша — подобие льва с длинной шерстью и тяжелой головой».

На востоке им дали кличку Черный Шак. Порой они были невидимы, и прохожие узнавали об их присутствии лишь по хриплому рычанию или пронзительному вою. В других случаях они являлись в своем истинном облике, т. е. в виде косматого черного пса размером с теленка и с горящими красными глазами. Черный Шак не только предвещал смерть, но и становился ее непосредственной причиной. Согласно записям XVI века, во время сильнейшей грозы обитатели городка Бангэй, что в Саффолке, собрались в церкви. Вдруг двери распахнулись, по проходу пронесся черный пес и набросился на двух прихожан, склонившихся в молитве. Набожность их не защитила — пес перегрыз им горло прямо в доме Божьем.

Злодейства Черного Шака не прекратились и в просвещенном XIX столетии. Серединой века датируется сообщение об еще одной атаке призрачного пса. Слепой мальчик и его старшая сестра переходили Тэтфордский мост, как вдруг ребенок попросил отогнать от него большую собаку. Сестра огляделась по сторонам, но, кроме них, там никого не было. Тем не менее мальчик настаивал, что слышит собаку. Ни с того ни с сего он закричал и дернулся в сторону, а девочка почувствовала, что кто-то невидимый пытается столкнуть его с моста. Рука об руку дети бросились бежать и лишь чудом спаслись от смерти.

Иногда Черный Шак принимал человеческий облик. В Лоустофте (Саффолк) еще долго вспоминали смуглого и темноволосого незнакомца, внезапно появившегося в здешних краях. Чужака сочли итальянцем, хотя по-английски он разговаривал без акцента. «Итальянец» подружился с сынишкой рыбака и убеждал его отправиться в дальние страны. Когда мальчик отказался наотрез, чужак сообщил, что ему самому скоро придется уехать. В качестве прощального подарка он оставил мальчишке своего черного пса. Эту собаку нередко видели на улицах, но всегда в одиночестве, без хозяина. Вместе они нигде не появлялись. Однажды мальчик и его пес пошли купаться в море. Когда мальчик отплыл далеко от берега и уже хотел повернуть назад, собака ощерилась. Испугавшись, что пес вот-вот его загрызет, мальчик продолжал плыть. Все это время пес держался рядом, загоняя его все дальше и дальше в море. Насмерть перепуганный ребенок не смел оглянуться на своего преследователя. Но когда все же собрался с духом, то вместо морды пса увидел знакомое лицо. Мнимый итальянец ухмыльнулся и снова принял звериный облик, а потом вцепился мальчишке в горло. Мимо проплывало рыбацкое судно, моряки сумели отогнать пса и втянуть мальчика на борт. Но как ни старались они спасти беднягу, он скончался от рваных ран и кровопотери.

Еще одна история о черном псе была записана в Девоне. Возвращаясь поздно вечером из Принстона в Плимут, джентльмен услышал топот. Словно из ниоткуда, рядом с ним возник огромный черный пес, отдаленно напоминавший ньюфаундленда. Джентльмен оказался не робкого десятка, да и собак любил. «Какой милый песик! Куда же ты идешь?» — заговорил он ласково и протянул руку, чтобы потрепать пса по холке. К его удивлению, рука прошла насквозь, так и не нащупав шерсти! Пес был словно соткан из черной дымки. На прохожего тарасились огненные глаза, а когда зверь зевнул, из пасти вырвались клубы дыма с запахом серы. Памятуя о том, что с любыми собаками нельзя выказывать страха, прохожий спокойно зашагал вниз по холму в сторону дороги. Чудище шло за ним по пятам. У перекрестка раздался гром, и прохожий свалился на землю, как молнией сраженный. Уже при дневном свете его обнаружил проезжавший мимо возница. Он привел джентльмена в чувство, после чего поведал ему местную легенду. Когда-то здесь произошло убийство, а поскольку злодея так и не нашли, пес убитого рыщет по холмам и нападает на прохожих. Обычно призрак убивал свои жертвы, так что джентльмен еще легко отделался. Быть может, псу понравилось, что прохожий приветливо с ним обошелся? Доброе слово и собаке

приятно. Даже призрачной.

Еще страшнее пса-одиночки была целая свора адских гончих. В зависимости от региона их называли «гончими Гавриила», «псами Дандо» или, в Уэльсе, «псами из Аннуна», т. е. потустороннего мира в мифологии валлийских кельтов. Их появление связывали с Дикой Охотой, кавалькадой призраков, демонов или эльфов, которая мчится по небу и забирает души смертных. Бешеный лай гончих раздавался по ночам, встретить их можно было на пустырях или на перекрестках дорог.

Некоторые призрачные псы отличались миролюбивым нравом. На ферме в Камбрии то и дело появлялся пес-призрак по кличке Кэппел. Между ним и семейством фермера установились настолько теплые отношения, что призрак помогал пригонять с поля овец. Однажды он загнал в овчарню зайца и удивленно воскликнул: «Ну надо же, какая прыткая овца!»

Следующее место, после собак, в английском фольклоре занимают мыши и крысы. Они никогда не были ручными зверьками или домашними любимцами, но скорее надоедливymi соседями, причинявшими массу неудобств владельцам подвалов и кладовых.

Грызуны досаждали как горожанам, так и жителям сельской местности. Англичане научились извлекать из их присутствия хоть какую-то пользу. Жареная мышь считалась первейшим средством от коклюша и недержания мочи, хотя лечили ею также круп, припадки, заикание и прочие хвори. В зависимости от кулинарных пристрастий знахарки мышей жарили на сковородке, варили, запекали в духовке, растирали в порошок или пускали на начинку для пирога.

Но если грызунов становилось слишком много, связанные с ними приметы окрашивались в мрачные тона. Масла в огонь подливал тот факт, что попорченная грызунами вещь свидетельствовала о скорой смерти ее владельца. Способы избавления от этой напасти отличались разнообразием. Всем известна история о Гаммельнском крысолове, который выманил крыс игрой на флейте, а когда горожане отказались ему заплатить, заиграл вторично и увел из города всех детей.

Поскольку отнюдь не везде имелся подобный музыкант, приходилось полагаться на собственные силы. Именно так и поступили жители корнуолльского городка Лоо, когда с потерпевшего крушение корабля на их улочки переметнулись стаи крыс. Истребить грызунов пытались долго, но безуспешно. Раненые крысы уползали в норы, зализывали царапины и возвращались злее прежнего. Наконец чаша людского терпения переполнилась. На охоту вышли все горожане до единого, включая стариков, женщин и детей. Упорные корнуолльцы изловили крыс, после чего потушили их с луком, сервировали на фарфоровых тарелках и съели, аж за ушами трещало! Оставшиеся грызуны в панике бежали из города. Вполне вероятно, что этот анекдот возник под влиянием стереотипов о всеядности корнуолльцев.

Традиция приписывала крысам умение читать и даже разбираться в поэзии. В Уэльсе, чтобы избавить дом от крыс, сочиняли шуточные ордера о выселении и прибывали на стену. Вместо официального документа иногда выводили таинственную анаграмму

R.A.T.S.
A.R.S.T.
T.S.R.A.
S.T.A.R.

Листок с письменами засовывали в рот крысиному королю, хотя не уточняется, как именно его можно было определить.

Со Средних веков бытовало поверье, что крысы хорошо поддаются заклинаниям, если те написаны стихотворным размером. В пьесе Шекспира «Как вам это понравится» встречается упоминание о «зарифмованных до смерти» ирландских крысах. Памятуя о внушаемости крыс, шотландцы сочиняли песню, в которой советовали грызунам убираться прочь, сообщали подробный маршрут и соблазняли их описанием вкуснейшего сыра,

ожидающего их по месту назначения. Падкие до обещаний крысы эмигрировали.

Гаммельнский крысолов

Среди лондонских тошеров ходили легенды о королеве крыс. В облике прекрасной девы она соблазняла мужчин и щедро одаривала их удачей. Любовник королевы первым находил деньги и драгоценности, упавшие в канализационные люки, но стоило ему раскрыть свой секрет, как везение прекращалось. От обычной женщины королеву крыс отличал по животному яркий блеск в глазах и когти вместо ногтей. В порыве страсти она оставляла на теле возлюбленного отметину как от крысиного укуса. Даже после разрыва отношений крысиная магия не оставляла тошера в покое. У их человеческих жен рождались дети с разными глазами — голубым и серым, как подземные воды.

Домашняя птица тоже фигурирует в суевериях. Валлийцы верили, что гогот гусей посреди ночи предупреждает хозяев о ворах в доме. Серый гусь, забравшийся в чужой огород, — признак того, что о хозяевах кто-то злословит. Если гуси и утки неожиданно покидают дом, туда нагрянет смерть. Если одно из снесенных яиц окажется мягким, а другое твердым или если гусыня снесет два яйца в один день, хозяйке грозит несчастье. В Англии считалось, что нельзя сажать гусыню на яйца, если дует восточный ветер (или, в зависимости от графства, западный).

Любые желтые цветы, напоминавшие пушистых птенчиков, были губительны для гусят и утят. Под запрет попадали примулы, нарциссы, а также вербные сережки. Там, где они цветут, не следовало пасти птиц, и ни в коем случае нельзя было приносить эти растения в птичник. В зависимости от строгости и суеверности родителей ребенка, нарушившего этот запрет, могли и выпороть, настолько все было серьезно.

Жирное гусиное мясо представлялось не просто деликатесом, а символом богатства. Одно из самых распространенных календарных поверий предписывало съесть жареного гуся в День Михаила Архангела (29 сентября), чтобы в следующие 12 месяцев в доме водился достаток. В народной медицине гуси высоко ценились за лечебные свойства. Гусиным жиром мазали синяки, растяжения или грудь при простудах. Поистине универсальным средством считался гусиный помет, которым лечили любые болезни от желтухи до

облысения и ожогов. Протухшие гусиные яйца применяли от укусов гадюк.

Куры представляли серьезную проблему для суеверных умов. Весьма странное поверие гласило, что если петух доживет до 7 лет, он сможет нести яйца. В Йоркшире считали, что мелкие яйца без желтка, изредка появляющиеся в кладке, на самом деле откладывают петухи. От этих яиц поспешно избавлялись из опасения, что из них вылупится василиск. Кроме того, в ходу была поговорка, что кукарекающая курица так же неестественна, как и девица, которая умеет свистеть. Никому не хотелось держать в курятнике такое чудище, так что курам, возомнившим себя петухами, сворачивали шею (источники не уточняют, как же в таком случае поступали со свистящими девами).

Хозяйки сажали наседок на нечетное количество яиц, будучи уверенными, что в противном случае цыплята не вылупятся. Хотя число тринадцать считается несчастливym, именно столько яиц предпочитали подкладывать под наседку. Яйца, снесенные в Вознесение, клали на крышу в качестве оберега.

В Дербишире рассказывали о некоем викарии, который увлекался оккультными науками и собрал большую коллекцию старинных манускриптов. В то время как хозяин пребывал в церкви, слуга пробрался в библиотеку, открыл наугад увесистый фолиант и прочел вслух несколько строк. Небо в тот же миг потемнело, дом заходил ходуном, сами по себе распахнулись двери и... в кабинет вошла черная курица с цыплятами. Не успел слуга облегченно вздохнуть, как пернатые гости начали расти, покуда курица не достигла размеров быка. Между тем викарий, почуяв неладное, отпустил свою паству, а сам поспешил домой. Курица уже касалась макушкой потолка, но священник не растерялся и бросил ей горсть риса из мешка, стоявшего в библиотеке специально на случай появления гигантских кур. Пока птицы клевали зерно, викарий прочел нужные заклинания.

Неоднозначным было отношение к яичной скорлупе. Английские суеверия запрещают сжигать пищевые отходы, объясняя запрет тем, что это отразится на способности животных производить соответствующие продукты. Иными словами, если целенаправленно жечь молоко, коровы перестанут доиться, а если швырять в огонь скорлупу, куры уже не снесут ни единого яичка. С другой стороны, скорлупу следовало как следует искрошить, в противном

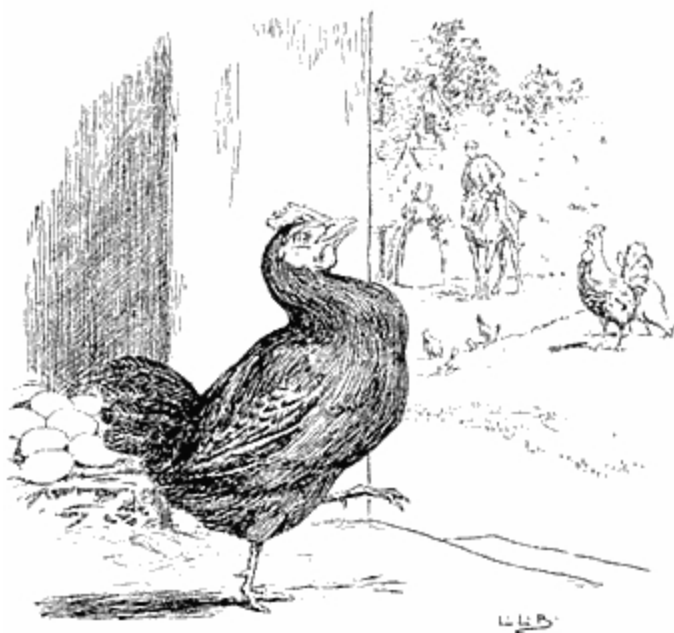
случае ею могли воспользоваться ведьмы. Они превращают нетронутую скорлупу в лодки, на которых плавают по морю и топят корабли.

Важнейшую роль в суевериях, связанных с петухами, играет кукареканье. По нему предсказывали все, что угодно, от погоды до появления гостей. Если петух кукарекает у самой двери, жди весточки издалека, причем из той стороны света, куда он смотрит. Чтобы уточнить прогноз, шотландцы щупали петуху лапы: теплые — к добрым известиям, ледяные — кто-то скончался.

Зловещим считалось кукареканье в полночь или ближе к полуночи. Английские фермеры истолковывали полночное кукареканье как предсказание грядущей смерти, а самого пернатого глашатая могли и зарезать, чтобы не тревожил людей понапрасну. Образ петуха, который кукарекает не вовремя, увековечен в народных песнях. Например, в балладе «Смертельный визит Уилли» («Willie's Fatal Visit», номер 255) герой приходит навестить свою подругу — как водится, ночью. Девушка просит петуха прокричать лишь утром, но беспринципная птица кукарекает на час раньше, еще до восхода солнца. Не разобравшись, сколько времени на самом деле, девушка выставляет любовника на улицу. В отличном настроении он возвращается к себе, как вдруг встречает привидение. Призрак предвкушающе улыбается. Слишком часто паренек навещал свою зазнобу, а о душе совсем не думал. В наказание призрак разрывает его на кусочки, причем кусочки аккуратно раскладывает по скамьям в близлежащей церкви. А в подарок девушке приносит голову с золотыми волосами.

Упоминание о зловещем петушином крике встречается и в романе Томаса Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». Кукареканье портит настроение молодоженам, Тэсс и Энджелу Клэру:

«Белый петух с розовым гребешком уселся на изгородь перед домом, в нескольких шагах от них, и крик его зазвенел в их ушах и замер, словно эхо в горной долине.

— Что? — воскликнула миссис Крик. — Петух запел после обеда!

Два работника стояли у распахнутых ворот, придерживая створки.

— Не к добру, — шепнул один другому, не думая, что его услышит группа, собравшаяся у калитки.

Петух запел снова, повернувшись к Клэру.

— М-да! — сказал фермер.

— Мне неприятно его слушать! — сказала Тэсс мужу. — Скажи, чтобы кучер трогал. Прощайте, прощайте!

Снова запел петух.

— Кш! Проваливай, пока я не свернул тебе шею! — с досадой крикнул фермер, отгоняя петуха, а войдя в дом, сказал жене: — И нужно же было этому случиться как раз сегодня! За весь год я не слышал; чтобы он пел после обеда».

Совсем скоро из-за несвоевременного кукареканья — точнее, из-за любви автора к английскому фольклору — на героев романа обрушились беды.

Еще одна птица, которая была связана с домом, — это ласточка. Ласточкины гнезда под крышей не только ласкали взор, но и символизировали благополучие. Напротив, внезапное исчезновение ласточек настораживало. Разрушить ласточкино гнездо считалось тяжким преступлением, сравнимым с кражей в церкви, — по крайней мере, так утверждал собиратель даремского фольклора Уильям Броуки. Однако не все разделяли подобный энтузиазм. Тот же Броуки пишет о доме, под крышей которого скопилось не менее дюжины гнезд на радость хозяевам и к досаде служанок. Как бы горничные ни возмущались, называя ласточек грязными тварями, утверждая даже, что меж перьев у них водятся жуки, господа оставались непреклонны. Так ласточки и жили под крышей и ежедневно пачкали окна пометом. Считалось также, что ласточкины гнезда под крышей уберегают дом от молнии. Наверное, в XIX веке нелегко было продать громоотвод тем счастливецом, под чьей крышей вольготно обитали птицы.

Дикие животные и птицы

В отличие от домашних животных лесные звери и птицы нередко слыли враждебными человеку. Хотя и из них можно было извлечь несомненную пользу, как правило — вивисекторскими методами.

Самое страшное, что могло произойти с человеком за околицей села, — это встреча с зайцем или кроликом. Она предвещала крупные неприятности. Наиболее суеверные англичане поворачивали обратно, если дорогу им перебежал заяц. В некоторых графствах — например, в Хартфордшире — считалось, что если по деревне пронесется заяц, не за горами пожар. Суровые моряки трепетали не только при виде страшного зверя, но и от одного его упоминания. Слово «заяц» входило в число моряцких табу, а лучшим способом позлить шотландских рыбаков было закинуть на борт тушку зайца. После этого целые сутки никто не посмел бы сунуться в море. А если впоследствии, пусть и через год, происходило какое-либо несчастье, моряки дружно припоминали того зайца.

Неприязненное отношение к этим незлобивым животным вызывалось тем, что английские ведьмы частенько обращались в зайцев и в таком виде пакостили соседям. Отличить демонического зайца от обычной зверушки было несложно: первого не ранили пули, только шерсть ерошили и отлетали. Убить такого зайца можно было только серебряной пулей либо ее эквивалентом. В середине XIX века жителю Дарема так опостылело, что на его капусту покушаются ведьмы-оборотни, что одной лунной ночью он подкараулил вороватого зайца и выстрелил в него серебряной пуговицей. Следы крови привели охотника к дому односельчанки, которая повязала щеку платком, ссылаясь на зубную боль. Но ни у кого не оставалось сомнений, что под платком она прятала рану от пуговицы!

Стаффордширцы трепетали перед белым кроликом, появлению которого предшествовал испуганный детский крик. В том самом месте, где обретался кролик, в 1834 году юного Джона Холдкрофта задушил приятель. Убийцу приговорили к повешению, но ввиду его малолетства приговор заменили на высылку в колонии. По-видимому, дух убитого остался недоволен столь мягким наказанием и преследовал соседей в виде демонического зверя. Другого призрачного зайца встречали возле церкви в деревне Эглошейл (Корнуолл). Вслед за зайцем появлялся дух безголового охотника. В свое время этот скептик отрицал сверхъестественное происхождение зайца и попытался его застрелить. Судя по отсутствию головы, ничем хорошим для него та охота не закончилась.

Тем не менее англичанам хватало смелости использовать самых неприятных животных на благо человечества. Заячью лапку носили в качестве амулета от ведьм. Лапка также помогала при лечении коклюша, ревматизма, судорог и прочих хворей. Особым деликатесом считались заячьи мозги. Если младенец чмокал губами во сне, это означало, что он желает чего-то такого, что мать не может ему дать. Чего-то особенного. Заячьих мозгов, например. Отцы семейства шли к помещику на поклон и просили у него если не целого зайца, то хотя бы голову. Возможно, кого-то нужда подвигла и на браконьерство — если дитя захотело заячьих мозгов, разве можно отказать? Мозги разминали до желеобразного состояния и скормливали ребенку. Источники не уточняют, подавались мозги вареными или сырыми.

В отличие от зайцев лисы вызывали меньше суеверного страха. Правда, некоторые линкольнширцы полагали, что после лисьего укуса человек умрет в течение семи лет. А согласно свидетельствам из Сассекса и Девона, думать о лисах, подстригая ногти, — к беде. Зато отрезанный лисий язык прикладывали к ранке, чтобы вытянуть глубокую занозу.

В целом, суеверий о лисах в английском фольклоре встречается не так уже много. Но равнодушие простолюдинов компенсировалось вниманием со стороны дворянства. Для аристократов охота на лис служила одной из любимейших забав. К XVIII веку олени почти исчезли из Англии по причине активной вырубке лесов. Зато лис оставалось предостаточно, а их вдобавок не жаловали. Гроза курятников, лисица стала законным объектом охоты.

Охота на лисиц

В XIX веке это действо происходило так: ранним утром слуги затыкали лисьи норы на отведенном для охоты участке. Возвращаясь с ночной эскапады, лиса находила свою входную дверь запертой и пряталась в близлежащих зарослях кустарника. Около 11 утра конные охотники вместе со сворой гончих собирались в условленном месте. Формально охотой заведовал предводитель, но физический труд выпадал на долю егерей. Они же пускали псов по лисьему следу. Гончие рыскали по кустам до тех пор, пока не выгоняли оттуда лису. При ее появлении охотники вопили «Тэлли-хо!», после чего скакали вслед за псами, которые с оглушительным лаем гнались за лисой. Когда лиса выбивалась из сил, на нее набрасывалась вся свора. Либо гончие разрывали рыжую страдалицу, либо ее добивал один из охотников. Этой забаве сопутствовали определенные ритуалы: егерь отрезал хвост («щетку» на охотничьем жаргоне), голову («маску») и лапы, после чего швырял тело на съедение собакам. Отрезанные части шли на трофеи, причем самым почетным считался именно хвост. Детям, в первый раз побывавшим на охоте, мазали лисьей кровью лица в качестве посвящения в охотничье братство.

Еще одним злонамеренным лесным животным являлся еж. Доярки утверждали, что по ночам, когда коровы отдыхают, ежи высасывают молоко из вымени, так что к утреннему удою его совсем не остается. Кровь в молоке тоже относили на их счет. Именно поэтому ежей вплоть до XIX века истребляли наравне с другими вредителями — крысами, кротами и т. д. В Броутоне (Йоркшир) рассказывали про ежа, мчавшегося со скоростью зайца, так что изловить его не представлялось возможным. Это была излюбленная личина ведьмы Нэнси Ньюджилл, против которой, согласно общему мнению, у коров «не было ни единого шанса». Помимо краж молока ежи промышляли и тем, что высасывали птичьи яйца, а также карабкались на деревья за яблоками, которые потом насаживали на иголки.

Нежелательным гостем на ферме было такое невинное существо, как землеройка. Считалось, что если она пробежится по ноге коровы или овцы, животное ошалеет от страха, а поврежденная конечность разболится. В таких случаях фермеры сверлили в стволе дерева отверстие, в котором замуровывали живую землеройку. Веткой дерева охаживали корову по спине — «чтобы весь яд вышел». Со смертью землеройки животное должно было окончательно поправиться.

Несладко приходилось и кротам. Способы их применения в народной медицине выглядели инквизиторскими. Чтобы зарядить руку целительной силой, крота стискивали в кулаке, пока не издохнет. Для лечения эпилепсии отрезали нос крота, капали девять капель крови на кусочек сахара и скармливали пациенту. К кистам прикладывали еще трепещущее тело крота, разрезанного живьем. Лапка крота спасала от ревматизма, причем отрезать ее следовало опять-таки у живого крота. Впрочем, кроты тоже имели шанс отомстить за гибель товарищей: нужно было всего лишь прорыть нору под грядкой капусты или же под прачечной и маслодельней. В первом случае смерть грозила хозяину дома, во втором — хозяйке. Именно так по кротовым норкам гадали в Уэльсе.

А вот летучие мыши, ныне повсеместно связанные с вампиризмом, ни у кого опасений не вызывали. Наоборот, они были любимыми персонажами детских песенок. Вот так английские дети обращались к летучей мыши:

Летучая мышь, летучая мышь,
Если под шляпу ко мне залетишь —
Дам сала кусок,
Испеку тебе пирог!
Воздушная мышь, пролети надо мной,
Мы хлеба краюху разделим с тобой.
А как буду стряпать и пиво варить,

С тобой не забуду пирог поделить.

В песенке подразумевался свадебный пирог. Возможно, летучая мышь в таком случае должна была напорочить счастье на всю оставшуюся жизнь.

Особую роль в системе гаданий и верований занимали птицы. Традиция предсказания судьбы по полету птиц существовала еще в древних Греции и Риме, где верили, что птицы, летая в небе, ведают волю богов и могут сообщить ее человеку. Кроме того, гадание по птицам практиковалось у друидов. Вполне возможно, что дошедшие до нас суеверия на эту тему являются отголосками древних обрядов, совершавшихся на Британских островах в дохристианские времена, но видоизменившихся после принятия новой религии. В ведении птиц находились вопросы человеческой жизни и смерти. Птица, усевшаяся на ветке перед окном и затянувшая песню, считалась предвестницей гибели кого-то из членов семьи. Того же ожидали, если птица внезапно залетала в окно.

Детям запрещали разорять птичьи гнезда и приносить в дом птичьи яйца.

В Девоншире в ходу была следующая песенка:

Лишить крапивника гнезда —
Больным остаться навсегда,
Разоришь ласточку беспечно —
Томиться, чахнуть будешь вечно.
А кто безжалостной рукой
Сотрет малиновки покой,
То гроб его на этом свете
Пятно кровавое отметит.

Малиновка

Самой популярной в народе птицей была малиновка — Робин. О ней ходило множество благочестивых историй. Согласно одной из них, красная грудка у птицы появилась после

того, как она принесла в клюве воды для распятого Христа. Птичка так старалась, что задела его рану и испачкалась кровью. В Корнуолле утверждали, что малиновка прилетела, чтобы вытащить шипы, впившиеся в лоб Христа. В детстве Иисус подкармливал ее крошками хлеба, и благодарная птичка поспешила на помощь своему другу. Уже потом вместе с ангельскими хорами она пела песню в честь его Воскресения. Неудивительно, что в Корнуолле ее величали «святой». Считалось, что даже кошки не убивают малиновок и ласточек.

Согласно другим поверьям, святости малиновки все-таки доставало. Ее главным грехом было чревоугодие: в течение дня эта обжора якобы съедает в два раза больше собственного веса. Отсюда и пошло шуточное стихотворение о Робине Бобине, которое мы знаем с детства благодаря переводу Корнея Чуковского. За малиновкой также закрепилась репутация могильщика. Обнаружив умершего, милосердная птица укрывает его листьями и мхом. Это поверье отображено в сказке о двух сиротках, оставленных в лесу по приказу жестокого родственника. В отличие от других сказок с подобным сюжетом: например, о Белоснежке и семи гномах — никто не пришел детям на помощь. А после их смерти прилетела малиновка и укрыла листьями маленькие окоченевшие тела.

Наиболее зловещей лесной птицей прослыла сорока. Повстречаться с ней было не более приятно, чем с зайцем. Повсеместно сороку называли «птицей дьявола», которая может обрести дар речи, если окунет свой язык в кровь из языка человеческого. Черно-белую окраску сорок объясняли тем, что эта птица появилась в результате брачного союза ворона и голубя — первых птиц, которых Ной выпустил из ковчега на поиски суши. Вместе с тем убийство сороки подпадало под запрет. В противном случае ее сородичи заклюют всех кур живодера. При встрече с сорокой прибегали к различным уловкам. Отвести беду можно было, плюнув на землю, перекрестившись, вежливо поклонившись птице или, наоборот, обругав ее. Последний метод — удел храбрецов. Личности неконфликтные приподнимали шляпу и почтительно обращались к сороке: «Доброе утро, сэр!»

В Ноттингэмшире была записана сказка, в которой сорока пыталась спасти от смерти ребенка. Один джентльмен ехал верхом мимо коттеджа, где проживала мать с маленьким сыном. Заметив, что женщина топит печь, он заговорил с ее сынишкой. «Мама хочет меня изжарить», — сказал мальчик, но джентльмен решил, что ребенок шутит, и поехал прочь. Не успел он отъехать далеко, как перед его лошадью закружила сорока. Она металась так отчаянно, что испуганная лошадь не могла и шагу ступить. Всадник понял, что птица подает ему знак вернуться обратно. Он поскакал к коттеджу, но увы, слишком поздно! Женщины там уже не было, а ее сын жарился в печи.

Стрекотание сороки возле дома предсказывало скорую кончину одного из членов семьи. Впрочем, согласно другим поверьям, стрекот означал всего-навсего появление незнакомца или получение письма. Для более точного предсказания сорок рекомендовалось сосчитать. По всей Англии ходили рифмованные строки, в которых по-разному истолковывалось число увиденных сорок.

Одна — на гнев,
Две — на веселье,
Три — на свадьбу,
Четыре — к рождению,
Пять — на богатство,
Шесть — на нужду,
Семь — встретить ведьму себе на беду.

Другой вариант предлагал свои значения:

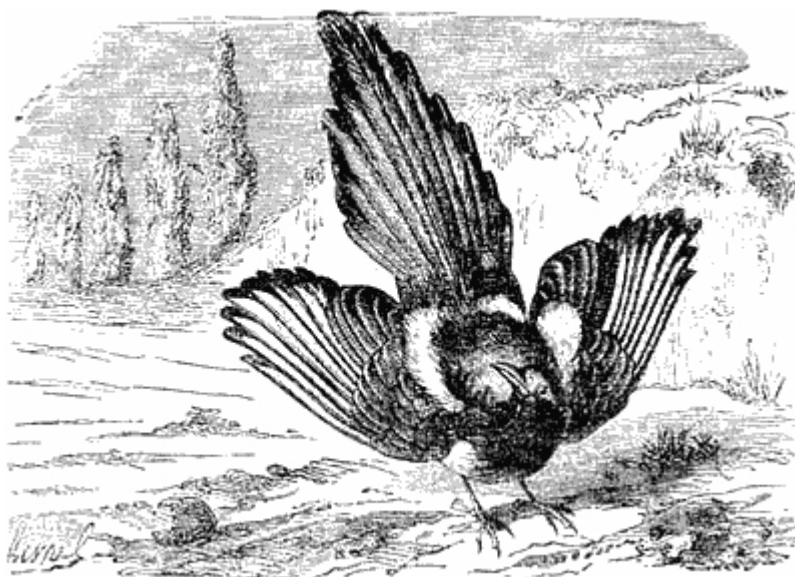
Сулит одна сорока горе.
А пара — радость будет вскоре.

Если три птицы — ждите девчонку,
Если четыре — ждите мальчонку.
Пять — серебро, невеликий доход.
Шесть — значит золото в руки придет.
Ну а семь птиц доведется коль встретить —
Я эту тайну оставлю в секрете.

В третьем варианте считалка сулила «везунчикам» свидание с самим князем тьмы.

Одна — на печаль,
Две — на веселье,
Три — на похороны,
Четыре — на рождение,
Пять — на небеса,
Шесть — в ад,
Семь — вам дьявол будет рад.

Сов и филинов в Англии тоже не любили, и поделом! Согласно средневековой легенде, как-то раз Иисус проходил мимо пекарни и попросил хлеба у булочницы. Добрая женщина замесила хлеб, но в него вцепилась ее дочь. Девушка решила, что нечего переводить столько теста на какого-то попрошайку. В тот же миг тесто начало разбухать у нее в руках. «О-о-о!» — воскликнула она от удивления, и ее крик превратился в уханье, а сама она — в сову. Именно на эту легенду намекает шекспировская Офелия: «Говорят, сова была раньше дочкой пекаря» (пер. Б. Пастернака). У выражения «дочка пекаря» имелось еще одно значение, понятное современникам Шекспира. Родственницы булочников считались особами легкого поведения, фактически проститутками. Неудивительно, что вслед за этой ремаркой Офелия напевает песню о Дне святого Валентина и потере девственности. Казалось бы, при чем здесь сова? Но в Уэльсе уханье филина указывало на то, что вскоре одна из девиц в округе лишится девственности до свадьбы. Таким образом, упоминание совы тоже вызывает ассоциации с утратой невинности.

Генри Мэтью Брок. Иллюстрация к балладе «Женщина из Эшерз-Уэлл»

В Англии филин на крыше предвещал кончину одного из домочадцев. Услышав уханье, люди суеверные вздрагивали и задумывались о вечном. Более того, название сипухи обыкновенной (screech-owl) употреблялось в значении «предвестник несчастья».

Упоминание о зловещей роли филина мы вновь находим у Шекспира:

Все проклянут час твоего рожденья.
Тогда сова кричала — знак плохой!
Смеялся филин, предвещая беды,
И выли псы, и вихрь ломал деревья,
А на трубе уселся ворон. Хором
Болтливые сороки стрекотали.

(Пер. О. Чюминой)

Как и в случае с сороками, убивать сов было дурной приметой. С такой страшной птицей лучше не связываться.

Вороны тоже считались предвестницами бед, а в их карканьи различали слово «corpse» — «труп». Вместе с тем самая известная английская легенда о воронах касается пернатых жильцов лондонского Тауэра. Каждый турист, посетивший эту достопримечательность, наверняка слышал, что как только последний ворон покинет Тауэр, на Англию обрушатся беды. В связи с ключевой ролью, которую тауэрские вороны играют в благосостоянии страны, к ним приставлен личный смотритель. Но как долго они обитают в Тауэре? Гиды утверждают, что не менее 900 лет. По другим сведениям, первую пару воронов оставил в Тауэре Карл Второй. Однако современные исследователи поставили под вопрос генеалогию тауэрских воронов, поскольку первые сведения о них относятся лишь к середине XIX века. Вероятно, именно тогда они и появились в Тауэре, а сообразительные гиды выдумали легенду, чтобы заинтриговать туристов.

Оригинальное поверье о воронах существовало в Корнуолле: вплоть до второй половины XVIII века там верили, что дух короля Артура парит над землей в обличье ворона. Именно поэтому убийство воронов осуждали — как будто король при жизни мало натерпелся, чтобы и после смерти страдать! Другие орнитологи от сохи считали, что душа короля Артура переселилась в птицу с совсем не героическим названием «клушица» (*Pyrhocorax pyrhocorax*). Оперение клушиц черное с синеватым отливом, а клюв и лапки красного цвета или, как утверждали легенды, кроваво-красного. На них осталась кровь государя, пролитая на Каммланском поле.

Другой широко известный фольклорный персонаж — кукушка. В английской поэзии кукушка связана с приходом весны и возрождением природы. Анализируя поверья о кукушках, фольклорист Стив Роуд подчеркивает присутствующий в них мотив начала: положение дел при встрече с кукушкой влияет на будущие события. Высшей удачей считалось услышать первую кукушку в году, когда карман полон денег — это гарантировало богатство на целый год. Иногда деньги советовали перевернуть, поплевать на них или потрясти в кулаке. Услышав кукование, валлийские крестьяне три раза катались по траве, чтобы в течение оставшегося года их не беспокоил прострел в спине. Зато шотландцы, услышавшие «ку-ку» на пустой желудок, огорчались — неужели весь год придется голодать?

Попадались и более экзотические приметы, связанные с кукушками. Некоторые девонцы полагали, что, услышав первую кукушку в году, нужно собрать земли с того места, где окажется правая нога. Землю рассыпали на пороге, чтобы его не смогли пересечь блохи, жуки, ухвертки и прочие вредители. Положение, в котором вас застал крик кукушки, тоже имело значение. В этот момент нежелательно находиться в постели, нагибаться или стоять на камне.

Кукование служило основой для предсказаний. Одним из старейших суеверий является вопрос, обращенный к птице: «Кукушка-кукушка, сколько мне жить осталось?» Сколько раз она прокричит после этого вопроса, столько лет и проживешь. Отважные валлийки спрашивали у кукушки, через сколько лет им предстоит выйти замуж. Принцип оставался тем же, но если кукушка кричала больше трех или шести раз, девушки утверждали, что это неправильная кукушка, заколдованная. У шотландцев с кукушкой была связана весьма

необычная примета. Считалось, что тот, кто наткнется на ее гнездо, останется вдовцом. Интересно, не придумали ли эту примету сварливые жены, в надежде отправить своих благоверных подальше в лес?

Альбатрос

Самыми свободолюбивыми птицами считали щеглов. О них говорили, что они убивают пойманных людьми птенцов. Если посадить щеглят в клетку, рано или поздно прилетят взрослые птицы и накормят птенчиков отравленной едой. Других мелких птичек суеверия также не обошли вниманием. Овсянка каждым майским утром выпивает три капли крови у дьявола. У клеста загнут клюв, потому что он вырывал гвозди из рук и ног Христа. Трясогузка летит впереди цыганского табора. А зимородок не только радовал глаз ярким оперением, но и годился на роль флюгера. Чучело зимородка подвешивали на нитке с потолочной балки и по направлению его клюва определяли, откуда сегодня дует ветер.

У моряков существовали свои приметы. Считалось, что в чайки превращаются души утонувших матросов, поэтому этих птиц ни в коем случае нельзя убивать. Эту легенду заимствовал Кольридж для своей «Поэмы о старом моряке», заменив чайку более внушительным альбатросом.

Мореход, убивший стрелой альбатроса, навлек проклятье на себя и на весь корабль и вынужден был скитаться на «Летучем голландце» до тех пор, пока не исповедался лесному отшельнику. Умудренный опытом моряк приходит на брачный пир, чтобы убедить собеседника в том, что нельзя обижать ни одну божью тварь:

Прощай, прощай!
Но, Брачный Гость,
Словам моим поверь!
Тот молится, кто любит всех,
Будь птица то, иль зверь.

(Пер. Н. Гумилева)

Пресмыкающиеся и земноводные

Самые «жизнеутверждающие» приметы приходились на долю пресмыкающихся и

земноводных. Естественно, что мало кто проникался к ним особой симпатией или жалостью. Поэтому по большей части их участием было служить компонентами магических средств. Желаящие недорого сделать эпиляцию могли прибегнуть к услугам пятнистой саламандры: она покрыта слизью, которая, попадая на волосы, сразу же приводит к облысению. А уж если саламандра заползет на дерево, на нем сгниют все плоды.

Желтые пятна на теле саламандры издавна связывались с ее происхождением от огненной стихии. Поэтому верили, что огонь, который беспрерывно горит на протяжении семи лет, порождает саламандру. Вырвавшись из горнила, огненный дух будет уничтожать все, к чему приблизится, сам же останется невредимым. В Шотландии каждые семь лет принято было гасить любой постоянно горящий огонь, например в печах на металлургических заводах. Брать на себя ответственность за рождение чудовища никому не хотелось.

Древняя магическая сила, безусловно, сопровождала жаб. Из-за своей неприглядной внешности, бугристой кожи и россыпи бородавок жабы прослыли зловещими тварями. В народном воображении они крепко-накрепко были связаны с ведьмами, которые использовали их в своих ритуалах. Наравне с зайцами и черными кошками жабы считались потенциальными «фамилиарами» ведьм, т. е. животными, которых дьявол вручает ведьмам в награду за верную службу. Негативное отношение к жабам и их связь с нечистой силой отразились в литературе. Помимо волчьего зуба, драконьей чешуи, пальца удушенного младенца и прочих экзотических ингредиентов ведьмы в «Макбете» кладут в котел и жабу:

Жаба, в трещине камней
Пухнувшая тридцать дней,
Из отрав и нечистот
Первою в котел пойдет.

(Пер. Б. Пастернака)

Упоминание об отраве неслучайно: как в елизаветинские времена, так и в XIX веке жаб считали ядовитыми. В качестве рекламы своих снадобий шарлатаны на ярмарках глотали жаб и в конвульсиях падали наземь, но исцелялись благодаря дозе фирменного эликсира. Такие представления пользовались успехом, ведь зрители не сомневались, что жабой можно отравиться. В этом суеверии есть доля истины — некоторые виды жаб действительно выделяют токсины. Впрочем, земноводные, описанные в скучных учебниках по биологии, и в подметки не годятся фольклорным жабам, которые при случае плюются огнем, а если загнать их в угол, прыгают обидчику прямо в лицо. Если они укусят корову, та заболеет. Если запрыгнут на крыльцо, над домом уже нависла беда. Если проникнут в дом, особенно в мае, то принесут с собой болезни. Так что жаб истребляли всеми доступными способами: например, среди даремской ребятни популярной забавой было положить жабу на один конец доски, а затем с размаху ударить по другому, чтобы бедняжка превратилась в желеобразную массу, как только шлепнется на землю.

Взрослые оказывались не менее жестоки: или бросали жаб в огонь, или применяли в народной медицине, или же использовали для колдовских ритуалов. К примеру, в Линкольншире записан следующий способ вернуть возлюбленного: засунуть жабу в банку, плотно закрыть верх банки бумагой и обвязать ниткой, как для хранения варенья. Втыкать в бумагу иголки, приговаривая: «Не эту жабу хочу пронзить, а сердце любимого поразить». Перевернуть банку так, чтобы жаба упала на иголки, и оставить ее умирать. Чтобы заклинание подействовало, повторить ритуал девять раз.

Убивали жаб и для того, чтобы добыть важные защитные амулеты. Жабьи лапки носили в мешочке на шее для профилактики различных заболеваний. Жабье сердце, припрятанное в кармане, помогало беспрепятственно воровать. Но самыми желанными частями тела были «волшебная косточка» и «жабий камень». Упоминание о последнем можно найти в пьесе Шекспира «Как вам это понравится»:

Есть сладостная польза и в несчастье:
Оно подобно ядовитой жабе,
Что ценный камень в голове таит.

(Пер. Т. Щепкиной-Куперник)

Волшебный камень, которому приписывались такие чудесные свойства, как обнаружение ядов, исцеление ран и благотворное влияние на беременных женщин, извлекали из жабьей головы. Жабий камень носили на шее или же касались им раны. Вблизи ядов он менял цвет. Пик популярности подобных легенд пришелся на период с XV по XVII век, к началу XIX века вера в них ослабела. Тем не менее упоминания о них можно встретить в фольклорном сборнике Вальтера Скотта «Менестрели шотландских окраин» (1802). Вера в жабью косточку, наделяющую своего владельца магическими способностями, продержалась гораздо дольше, вплоть до конца викторианской эпохи.

Для извлечения жабьей косточки и жабьего камня применяли один и тот же способ: дохлую жабу клали на муравейник и некоторое время спустя возвращались за косточками, очищенными от мяса. Жабий камень определяли по внешнему виду. Впрочем, согласно заключениям экспертов, за него обычно выдавали окаменевшие акулы зубы. Отличить волшебную косточку от обычных было сложнее. Собрав кости с муравейника, их бросали в воду. Искомая косточка плыла против течения — уж такое в ней волшебство! Главное, схватить ее прежде, чем до нее доберется дьявол, и сунуть в карман, не страшась ни грома,

ни других страшных звуков, которые могут при этом раздаваться. Дело, что и говорить, рискованное, но результат того стоил. Косточка помогала в делах сердечных, но главным ее достоинством была власть над лошадьми. Искусных конюхов называли toadmen — «жабы люди», «жабцы», объясняя их умение управляться с лошадьми тем, что когда-то они добыли жабыю косточку. Ходили слухи, что каждый кандидат на вступление в «Слово всадника» («Horseman's Word») — шотландское тайное общество конюхов — должен был сначала обзавестись волшебной костью.

Самыми ненавистными пресмыкающимися во все времена оставались змеи. Чтобы отпугнуть их, в дорогу захватывали сырой лук или палку из ясеня. Раз уж змеи внушали такой страх, под тем или иным предлогом их убивали. Шотландцы считали, что оставить встреченную змею в живых — к беде. Голову змее требовалось размозжить и отбросить подальше от тела, иначе змея вновь оживет.

Особое место среди змей занимали гадюки. Ходило занятное поверье, что во время опасности они живьем заглатывают своих змеенышей и вновь извергают их, когда беда миновала. Гадюка у порога предвещала смерть, а сон о ней означал козни недоброжелателей. Как и ежи, гадюки любили доить коров, тем самым приводя фермеров в исступление. Вороватую змею можно без долгих проволочек забить палкой, но существовали и более оригинальные методы: например, обезвредить змею, помахав шелковым платком у нее перед мордой. Как только змея кинется на платок, зубы увязнут в шелке и уже тогда можно смело браться за палку.

Ни один здравомыслящий человек не решился бы попросту выбросить труп змеи. Гадюк не только опасались, но и ценили за целебный жир, применявшийся для изготовления лекарств и в колдовских ритуалах. Убитую змею подвешивали возле камина, а под нее ставили плошку, в которую капал жир. В Сассексе гадючьим жиром лечили глухоту, отталкиваясь от распространенного поверья, что все гадюки глухи. Он же считался лучшим средством от змеиного укуса.

За неимением змеиного жира укушенного заворачивали в шкуру только что освежеванной овцы или же прикладывали к ранке живых голубей. В Шотландии укусы обрабатывали водой, в которую была опущена высушенная голова другой змеи. В Уэльсе советовали сразу после укуса змеи перепрыгнуть через любой водоем, пусть даже обычную лужу, — это нейтрализует яд.

Насекомые

Несколько интересных примет касалось насекомых. Сверчки приносят удачу, но если жестоко с ними обращаться, они обидятся и со зла прогрызут дырки в шерстяных носках. Впрочем, благосклонно к сверчкам относились не всегда. По данным Стива Роуда, в английских суевериях XVII века сверчки предстают довольно неприятными созданиями, их стрекотание предвещает смерть. С другой стороны, а что ее не предвещает? Довольно жестоко фольклор относился к бабочкам. Так, в Корнуолле считалось хорошей приметой раздавить первую бабочку в году. Шотландские дети делили бабочек на хороших и плохих. В первую категорию попадали все бабочки, за исключением темно-коричневых или пятнистых. Хороших бабочек подкармливали сахаром, плохих сторонились, но убивать боялись. Недоверчивое отношение к бабочкам распространялось на моль. Этих насекомых называли «призраки», но не убивали, чтобы ненароком не навредить духу родственника, возможно, избравшего именно такую форму для дружественного визита. Моли, очевидно, пользовались этим суеверием, чтобы спихнуть ответственность за съеденную шерсть на безобидных сверчков.

Несмотря на отвращение, которое многим внушают пауки, связанные с ними приметы были исключительно благожелательными. Согласно легенде, когда Дева Мария с младенцем Иисусом пряталась в пещере от солдат Ирода, паук соткал паутину у входа. Воины решили, что там давно уже никто не бывал, и прошли мимо. Англичане утверждали, что если

положить паука в карман, вскоре заведутся деньги. Если он пробежит по платью женщины — это к обновке. Девушки с острова Джерси после помолвки пренебрегали уборкой, ведь каждая паутина, увиденная поутру, сулила поцелуй любимого! Близкие соседи пауков, тараканы, влияли на погоду. Убить таракана или жука — к дождю.

Божья коровка

До введения современных стандартов гигиены блохи считались неизбежным злом. Поэты посвящали им стихи, а живописцы изображали прекрасных дев, занятых ловлей блох. Ситуация изменилась в XIX веке, когда люди наконец-то возлюбили чистоту. Не только врачи, но и суеверные старушки давали советы по избавлению от паразитов. В День святого Давида (1 марта) крестьянки опасались открывать окна и двери, ведь именно тогда дьявол оставляет на каждом пороге по мешку блох.

В детском фольклоре почетное место занимали божьи коровки, их именовали «птичками Богородицы». Если в России дети просили коровку вернуться и принести им хлебца, то в Англии, наоборот, беспокоились, что у небесного создания, пока оно летает на земле, на небе могут случиться неприятности:

Божья птичка, божья птичка — поспеши домой.
Дом горит и твои детки носятся гурьбой.
Крошка Нэн одна в кроватке из детей сидит,
Золотых тончайших кружев наплести спешит.

Иногда с помощью божьей коровки гадали, где искать жениха:

Божья коровка, с руки улети,
Скажи мне, коровка, где любовь найти?
На песке у моря? В поле, у реки?
Божья коровка, улети с руки!

Конечно, это была только детская песенка и никто серьезно не приглядывался, куда именно летела коровка. Но как знать?

Особые «корпоративные» приметы водились у пасечников. Уход за пчелами был столь важен, что ответственный пчеловод скорее опоздал бы на свою свадьбу, чем упустил рой. Именно это происходит в романе Томаса Гарди «Под деревом зеленым», где Дик Дьюи

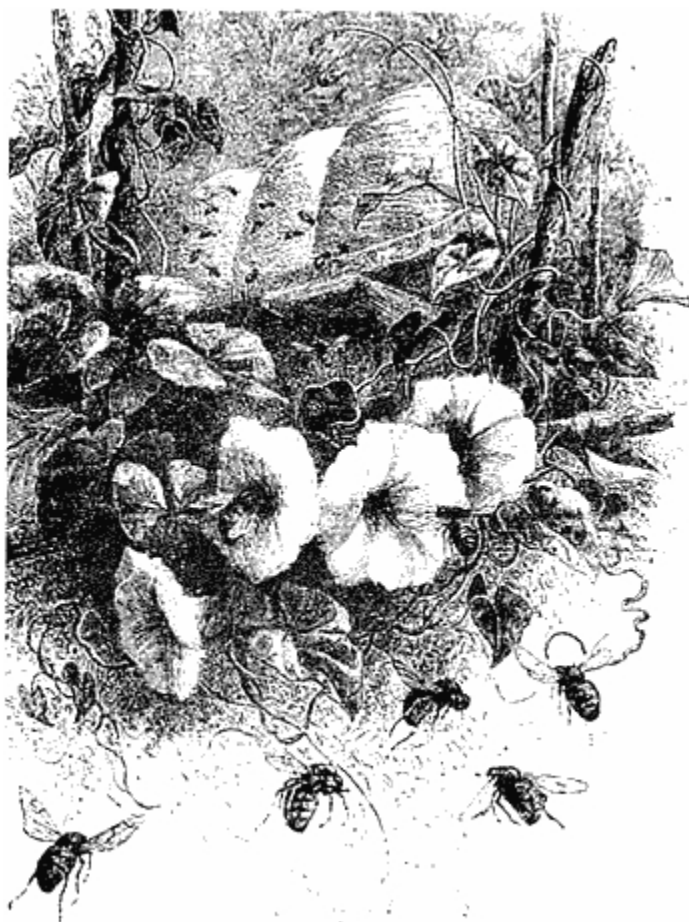
заставляет свою невесту Фэнси изрядно поволноваться:

«— И надо же, чтобы мои пчелы вздумали роиться как раз сегодня! — продолжал Дик, охватывая своих слушателей выразительным взглядом, словно сетью. — Да и рой какой хороший: самый лучший рой за последние десять лет.

— Отличная примета, — изрекла умудренная годами миссис Пенни, — отличная примета. <...>

— Да, с пчелами мешкать нельзя, — заметил дед Джеймс, — жениться можно когда хочешь, а пчелы по заказу не роятся».

Пчелы считались чувствительными созданиями, не терпели ругани и сквернословия, обращаться к ним следовало исключительно ласковым тоном. Раздражало их также присутствие распутниц или женщин во время менструации. Напротив, девственница могла без опаски пройти сквозь пчелиный рой. Пчелы были выше коммерческих интересов, так что запрещалось продавать их, а дозволялось только обменивать на что-либо. Но если продажи было не избежать, покупателю приходилось расплачиваться золотыми монетами, а не презренной медью или еще более презренными ассигнациями.

Если пчелы ни с того ни с сего начинали умирать, то и семье пасечника грозила беда. Если пчелиный рой опускался на высохшую ветвь, это предвещало смерть не только семье пасечника, но и тому, кто их увидит. С пчелами были связаны и менее зловещие приметы. Рыбаки с острова Мэн ловили первую увиденную в апреле пчелу, чтобы она принесла им удачу и хороший улов. Пчела, залетевшая в дом, предвещала приход гостя. Кроме того, во сне человеческая душа могла покинуть тело, приняв облик пчелы. Чтобы умиловить кормильцев, корнуолльцы натирали улы цветы бузины. Мед предпочитали собирать 24 августа, в День святого Варфоломея, покровителя пчел.

Английский фольклор подчеркивает любознательность пчел, которых следовало извещать о всех значительных событиях как мирового, так и местного масштаба. Пчел

поздравляли с праздниками, особенно с Рождеством. В Хартфордшире возле ульев распевали рождественские песенки, к примеру такого содержания:

Пчелы, пчелы, жители рая,
Божью работу живут выполняя.
Не выполняют люди работу такую,
Собирают пчелы долю святую.
Бог создал пчел,
Пчелы создали мед,
Бог создал человека —
Он мед продает.
Бог создал деревья,
Чтобы на них росли ветки,
Бог создал парней,
Чтобы их любили девки!

Возникновение этой песни связано с тем, что из пчелиного воска изготавливали церковные свечи, включая и пасхальную свечу, символизирующую Воскресение Христа.

Когда умирал пасечник, вдова шла к ульям, трижды стучалась и сообщала пчелам о смерти мужа. Как правило, при этом употреблялась стандартная формула: «Пчелы, пчелы, ваш хозяин мертв, отныне вы должны работать на (имя нового пасечника)». В Уэльсе обходились без формальностей и говорили просто: «Его больше нет!» Если в ответ доносился гул, пчелы соглашались остаться на пасеке. Если они отвечали вдове молчанием, значит, замыслили в ближайшее время покинуть улей. Чтобы пчелы тоже носили траур по умершему, ульи обвязывали траурными лентами. С пчелами делились поминальным угощением — пирожками, сахаром, вином. Похоронные церемонии не обходились без курьезов. 13 сентября 1790 года в девонской газете «Аргус» появилась заметка об обычае поворачивать ульи в тот момент, когда гроб выносят из дома. Во время похорон зажиточного фермера у дома собралась толпа, и в самый ответственный момент кто-то выкрикнул: «Поверните ульи!» Слуга бросился выполнять поручение, но поскольку с местными обычаями он был незнаком, то все перепутал — не повернул, а перевернул улей. Наружу вырвались разозленные пчелы, которые принялись жалить собравшихся направо и налево.

Если пчелиный рой вылетал из улья с явным намерением покинуть пасеку, пасечник мог напомнить о своих правах, позвонив в колокол или, как в Уорикшире, постучав ключом по лопате. Растяпа, забывший про этот обычай, утрачивал право на рой. Зато фермер, проявивший смекалку, имел право следовать за своим роем даже по чужим землям.

Растения

Ряд суеверий был связан с растениями. Иногда их воздействие приписывалось месту, где они были сорваны. Например, строжайше запрещалось собирать цветы на кладбище и приносить домой, иначе в течение года кто-то из родных умрет. Дети опасались подбирать цветы, оброненные кем-то на улице. «Как подберешь цветы, так подберешь болезнь, как подберешь болезнь, так свалишься замертво» — грозила поговорка из Бэкингэмптона.

Нередко опасность таилась не в самом растении, а в том, как регулярно оно цвело. Любое цветение вне сезона считали дурной приметой. Опасно было и одновременное появление цветов и плодов. Это означало, что в семье владельца сада кто-то вскоре умрет. Кроме того, если трава проклюнется в январе, то будет плохо расти в течение целого года.

Особенную осторожность следовало проявлять садоводам. Что только не подстерегало их при встрече с такими милыми на первый взгляд цветами! Нарцисс, например, лучше было срезать при безветренной погоде. Ведь если нарцисс наклонится при вашем появлении, вас ждет безвременная кончина. Если посадить в саду наперстянку (foxgloves), это привлечет

фейри, а от них людям одни неприятности. Народная этимология трактовала название этого цветка как folks' gloves, т. е. «перчатки эльфов».

По мнению доморожденных ботаников, подснежник напоминал труп в саване, а вот лилии в саду, наоборот, отпугивали призраков.

В светском этикете разнообразные цветы служили знатокам условностей: по форме или составу букета могли судить о чувствах человека или его статусе.

Неожиданно мрачные суеверия окружали обычную петрушку. Считалось, что она всходит только после девятого посева, потому что все предыдущие разы урожай собирает сам дьявол. Тем не менее приходилось возиться с семенами, потому что пересаживать петрушку с корнем было еще опаснее. Неосторожному огороднику грозила скорая смерть.

Помимо цветов и трав внимательно поглядывали и на кустарники. Про цветы боярышника говорили, что у них запах смерти. Крестьяне с богатым воображением сравнивали их запах с вонью лондонской чумы, и это в XIX веке! Цветы боярышника, как и другие майские цветы, нельзя заносить в дом. Согласно поговорке: «Май войдет — гроб выйдет». В Уорикшире добавляли: «Цветы боярышника и бузины к дому приманят зло Сатаны». Помимо боярышника в комнатах нельзя держать жимолость, но по другой причине. В Кембриджшире верили, что ее запах навеивает девушкам эротические сны. Если оставить жимолость в спальне, девушки запросятся под венец. Напротив, веточка мирта под подушкой — залог приятных и спокойных сновидений. В Вустершире бытовало поверье, что если куст крыжовника или смородины внезапно зачахнет в саду, семье хозяев грозит скорая утрата. На острове Уайт обитало уникальное чудовище — гигантская волосатая гусеница, стерегущая крыжовник от вороватых ребятишек. Самых наглых она съедала живьем.

Хорошие поводы для того, чтобы подарить букет цветов. Иллюстрация из журнала «Панч»

Если у дерева, каким-то образом связанного с семьей, внезапно отсыхала ветвь, это предвещало скорую смерть домочадца. Подобные поверья касались в основном аристократов, чей предок собственноручно посадил какой-нибудь дуб, ставший семейным талисманом. В Гринхилл Корт (Херефордшир) рос вещий вяз, от ветвей которого зависела продолжительность жизни в семье Экли. То же самое говорили о кедре, посаженном в Брэтби (Дербишир) представителем рода Карнарвон. В XX веке ветви трухлявого кедра приходилось поддерживать с помощью цепей и опор. Дербиширцы связывали заботу о кедре с его пророческими способностями. Возможно, по той же причине о дереве так пеклись сами хозяева. А когда в 1923 году скончался Джордж Карнарвон, известный египтолог, обнаруживший гробницу Тутанхамона, к кедру потянулись толпы зевак. Всем было любопытно поглядеть, не отвалилась ли ветка.

Дуб, дерево друидов, почитался по всей Англии и особенно в Уэльсе. В некоторых деревнях бытовало поверье, что летом или ранней осенью листья дубов нашептывают древние пророчества.

Рябина не позволяла нечистой силе подобраться к жилищу, а кисть ее красных ягод, привязанная к поясу, защищала от сглаза.

Из березы в Уэльсе изготавливали майские шесты. Кроме того, с помощью березы юные валлийки сообщали возлюбленным о своих чувствах: если девушка принимала предложение, то отсылала жениху венок из березовых листьев, если отвергала — то из лещины. Этот трогательный обычай почти полностью исчез в XIX веке, но и тогда для березы находилось применение: из ее ветвей делали розги для нерадивых учеников.

На территории Британских островов было распространено лозоходство. Воду искали с помощью рогатины, срезанной с ивы или с лесного ореха. Знахарь брался за оба конца, иногда предварительно смочив руки, и медленно шел вперед, наблюдая за концом палки. Чем ближе к воде, тем сильнее дрожала и наклонялась палка. В шахтерских поселках Уэльса так искали залежи угля.

Целый сонм разнообразных суеверий окружал бузину. Согласно одной версии, на этом дереве повесился Иуда, вследствие чего оно обзавелось дурной репутацией. Приверженцы

этой теории верили, что младенец, чья колыбель сделана из бузины, не сможет спокойно уснуть. По другому, не менее распространенному мнению, на кресте из бузины распяли Христа, поэтому жечь ее сродни святотатству. Опять же из-за ассоциаций с крестом считалось, что в бузину никогда не бьет молния. Стало быть, под ее ветвями хорошо прятаться во время грозы. Английская нечисть испытывала противоречивые чувства по отношению к бузине. В некоторых поверьях бузина выполняет ту же функцию, что и рябина, а именно отпугивает ведьм. С другой стороны, жители острова Мэн сажали бузину возле дома, чтобы фейри было где порезвиться. По сей день одиноко растущая бузина указывает на то, что когда-то на этом месте стояло человеческое жилище. Хотя его обитатели уже исчезли с лица земли, вера в чудо сохранилась.

Народная медицина находила применение любой части бузины, будь то листья, цветы, ягоды, кора или древесина. Бузину высушивали и толкли в ступе, добавляли в чай или смешивали с вином, часто употребляли в натуральном виде. Перечень недугов, от которых якобы помогала бузина, весьма внушителен: желтуха, зубная боль, кашель, простуда, ожоги, прыщи, бородавки и т. д. Щепка бузины в кармане защищала от сглаза и, как ни странно, от ссадин, натертых седлом. Поскольку в XIX веке на лошадях путешествовали часто и подолгу, это средство приходилось как нельзя кстати.

Помимо бузины с фейри связывали такие растения, как терновник, ясень, дуб, ива. Если терновник, дуб и ясень растут близко друг к другу, значит, здесь обитают фейри. Для того чтобы защититься от проделок «маленького народца», необходимо разыскать четырехлистный клевер, высушить и носить при себе. Кроме того, четырехлистный клевер приносит своему владельцу удачу и долголетие.

Из лесных растений особыми свойствами наделяли папоротник. С его помощью можно было вызвать дождь, для этого растение требовалось сжечь. В Норфолке на папоротнике гадали, разрезая стебель и пристально разглядывая срез, где должны были проступить инициалы будущего жениха. В Шотландии считали, что единственной буквой, которую можно разглядеть на срезе стебля папоротника, будет С, от Christ — Христос. Именно поэтому папоротник ненавидят ведьмы.

Зверобой, собранный накануне летнего солнцестояния, сушили и клали на подоконник для защиты от молний, бурь, пожаров и нечисти. Истолченный зверобой носили на шее в шелковой мешочке. Он обеспечивал успех в любовных делах, прояснял разум, исцелял психические заболевания.

У орехов исстари была эротическая подоплека, учитывая, что слово «орехи» (nuts) обозначало мошонку. Когда по осени девушки шли за лесными орехами, подмигиваний и сальных шуточек избежать не удавалось. Орехи собирали для еды или для продажи, но уединение в лесу предоставляло прекрасную возможность завести интрижку. В лес за девушками следовали парни, а у тех, кто собирал орехи по церковным праздникам, появлялись и более зловещие спутники. Фольклорные сборники пестрят рассказами о насмерть перепуганных девицах, столкнувшихся в лесу с самим Сатаной.

Атмосферные явления

Для того чтобы избежать неприятностей, обращать внимание на все вышеперечисленные приметы было недостаточно. Не меньшую роль играли наблюдения за атмосферными явлениями. Непогоду суеверные умы связывали с проделками Сатаны. Если шел дождь, а на небе сияло солнце, валлийцы говорили, что дьявол колотит свою жену. Если в похожую погоду раздавался гром, значит, нечистый и за матушку свою принялся. Во время грозы Бог преследовал князя тьмы, чтобы загнать того обратно в пекло. Места, куда била молния, приобретали зловещую репутацию, а убитые молнией животные не годились в пищу. Тем, кто подвернется под Божью длань, тоже не поздоровится, поэтому двери и окна запирали при первых же раскатах грома. Подобным образом поступали хозяйки во многих английских графствах.

Ножницы, ножи, зеркала и любые светоотражающие поверхности обматывали тряпками, чтобы эти предметы не притянули молнию. Фаталисты, наоборот, открывали двери нараспашку: если молнии суждено проникнуть в дом, так пусть вылетит поскорее. В Шотландии совали в очаг кочергу и щипцы, чтобы умиловить огонь, проявлением которого и были всполохи на небе. Само слово «молния» для многих было под запретом. Йоркширские мальчишки уверяли, что если произнести его непосредственно после вспышки, свалятся штаны. Для защиты от молнии на соломенных крышах коттеджей сажали молодило. А с распространением электрического освещения появились новые страхи — вдруг «электрическая жидкость» просочится в комнату, а потом как бабахнет! Вплоть до середины

XX века осторожные особы затыкали розетки ватой, чтобы электричество оттуда не вытекало.

Человек на луне

В очертаниях лунных кратеров виднелся силуэт мужчины с вязанкой хвороста на спине. Как-то раз он отправился за дровами в воскресенье, тем самым нарушив запрет на работу в святой день. Вот Господь и забросил его прямым на луну. Добавляли, что за грешником последовал его верный пес, который и поныне лежит у его ног. По внешнему виду луны предсказывали погоду на ближайшее время. Бледная и мутная луна предвещала дождь, красная — грозу с сильным ветром, яркая и блестящая — морозы. Если месяц висел высоко, ожидалась заморозки, низко — наоборот, теплые деньки. Одно кольцо вокруг луны указывало на приближение непогоды, двойное кольцо — на бурю.

С фазами луны свержались при работах на огороде, забое скота, стрижке волос и ногтей. Длинный свод правил регулировал поведение во время новолуния. На молодой месяц нельзя было смотреть через стекло или левое плечо, а также встречать его с пустыми руками. Молодому месяцу кланялись, делали реверансы, целовали руку — собственную, за неимением оной у месяца, — или приподнимали шляпу. Тыкать пальцем в луну считалось невежливым, и этого жеста избегали. За почтительное отношение, месяц вознаграждал сторицей — посылал удачу или подарок. Вместе с тем лунный свет считался опасным. Матерям советовали как следует занавешивать окна в детской, чтобы у спящих малышей не помутился рассудок от прямого контакта с лунными лучами. Связь луны с лунатизмом, т. е. бессознательными действиями, совершаемыми во сне, не подвергалась сомнению. Попадание лунных лучей на продукты питания якобы ускоряло процессы гниения.

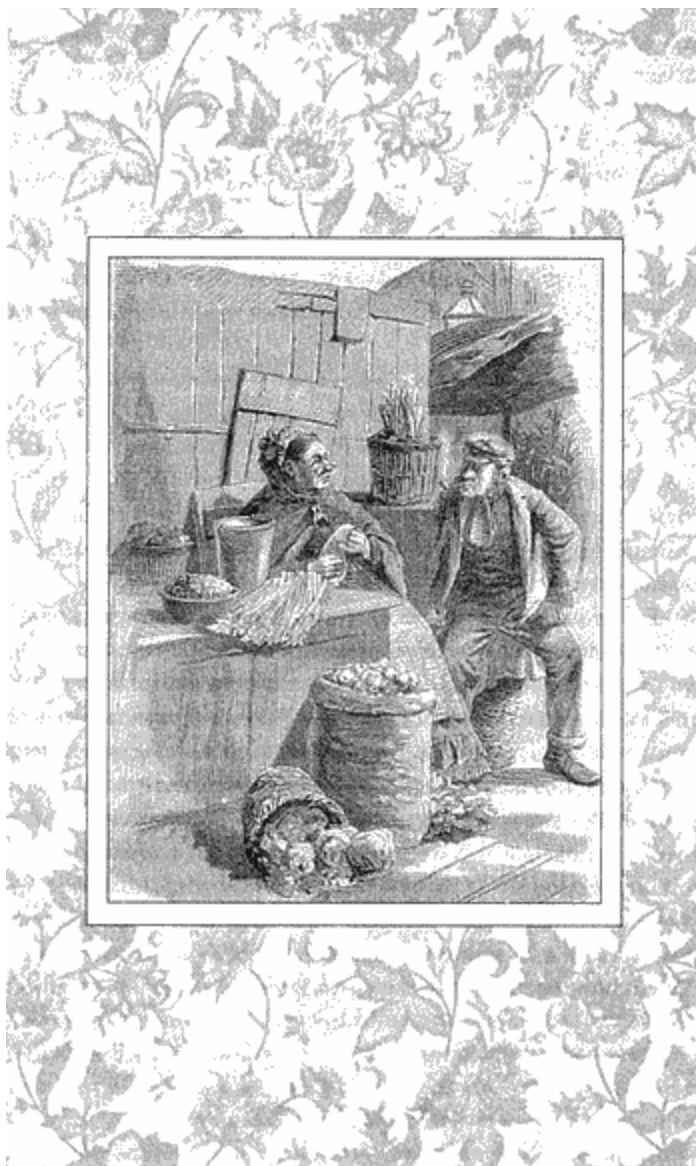
Появление кометы предвещало катастрофу национального масштаба. Дурным знаком считалось также солнечное затмение. Во время затмений валлийцы закрывали колодцы, чтобы вода не помутнела.

Падающие звезды имели несколько противоположных интерпретаций: по одной версии, они сообщали о рождении мальчика, по другой — о чьей-то кончине, по третьей — предупреждали самого смотрящего о скорой смерти. В XIX веке набирало обороты поверье, что при виде падающей звезды следует загадать желание. Лондонские торговцы в этом случае неизменно выкрикивали «Деньги!».

Так же как и на луну и звезды, не следовало показывать пальцем на радугу. Очень часто ее связывали с удачей, а примета о том, что в конце радуги можно отыскать горшочек золота, наверняка известна всем нашим современникам. Но иные приметы были не такими уж «радужными». Если радуга зависала над домом или же оба ее конца находились на одном острове, чья-то смерть не за горами — так утверждали на Оркнейских островах. В Уэльсе бытовало поверье, что у того, кто пройдет под радугой, может поменяться пол.

Словом, жизнь человека в XIX веке зависела от потрясающего количества самых разнообразных факторов. Куда там нынешним зависимостям от Интернета и сотового телефона!

Старуха в Уэксфорде жила, давным-давно жила.
Но мужу старому она другого предпочла.

Приве:

Пей и пой, дом-дом-дом-дей-ро,
Прозреет и слепой!

Приходит к доктору она, спросить его совет:
— Лекарство выпишите мне, чтоб муженек ослеп!

— Пусть высосет из кости мозг и внутренность яйца.
И очень скоро быть тебе супругою слепца.

Совет несложный получив, ушла домой карга.
А ловкий врач предупредил запиской старика.

Полакомился муж яйцом и костью мозговой,
Да только встал из-за стола — столкнулся со стеной.

— Я утоплюсь, — сказал супруг, — слепой смешон для всех!
Жена в ответ: — Давай, столкну. Возьму на душу грех!

С разбега мужа подтолкнуть намерилась карга.
Но в сторону успел вильнуть супруг на полшага!

— Тону! Тону! — старуха в крик. — Здесь омут, помоги!
— Увы, — ответил ей старик. — Не вижу я не зги!

Возможно, кости и яйцо повергнут взор во мрак.
Но хочешь мужа утопить — не разгоняйся так!

(«The Old Woman from Wexford»)

Эта незатейливая баллада, популярная в XIX веке, предупреждала не только о повадках неверных жен, но и о коварстве докторов. Ни тебе врачебной тайны, ни лекарства от болезни. Разве что угробить кого-нибудь способны.

Соблюдение личной гигиены, знахарство, магические обряды и (в крайнем случае) обращение к врачам — таковы были стратегии небогатых англичан по сохранению своего здоровья. Так что вариантов у нас с вами немного. Причем официальная медицина хотя и вооружалась постепенно строгими научными принципами, все еще несла в себе массу пережитков прошлого и частицу бурного воображения своего прогрессивного века. Хотя к концу XIX столетия медицина окончательно восторжествовала над суевериями, перечень всех лечебных причуд, дошедший до нас как в фольклоре, так и в серьезных научных спорах, заставляет хилых потомков с уважением смотреть на тех сильных духом людей, кто сумел выжить и продолжить род в рискованных для здоровья условиях.

Личная гигиена

Мы привыкли думать, что здоровье начинается с личной гигиены. Ежедневный уход за собой стал настолько естествен, что сегодня мы нередко считаем своих предков завшивевшими и дурно пахнущими дикарями. Впрочем, викторианская Англия отстоит от нас не настолько далеко, чтобы совсем отказать ей в праве на чистоту. Тогда высокие требования предъявлялись к чистоте моральной, а что же до чистоты физической? И как личная гигиена соотносилась с разнообразнейшими предписаниями из области народной медицины?

Мыть руки, чистить зубы, регулярно принимать ванны — мы и сами-то иногда пренебрегаем такими вещами, что уж говорить о населении Британии на протяжении XIX века! Когда ни центрального водопровода, ни горячей воды из крана! Впрочем, в середине века в ходу уже были зубные щетки, зубной порошок и зубная паста, расфасованная в красивые фарфоровые баночки. Прежде зубы чистили палочкой, один конец которой оборачивали тряпицей. Зубочистки тоже употребляли: от дешевых из расщепленных птичьих перьев до многоцветных металлических, которые некоторые денди демонстративно держали во рту во время прогулок. В 1860–1870-х годах в США начали производство и более привычных нам сегодня деревянных зубочисток.

Юных жителей Ланкашира, Шропшира и Чешира пугали, что если они не будут чистить зубы, их утащит водяное чудовище Дженни Зеленые Зубы. Согласно словесному портрету, в придачу к специфическим зубам у Дженни была зеленоватая кожа, длинные спутанные космы и острые ногти. Кому захочется устроить randevu с подобной особой! Так что зубы чистить надо. Но прежде, чем заняться этой несложной процедурой, давайте поговорим о зубах вообще.

Английский фольклор относился к зубам очень серьезно. Их рост и форма играли большую роль и в определении судьбы человека. Если у ребенка верхние зубы прорезались

раньше, чем нижние, — не к добру. Слишком раннее появление зубов у младенца тоже озадачивало родителей. На севере в этом видели намек на то, что в семье вскоре родится еще один малыш. Не менее распространенным было поверье, что в таком случае ребенку уготована скорая смерть. Когда выпадал первый зубик, дырку от него натирали солью, а сам зуб сжигали. Если просто выбросить зуб, его может погрызть какое-нибудь животное. Как следствие, вместо обычного зуба у ребенка вырастет звериный клык! В 1860 году сассекская собирательница фольклора миссис Латем записала рассказ о старике с кабаньим клыком. В своем уродстве он винил родную мать, которая по глупости бросила его молочный зуб в свиное корыто. Иметь зазор между верхними передними зубами считалось удачным — счастливица ожидали богатство, везение во всех делах или захватывающие путешествия. Но в Шотландии это было отличительной чертой распутника. Именно это поверье имел в виду средневековый поэт Джеффри Чосер, когда наделил сластолюбивую Батскую ткачиху (персонажа «Кентерберийских рассказов») зазором между зубами.

Тщательный уход за зубами был единственным способом избежать мучительной боли. И сегодня визит к стоматологу вызывает страх у большей части населения. Что уж говорить о временах, когда зубы удаляли без анестезии, а тем, кто не мог воспользоваться услугами врача, предлагались способы и того хуже? Взять, к примеру, такой рецепт: две кварты крысиного бульона смешать с одной унцией (1 кварта = 946 мл, 1 жидкая уncia = 29,5 мл) камфары и одной унцией эссенции гвоздики. Принимать по чайной ложке три раза в день. Крысиный бульон ни в коем случае нельзя заменять куриным. Для лечебного эффекта требовалось животное, способное прогрызть все на своем пути!

Те, кто не отваживался пить эликсиры, уповали на защитную силу амулетов: в кармане носили сушеную кошачью кожу, кроличьи зубы или череп ежа. Годи́лся и зуб, откушенный от черепа мертвеца. Если эти средства не спасали, приходилось прибегать к кардинальному лечению — десну царапали гвоздем, который потом забивали в кору дуба. Острота гвоздя и крепость дерева должны были укрепить зуб и избавить от боли страдальца. В Корнуолле больным предлагали вырвать зубами из земли первый папоротник, проклюнувшийся по весне. Хорошо, если при этом больной зуб вылетит из десны. А вот если еще и здоровые поломаешь? При стоматитах в рот больному задували пепел от сожженной алой ткани или давали пососать живую желтую лягушку.

Лечили от зубной боли и заговорами, например: «И сказал Господь Петру: „Петр, что у тебя болит?“ И ответил Петр Господу: „Господи, меня измучила зубная боль!“ И сказал Господь Петру: „Не печалься, Петр. Зубная боль отойдет от тебя“. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. Аминь. Аминь». Другой вариант звучал как целая проповедь: «Когда наш Господь и Спаситель Иисус Христос шел по Гефсиманскому саду, он увидел плачущего Петра. Господь позвал его и спросил: „Петр, отчего ты плачешь?“ Петр отвечал: „Господи, я тяжко страдаю от зубной боли“. Господь сказал: „Если уверуешь в меня и слова мои пребудут в тебе, то исцелишься от боли в зубе твоём“. Петр сказал: „Верую, Господи, помоги неверию моему!“ Во имя Отца, Сына и Святого Духа, да исцелит Господь (имярек) от зубной боли».

Много тонкостей касалось не только чистки зубов, но и умывания. Для этой процедуры пользовались кувшинами и тазами, плескаться в которых многим предстояло по очереди. Вспомните хотя бы Джейн Эйр в Ловудском приюте, где ученицам полагался один таз на шестерых, а вода в кувшине за ночь превращалась в лед. Подобную картину можно было застать и в многодетных рабочих семьях. Причем к самой воде для умывания тоже следовало присмотреться. Нельзя умываться водой, в которой варились яйца, — поглупеешь. А ведь как соблазнительно использовать уже нагретую и вполне прозрачную воду! Шотландцы заявляли, что после того, как умоешься в тазике, нужно плюнуть в воду, чтобы ею не мог воспользоваться другой человек. Иначе вы с ним поссоритесь. Еще одна распространенная примета запрещала вытираться полотенцем одновременно с кем-то еще. Если двое одновременно вытрут руки одним и тем же полотенцем, то и на паперти стоять будут вместе.

А теперь поговорим о мытье как таковом. Как просто в наши дни принять ванну! Но в

XIX веке водопровод был доступен немногим. Например, в 1840-х годах в Бирмингеме только в 20 % домов был проложен водопровод, а в Нью-Кэстле — в 10 %. Специальные комнаты под ванны стали строить с 1870-х годов. До этого состоятельные люди мылись в сидячих ваннах, которые слуги приносили прямо в спальню. Начиная с 1840-х годов в богатых домах появилась горячая вода, а с 1870-х она стала доступна и среднему классу.

Рабочие в английских городах мылись раз в неделю, а то и реже. За водой ходили к платному насосу, несли ее в ведре домой, вплоть до нескольких миль, взбирались на верхний этаж по крутой и шаткой лестнице. Ту воду, которая не шла на готовку, стирку или мытье пола, наливали в жестяную сидячую ванну. Затем надо было несколько раз ополоснуться, потереть спину щеткой — и все, пора уступать очередь следующему. Воду в ванной не меняли, просто каждый член семьи мог долить себе кипятка. Главное — смотреть, что наливаешь, и не перепутать кипящую на плите воду с бульоном в другой кастрюле.

Чтобы не маяться с купанием в домашних условиях, можно было сходить в баню. Муниципальные бани существовали почти в каждом крупном городе. Особенно ими славился Лондон. Например, в 1846–1848 годах в бане из района Сент-Панкрас побывало 280 000 человек и еще 90 000 воспользовались прачечной при бане. Каждый час в общественной бане стоил пенни, мыло и мочалку приносили с собой. Во многих женских банях, например в лондонском Вестминстере, была раздевалка, в которой женщины могли простирнуть свое нижнее белье. Некоторые приносили в баню чистый костюм, надевали его сразу же после мытья, а грязную одежду уносили домой в бауле. Интереснейшие сведения о банях можно почерпнуть из мемуаров Дороти Сканелл: «Когда мама уже не могла купать нас в жестяной ванночке, каждую пятницу мы начали посещать баню вместе со взрослыми. Нужно было прийти пораньше, потому что в зале ожидания всегда собиралась большая толпа, как только люди возвращались с работы. Невозможно было заскочить в баню перед танцами и так далее, потому что иногда приходилось ждать пару часов, прежде чем удавалось принять ванну. Мы всегда захватывали с собой что-нибудь почитать и разглядывали местных невест, которые обязательно приходили в баню накануне свадьбы». У каждой ванны был свой номер, и при необходимости можно было окликнуть банщицу и попросить кипятку или, наоборот, холодной воды в номер такой-то. Но робкая мисс Сканелл стеснялась лишний раз просить о чем-то суровых банщиц: «Когда банщица выкрикивала „Номер... поторопитесь“, я думала, какой же смелой должна быть особа в той ванне, чтобы так замешкаться. Иногда хотелось просто полежать в теплой воде и чтобы никто не стоял над душой».

Возле уличного насоса

Слабое знание причин заболеваний и недостаточное внедрение гигиенических навыков отразилось в таком своеобразном фольклорном пласте, как городские легенды о паразитах. Повсеместно считали, что если хлебнуть воды из пруда, можно проглотить головастика, а то и змею, которые поселятся в желудке и начнут расти. У зараженного человека якобы развивался неутолимый голод, ведь всю еду съедал паразит, да еще и добавки требовал. Выманить паразитов можно было, подержав миску с молоком у рта или подышав вонючими парами.

Но даже этих средств, по мнению пессимистов, было недостаточно. В 1926 году в журнале «Фольклор» процитировали небылицы о подобных паразитах: «В 1905 году фабричная работница из Ист-Энда (уроженка Лондона) рассказала мне о том, как старательно она избегала есть перезрелые фрукты: „На нашей улице жила девочка, которая как-то раз съела целый фунт слив — да, вроде бы это сливы были — а в них оказались черви. И они начали прямо внутри нее расти. Ее забрали в больницу, но ей уже ничем нельзя было помочь. Тогда было получено разрешение задушить ее!“ В 1909 году уборщица из Лондона рассказывала, что люди проглатывают лягушек и тараканов, когда едят водяной кресс-салат или во время питья. Она лично знала девушку, которая слегла с горячкой, а на ночь для нее оставили стакан молока на полу возле кровати. Вместе с молоком она, видимо, проглотила несколько жуков, „а как померла, доктора вскрыли ее и увидели, что внутри полным-полно дырок и тараканов!“ В 1926 году схожую историю рассказала образованная и культурная молодая женщина (уроженка Ливерпуля). Она приходила в ужас от тараканов и особенно опасалась за своего малыша. Дело в том, что ее мать рассказала ей о следующем происшествии: ребенка оставили ползать по кухонному полу, „и он, должно быть, поймал

таракана и проглотил его. Родители пригласили для него сиделку, потому что он разболелся, но никто не мог понять, из-за чего именно. Медсестра же сразу все выяснила. Она выключила свет на десять минут, а затем внезапно его включила. Как раз в этот момент из уха ребенка выползал огромный черный таракан! Кажется, мама говорила, что потом ребенка задушили. Началось расследование, а во время вскрытия оказалось, что внутри его тело кишело тараканами!“».

Во имя гигиенических целей принято подстригать волосы и ногти. Но в английском фольклоре существовала масса условий, как, когда и почему это необходимо делать. По волосам определяли как характер, так и судьбу человека. Узнать свою долю можно было с помощью простого гадания: погнуть большой и указательный пальцы, после чего пропустить между ними волос. Если он завьется — вы разбогатеете, останется прямым — так вам и прозябать в бедности. Признаком грядущего богатства были волосатые руки как у мужчин, так и у женщин. Особо зловещей приметой считался «вдовый пик», т. е. треугольный мысок волос на лбу. По своей форме он напоминал острый выступ на старинном вдовьем чепце, отсюда и неприятные ассоциации. «Вдовый пик» мог внезапно появиться на лбу как мужчины, так и женщины, и предвещал не что иное, как скорое вдовство.

Поскольку волосы, как и обрезки ногтей, могли стать материалом для колдовских ритуалов, их нельзя было оставлять без присмотра. Помимо ведьм на выпавшие волосы покушались птицы: если они сошьют гнездо из чьих-то локонов, их бывший владелец всю жизнь промается от головной боли. Опасно было глотать волосы, иначе проглоченный волос

обовьется вокруг сердца. Столь же вредной слыла кошачья шерсть, которая якобы не растворяется в желудке и тоже приводит к смерти. Англичане предпочитали сжигать выпавшие волосы, чтобы ни ведьмы, ни пернатые воры не сумели до них добраться. К волосам, горящим в огне, следовало присмотреться внимательно: если горят ярко — это к долгой жизни. А шотландцы утверждали, что если волосы вообще не горят, тот, на чьей голове они росли, утонет.

В некоторых случаях, наоборот, считалось желательным, чтобы волосы достались птицам. В середине XIX века на севере Англии подобным образом лечили кашель: сбривали волосы у больного на макушке и вешали их на кусте, полагая, что, забрав волосы, птицы унесут болезнь. По такому же принципу волос больного ребенка закладывали между двумя кусками хлеба и скармливали собаке.

Дети находили выпавшим волосам другое применение. Поскольку телесные наказания практиковались повсеместно, школьники клали волос посередине ладони или натирали ладони луком. Считалось, что в таком случае трость при ударе о ладонь переломится или же наказанный не почувствует боль.

Особые правила регламентировали, в какой день следует стричь ногти и какие будут последствия. Стихотворение, записанное в 1830 году в Восточной Англии, гласит:

Срезать в понедельник — здоровью быть!
Срезать во вторник — богатство добыть!
Срезать в среду — к добрым вестям.
Срезать в четверг — к новым туфлям.
Срезать в пятницу — будет страданье.
Срезать в субботу — будет свиданье.
А в воскресенье нарушишь покой —
Дьявол семь дней будет рядом с тобой!

В целом, пятница считалась крайне неудачным днем для любых занятий, в воскресенье же следовало уделять внимание духовным, а не мирским делам. Молиться надо, а не ногти стричь.

Свекрови тщательно присматривались к тому, как стрижет ногти невестка: если молодая жена может с легкостью постричь ногти на правой руке левой рукой, она будет помыкать мужем. Огромное значение имели ногти новорожденных. Пока младенцу не исполнится 12 месяцев, нельзя было состригать ему ногти ножницами, только обкусывать. Если мать нарушит этот запрет, ребенок вырастет вором. Уж слишком легкими и проворными станут его пальчики!

Коренное различие между людьми XXI и XIX веков пролегает в отношении к плевкам. Трудно переоценить роль слюны в повседневной жизни английской провинции. Чтобы первые заработанные монеты не стали последними, на них нужно было плюнуть. Для скрепления сделки на ладонь плевали и уже затем пожимали руки. Шотландские горцы облизывали большие пальцы и терлись ими — в таком случае договор считался нерушимым. Подражая взрослым, дети скрепляли договор, три раза плюнув на землю. Перед началом драки один мальчишка плевал на пуговицы другого. После такого оскорбления схватки было не избежать, иначе мальчишка с заплеванными пуговицами прослыл бы трусом.

Доктора и знахари

Если вышеприведенные советы заставили вас поднять брови, то рецепты народной медицины, возможно, повергнут в шок. Эти средства на первый взгляд кажутся порождением нездорового ума. Однако прежде, чем навесить на англичан ярлыки «невежд», а то и «садистов», попытаемся разобраться, почему они обращались к народным целителям, а не к докторам. Начнем мы издалека — с медицины официальной. Впрочем, на проверку разница между народной медициной и общественным здравоохранением оказывается не так уж значительна.

Медсестра осматривает больного ребенка

Медики в викторианской Англии делились на три основные категории — доктора (physicians), хирурги (surgeons) и аптекари (apothecaries). Первая категория была наиболее престижной. Чтобы стать доктором, можно было поступить в ученики к практикующему медику или же отучиться в университете. Доктора обследовали пациентов и выписывали

рецепты. Один из значительных прорывов в медицине того времени заключался в том, что отныне врачи придавали куда большее значение физическим симптомам, чем словам пациента. Они не только выслушивали жалобы, но и производили обследование, что, впрочем, сопровождалось определенными затруднениями, когда дело касалось дам. Приемный покой располагался непосредственно в апартаментах доктора, пациенты приходили в установленные часы и без предварительной договоренности. А вот к состоятельным и знатным клиентам доктор приезжал сам. Добросердечные личности, а также те, кто беспокоился о своем имидже, хотя бы раз в неделю занимались благотворительностью и посещали неимущих. Рецепты, выписанные докторами, в свою очередь, несли аптекарям, которые занимались приготовлением лекарств. Хирурги вправляли кости, рвали зубы, лечили раны и кожные болезни. В промышленных районах, где изобиловали производственные травмы, хирург был просто незаменим, да и в сельской местности в его услугах очень нуждались.

В середине XIX века расслоение между тремя категориями медиков оставалось по-прежнему значительным. Доктора считались джентльменами, а их жены в отличие от жен ремесленников могли быть представлены при королевском дворе. Даже деньги им зачастую не в руки отдавали, а заворачивали в бумажку и стыдливо оставляли на столе. Ведь настоящим джентльменам не пристало трудиться за плату. Как бы не обиделись!

Доктора не стыдно было пригласить на торжественный обед, в то время как скромный аптекарь мог рассчитывать разве что на чаепитие с дворецким.

Аптекари, как и хирурги, занимались презренным физическим трудом и, следовательно, считались скорее мастеровыми, чем джентльменами. Даже обращения к медикам были разные: врачей с университетским дипломом называли «доктор + фамилия», остальные медицинские работники довольствовались заурядным «мистер». Но, несмотря на такую обособленность, границы между этими категориями становились все более размытыми. Аптекари всюду раздавали врачебные советы, иногда проводили операции или принимали роды. Хотя по закону им запрещено было выписывать рецепты, строгие правила мало кто соблюдал. Хирурги, по мнению дипломированных докторов, тоже садились не в свои сани. В то время как хирурги и аптекари ратовали за то, чтобы их объединили в категорию «врач общего профиля», доктора с университетским образованием настаивали на традиционной иерархии профессий.

В качестве довершающего штриха к этой неразберихе в стране отсутствовала единая система сертификации. Получить врачебную лицензию было не так уж сложно — их выдавали не только университеты и медицинские общества, но даже архиепископ Кентерберийский по собственному усмотрению! Многие хирурги и аптекари приходили в профессию вовсе без лицензии, после нескольких лет ученичества. В 1858 году был основан Генеральный медицинский совет, заведовавший сертификацией врачей. Отныне только врачи с лицензией могли подписывать свидетельства о смерти, получать назначения в общественные больницы или пользоваться почетным титулом «доктор медицины». Однако получить лицензию по-прежнему было легко, да и шарлатаны никуда не делись. Достаточно было назваться «гомеопатом» или «месмеристом» — и можно работать дальше! Вместе с тем женщинам запрещалось заниматься врачебной практикой. Только в конце XIX века женщины начали проникать в эту сугубо мужскую профессию.

Обеспеченные викторианцы обожали болеть. Они изнывали от мигреней, бессонницы, меланхолии и прочих расплывчатых и трудноизлечимых недугов. Профессиональной болезнью юных дев был «хлороз», или «бледная немочь», вызванная недоеданием. Многие считали себя инвалидами и годами не поднимались с постели. А с участливым доктором, приходящим на дом, можно и чашечку чая выпить, и поболтать о том о сем, и сыграть партию в вист. Приятно болеть, когда средства позволяют.

Зато малоимущие англичане звали врача в последнюю очередь, уже балансируя на краю могилы. Отчего так?

Во-первых, из-за боязни врачей. Как правило, врачи считали, что чем меньше пациент знает о своем диагнозе, тем лучше. Значит, он будет всецело полагаться на мнение доктора. У пациентов складывалось впечатление, что доктора постоянно что-то недоговаривают, а это приводило к новым страхам. Ходили также слухи, что врачи нарочно морят больных, чтобы потом потрошить их в моргах.

Предубеждение английской провинции против врачей, особенно приезжих, отлично отображено в романе Джорджа Элиота «Миддлмарч», где жители маленького городка с недоверием относятся к хирургу Лидгейту. В то время как опасения провинциальных героев Элиота беспочвенны, в реальности они вполне обоснованны. Очень часто малоимущих обслуживали некомпетентные врачи. Начиная с 1834 года, после принятия нового Закона о бедных, сельские приходы были объединены в медицинские округа, причем каждый округ обслуживал только один доктор. Прежде каждый приход самостоятельно нанимал врача, чтобы тот заботился о здоровье неимущих прихожан. Теперь же один-единственный врач принимал бедняков из нескольких приходов! Нагрузка значительно возрастала. Вдобавок местные власти нанимали неквалифицированных докторов, лишь бы платить им меньше. В результате приходские врачи искали богатых пациентов, а работу с беднотой перекладывали на плечи своих неопытных помощников. А те или до смерти залечат, или в больницу отвезут.

Если на врачей простой люд посматривал искоса, то перед госпиталями просто трепетал. При работных домах устраивали лазареты, где неимущих обслуживал врач, а ухаживали за ними обитатели работного дома, такие же бедняки, как и они сами. В течение XIX века в городах открывалось множество отдельных больниц, существовавших за счет местных филантропов — помещиков и фабрикантов. Лечение было бесплатным, хотя больным иногда приходилось оплачивать еду и услуги прачечной. Казалось бы, попасть в больницу не так уж плохо, но беднота и слышать о них не желала. Было чего бояться, ведь внутригоспитальные инфекции уносили тысячи жизней. Все, кто только мог себе это позволить, предпочитали лечиться дома.

Пренебрежительное отношение врачей и филантропов к низшим классам не могло остаться незамеченным. Особенно ярко конфликт мировоззрений проявлялся в вопросе проветривания помещений. Регулярная вентиляция, по мнению врачей, устраняла дурные запахи, способствующие развитию болезни, и ослабляла инфекцию. Совет хороший, да одна беда — уголь стоил дорого. Бедняки изо всех сил сохраняли драгоценное тепло — заклеивали на зиму окна, забивали все щели, жались к едва теплившемуся очагу. И вдруг на пороге появлялся какой-нибудь санитарный инспектор и бесцеремонно распахивал окно! А если ему казалось, что в помещении — например, в валлийской глинобитной хижине — не хватает воздуха, то мог и стену пробить. Ответом на его действие было глухое раздражение, а то и неприкрытая ненависть.

Кроме того, услуги врачей были дороги. За визит врач средней руки брал от 2 до 10 шиллингов, включая лекарство. Ночные визиты стоили дороже. Респектабельный доктор, обслуживающий состоятельных клиентов, требовал уже гинею, а узкий специалист — вплоть до пяти гиней. Но за что же отдавать честно заработанные деньги? Чем подсобит доктор? Разве что посоветует принять дозу виски. Так ведь пропустить рюмочку-другую можно и без платной консультации. Или же пропишет постельный режим — но управляющий на фабрике церемониться не станет, в два счета выгонит захворавшего работника. Или посоветует есть побольше яиц и пить бульончик — но мясо в семье водится только по большим праздникам, да и то не всегда.

Эра антибиотиков наступит нескоро, а доступные лекарства были малоэффективны и тоже дороги. Например, во время эпидемии холеры 1831–1832 годов советы врачей сводились в основном к питанию: есть побольше ростбифа и запивать его вином, разбавленным водой, причем о кипячении воды не упоминали. Холерных больных лечили кровопусканиями с помощью пиявок, теплыми ваннами, горчичниками и смесью касторки и

лауданума. В целом, опийная настойка на спирту, или лауданум, была самым доступным лекарством, популярным среди всех слоев населения. Одна унция лауданума стоила столько же, сколько пинта пива, а его продажу никто не контролировал. Те, кто не доверял аптекарям, варили свой собственный «маковый чай». Его принимали, чтобы крепче спалось, а также от болей и ломоты в спине.

Итак, официальная медицина была дорогой и ненадежной, поэтому многие англичане лечились по старинке, используя рецепты народной медицины. Раз в неделю отец пользовал все семейство какой-нибудь микстурой собственного приготовления. Если ребенку случалось занедужить, мать заваривала травы. Даже в богатых домах не гнушались народными средствами: кто-нибудь из слуг готовил настойки, притирания, горчичники.

В городах и деревнях имелись профессиональные знахари и целители. К этой широкой категории можно отнести как шарлатанов, торговавших пилюлями от всех болезней, так и бабок-знахарок из глухих деревень. Причем от последних пользы было гораздо больше. Многие слыли ведьмами, пусть и «белыми», т. е. теми, что творили добро и помогали окружающим.

Прирожденными целителями считали определенные категории людей, например «посмертных детей», т. е. родившихся уже после смерти своего отца. Даром исцеления обладал седьмой сын седьмого сына, хотя поборники равноправия называли целительницей и седьмую дочь. Если положить седьмому сыну червя на ладонь, последний должен мгновенно издохнуть. Именно поэтому прикосновение его руки считалось лучшим средством от стригущего лишая. За свою помощь целитель не требовал не только денег, но даже слов благодарности, иначе его дар исчезнет. Это поверье оказалось настолько сильным, что седьмым сыновьям, какими бы ни были их интересы и склонности, прочили карьеру докторов. Иногда их даже нарекали именем «Доктор».

Большие надежды возлагали и на кузнеца в седьмом поколении. До восхода солнца больного ребенка приносили в кузню, клали на наковальню, а кузнец заносил над головой молот, как если бы готовился ударить со всей силы. На самом же деле кузнец лишь легонько касался малыша. Считалось, что после такой процедуры дитя не может не выздороветь.

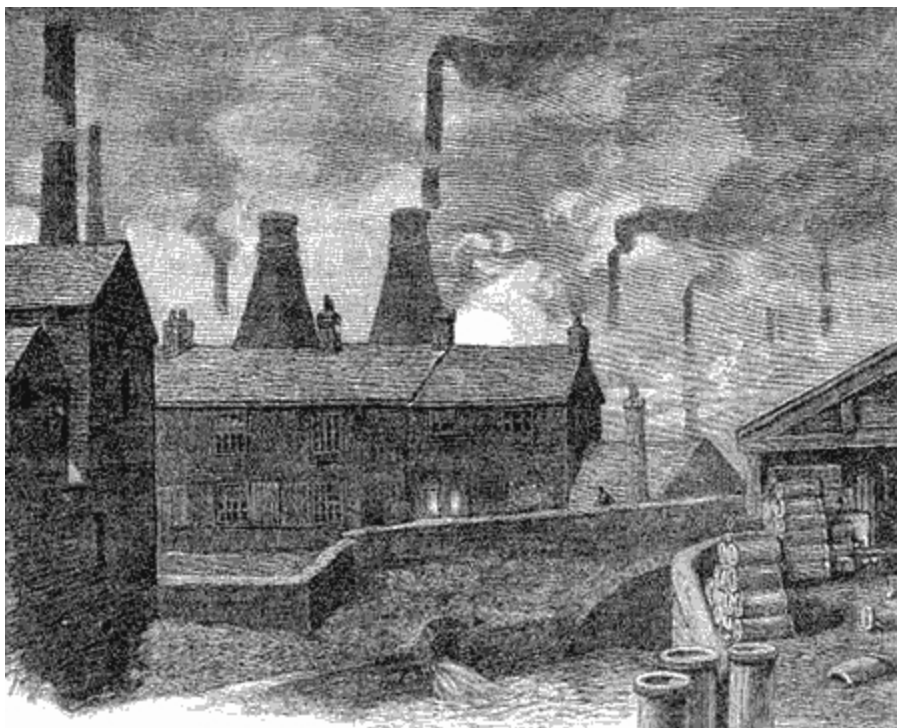
Народные средства

Согласно статистике 1860-х, жители сельской местности были более здоровыми, чем горожане, а южане жили дольше северян. Это неудивительно, учитывая, что на севере располагался так называемый «Черный край» — местность вокруг Бирмингема, прозванная так за высокий уровень промышленной загрязненности. Из заводских труб валил такой густой дым, что все вокруг и правда казалось черным. Сам князь тьмы ужаснулся бы такой обстановке:

С вершины Браэрли вокруг
Взирает Сатана,
И молвит: «Ада каждый круг
Милее, чем сия страна!»

Рабочие не отличались крепким здоровьем. Идти на фабрику под проливным дождем было в порядке вещей. Мужья-кормильцы получали наибольшую порцию за столом, в то время как жены и дочери довольствовались хлебом и чаем. Многодетные семьи ютились в сырых комнатенках, по несколько человек спали на одной кровати. Часто в доходном доме, рассчитанном на одну зажиточную семью, собиралось сорок семей бедняков, и на всех них был только один сортир! Хотя выливание ночных горшков на улицу скорее ассоциируется со Средневековьем, в бедных районах викторианских мегаполисов прохожие тоже ходили с опаской. Впрочем, цивилизация вносила коррективы — теперь бедняки заворачивали продукты жизнедеятельности в газету и потом уже швыряли из окна. В подвалах домов

устраивали выгребные ямы, так что вонь стояла необычайная. Кроме того, даже в XIX веке в городской черте находились коровники, свинарники и скотобойни. Невыносимый смрад исходил от цементных и свечных заводов, фабрик по производству варенья и кожевенных цехов, от многочисленных мастерских, где топили жиры, варили мыло, высушивали кровь, очищали требуху и занимались прочими малоаппетитными занятиями.

Дым над Шеффилдом

Совокупность всех этих факторов приводила к низкому уровню общественного здоровья. В стране свирепствовали эпидемии гриппа, дифтерии, тифа, оспы. Так, во время эпидемии холеры 1831–1832 годов погибло 32 000 англичан, во время повторной вспышки в 1848–1849 — еще 62 000. Помимо эпидемий, косивших людей тысячами, было немало профессиональных заболеваний. Портного опознавали по впалой груди и сутулым плечам. У работниц, изготавливавших спички и постоянно вдыхавших фосфор, начинали гнить челюсти. Работники на фабриках керамики задыхались от астмы.

Народная медицина давала хоть какую-то надежду, пусть и иллюзорную. Вместо того чтобы покорно дожидаться прихода смерти, люди продолжали бороться, используя в качестве лекарства все, что только было под рукой. Станные, порой тошнотворные, методы лечения свидетельствуют не о тупости простого народа, а о его неистребимой жажде жизни. Познавая мир на том уровне, который был им доступен, английские крестьяне и рабочие старались извлечь выгоду из полученных знаний. Поначалу кажется, что народная медицина вобрала в себя самые экстремальные средства, но если вдуматься, станет понятна ее внутренняя логика. Лечение часто зиждилось на принципе передачи болезни. Хвороба переходила на животное, и оно уносило ее подальше. В некоторых случаях животное погибало, а вместе с ним погибала и болезнь. Цвет, форма и прочие характеристики растений обуславливали их применение. Из-за пятнистых листьев, напоминающих пораженные легкие, медуницей лечили легочные заболевания. Точно так же лютик слыл недурным средством от геморроя, раз уж его клубни похожи на геморроидальные шишки. Уловить логику того или иного средства можно почти всегда. Хотя в некоторых случаях остается лишь развести руками и подивиться человеческой фантазии.

Широко распространенным заболеванием, особенно опасным для детей, был коклюш. Инфекция передавалась воздушнокапельным путем, не имела никакого специфического

лечения и уносила много жизней. Основной угрозой при коклюше являлись удушающие приступы кашля. Для борьбы с ними искали волосатую гусеницу, клали ее в мешочек и привязывали к шее больного. Налицо «магическая» связь между мохнатыми щетинками гусеницы и раздражением в горле, вызывающим постоянный кашель. Больного коклюшем также протаскивали или заставляли проползти под переплетенными ветками колючего кустарника. Колючки играли ту же роль, что и щетинки гусеницы. В Кембриджшире такие упражнения считались средством от любых напастей, если только пациент выполнял их три раза подряд и полз в одном и том же направлении. Вполне логично, ведь если у больного хватало на это сил, наверняка его организм справится с болезнью!

При коклюше, бронхите и заболеваниях респираторной системы больных заставляли дышать парами кипящей смолы или газом, используемым для освещения. На газовые заводы ходили экскурсии исключительно с целью оздоровиться! Вместо завода можно было навестить овчарню и полной грудью вдохнуть кислый запах овчины. Запах навоза считался целительным, так же как горькие и противные лекарства. Тошнотворные запахи или неприятный вкус должны были поскорее изгнать болезни из тела. Основываясь на этом постулате, внутреннее лекарство от коклюша было донельзя специфическим: в равных долях смешать заячий и совиный помет с настоем укропа, глиной и кровью белой утки. Сформировать из полученной массы пилюли и принимать перед сном на голодный желудок. В Корнуолле больным предлагали куда более приятное лекарство — кусок пирога, но непременно испеченного в семье, где мужа зовут Джон, а жену Джоанна.

Особой способностью исцелять коклюш наделялись всадники на пегой лошади. Всадников останавливали и спрашивали совета. Суеверие было настолько популярным, что наездники не удивлялись и обычно рекомендовали горячий эль с маслом.

Огромную роль в лечении коклюша играли животные. Для лечения коклюша отлично подходила живая лягушка. Ее обматывали носовым платком, чтобы не вырвалась, засовывали ее голову в рот пациента и ждали, пока несчастная амфибия не умрет. Поневоле задаешься вопросом, как долго больные терпели это лечение и не пытались ли загрызть лягушку, чтобы поскорее закончить сеанс? Извлеченную из рта лягушку подвешивали к печной трубе, чтобы болезнь улетучилась вместе с дымом. От коклюша также лечили при помощи хорька, причем это один из тех редких случаев, когда животное, задействованное в народной медицине, наслаждалось процессом лечения. В миску наливали молоко, хорек выпивал половину, а остаток давали выпить больному ребенку.

Во время травли медведя — английской забавы, популярной до начала XIX века, — больных детей иногда привязывали к спине зверя. Как ни странно, этот кажущийся диким способ мог дать неплохие результаты. Дело в том, что при возбуждении других нервных центров человеческий мозг подавляет приступы кашля. Ребенок, привязанный к медведю, испытывал достаточный шок, чтобы кашель у него прекратился. Фокус в том, что для подобного «волшебного» исцеления достаточно было взять впечатлительного малыша на охоту, а не подвергать его жизнь такому риску. А еще лучше подействовало бы какое-нибудь радостное событие. Возможно, именно с этим практическим наблюдением связано поверье, что больной коклюшем исцелится только в мае, когда бы он ни заболел. Радость от наступления весны, тепло и богатая витаминами пища, конечно, действовали на многих благотворно.

Часто причиной инфекционных болезней считали колдовство. Хотя охота на ведьм в XIX веке порицалась наукой и властями, многие полагали, что именно злонамеренные соседи являются источником проблем. В начале XX века в норфолкской деревне Саутери бушевала дифтерия, но матери по-прежнему верили, что местная ведьма в обличье блохи проникает в гортань ребятишкам и вызывает кашель. Все силы были положены на то, чтобы остановить негодяйку. Возле кроваток рисовали круги из соли, надеясь таким образом помешать ведьме вновь запрыгнуть детям в горло.

Даже там, где жители не отрицали научного объяснения эпидемий, применялись оригинальные методы по их своевременному обнаружению. Так, в Уорикшире наличие инфекции определяли, повесив в доме луковицу — она должна почернеть, если поблизости находился источник заразы.

Другой широко известной напастью была чахотка. Чаще всего под этим заболеванием подразумевался туберкулез легких, хотя, при отсутствии точной диагностики к чахотке могли отнести и другие сходные болезни. Проявления болезни описывались как общая вялость, апатия, лихорадка, потеря аппетита, приступы кашля, со временем усиливающиеся и переходящие в стадию кровохаркания. Обычно болезнь заканчивалась летальным исходом. Зная о неизлечимости чахотки, ее всячески старались избежать. Херефордширцы для профилактики болезни глотали сырых улиток. По утверждению местных гурманов, на вкус улитки были точь-в-точь как устрицы! Иногда улиток заменяли на живых лягушек. Одна лягушка в день — и чахотка не страшна! Кулинары от народной медицины для этих же целей варили из лягушек суп. Следуя другому популярному методу, нужно пойти в поле рано поутру, когда трава еще покрыта росой, вырыть ямку, сунуть туда голову и подышать сырой землицей.

Туберкулез лимфатических узлов, или скрофулез, был известен под названием «золотуха». Золотухные больные, особенно дети, — вялые, апатичные, или, напротив, легковозбудимые, страдали от высыпаний на коже. Часто у больных появлялись язвы лимфатических узлов в области шеи. Короли Англии и Франции признавали за собой дар

излечивать золотуху прикосновением руки. Первым монархом, успешно лечившим золотуху, был живший в XI веке англосаксонский король Эдуард Исповедник. Его преемники, в особенности Стюарты и Тюдоры, тоже потрудились на этой ниве. Во время своего пребывания на острове Джерси Карл Второй подрабатывал лечением золотухи. Современник писал, что 11 декабря 1649 года перед королем предстало 11 мужчин и женщин. Предварительно всех больных обследовал придворный врач, подтвердивший, что симулянтов среди них нет. Карл согласился встретиться с золотушными, правда, не бесплатно. Времена были тяжелыми, лишних денег у короля-изгнанника не водилось. Возможно, с лекарем из местных больные бы еще поторговались, но королю ведь не предложишь ведро селедки в качестве бартера. Услуги венценосного доктора обошлись пациентам в золотую монету. Собрав деньги, придворный врач выдал каждому пациенту по белой ленте. После церковной службы золотушные предстали перед королем. По очереди они преклоняли колени, а Карл дотрагивался до шеи каждого больного, произнося «Исцели тебя Господь!» После того как король перетрогал всех больных, оздоровительную процедуру повторили. На этот раз Карл повязал им на шею белые ленты. Судя по тому, что больные записывались на прием и в 1650 году, лечение оказалось эффективным. Если бы Карлу Второму не вернули английскую корону, он запросто мог бы открыть частную клинику на острове Джерси — от пациентов со всей Европы не было бы отбоя! Правда, к серьезной королеве Виктории англичане с такими просьбами уже не подступались.

Больной ребенок

Но вернемся к народной медицине. Распространенный способ лечения золотухи заключался в том, чтобы носить жабую лапку в ладанке на шее. Для наибольшей эффективности лапку должен был раздобыть седьмой сын седьмого сына. В 1864 году девонширский журнал упоминал о чудесном исцелении золотушной девицы. Сначала знахарь одолжил у знакомой женщины перочинный нож, не сообщив, для чего тот ему понадобился. Этим ножом он отрезал заднюю лапу у живой жабы, снял с лапы кожу и зашил в мешочек, а жабу закопал. По мере того как трупик жабы гнил в земле, больная девушка, носившая на шее амулет, мало-помалу исцелялась от золотухи. А когда жаба истлела полностью, тут и болезнь окончательно оставила страдальцу!

Лихорадка и повышение температуры — симптомы целого ряда заболеваний, от легкой простуды до сложных и опасных инфекций. Традиционный английский чай (с любимыми медом или малиной) тут не срабатывал. Приходилось искать куда более эффективные средства. Поскольку бытовало мнение, что между головой и ступнями ног есть тесная взаимосвязь, во время лихорадки именно к ступням прикладывали всевозможные средства.

Как водится, англичане не ограничивались теплыми носками или опусканием ног в тазик с горячей водой. Согласно источникам XVII века, температуру нередко сбивали, приложив к ступням разрезанную пополам тушку голубя. В XIX веке в некоторых херефордширских семьях использовали еще теплое легкое только что зарезанной овцы. Считалось, что легкое животного вытянет болезнь из легких человека.

Лихорадку прогоняли, глотая пауков или комочки паутины. Для надежности жители Сассекса объединяли оба рецепта в один — заворачивали живого паука в паутину и потом уже проглатывали получившуюся пилюлю. Неплохим средством от лихорадки слыла щепка от виселицы. К счастью, вешали в Англии довольно часто и при желании обзавестись подобным амулетом мог каждый.

Во время простуды на грудь клали бумагу, смазанную салом или гусиным жиром, причем считалось, что кусок бумаги непременно должен быть в форме сердечка. Насморк старались использовать во благо, делая чихание средством для предсказаний. В Норфолке один чих обещал поцелуй, два — исполнение желания, три — письмо, четыре — еще что-нибудь хорошее. На востоке Англии верили, что чихнувший три раза в понедельник утром получит подарок до конца недели. В Девоне считали, что если чихнуть в субботу, после того как зажгут свечи, вскоре повстречаешься с незнакомцем — заманчивая перспектива для жителя городка, где каждый день видишь одни и те же лица.

Практиковалась и своеобразная цветотерапия. Для профилактики бронхита носили ожерелье из синих бусин. От кровотечения из носа помогала красная шелковая нитка, повязанная вокруг безымянного пальца. От болей в горле лечил шерстяной носок, предпочтительно красный или черный, которым обвязывали шею перед сном.

Церковь тоже помогала страждущим. Третьего февраля, в День святого Блеза, проводились специальные службы для всех, кто мучался от боли в горле. По легенде, святой Блез исцелил мальчика, в горле которого застряла рыба кость. Страдальцы преклоняли колени перед алтарем, и священник касался их горла двумя свечами, связанными вместе в форме Андреевского креста.

Насколько было бы приятнее, если бы и другие болезни поддавались святым покровителям так же легко, как и ангина. Однако мучительные заболевания вроде подагры или ревматизма так просто не сдавались. Подагру, одну из разновидностей артрита, нередко связывали с ведьмовскими чарами, лечили разнообразнейшими способами, один интереснее другого. Поскольку чаще всего от подагры страдают суставы ступни, отрывали ноги у паука, после чего заворачивали его в оленью шкуру и прикладывали к болящей ноге. В Уэльсе советовали добыть гвоздик из ботинка мертвеца и закопать на фут в землю под дубом или ясенем.

От ревматизма суставов спасала картофелина. Мужчины отдавали женщинам свои пиджаки и просили спрятать картофелину в один из карманов. Пока женщина прятала корнеплод, страдалец сидел отвернувшись. Поносив картофелину в кармане в течение дня, можно было самостоятельно переложить ее в другой, более удобный. Картофелину следовало носить с собой постоянно, до тех пор пока она не высохнет и не затвердеет. Для исцеления суставов в кровать больного насыпали желуди. Валлийцы прибегали к средству, необычному даже по фольклорным стандартам: пациента зарывали на кладбище, так чтобы наружу торчала только голова. В этом положении он должен был провести два часа, а сама процедура повторялась в течение девяти дней.

Головную боль лечили относительно безобидными средствами, например втирая в виски уксус. Тем же, кто хотел избавиться от мигреней надолго, помогали кусок веревки с виселицы или змеиная кожа, их прикладывали к голове под шляпой. В Ирландии больную голову повязывали куском савана. От головной боли помогал и мох, соскобленный с человеческого черепа. Чудесный мох сушили, растирали и нюхали как обычный табак.

Адепты народной медицины не брезговали косметическими процедурами. Использовалось множество средств от прыщей, бородавок, лишая. Например, лишай натирали жиром, которым смазывали церковные колокола. Наилучшим считался жир с

самого большого колокола. В Херефордшире к пораженным участкам кожи прикладывали компрессы из крови, выдавленной из хвоста черной кошки и смешанной со сливками и соком молодила (заячьей капусты).

Бородавки возникали как сами по себе, так и вследствие необдуманных действий — например, мытья рук в воде, в которой варились яйца. В этом случае нужно девять раз ополоснуть руки водой из-под вареной картошки — и бородавки пройдут без следа. Зачастую бородавки старались чем-нибудь натереть. Список притираний обширен: натирали их куском мяса, украденным из мясницкой лавки, свиной кровью или кровью угря, водой из кузни, соком чистотела, молочая или одуванчика, голодной слюной, черной улиткой, хвостом кошки черепахового окраса и т. д. Лечили бородавки и таким магическим способом: прикоснуться кончиком ножа к бородавке, после чего тем же ножом срезать веточку бузины и зарыть ее в землю. Сгниет ветка — пройдет и бородавка. По такому же принципу бородавки лечили разрезанным яблоком или картофелиной, которые тоже зарывали в землю. Дети девять раз крестили бородавку новой булавкой, после чего бросали булавку через плечо, выбрасывая вместе с ней и болезнь. Хорошим помощником был ветерок, ведь он мог унести бородавки подальше. Нужно было завязать на волосе узелки по числу бородавок и бросить его на ветер.

Некая мисс Деверо, директриса школы для мальчиков в Экклесхолле (Стаффордшир) в 1820-х годах, прославилась своим умением заговаривать бородавки. Двое братьев, закончивших ее школу, вспоминали, как директриса вручила каждому из них по мешочку с наказом выбросить их, не развязывая. Один из братьев так и сделал, зато второй заглянул внутрь мешочка. Там лежали зерна пшеницы. В результате у послушного мальчишки прошли бородавки, у любопытного так и остались.

Для беспринципных больных существовал быстрый вариант: положить в мешочек столько камешков, сколько бородавок на руке, и бросить его на перекрестке. Бородавки перейдут к тому, кто первым подберет мешочек. А находчивый житель Кембриджшира пришел на похороны, взял мертвого дедушку за руку и погладил ею свои бородавки, повторяя: «Забери их с собой, дедуля!». Бородавки можно было продать, с той лишь разницей, что именно продавец уплачивал покупателю серебряную монету.

Смирительная рубашка для лечения экземы

От прыщей и кожных заболеваний лечили травами. Крапивный чай пили при кожных заболеваниях, а для борьбы с прыщами заваривали листья алтея и барвинка вместе с цветами бузины и смешивали отвар с гусиным жиром, получая таким образом целебную мазь. Мозоль обертывали листом плюща или натирали слюной, собранной натошак, или же мазали пастой, которая образуется после растворения перламутровой пуговицы в уксусе. К ячменю

на глазу девять раз прикасались свадебным кольцом или хвостом черной кошки. От карбункулов избавлялись следующим образом: в бутылку наливали кипяток, затем выплескивали его, а горлышко нагретой бутылки прижимали к нарыву, и из него выходил весь гной. А вот некоторые средства достойны упоминания в готическом романе! Ранним утром 1 мая 1855 года прилично одетая женщина в сопровождении пожилого джентльмена наведлась на кладбище в Плимуте. Вместе они подошли к свежей могиле. Женщина, страдавшая от фурункула на шее, три раза потерлась им о каждую сторону могилы. Совершив этот ритуал, посетители поспешили прочь с кладбища.

Эпилепсия, или падучая, внушала суеверный ужас, так как ее возникновение связывали с одержимостью злыми духами. Лечили эту болезнь весьма жестоким способом. Для начала нужно было выяснить, где именно у больного произошел первый припадок. На этом месте резали петуха и поливали землю кровью. Иногда петуха не резали, а закапывали в землю живьем. В 1900 году житель Гебридских островов вспоминал, что у его однокашника припадок начался прямо во время урока. На следующий день в школу пришли отец и дядя мальчика. Они раскопали земляной пол и положили в ямку живого черного петуха вместе с волосами и обрезками ногтей больного. Пол снова выравнивали, причем, по словам рассказчика, эпилепсию у мальчика как рукой сняло.

Профилактика эпилепсии была менее жестокой. По окончании церковной службы больной становился на крыльце и собирал пожертвования от прихожан. На вырученные деньги он покупал серебряное кольцо, ношение которого предотвращало припадки. Кольцо, купленное за свои деньги, против болезни не годилось, так что бедняга мог рассчитывать только на милосердие соседей. В Саффолке кольца изготавливали: женщина собирала мелкие серебряные вещицы у двенадцати холостяков, мужчина, соответственно, у двенадцати незамужних девиц. Годились монеты, обломки брошей, булавки и т. д. Серебро затем несли к ювелиру, который выплавлял кольцо. В качестве другого средства от припадков использовали высушенный язык мертворожденного теленка. Язык носили так, чтобы он касался спины.

Укушенному бешеной собакой давали съесть вареную или жареную печень той самой собаки, а на место укуса прикладывали ее шерсть. Отсюда и пошла английская поговорка «приложить шерсть укусившей тебя собаки» в значении «употребить еще одну порцию спиртного, чтобы опохмелиться».

На побережье Уэльса от бешенства лечили следующим способом: укушенного вывозили на лодке в открытое море. Крепко держа его за руки и за ноги, остальные участники экспедиции девять раз с головой окунали его в воду. Каждый раз его спрашивали, страдает ли он от жажды или напился сполна. Как только пациент открывал рот, чтобы ответить, его снова погружали в воду.

Порох применяли как для лечения разных недугов, включая чесотку, так и в качестве abortивного средства. Например, в 1890 году житель Йоркшира рассказывал, что его мать так сильно не хотела детей, что каждый вечер в мыльнице смешивала порох с водой, а потом глотала получившуюся кашу. Судя по тому, что рассказчик все же появился на свет, средство было малоэффективным. Кроме того, порох использовали, чтобы навести порчу. Например, одна колдунья из Девона разравнивала в очаге золу, тонкой струйкой пороха рисовала на ней круг размером с тарелку и, поджигая порох, громко произносила имя того человека, которого желала проклясть.

Всевозможные судороги тоже не прошли мимо народных целителей. Чтобы судорога не сводила ноги, рекомендовалось обвязать их высушенной кожей угря. От судорог, а также от ревматизма помогало кольцо, сделанное из гвоздей или ручек гроба. Кору пробкового дерева клали в постель — под матрас между простынями, и чем больше пробки, тем лучше. Отходя ко сну, следовало также перевернуть обувь подметками вверх — тогда ноги не онемеют во время сна. Когда все средства были исчерпаны, прибегали к заговорам. Английский поэт Кольридж приводил несколько заговоров, выученных еще в школьные годы. Например:

Дьявол узел завязал на моей ноге!
Иоанн, Лука и Марк, помогите мне!

Этот заговор следовало прочесть, прикасаясь пяткой к холодному полу.
И еще вариант:

Нога! Нога! Нога отнялась.
Палец! Палец! Плюнем в грязь.
Пусть боль облегчат три креста,
За двух разбойников и Христа.

Проговаривая эти слова, нужно было несколько раз перекрестить ногу. В Корнуолле крест на онемевшей ноге рисовали слюной.

Помимо занемевших конечностей заговаривали ожоги и кровотечения. При занозе читали особую молитву: «Господа нашего Иисуса Христа пронзили терниями. Кровь его на небо вернулась, тело его не загноилось, не сгнило, не разложилось, так пусть и мое не гниет. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь, аминь, аминь». Ожог от крапивы натирали листьями щавеля, приговаривая: «Войди, щавель, уйди, крапива». Упоминание об этом народном средстве можно найти еще в поэме Джеффри Чосера «Троил и Крессида». Чтобы вылечить паронихию (воспаление кожи вокруг ногтя), палец совали в кошачье ухо. Кошку при этом приходилось удерживать, ведь в ее ухо переходила вся боль из пальца.

Обмороженные участки кожи натирали снегом и обмывали мочой больного. В конце XIX века своим универсальным средством от обморожений славилась знахарка из Кембриджшира. Как с гордостью заявляла старушка, главными ингредиентами снадобья были первое молоко коровы после отела и последняя моча умирающего. Неизвестно, насколько эффективным являлось это средство, но его состав внушал пациентам священный трепет.

Стаффордширские школьники лечили обморожения еще проще: валили страдальца на снег и держали, пока один из них хлестал колючей веткой остролиста по обмороженной конечности. Обморожение исчезало быстро... да и дружба, пожалуй, тоже.

К ожогам прикладывали красную фасоль или листья мушмулы, натирали их свежими сливками и пюре из репы. Чтобы унять боль, читали следующий заговор:

Три ангела с Востока придут.
Три ангела дары принесут.
Один ангел — жар унесет,
Другой ангел — холод вдохнет,
Третий ангел — боль уймет.
Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Кровь останавливали, приложив к порезу паутину — чем чернее и гуще, тем эффективнее. Кровотечение можно было заговорить, например, такими виршами:

Господь наш Иисус в Вифлееме рожден,
Господь наш Иисус в Иордане крещен.
Река была дикой и шумной,
А Он был добрым и мудрым.
Как воду в реке, слово Божье
Пусть кровь остановит тоже.

Девонширцы, чтобы избежать воспаления, споласкивали рану крепким рассолом и

мыли горячей водой с Мылом. Но это — только первая, не основная, стадия лечения. Чтобы исцелиться окончательно, девять дней напролет требовалось есть сырую говядину. Применялись и магические способы. Согласно древнему поверью, предмет, нанесший ранение, становился так тесно связан с раной, что его можно было обрабатывать вместо пореза. Поэтому заживляющими мазями порой натирали гвозди и ножи, а сами раны не трогали — авось и так заживут!

Кровь из носа воспринималась как предсказание. Внезапное кровотечение означало присутствие или врага, или любимого человека или же скорую смерть. Подобные толкования бытовали в XVI–XVII веках, но и в викторианской Англии они нет-нет да встречались. В качестве образца подобных суеверий можно привести гадание, записанное в 1830-х годах в Восточной Англии. Девушки засовывали в нос тысячелистник, ожидая, что, если любовь взаимна, из ноздри потечет кровь. При должном старании можно было рассчитывать на обильное кровотечение. А вот для того, чтобы остановить кровь из носа, к спине прикладывали холодный ключ. Также надо повисеть, вцепившись руками в дверь или ветку дерева.

Но этого мало. В Девоне кровотечения из носа лечили порошком из печеных жаб. Рецепт, записанный в 1900 году, рекомендовал взять двух жаб (старых и крупных, а не каких-нибудь заморышей), посадить их в холодную печь и нагревать ее до тех пор, пока жабы не покроются хрустящей корочкой. Бурую обугленную массу, оставшуюся от бедняжек, нужно растолочь в ступе, пересыпать в табакерку и нюхать как табак.

Впрочем, порошок из жабы — не худшее лекарственное средство. К примеру, некоторые йоркширцы готовили следующее снадобье против глистов: настойку из тысячелистника, сорванного с могилы девственницы, наливали в стакан и добавляли туда столько растертого стекла, сколько умещалось на четырехпенсовике. Полученное лекарство давали детям, чтобы те выпивали его по утрам натощак. Возможно, детишки и правда избавлялись от всех паразитов, зато сами едва не становились пищей другим червям, теперь уже могильным. Гораздо более щадящим средством была живая форель, приложенная к животу. Ее резкие движения нагоняли на глистов такой страх, что те немедленно эвакуировались из приютившего их организма. Если же черви заводились не в кишечнике, а в голове, то в ухо больному клали еще теплый костный мозг коровы, чтобы червь выполз «привлеченный его сладостью».

От изжоги золу от сгоревших устричных раковин смешивали с отваром из червей, причем не простых, а выкопанных на кладбище и оттого вдвойне целебных. Вода с мелом тоже годилась, но пить ее не так интересно, как бульон из червяков. Овечьи катышки, сваренные в молоке, считались отличным лекарством от камней в почках. Скорее всего, учуяв запах этого снадобья, пациент заявлял, что абсолютно здоров и больше в лечении не нуждается!

От различных болезней можно исцелиться, если переступить через камень с дыркой или же пролезть сквозь расщелину в дереве. Иногда детей протаскивали через расколотое молодое деревце, которое затем перевязывали. Когда ствол зарастал, ребенок исцелялся. Такой способ лечения считался особенно эффективным при переломах.

Популярное поверье гласило, что во время Страшного суда всем воскрешенным придется отчитаться за части тела, утраченные при жизни. Суеверные люди могли попросить, чтобы их ампутированную ногу похоронили вместе с ними. Доходило до абсурда — некоторые сохраняли даже зубы, утраченные при жизни, чтобы после смерти коробочку с зубами положили в их гроб. На Страшном суде ее можно будет предъявить Господу.

Боль в ушах и глухота причиняли массу неудобств, особенно при попытках от них излечиться. В народе практиковалось такое средство — наполнить устричную раковину голодной слюной, оставить на двое суток на куче навоза, после чего закапать перебродившую жидкость в уши и заткнуть их черной шерстью. Валлийки, страдавшие от боли в ушах, перевязывали голову мужскими кальсонами. Точно так же поступали валлийцы, но брали соответственно нижнюю юбку, чулок или еще какую-нибудь пикантную

деталь женского туалета.

С большей эффективностью боль в ухе лечили горячей печеной луковичкой, вставленной в ушное отверстие. Лук можно было заменить чесноком. В отличие от жителей Восточной Европы англичане не приписывали чесноку какие-либо чудодейственные свойства, но в качестве лекарства он годился. Заливали в уши и сок, выдавленный из улитки, теплый жир ежа или виски, иногда вдували табачный дым. Считалось, что, проколов уши, можно улучшить зрение. В 1877 году в «Газете Эксетера и Плимута» появилась заметка о женщине, собиравшей пенни на покупку сережек. Причем монеты она должна была собирать исключительно у мужчин, не говоря им «пожалуйста» или «спасибо». Наверняка это затрудняло задачу — невежливой попрошайке кто подаст?

Во время икоты задерживали дыхание, складывали пальцы определенным образом или произносили короткий стишок, например: «Икай, икай. Три капли — весь чай». Очень обстоятельно к лечению икоты подходили в Корнуолле: на носке левого ботинка три раза выводили крест пальцем, смоченным в слюне, и повторяли молитву «Отче наш» задом наперед. Традиционное средство от икоты — напугать беднягу как следует. Пугали по-разному, иногда просто гаркнув в ухо, иногда более изобретательно. К примеру, обвиняли страдальца в каком-нибудь проступке, а пока он будет оправдываться, забудет про икоту. Люди были только рады поскорее избавиться от этой напасти, особенно в Дамфрисшире (Шотландия), где причиной икоты считалась совершенная кража.

Чудеса и магия

Поскольку вера в то, что большая часть болезней насылается колдовством, в XIX веке не угасла, бытовало множество способов защиты от порчи и сглаза. Не важно, существовали ли на самом деле практикующие колдуны или они были вымыслом все тех же деревенских «хитрецов» и знахарей, но люди действительно верили в то, что на них могут наслать порчу.

Процедура колдовства описывалась примерно так: чтобы нанести кому-то вред, из воска или глины изготавливали фигурку, символизирующую этого человека. Дальше все зависело от фантазии колдуна. Например, восковые фигурки клали у огня, где они медленно таяли. В этом случае жертва должна точно так же истаять от продолжительной болезни. Глиняные фигурки протыкали иголками и клали на горячие угли, пока глина не пойдет трещинами и не рассыплется в прах. По аналогии здоровье несчастного должно постепенно разрушаться. Подобную восковую куклу лепит Сьюзен Нонсеч, героиня романа Гарди «Возвращение на Родину», чтобы проклясть гордячку Юстасию Вей.

Внезапное беспокойство, депрессия, перемены в настроении считались «болезнями сердца». Ответственности за них несли ведьмы, а от болезней, вызванных магией, обычные лекарства не помогали. Требовались куда более радикальные меры, тоже магические. Для начала нужно поставить точный диагноз. В ход шли вода и свинец, причем сама процедура была достаточно древней — о ней упоминается еще в «Молоте ведьм». В общих чертах ритуал проходил так: больной преклонял колени, на голову ему ставили сито, на сито — миску с водой. В воду лили расплавленный свинец через железо — например, через дужку ключа. Застывшие капли свинца придирчиво разглядывали, выбирая ту, которая напоминала по форме сердце. Если в свинцовом сердце обнаруживалась дырка, значит, страдальца действительно кто-то сглазил. Свинец снова переплавляли и лили в воду до тех пор, пока ни на одной капле не оставалось дырок. Надо полагать, все это время пациент старался не дрожать, иначе свинец мог натечь за шиворот. После такого лечения нервные расстройства как рукой снимало. Кому охота провести пару часов на коленях, в то время как ожоги разной степени тяжести маячат в перспективе?

В XIX веке ритуал со свинцом проводили исключительно в Шотландии. Ирландцы и валлийцы предпочитали более щадящее средство — овсянку. Пациента сажали на низкую скамейку, в руки ему давали чашку с овсяной крупой. Знахарь поднимал одну прядь волос у него на голове и, держась за нее, обходил вокруг пациента, бормоча заклинания. Если заболевание было подлинным, а не выдуманным, овсянка в чашке начинала уменьшаться в объеме, пока не оставалась на донышке. Остаток овсянки сжигали, а сам ритуал проводили три дня подряд поутру перед восходом. Все это время больной должен был поститься. Во время процедуры он тоскливо взирал на исчезающую овсянку и наверняка давал себе зарок больше не нервничать.

Особенно часто ведьм и колдунов подозревали в сглазе детей. Заподозрив порчу, родители обращались к знахарке. В Шотландии проводили, например, такой ритуал: заболевшего ребенка сажали на стул возле пылающего очага. Шестипенсовиком, одолженным у соседей, знахарка зачерпывала соль и растворяла ее в столовой ложке воды. Ступни и ладони ребенка три раза натирали соленой водицей, давали малышу выпить немного, а уж потом знахарка окунала в нее палец и проводила им по его лбу. Остатки воды выливали в огонь.

Иногда для исцеления от сглаза прикасались ко лбу подозреваемой ведьмы. Правда, в таком случае его царапали до крови всем, что под руку попадет. Годился и ржавый гвоздь, ведь о здоровье ведьмы никто в тот момент не пекся. Главное, чтобы перестала докучать. Даремские матери, чтобы обезопасить от колдовства своих детей, протыкали бычье сердце булавами и жарили на медленном огне. Хорошо, если в тот момент в Дверь стучалась соседка с просьбой о глотке воды. Сразу становилось ясно, кто именно заколдовал дитя.

В окнах английских коттеджей изредка можно было увидеть разноцветные стеклянные шары. Их использовали в качестве своеобразного термометра, но вместо температуры они показывали присутствие враждебных сил. Если над домом повисало проклятие, «ведьмин шар» тускнел. Кроме того, шары нейтрализовали сглаз, отражая взгляд ведьмы или зачаровывая ее причудливой игрой красок.

В прежние времена популярны были «ведьмины бутылки», хотя в XIX веке их уже считали пережитком старины. Этот талисман не выставляли на обозрение, а прятали подальше от глаз. Бутылку наполняли мочой пациента, в болезни которого подозревали ведьму, добавляли обрезки его волос и ногтей, приправляли получившуюся смесь гвоздями, затыкали пробкой и зарывали у порога или очага. При наличии такой бутылки любая

попытка сглазить обитателей дома доставила бы ведьме невероятные мучения. В 2009 году, во время строительных работ в лондонском районе Гринвич был обнаружен поистине уникальный керамический сосуд XVII века. С первого взгляда его можно принять за кувшин с вином, однако строители не стали его откупоривать и передали на лабораторный анализ. И правильно сделали, ведь находка оказалась самой настоящей «ведьминой бутылкой».

Форма ее тоже была не случайна. Подобные керамические кувшины изготавливали в Рейнской области Германии. Каждый кувшин украшал оттиск бородатого лица, что символизировало достаток и благополучие. Во второй половине XVI века начался массовый экспорт рейнской керамики в Англию. Трактирщики хранили в прочных немецких кувшинах английский эль. Со временем повышенный спрос на рейнскую керамику привел к ухудшению ее качества, так как гончары не справлялись со всеми заказами. Изображение бородача становилось все более стилизованным и оттого несколько жутковатым. В Англии этот вид керамики окрестили «беллармином» в честь кардинала Роберта Беллармина, ярого противника протестантизма. В ходе ожесточенной полемики английский король Иаков Первый обозвал его «антихристом». Кличка приклеилась сначала к кардиналу, а потом в силу ассоциаций перешла на кувшины. А раз уж кувшины оказались такими сатанинскими, решено было использовать их по принципу «клин клином вышибают». Большинство «ведьминых бутылок» XVII века являются именно «белларминами».

Содержимое бутылки из Гринвича оказалось несколько необычным. Помимо основного ингредиента, т. е. мочи, в ней лежали человеческие волосы, обрезки ногтей и девять гнутых гвоздей, на один из которых был нанизан кусок кожи в форме сердца. Все это было сдобрено серой, тоже слывшей мощным антидотом от колдовских чар. Особый интерес исследователей вызвали обрезки ногтей. Еще сохранившие следы маникюра, они ничем не напоминали грубые ногти простого труженика. Следовательно, их обладатель был как минимум человеком среднего достатка, но и таким людям суеверия были не чужды.

От нашествия ведьм помогало как серебро, так и ртуть, которая по-английски называется «живым серебром» (quicksilver). Уроженец Сомерсета в 1922 году вспоминал историю из детства: как-то раз в местную аптеку пришел мужчина, утверждавший, что его околдовали. Ночи напролет он ворочался и никак не мог уснуть. Чтобы избавиться от этой напасти, он решил купить немного ртути и носить ее на шее в кожаной ладанке. Аптекарь оказался знатоком фольклора и предложил заменить дорогостоящую ртуть на асафетиду (*Ferula assa-foetida*) — пряность, получаемую из корней одноименного растения, дым от которой якобы тоже действовал на ведьм.

На всякий случай запасались амулетами: верили, что кусочек алебаstra, отколотый от статуи в церкви, принесет удачу. Главное, чтобы за этим процессом вас не застал священник, иначе эффект от алебаstra будет прямо противоположным.

Для защиты от неприятностей на бумажке писали слово «абракадабра» и носили ее с собой в качестве талисмана.

Особую роль в магических обрядах Англии играли известные еще с древности колодцы и источники. До христианизации Британских островов колодцы посвящались местным божествам, но даже в XIX веке источники по-прежнему наделяли сверхъестественными характеристиками. Иногда их называли входами в волшебную Страну фей. К сожалению, во время Реформации многие из целебных колодцев замуровали в рамках борьбы с замшелыми католическими суевериями. Но те, что сохранились, даже в викторианские времена оставались популярными местами для чудесных исцелений, снятия порчи или исправления судьбы. Отчаявшиеся матери приносили к чудотворным источникам своих захворавших малышей. Маленьких пациентов омывали водой из колодца, после чего дети бросали в колодец символическое пожертвование — камешек или мелкую монету. В некоторых деревнях ребятишек раздевали догола и окунали в колодец вниз головой, крепко держа за ноги. В Шотландии родители отрывали лоскуток от детского платья и привязывали к кустам возле колодца.

Множество таких источников находилось в Херефордшире — например, колодец

Святого Иоанна в Беркхэмстеде, возле которого были построены часовня и странноприимный дом. Изобиловал святыми колодцами Корнуолл. К примеру, крещение водой из колодца Святого Лудгвана уберегало дитя от конопляной петли. В прежние времена этот колодец творил и не такие чудеса. При жизни святого сила колодца якобы была настолько велика, что любой младенец, окропленный водой из него, начинал внятно говорить, а иногда и латинские словечки вворачивал. В колодце деревни Гулвал можно было разглядеть лицо суженого, а пузыри на поверхности воды сулили удачу. Целебные колодцы специализировались на лечении разных недугов. Для исцеления зубной боли шотландцы совершали паломничество к колодцу в Кенморе, а в колодец Святого Катберта окунали рахитичных детей.

Родник Святой Тэглы на севере Уэльса прославился многочисленными случаями излечения от эпилепсии. Другое дело, что глотка воды оказывалась недостаточно. Пациенту предстоял сложный ритуал. После заката больной омывал руки и ноги в роднике неподалеку от церкви, трижды обходил вокруг родника и трижды повторял «Отче наш». Затем он отправлялся в церковь, прихватив с собой живого петуха. С петухом в корзине паломник забирался под алтарь. Под голову ему клали Библию, укрывали его сукном и оставляли до восхода. Все это время корзина с петухом находилась поблизости. Уходя из церкви, паломник оставлял шестипенсовик и злосчастного петуха. Если птица вскоре умирала, вместе с ней уходил и недуг.

Некоторые колодцы позволяли заранее прикинуть шансы на исцеление. Так, в колодец Святого Освальда в Йоркшире сначала бросали рубашку больного. Если она всплывала, можно продолжать лечение, если тонула, целебная вода уже не поможет. Еще более действенный способ предлагал Девичий источник в графстве Уигтоншир (Шотландия). Если больной был безнадежен, родник отказывался течь ему навстречу.

И по сей день существуют «колодцы желаний», которые, по преданию, могут донести любую просьбу до высших сил, способных ее исполнить. Загадав желание, в них бросали монеты или погнутые булавки. Помимо «колодцев желаний» существовали «деревья желаний». Особой святостью славилось дерево на крошечном островке посреди Лох-Мари — озера на северо-западе Шотландии. В 1877 году с визитом в эти края пожаловала королева Виктория и, к удовольствию местных жителей, тоже оставила у дерева подношение. Какое желание она при этом загадала — осталось тайной.

Однако некоторые колодцы действовали по противоположному принципу. Один такой «колодец проклятий» находился в Лланелиан-ин-Рос (Уэльс). Если написать на бумажке имя врага, обернуть ею камень и бросить в колодец, врага ожидают неприятности. Рассказывали про гневливую жену, заподозрившую супруга в неверности и решившую отомстить. Из воска она слепила фигурку, истыкала ее иголками в районе груди и опустила в колодец на неделю. Муж промучился болями в сердце, но жене и этого было мало! Подняв восковую куколку из воды, она вытащила булавки и воткнула их уже в голову куколке. Еще неделю муж сходил с ума от мигрени, в то время как супруга-садистка придумывала, куда бы воткнуть булавку в следующий раз. Издевательства длились несколько месяцев, пока жена не решила, что изменник наказан достаточно.

Официальная медицина и модные болезни

Если англичане решали, что наилучший выход — это все-таки обратиться к врачу, то и тут они не были застрахованы от методов лечения, приносящих вред вместо пользы.

Начать, пожалуй, следует с широко распространенной методики лечения всех болезней, а именно — кровопускания. Это почтенный вид терапии, обоснованный еще врачами древних Греции и Рима как средство очистки организма от вредоносных веществ, не утратил своей популярности до середины XIX века. Всю вторую половину столетия прогрессивные врачи доказывали его бесполезность тем, кто практиковал по старинке.

Список болезней, при которых было показано кровопускание, впечатляет. Здесь вы

найдете такие диагнозы, как астма, рак, холера, судороги, сахарный диабет, эпилепсия, гангрена, подагра, герпес, несварение желудка, безумие, желтуха, проказа, чума, пневмония, цинга, оспа, инсульт, столбняк, туберкулез и пр. В первой трети XIX века британские врачи попробовали применить кровопускание для лечения тропической лихорадки, которая в стране со множеством колоний встречалась не так уж редко. В результате этот метод, несколько утративший популярность в эпоху Просвещения, снова разрекламировали как действенный и благотворный.

Пожалуй, единственный «литературный» пациент, которому кровопускание и впрямь спасло жизнь (правда, на небольшой срок), это знаменитый пират Билли Бонс из «Острова сокровищ» Стивенсона:

«— А теперь, сударь Билли Бонс, если вас действительно так зовут, мы посмотрим, какого цвета ваша кровь... Джим, — обратился он ко мне, — ты не боишься крови?

— Нет, сэр, — сказал я.

— Отлично, — проговорил доктор. — Тогда держи таз.

Он взял ланцет и вскрыл вену.

Много вытекло у капитана крови, прежде чем он открыл глаза и обвел нас мутным взглядом. Он узнал доктора и нахмурил брови».

В угоду техническому прогрессу выпускались специальные наборы для кровопускания. В изящном деревянном ящичке с бархатной подкладкой лежал скарификатор — механическое устройство, поверхностно прорезавшее кожу несколькими выдвижными лезвиями. Рядом покоились банки для отсоса крови и ланцет — для вскрытия вен. Все это выглядело замысловато и красиво, но, увы, помогало в лучшем случае от апоплексического удара. Иногда в этот набор входили банки, которые применяли для отсасывания вредных «гуморов» без травмирования кожи. В банке выжигали кислород, что создавало внутри вакуум, и прикладывали ее к телу больного. Банка всасывала в себя участки кожи и, как полагали, вытягивала через нее все вредные вещества. Способ, конечно, более щадящий, чем кровопускание, но после него оставались синяки.

Если больные не хотели просто так проливать свою кровь, можно было покормить ею пиявок. В больших количествах их завозили из Франции, чтобы обеспечить всех нуждающихся достаточным ассортиментом «кровососов».

Но оставим тему обычных болезней. Они не модны. Настоящий светский доктор должен лечить недуги, которые поражают общество своей новизной, остротой и неприличностью. Если для XVIII века такой болезнью был сифилис, то в чопорном XIX столетии лечили не только последствия любовных утех, но и поползновения к ним. Самые «передовые» доктора объявляли войну не холере, гриппу или малярии, а онанизму, «бешенству матки» и женской истерии.

Итак, что же это за «модные» болезни?

Слово «онанизм» ввел в обиход швейцарский врач Тиссо, опубликовавший свой антимастурбационный памфлет в 1760-х годах. Чуть позже подобные брошюры появились в Лондоне. Авторы называли онанизм чудовищным грехом и связывали его с такими болезнями, как слепота и импотенция. После перечисления всех кар небесных памфлет предлагал страдалцам избавиться от дурной привычки, купив микстуру или коробочку пилюль. Собственно, эти памфлеты XVIII века и задали тон для будущих публикаций на тему мастурбации, в конце которых неизменно следовала реклама. С чем же еще кроме желания продать укрепляющую микстуру была связана почти параноидальная боязнь онанизма? Причину следует искать в отношении к сексу как таковому. «Кровь — это жизнь», повторял Рэнфилд из «Дракулы» Стокера, но на самом деле он ошибался. Именно в сперме, согласно общему мнению, и заключалась жизненная энергия. Неудивительно, что слово *to die* («умереть») в Средневековье и позже было синонимом «достигнуть оргазма». Тот же Тиссо утверждал, что потеря спермы в больших количествах отрицательно сказывается на здоровье. Умеренность предписывалась и в браке, потому что потеря спермы во время секса с законной женой хоть и лучше онанизма, но тоже опасна.

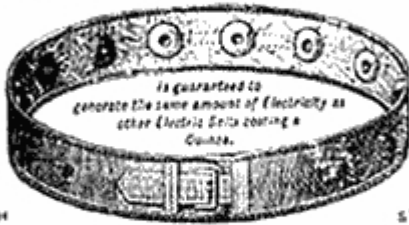
На отношение к онанизму влияло и восприятие оргазма. В XVIII веке бытовало мнение, что для зачатия необходим оргазм у обоих партнеров. Еще древние греки настаивали на этом. И Аристотель, и Гален считали, что и женское, и мужское тело — это фактически один и тот же организм, только у женщин половые органы вывернуты наизнанку и находятся внутри, а не снаружи. Матку сравнивали с пенисом, яичники — с тестикулами. И мужской, и женский организм производит сперму, только женская сперма слабее мужской. Раз уж во время полового акта у мужчины происходит эрекция, то подобная эрекция нужна и женщине — матка должна как бы вытянуться и содрогнуться. Иными словами, необходим вагинальный оргазм. Поэтому мастурбация даже полезна, ведь женщине нужно как следует разогреться. Так что долгое время, вплоть до эпохи Просвещения, доктора советовали мужчинам шептать на ушко женам нежные непристойности, а женщинам — доводить себя до нужной кондиции. Такое отношение к оргазму было просто замечательным, хотя и неверным, но у этой медали имелась и обратная сторона. Ведь если женщина забеременела после изнасилования, то никого насилия и не было! Разве это насилие, если у нее случился оргазм? А иначе не забеременеешь.

Dr. CARTER MOFFAT'S Health-giving Appliances are used by Her Majesty the Queen, their R.H. the Prince and Princess of Wales, H.R.H. Princess Louise, also by the Marquis of Lorne, Marquis of Salisbury, Mr. Gladstone, Mr. Goschen, Lord Churchill, and thousands of Eminent Men and Women at home and abroad.

ELECTRICITY IN FAILING HEALTH!

MEN AND WOMEN
OF ALL AGES, AND IN
ALL STATIONS OF LIFE
Should stop taking Poisonous Medicines and Drugs and simply wear

DR. CARTER MOFFAT'S COOL
FEATHER-WEIGHT **ELECTRIC BODY BELT.**
SCIENTIFICALLY TESTED AND GUARANTEED GENUINE.

WEIGHT UNDER 2 OZS. WEIGHT UNDER 2 OZS.

ONLY 5/6 BEST VALUE ONLY 5/6 BEST VALUE

FOR HEALTH FOR STRENGTH

IT IMPARTS NEW LIFE AND ENERGY!

<p>For LADIES suffering from</p> <p>INDIGESTION, CONSTIPATION, PALPITATION, COOPERS, GOUT, RHEUMATISM, NEURALGIA, BRONCHITIS, ASTHMA, AND ALL NERVOUS AFFECTIONS.</p>	<p>ALL THESE COMPLAINTS MAY BE EFFICIENTLY ALLEVIATED BY WEARING DR. CARTER MOFFAT'S PATENT AND GUARANTEED HEALTH-GIVING APPLIANCE.</p> <p>Call to-day, or Write</p>	<p>For GENTLEMEN suffering from</p> <p>INDIGESTION, CONSTIPATION, MELANCHOLIA, EPILEPSY, PARALYSIS, COMPLAINTS, GOUT, RHEUMATISM, PROSTATISM, ANAEMIA, PALPITATION, AND ALL NERVOUS AFFECTIONS.</p>
--	---	--

WHEN ORDERING PLEASE SEND SIZE OF WAIST NEXT BODY.

Dr. CARTER MOFFAT, 31, 33 & 35, 17, 19, 21, the Company's well-known London Health Electrotherapeutic Society and Principal Demonstrator, Surgeon's Hall, Royal College of Surgeons, Edinburgh-3 may be consulted daily, FREE OF CHARGE, on all matters relating to Health.

Speciality Note our Address —

IMPERIAL MANSIONS, OXFORD STREET, LONDON, W.C.,
CORNER OF CHANCERY CROSS ROAD.

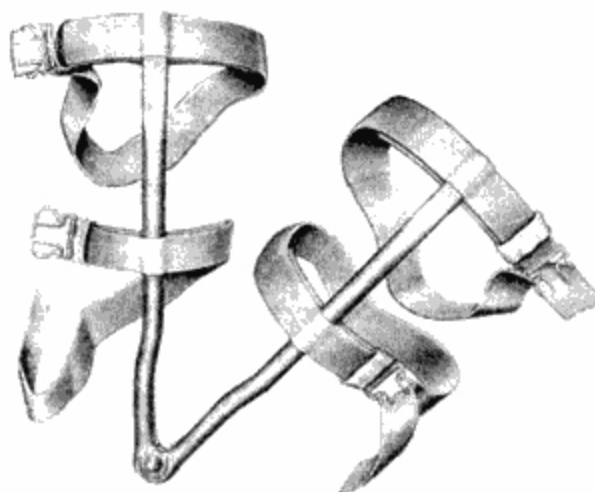
Электрический пояс. Реклама

Ситуация изменилась во времена Просвещения, когда ученые уже гораздо лучше изучили человеческий организм. Как только стало понятно, что зачатие может происходить без оргазма, он оказался лишним, бессмысленным, бесцельным. Идеализация женщины в

XIX веке лишь укрепила страх перед мастурбацией. Разве может женщина, милое и неискушенное существо, трогать у себя такие органы, названия которых она даже не знает! Онанизм среди детей, как девочек, так и мальчиков, сеял панику в обществе. Ужасы не ограничивались волосатыми ладонями. Согласно тезисам из антимастурбационных памфлетов, онаниста можно вычислить по следующим признакам: *Поведение* : в обществе дам онанист нервничает, смущается и торопится поскорее покинуть их компанию. Предпочитает одиночество. *Лицо*: бледная кожа с желтым оттенком; прыщи по всему лицу, особенно на лбу; тусклые, запавшие глаза; расширенные зрачки; беспокойный и смущенный взгляд. *Тело*: конечности ослаблены; дрожь в руках и ногах; головные боли и головокружения; боли в спине, животе и шее; проблемы с пищеварением, запоры перемежаются поносом. *Половые органы*: их состояние просто ужасно. Член уменьшается в размере и провисает; отсутствие эрекции и импотенция; воспаление и постоянная боль в половых органах; непроизвольное семяизвержение и прочая, и прочая... *Психологическое состояние*: заикание; речевые процессы замедлены; потеря памяти; часто бредит наяву; потеря аппетита; возможны эпилепсия или сумасшествие. Наслушавшись этих ужасов, можно пойти на все, что угодно, лишь бы избежать таких мучений. К счастью, авторы книг были людьми не только высокоморальными, но и заботливыми, поэтому своим читателям предлагали разнообразные способы исцеления.

Распорки для колен, препятствующие онанизму

Скобы для рук, препятствующие онанизму

Доктора подчеркивали необходимость диеты и правильного режима. Спать онанисты должны на жестком матрасе, вставать пораньше и выполнять гимнастические упражнения, чем чаще, тем лучше. Сытные ужины, после которых людей тянет на всяческие непотребства, подпадали под строгий запрет. Кроме диеты пациентам советовали обливаться половые органы ледяной водой, клизмы с ней тоже слыли отличным средством. А вот о

теплых ваннах, от которых к органам приливает кровь, нечего было и помышлять.

«Пояса верности», способные предотвращать эрекцию, тоже вошли в моду. В книге 1900 года «Половая немощность у мужчин» рассказывается об одном умельце, который так боялся мастурбировать во сне, что соорудил себе особую клетку от талии до середины бедер и спал в ней каждую ночь. Клетку он надевал на голое тело, запирали на висячий замок и лишь затем облачался в ночную сорочку.

Кроме различных вариаций на тему пояса верности борцы с онанизмом предлагали и такие методы, которые и маркиза де Сада вогнали бы в краску. К примеру, скрепить крайнюю плоть булавкой. Не спасла эта методика? Прибегните к другой! На половой орган клали пластырь, пропитанный каким-нибудь жгучим веществом, и держали до волдырей. Применялись и различные спринцевания — бурой, ацетатом свинца, нитратом серебра. Кроме этих растворов в половой член вводили все, что угодно, от тонких свечей до металлических катетеров.

Любое научное открытие тут же пытались приспособить для лечения мастурбации. Электричество не было исключением. Настоящим хитом стали электрические кольца, которые надевали на член на ночь. Кольцо присоединялось к электрическому поясу, в свою очередь, соединенному с полюсами батареи. Если во сне у пациента случалась эрекция, кольцо расширялось и онанист получал сильный разряд электрического тока прямо в грешный орган.

Женщин лечили клизмами с белладонной, на половые органы цепляли пиявок, хорошо помогал и кусок льда, приложенный к клитору примерно на час. Если клитор не желал вести себя благопристойно, его можно было просто отрезать. К счастью, доктора считали такие операции крайней мерой и старались не афишировать.

В случае если онанизмом страдал ребенок, советовали в первую очередь обследовать его на предмет глистов, а также исключить фимоз и воспалительные процессы. Маленький пациент должен был находиться под неустанным надзором. Чтобы юные онанисты не терли ногу об ногу, они спали в распорках, не позволяющих сближать колени. Руки привязывали к особым скобам, вследствие чего их невозможно было опустить ниже пояса, а ладони прятали в резиновые перчатки, похожие на миниатюрную копию боксерских. Как и взрослым, детям назначали диету, холодные ванны, физическую нагрузку и занятия спортом. За исключением, разумеется, скачек, лазания по деревьям и езды на велосипеде. Велосипед — как, между прочим, и швейную машинку с ножным приводом — борцы с онанизмом предавали анафеме.

В 1913 году известный сексопатолог Альберт Молл писал, что вред мастурбации для детского организма сильно преувеличен. По крайней мере, никто из пациентов, которых приводили к нему перепуганные родители на сеанс гипноза, не закончил жизнь в психиатрической клинике. Еще раньше, в 1897 году, сексопатолог Хавелок Эллис оспорил выводы Тиссо и заверил своих читателей, что умеренная мастурбация не приносит вреда. Тем не менее суеверия, связанные с мастурбацией, держались еще долго, а некоторые живы и по сей день. Королевой женских заболеваний выступала матка. Эта занимательная часть тела была окружена огромным количеством мифов. Многие из них касались менструации — загадочного недуга, над которым ломали голову как врачи, так и общественные деятели. Согласно популярному мнению, ничто так не ухудшало состояние женщины во время месячного недомогания, как умственная деятельность. Чтение якобы отнимает слишком много энергии, тем самым нанося женщине вред и даже вызывая бесплодие. Зато легкая работа по дому считалась лучшим способом уменьшить боль.

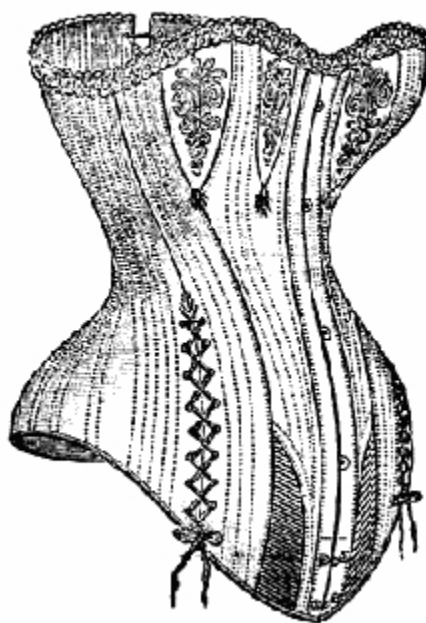
Существовали различные средства, как народные, так и запатентованные, чтобы остановить поток крови. Таков, например, рецепт кровоостанавливающего бальзама доктора Чейза: «Налить две с половиной драхмы (1 драхма — 1,77 г) серной кислоты в аптекарскую ступку, медленно добавить одну драхму скипидарного масла и одну драхму спирта. Размешивать до тех пор, пока смесь не перестанет дымиться, затем поместить смесь в закупоренную стеклянную бутылку. Смесь должна быть прозрачной, красного цвета, как темная кровь. Доза: добавить 40 капель в чашку, растереть с чайной ложкой коричневого

сахара, долить в чашку воды до краев и выпить немедленно. Повторять каждый час в течение 3–4 часов. Прекратить, если кровотечение усилится».

Помимо таких жутковатых рецептов применяли имбирный чай от спазмов и горячие грелки. Среди советов попадались и вполне разумные. Многие врачи высказывались против тесных корсетов, ухудшавших состояние женщины во время менструации.

Какими же средствами спасались викторианки во время месячных? Некоторые не пользовались ничем вообще и позволяли крови стекать на сорочку, которую вдобавок не меняли по несколько дней. Так поступали не только женщины из низов общества, но и представительницы среднего класса. Бытовало мнение, что прокладки застопоривают течение крови, а это ужасно вредно. Для таких дней многие шили себе темное нижнее белье. Впрочем, прокладки все-таки существовали, ими служили старые тряпки. Те, кто мог себе позволить, пользовались прокладками из материала лучшего качества. К концу XIX века начали появляться одноразовые прокладки. Изначально их придумали медсестры, использовавшие бинты с древесной стружкой для своих женских нужд. В промышленных масштабах одноразовые прокладки выпускала фирма некоего Хартманна. Одноразовые прокладки изготовляли из ткани, наполненной опилками, ватой или мхом. Некоторые были проложены резиной, чтобы предотвратить протекание. Чтобы удержать прокладку на месте, существовали специальные фартуки, пояса и подтяжки.

Английский фольклор тоже не обошел менструацию стороной. Во время месячных женщине запрещалось трогать мясо, которое могло сгнить от ее нечистого прикосновения. О том, чтобы войти в маслодельню, не могло быть и речи, иначе молоко прокиснет. Женщинам не советовали споласкивать волосы и опускать ноги в ледяную воду, чтобы кровь не прилила к голове и не свела с ума. В Линконшире их предостерегали от прогулок по высокой траве, чтобы «змеи их не унюхали».

Викторианский корсет

Занятия сексом во время менструации якобы приводили к рождению волосатых детей, детей с дополнительными конечностями или того хуже — рыжих! Впрочем, на фоне всех тех статей о менструации, которыми викторианские врачи потчевали своих современниц, народные советы кажутся воплощением здравого смысла.

Самая тяжелая «маточная» болезнь была заболеванием психическим. Название ее происходило от греческого слова «hystera» — «матка», а само заболевание носило зловещее название «истерия». Еще древние греки считали, что матка живет своей собственной, полной

приключений жизнью. Ее любимое занятие — бродить по телу в поисках влажности. Но стоит ей забрести не туда — например, надавить на диафрагму, — как начинаются проблемы. С течением времени, когда познания в анатомии все расширялись, врачи пришли к выводу, что матка никуда не двигается с положенного ей природой места. Тем не менее «теория блуждающей матки», пусть и видоизмененная, не спешила сдавать позиции. Даже в XIX веке истерию по-прежнему связывали с дисфункцией половых органов. Пациенток с таким диагнозом часто посылали на лечение к гинекологу. Врачи рекомендовали мужьям следить за менструальным циклом жен, потому что с приближением месячных у истерички начнется обострение.

Новым этапом в понимании и лечении истерии стала деятельность французского врача и члена Парижской академии наук Жана Мартена Шарко (1825–1893). Во время своей многолетней практики в больнице Сальпетриер Шарко пришел к выводу, что причиной истерии является нарушение работы периферической нервной системы. Из-за этих нарушений человек становится особенно чувствительным к внешним воздействиям, что влечет за собой истерию. Заслуга Шарко заключается и в том, что он начал принимать в своей больнице не только женщин, но и мужчин. Прежде считалось, что истерия — заболевание сугубо женское, ведь только у женщин имеется зловерный орган. Но когда истерию перестали связывать непосредственно с женской половой системой, то и мужчины удостоились внимания врачей. Симптомы, влекущие за собой этот диагноз, включали в себя как подавленное настроение и психические расстройства, так и сомнамбулизм, судороги в конечностях, паралич, потерю слуха или зрения и т. д. Симптомом истерии являлось и нарушение питания — потеря аппетита, рвота, невозможность жевать и глотать. В 1857 году английский врач Эдвард Диксон описал истеричку, челюсть которой парализовало на 5 дней. В течение этого времени она питалась молоком, всасывая его сквозь стиснутые зубы. Но самый хрестоматийный симптом истерии — это, конечно, знаменитая дуга, во время которой лежащая пациентка выгибала спину, балансируя на пятках и на затылке.

Поскольку мнения врачей относительно истоков истерии разнились, то и методы ее лечения были самыми различными. Например, гипноз. По мнению Шарко, убеждение больного в возможности выздоровления являлось залогом исцеления.

В 1885–1886 годах в Сальпетриер работал Зигмунд Фрейд, который тоже поначалу применял гипноз для освобождения подавленных воспоминаний, но впоследствии перешел к другим методикам, в частности к анализу сновидений.

Гипноз выглядел безобидным по сравнению с другими методами. Для сторонников «маточной» теории самым логичным средством было удаление матки. Другие эскулапы додумывались до более изощренных пыток: пациенткам сбивали волосы, а кожу прижигали кислотой до возникновения волдырей. Этот метод основывался на теории «противораздражения» — считалось, что боль, вызванная терапевтическим способом, может ослабить уже существующую. Водные процедуры были безусловными фаворитами. Применялись холодный душ, горячие ванны и комбинация обоих методов (пациентка сидела в горячей ванне, а на голову ей лили ледяную воду). Бедняжек заматывали в мокрые полотенца или натягивали на них «ледяную куртку», с карманами, полными льда. Помимо обычных ванн существовало и нечто более оригинальное — так называемые паровые ванны из «сухого спирта». Пациентку сажали в ванну, укутывали полотенцами до подбородка, а поверх полотенца ставили горелки с сухим спиртом, которые часто обжигали кожу. Справедливости ради нужно заметить, что не все методики отличались подобным садизмом. В частности, лечение электромагнитными волнами было безболезненным, хотя и бесполезным. Магнетизмом лечились еще древние греки, а в конце XVIII века его популяризовал венский доктор Франц Месмер. Кровать пациентки разворачивали так, чтобы ее голова указывала на север, а ноги — на юг. Возле ног клали огромный магнит. Затем женщине давали выпить жидкость, содержащую небольшое количество железа. Магнит должен был повлиять на внутреннюю энергию организма, заставив тело исцелить себя.

Соперником магнетизма стало электричество, в конце концов победившее в этом противостоянии. Применялись три вида электротерапии: фарадизация, или лечение с помощью переменного (фарадического) тока низкой (30–150 Гц) частоты; гальванизация, т. е. лечение постоянным током небольшой силы и напряжения; и, наконец, франклинизация, включавшая применение разрядов статического электричества. Врачи считали, что ток массирует нервы и мышцы изнутри и восстанавливает вялую нервную систему. Уже в начале

XX века диагноз «истерия» встречался все реже, а с течением времени он и вовсе сошел на нет. Исчезновение некогда популярного диагноза объясняют тем, что в XIX веке ярлык «истерия» вешали на любые заболевания, от приступов паники до шизофрении. Со временем врачи научились различать психические расстройства, и всеобъемлющая истерия распалась на части.

История медицины в XIX веке — это летопись противоречий, сложное соотношение науки, построенной на суевериях, и суеверий, содержащих рациональное зерно. Физиологические процессы оставались теми же, однако отношение к ним менялось от десятилетия к десятилетию. Именно в эту эпоху зародилась концепция общественного здоровья, которой мы пользуемся по сей день, и были совершены фундаментальные научные открытия.

Англию терзали эпидемии, но они уже не считались проявлением гнева Божия, а всего лишь поводом к еще более интенсивным научным изысканиям. Так, в 1849 году в Лондоне, в районе Брод-стрит, началась одна из очередных вспышек холеры. Наблюдение за распространением заболевания привело врача Джона Сноу к выводу, что причиной болезни стал не «отравленный миазмами воздух», как считало большинство эскулапов того времени, а общественная колонка для воды. По настоянию медика, насос, качавший воду из Темзы, перекрыли, и эпидемия пошла на убыль. В 1854 году холера поразила Сохо, и доктор Сноу вновь доказал причастность к вспышке болезни воды из колонок. Микробная теория возникновения холеры появилась уже после смерти доктора Сноу, в 1861 году, так что остается только поражаться прозорливости этого врача, сумевшего связать источник заболевания с водой, при этом не зная об истинной природе возбудителя холеры.

Борьба велась и с другими болезнями. Во второй половине столетия наконец удалось взять под контроль оспу. После того как в 1837–1840-х годах от нее скончалось 42 000 человек, необходимость в прививках стала очевидной. В 1853 году вакцинация от оспы стала бесплатной и принудительной.

Хирургия в викторианскую эпоху двигалась семимильными шагами. В начале века операции при отсутствии стерильного скальпеля и анестезии казались страшнее мук ада. Смертность от болевого шока, кровопотери и инфекций была ужасающе высока.

В середине века в качестве анестетика начали применять хлороформ. Новшество порадовало как пациентов, не чувствовавших боли, так и врачей, которым уже не приходилось оперировать под аккомпанемент воплей и стонов. Операции стали намного эффективнее.

HAY FEVER

Positively Cured and Prevented by the

CARBOLIC SMOKE BALL

THIS INFALLIBLE REMEDY IS USED BY

HAY FEVER CURED.	Countess of Aberdeen	Lady Alfred Paget	Lady Ramsey
	Countess of Eglis	Lady Erskine	Lady Marchoe Knapp
	Countess of Home	Lady Mervyn	Lady Whitman
	Countess of Chester	Lady Clavering	Lady Emily Drake
	Countess of Harcourt	Lady Eleanor Harbord	Lady Cuthbert
HAY FEVER CURED.	Countess of Carlisle	Lady Campbell of Old	Lady Grant
	Countess Marjory	Lady Frances Hawke	Lady Marjory
	Countess Faversham	Lady Mappin	Lady Newell
	Vicomtesse de Lamoignon	Lady Harcourt	Lady Norton
	Marchioness de Kain	Lady Harland	The Lady Margaret
	Baroness de Lintz	Lady Doleworth	Lady Parker
	Dowager Lady Gifford	Lady Margrave	Mrs. R. B. Rogers
	Lady Elizabeth Home	Lady Powden	Mrs. Howard Knapp
	Lady Northwick	Lady Hall	Mrs. F. H. Knapp
	Lady Annesley	Lady Scobie	Mrs. W. H. Knapp
	Lady Churchill	Lady Maitland	
	Lady Cavendish	Lady Palmer	
	Lady Wellesley		

Карболовый ингалятор

Помимо открытий в области анестезии все большее внимание уделялось антисептикам. Когда в 1860-х Луи Пастер предложил микробную теорию инфекционных заболеваний, научный мир поначалу воспринял ее в штыки. Как могут невидимые глазу существа вызывать болезни? Иное дело — запахи, их-то сразу ощущаешь! Главный недостаток «теории миазмов» заключался в том, что врач мог приступать к операции, просто проветрившись по дороге из морга в палату. Нет запаха — нет проблем, а руки мыть не обязательно.

Но в конце 1860-х годов англичанин Джозеф Листер начал практиковать антисептическую хирургию, обрабатывая карболовой кислотой хирургические инструменты. Мало-помалу микробная теория завоевывала научные круги, и к 1890-м врачи уже повсеместно мыли руки. Из ремесленников от медицины, из продолжателей дела уличных цирюльников хирурги со временем превратились в специалистов высшего класса.

После принятия Закона об общественном здоровье в 1848 году были проведены многочисленные и успешные мероприятия в области здравоохранения. В городах прокладывали канализацию, скотобойни убрали за городскую черту, переполненные кладбища закрывали, а новые создавали вдали от населенных пунктов. Наконец-то был снят налог на мыло, и оно стало почти всем по карману. Все эти нововведения не могли не отразиться на народной медицине. Потребность в ней понемногу отпадала, покуда она не превратилась в «дела давно минувших дней». Фольклорные сборники начала XX века снисходительно описывают ее средства. Вместе с тем эти записи заставляют нас восхищаться людьми, которые, несмотря на невыносимые условия жизни и почти полное отсутствие образования, продолжали фантазировать, мечтать, выживать.

3 Календарные праздники

Был стар Иосиф, очень стар,
Когда Марию взял
И в Галилее пред людьми
Женой своей назвал.

Вот в сад, где ягоды не счесть,
Пришли они вдвоем,

И вишня алая, как кровь,
Свисала там кругом.

По саду доброму они
В тиши вдвоем бредут.
А вишня сладкая вокруг
Свисает там и тут.

Тут молвит кроткая жена:
— Будь милостив, прошу,
Сорви мне вишню,
Ибо я дитя внутри ношу.

Но гневен стал супруг в ответ
И побелел лицом:
— Пусть вишню тот сорвет тебе,
Кто чаду был отцом.
Вдруг в чреве матери своей
Господь Иисус речет:
— Нагнись же вишня до земли,
Дай матери свой плод.

К рукам Марии гнется сад,
Все ветви преклоня,
И та вскричала:
— Муж, смотри,
Есть вишня у меня!

(«The Cherry-Tree Carol», номер 54 в сборнике Чайлда)

Эта баллада была довольно популярным рождественским гимном, а именно с Рождества в викторианской Англии начинали отсчет новому году. Григорианский календарь, по которому сегодня живет большая часть мира, принят Великобританией (и ее колониями) в 1752 году. До того страна сопротивлялась католическому влиянию, сохраняя юлианский календарь. Тем не менее к XIX веку англичане более или менее привыкли к переносу дат (за исключением радикальных ирландских католиков) и даже не вспоминали 11 пропавших дней, вычеркнутых из жизни переходом на новый стиль. Главное, что реформа календаря не отменила вековых праздничных традиций, в значительной степени определявших размеренную жизнь английского общества.

Праздники зимы

Думая о викторианском Рождестве, мы зачастую представляем себе пушистую елку, увешанную разноцветными игрушками и пряниками. Вспомните о ней, и в носу защекочет от запаха хвои и апельсиновой цедры. Но не спешите покупать рождественскую ель, если вы не богатый горожанин или представитель высшего сословия. Вполне возможно, что вам понадобятся совсем другие растения, за которыми придется прогуляться по мокрому снегу к ближайшему леску.

Обычай украшать елку зародился в Германии, во времена Мартина Лютера, а в Англии появился не так уж давно. Принято считать, что моду на елки ввела королева Виктория, а точнее — ее супруг принц Альберт, герцог Саксен-Кобург-Готский. Однако при королевском дворе елки появились еще в XVIII веке, после женитьбы короля Георга Третьего на принцессе Шарлотте Мекленбург-Стрелицкой. Менее родовитые немцы, проживавшие в Англии, тоже не забывали о рождественских елках, но английский средний класс подхватил эту традицию именно во время правления Виктории.

12 декабря 1848 года в «Лондонских иллюстрированных новостях» появилась гравюра, изображавшая королевское семейство у елки. С тех пор английские газеты все чаще публиковали заметки о елках, а к середине 1850-х украшать елки на Рождество начали даже в рабочих семьях.

Новомодные елки потеснили традиционные рождественские украшения, такие как гирлянды из остролиста и плюща. В прежние столетия, как, впрочем, и в начале XIX века, именно эти вечнозеленые растения символизировали праздничный период. Листья остролиста напоминали о терновом венце Христа, алые ягоды — о Его пролитой крови. В качестве растительного украшения использовали также омелу. Пучки омелы подвешивали к потолку, и если двое одновременно проходили под таким пучком, они должны были поцеловаться. Как и следовало ожидать, обычай пользовался особой популярностью у молодежи.

Поцеловавшись с кавалером под омелой, йоркширские девицы срывали с нее лист и ягоду и уходили подальше от людских глаз. Ягоду глотали, на листочке нацарапывали инициалы любимого. Затем лист зашивали в корсет, чтобы крепче привязать к себе мужчину.

К сожалению, столь полезное растение запрещено было приносить в церковь. Омела ассоциировалась с ритуалами друидов, которые, согласно Плинию Старшему, срезали ее с дубов золотыми серпами. А языческому символу точно не место в доме Божьем! На Западе омелу до сих пор продают под Рождество, хотя наши современники уже не тратят усилий, подвешивая ее к потолку, и целуются, просто придерживая веточку омелы над головой.

Крайне важно было украсить дом, а после снять со стен гирлянды в правильное время. Очень часто остролист и плющ приносили в дом только накануне Рождества, а выносили в канун Крещения (6 января) или Сретения (2 февраля). Вдоль границы с Уэльсом существовал обычай сразу же после снятия гирлянд вносить в комнату букет подснежников для «белого очищения». Несмотря на то что в других краях подснежники имели устойчивые

ассоциации со смертью, здесь их рассматривали как цветок благословения.

Избавляться от рождественских украшений следовало по особым правилам, чтобы не навлечь беду и не согрешить ненароком. Кто-то предпочитал сжигать их, внимательно присматриваясь к пламени: если остролист хорошо горит и потрескивает — это добрый знак. Другие считали сожжение остролиста тяжким грехом, предпочитая скормить его скотине.

Поцелуй под омелой

Поведение животных под Рождество тоже имело значение. Считалось, что собака, которая воеет в сочельник, в следующем году заболеет бешенством. А пчелы накануне Рождества старательно жужжали, напевая 100-й псалом. Парадоксально, но факт: распространенное европейское поверье о том, что в сочельник животные обретают дар речи, отсутствует в английском фольклоре. Упоминания о нем не встречаются даже в сборниках фольклора с Джерси и Гернси, островов в проливе Ла-Манш, где влияние французской культуры было наиболее ощутимо. Так что английская скотина в сочельник не болтала на человеческом языке, а преклоняла колени, вспоминая рождение Христа.

Легенды о набожности животных были настолько распространены, что хитрецы пользовались ею в своих целях. Один из персонажей романа «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» рассказывает небылицу о скрипаче, которого загнал в угол разъяренный бык:

«И тут вдруг припомнилось ему, что он своими глазами видел, как в Рождественский сочельник всякая скотина преклоняет в полночь колени. Правда, сейчас был не сочельник, но ему пришло в голову оставить быка в дураках. Вот он и заиграл гимн, тот самый, что поют под Рождество. А тут глядь — бык в неведении своем преклоняет колени, словно и вправду был сочельник. Как только рогатый его приятель бухнул на колени, Уильям повернулся, пустился, как гончая, наутек и перемахнул через изгородь раньше, чем молящийся бык успел встать и погнаться за ним».

Рождественская открытка

Рождественская открытка

В сочельник за животными запрещалось подглядывать — пусть себе молятся спокойно. Любопытные могли поплатиться жизнью. Тем не менее в некоторых валлийских деревнях скотине докучали именно в сочельник. Хозяева и гости входили в хлев и приносили с собой чашу горячего пунша. Они подходили к самому крупному быку, мужчины выстраивались по одну сторону стойла, женщины — по другую. Хозяйка накалывала куски пирога на рога быку, а хозяин тем временем отпивал пунш и передавал чашу по кругу. Все это время гости горланили песни, не забывая наблюдать за быком. Если он вел себя спокойно, семью ожидала удача, если же нервничал и злился, то и год выйдет крайне неприятным. Кульминация наступала, когда бык мотал головой и ронял пирог на землю. Стоило первому куску упасть с той стороны, где стояли женщины, они издавали победный вопль. Значит, весь год именно жены будут помыкать мужьями. Можно представить состояние быка, окруженного пьяными людьми, которые вопят и поют песенки, но при этом не спускают с него глаз. А совсем близко источает сладостные ароматы пирог, до которого никак не добраться! Присутствие духа сохранил бы только истинный флегматик.

В некоторых крестьянских хозяйствах бытовал обычай, наводящий на мысль о жертвоприношениях Помоне, языческой богине плодородия. Вечером крестьянская семья направлялась в сад. На ветвях одной из яблонь развешивали кусочки пирога, а на корни брызгали сидром. Как следует задоблив яблоню, крестьяне продолжали праздновать уже дома, в тепле.

Выбор рождественского полена

Рождество было временем для разнообразных забав. Несмотря на отрицательное отношение Церкви к азартным играм, раскинуть картишки в сочельник — дело святое! Даже те, кто обычно не брал в руки карт, присоединялись к всеобщему веселью. Воздух звенел от музыки и колокольного боя. Уличные музыканты стучались в двери и предлагали усладить слух хозяев рождественскими гимнами. За умеренную плату, разумеется, но кто откажется? Ведь на земле мир, а в человеках благоволение. Самое время помочь неимущим. В Монмутшире и Глостершире стайки ребятишек сновали от дома к дому и показывали хозяевам «монти» — апельсин, наколотый на три палочки и украшенный остролистом, изюмом и фольгой. Наслушавшись пожеланий, которые неизменно включали в себя полные карманы денег и полный погреб пива, хозяева отдаривались мелкими монетами.

Самым ожидаемым событием был торжественный обед со снедью, при одной мысли о которой текли слюнки, а в животе начинало урчать. Глава семьи зажигал огромную свечу на столе, в камине потрескивало толстое йольское полено.

Эта традиция сохранилась еще с языческих времен, когда день зимнего солнцестояния считался днем перерождения природы и символизировал завершение старого и начало нового года. С приходом христианства йольское полено стали зажигать на Рождество. Перед тем как поджечь полено, его украшали гирляндами из вечнозеленых растений, осыпали зерном и сбрызгивали сидром. Считалось добрым знаком, если оно горело не только в сочельник, но и все утро. Головешку от полена сохраняли до следующего года, чтобы разжечь от нее новое. В горах Северной Шотландии из полена вытесывали фигуру Рождественской старухи. Она символизировала не плодородие и жизнь, а все горести стылой

зимы, так что сжигали ее без сожаления. За неимением полена или же большого камина, девонцы жгли вязанку хвороста, перевязанную колючими плетями ежевики. Как только одна из них с треском лопалась, каждый из гостей выпивал по кварта сидра. А когда догорала целая вязанка, все были уже навеселе.

Блюда на рождественском столе источали дивный аромат и радовали глаз. Готовясь к празднику, небогатые хозяйки задолго начинали откладывать деньги или копить сухофрукты для пирогов. С XVII по XIX век основным мясным блюдом был ростбиф. Затем на смену говядине пришел гусь в семьях среднего класса и индейка в домах побогаче. Как и гусей, индеек запекали в духовке, но кулинарка миссис Битон, автор книги об идеальной кухне, советовала варить их и подавать «с белым, сельдереевым, устричным или грибным соусом или же политыми маслом, растертым с петрушкой».

Праздник кабаньей головы в Оксфорде

Кроме основного блюда гостей угощали пирожками с мясом. Овальные пирожки имитировали форму вифлеемских яслей, но англичане сходились во мнении, что гораздо больше они напоминают гроб. Порой их так и называли — «гробовые пирожки». Региональные вариации рождественских деликатесов тоже радуют разнообразием. Жители Озерного края встречали Рождество пудингом «хакин», густой смесью из говядины или баранины, изюма, чернослива, сахара, специй, вина и лимонного сока. Другим фирменным блюдом были «перечные печенья», в них добавляли патоку и ямайский душистый перец. Печенья раздавали всем тем, кто приходил колядовать и христославить. В некоторых графствах булочники выставляли на витринах йольский пирог в форме младенца. Втыкать нож в это чудо кондитерского искусства было, наверное, жестоко, но пирог пользовался популярностью.

Дама из высших слоев общества, разносящая милостыню

Викторианское Рождество

Согласно оксфордской традиции, в зал, где пировали студенты, вносили блюдо с кабаньей головой, украшенной розмарином и лавровым листом. Во время церемонии певец затягивал «Гимн кабаньей голове», а хор подпевал на латыни. Этот обычай соблюдается по сей день, хотя церемония проходит с меньшей помпой, чем несколько веков назад. Празднество, вероятно, берет начало из обычая забивать свинью под Новый год, но легенды приписывают ему более героическое происхождение.

В стародавние времена студент шел через лес, почитывая Аристотеля на ходу, как вдруг на дороге перед ним выскочил вепрь. Не долго думая, студент сунул учебник прямо в пасть зверю, и тот издох, подавившись гранитом науки. В память об этих событиях начали ежегодно проводить церемонию с кабаньей головой.

Детям еще в канун Рождества загадывали загадку в стихах:

Испанские фрукты с английской мукой
Встретились как-то в дождь проливной!
Скажи, что в мешке с ними станет на Святки?
Колечко тебе подарю за отгадку!

Каков же правильный ответ? Ну, разумеется, плам-пудинг, пожалуй, самое известное английское рождественское блюдо. Живительно, но это популярное угощение в свое время пережило немало гонений. В 1664 году пуритане запретили рождественский пудинг, посчитав такое чревоугодие недостойным истинных христиан. Только в 1714 году Георг Первый вновь разрешил готовить это блюдо на радость всем гурманам. Чтобы проникнуться

атмосферой восторженного ожидания, которая предшествовала появлению пудинга на столе, обратимся к «Рождественской песне» Диккенса:

«А ну как пудинг не дошел! А ну как он развалится, когда его будут выкладывать из формы! А ну как его стащили, пока они тут веселились и уплетали гуся! Какой-нибудь злоумышленник мог ведь перелезть через забор, забраться во двор и похитить пудинг с черного хода! Такие предположения заставили младших Крэтчитов помертветь от страха. Словом, какие только ужасы не полезли тут в голову! <...> И вот появляется миссис Крэтчит — покрасневшая, запыхавшаяся, но с горделивой улыбкой на лице и с пудингом на блюде, — таким необычайно твердым и крепким, что он более всего похож на рябое пушечное ядро. Пудинг охвачен со всех сторон пламенем от горящего рома и украшен рождественской веткой остролиста, воткнутой в самую его верхушку».

Пудинг

Рождественский пудинг окружает великое множество суеверий. Прежде чем приступить к готовке, хозяйка просила всех членов семьи, а также гостей помешать пудинг в миске. В смесь для пудинга закладывали монетку, и тот, в чьей порции она оказывалась, мог оставить ее себе. Во второй половине XIX века эта традиция пошла на спад — мелкие монеты перестали чеканить из серебра, а монеты из сплавов портили вкус блюда. Помимо монет в пудинге прятали другие мелочи — к примеру, крошечный якорь, символизирующий надежду, или наперсток.

Пудинг поливали бренди, поджигали и в таком виде подавали гостям. Более экономные хозяева предпочитали растягивать удовольствие. Поскольку пудинги могли храниться очень долго, некоторые семьи оставляли их до какой-либо другой важной даты, например до Пасхи.

В придачу к традиционным блюдам с рождественским сезоном ассоциировались и горячительные напитки. В Уэльсе и на острове Гернси бытовало поверье, что вода в сочельник превращается в вино. Одна беда — любого, кто захочет лично в этом удостовериться, сразит небесная кара. Так что приходилось рассчитывать только на собственные силы. От холодов издавна спасал поссет, горячий напиток из молока,

створоженного пивом и приправленного специями. Подавали его в особой фарфоровой кружке с двумя ручками и тонким изогнутым носиком, благодаря которому можно было добраться до сладкого осадка на дне. В кулинарных книгах XIX века приводятся разнообразные рецепты поссета: с добавлением пива, вина, патоки и т. д. Вот типичный рецепт: «Нагреть полпинты (1 кварта = 946 мл, 1 пинта = 473 мл, 1 фунт = 453 г, 1 унция = 28 г) хереса и полпинты эля, добавить кипящее молоко или сливки, немного тертого муската и сахар по вкусу. Готовить на медленном огне в течение часа. Перед подачей добавить два желтка и тщательно взбить напиток».

В Стаффордшире излюбленным напитком был lamb's wool — «ягнячья шерсть», которым хозяева угощали рабочих и служащих. Этот пунш несложно приготовить в домашних условиях: «К одной кварте горячего эля добавить мякоть шести печеных яблок, а также тертый мускат, имбирь и коричневый сахар по вкусу. Тщательно размешать и подавать горячим».

Пользовались спросом вино из ягод бузины — дерева, вселявшего страх в нечистую силу. Пить его было не только приятно, но и полезно для спасения души — нечисть близко не подберется!

«Вассейл» — рождественский пунш

Городские джентльмены предпочитали более изысканные глинтвейны. Например, в конце «Рождественской песни» подобревший мистер Скрудж предлагает своему клерку побеседовать за чашей «дымящегося епископа» — глинтвейна из красного вина, портвейна, сахара, специй и севильских апельсинов. В Средние века его пили из чаши, напоминавшей

епископскую митру. Среди других глинтвейнов, названных в честь должностных лиц, были «дымящийся папа» — из бургундского, «дымящийся кардинал» — из рейнского вина и, наконец, «дымящийся бидль» — из имбирного вина с добавлением изюма.

Зимние праздники не обходились без чаши с пуншем «вассейл» (wassail), название которого восходит к англо-саксонскому приветствию «waes haeil» — «будь здоров».

В кулинарной книге 1906 года «Буфет холостяка» приводится следующий рецепт этого пунша: «К пинте эля добавить по полунции тертого имбиря и муската, щепотку корицы и полфунта коричневого сахара. Нагреть и размешать, не доводя до кипения. Добавить еще две пинты эля, полпинты хереса, цедру одного лимона, растертую с кусочком сахара, и шесть печеных яблок без сердцевин. Подавать горячим, с кусочком яблока в каждой чашке».

Чашу с вассейлом захватывала с собой молодежь, когда отправлялась христославить к соседям. Изначально в этой церемонии принимали участие исключительно девушки, но уже в XIX веке появились смешанные группы певцов. В своих песнопениях они благословляли хозяев, слуг и всю домашнюю скотину, желали хозяйке вкусного пирога, а хозяину — смачного куса говядины. Вознаграждением за приветливые слова и глоток пунша были деньги, еда или сласти. Кроме Рождества подобным образом колядовали на Новый год и в двенадцатую ночь, накануне Крещения.

После обильной трапезы и не менее обильных возлияний возникала потребность в небылицах, и чем страшнее, тем лучше. На юге Йоркшира поговаривали, что с приближением Рождества призраки обретают силы. Некоторые привидения появлялись только раз в году и под самый праздник. В 1830 году, как раз в сочельник, развеселая компания собралась в кабаке Уорстэда, Норфолк. Под стук пивных кружек мужчины начали травить байки. Не забыли они упомянуть и местную достопримечательность, призрачную Леди в белом. Каждый сочельник, как только пробьет полночь, ее силуэт мелькает на колокольне приходской церкви. Один из гуляк решил встретиться с призрачной леди, да не просто на нее поглазеть, а поцеловать! Сказано — сделано, да только грубияна ожидала жестокая кара. Когда остальным мужчинам надоело бродить вокруг колокольни, они поднялись наверх и увидели побледневшего приятеля. Он забился в угол и не отвечал на расспросы. Его отнесли в кабак, где он пришел в чувство и успел прошептать: «Я видел ее! Там! Там!». Это были его последние слова. На что еще он мог рассчитывать? Не стоит лезть к английской леди с двусмысленными предложениями!

Рождественские гулянья

Как и современные дети, их викторианские сверстники с нетерпением ждали подарков. Подарки клали под елку или опускали в чулок, заблаговременно подвешенный у камина. В зависимости от достатка семьи ребенок мог рассчитывать как на дорогостоящую заводную куклу, так и на апельсин.

Приносил подарки Рождественский дед. Одушевленное воплощение Рождества впервые упоминается в гимне Ричарда Смарта середины XV века. Вежливый пастор величает его «сэром Рождество». При Тюдорах и Стюартах он именовался «Рождественским капитаном», «Рождественским лордом» или «принцем Рождество». Со временем англичане понизили его в чине до обыкновенного деда, точнее, отца — Father Christmas, батюшка Рождество. Гравюры первой половины XIX века изображают его румяным весельчаком в костюме елизаветинской эпохи и с огромной кружкой пива. Однако именно в XIX веке Рождественский дед сменил род деятельности. Вместо того чтобы пировать со взрослыми, он начал приносить подарки малышам. Его зеленую мантию постепенно вытеснили красная куртка и колпак на меху, да и сам дед утратил отличительные черты, слившись с образом своего американского коллеги Санты-Клауса.

Рождественский дед

Только в середине века возник обычай обмениваться рождественскими открытками. Подоплекой обычая стало появление марок стоимостью в один пенни, что значительно удешевило почтовые пересылки. В 1843 году художник Джон Калкотт Хорсли, специалист по сюжетам о «доброй старой Англии», выгравировал и раскрасил вручную первую рождественскую открытку. В центре он изобразил веселое семейство с бокалами вина, на боковых панелях — мужчину и женщину, раздающих милостыню. Подпись гласила «Веселого Рождества и счастливого Нового года!» Тираж у первой открытки был небольшим, около 2000 экземпляров, по шиллингу за штуку, но уже к 1860 начался массовый выпуск дешевых открыток. Религиозная тематика на ранних открытках почти полностью отсутствовала. Зато они пестрели пудингами, гирляндами из остролиста и улыбающимися котятками.

Двадцать шестого декабря отмечали День святого Стефана, любимый праздник английских слуг. За ним закрепилось название «Дня коробок» из-за обычая складывать деньги и поношенную одежду в коробки, которые отдавали прислуге. В 1871 году 26 декабря добавили в Закон о банковских выходных, так что магазины и банки в этот день не работали. В домах среднего класса было принято давать слугам выходной. Хозяева доедали остатки рождественской трапезы, так что денек могли обойтись без кухарки. Великодушные аристократы устраивали для своей прислуги торжественный ужин, а порой даже бал. Чаевые получали не только домашние слуги, но и почтальоны, фонарщики, посыльные, разносчики газет — иными словами, все те, кто в течение года оказывал какие-либо услуги. Даже трактирщики бесплатно угощали своих постоянных клиентов.

Не все обычаи, связанные со Днем святого Стефана, были такими мирными. Поскольку святой Стефан прослыл покровителем лошадей, в его праздник им пускали кровь. Не со зла, разумеется, а в профилактических целях, чтобы укрепить им здоровье на весь грядущий год.

В Ирландии, Шотландии, на острове Мэн и в некоторых юго-западных графствах Англии 26 декабря называли Днем королька. Хотя в обычное время на убийство «короля птиц» налагалось табу, в этот день королькам приходилось несладко. Жестокий обычай связывают с авгурами и предсказаниями будущего по птичьим внутренностям. Корольки же

стал жертвой потому, что эта птица якобы выдала святого Стефана преследователям. Теперь ее потомки расплачиваются за совершенное некогда злодеяние. Корнуолльская версия сообщала, что после обращения апостола Павла в христианство все зло из его души переместилось в королька. Мальчишки привязывали убитых птиц к шесту и ходили колядовать по деревне. Прохожим предлагали перо в обмен на мелкую монету. От покупателей не было отбоя, ведь, согласно моряцким поверьям, такое перышко уберегало от сглаза и кораблекрушения. Ощипанный трупик, уже непригодный для коммерции, торжественно хоронили на кладбище или зарывали на побережье.

Далеко не везде День королька сопровождался убийством виновника торжества. В Киркмэйдене (Шотландия) птичек украшали лентами и отпускали на волю, а в Пембрукшире (Уэльс) носили живыми в клетке.

С 26 декабря и до Крещения начинались святочные вечера. К Святкам приурочивались пантомимы, которые любительские труппы показывали в частных домах, кабаках или на открытом воздухе, а после представления собирали со зрителей плату. В представлении принимали участие исключительно мужчины и молодые парни. Женские роли тоже играли переодетые юноши. Тем более необычным, даже противоестественным кажется желание Юстасии Вей, героини романа «Возвращение на Родину», выступить в пантомиме в роли Турецкого рыцаря. Томас Гарди описывает отрепетированное сражение:

«И они стали биться: и Храбрый солдат очень эффектно пал от поразительно слабого удара Юстасии. <...> Затем после нескольких и довольно-таки слабо прозвучавших реплик Турецкого рыцаря и его похвалы, что он точно так же разгромит святого Георгия и всю его рать, на сцену торжественно вступил сам святой Георгий, победоносно размахивая мечом <...> Будучи ранен, рыцарь упал на одно колено, согласно ремарке. Тотчас появился Доктор и восстановил его силы, дав ему отпить из своей бутылки, и бой возобновился, причем Турок слабел постепенно, пока не испустил дух».

Исследователи фольклора выделяют три основных типа английских пантомим: Героическое сражение, или «Игра святого Георгия», Пляска с мечами и Ухаживание. Эпизод из романа Гарди относится к спектаклю первого типа. Он включал в себя сражение героя с неприятелем, смертельное ранение и чудесное воскрешение благодаря вмешательству доктора. В некоторых случаях умирающий торговался с доктором из-за гонорара. Речь героев состояла из неуклюжих куплетов, доктор же, как и подобает человеку науки, изъяснялся прозой. Декорации были минимальными, роль мечей выполняли палки, костюмы шили из разноцветного тряпья. Вместе с тем представления пользовались успехом, особенно в сельской местности, небогатой на иные забавы. За один короткий сезон актеры — в обычной жизни работники и подмастерья — зарабатывали столько же, сколько за несколько недель изнурительного труда. Поневоле задумаешься о том, чтобы сменить профессию!

Следующей важной датой между Днем святого Стефана и Новым годом было 28 декабря, День избиения младенцев. Согласно евангельскому рассказу, в этот день царь Ирод повелел истребить всех младенцев в Вифлееме «от двух лет и ниже». В Средние века в эту символическую дату истекал срок полномочий «маленького епископа». Шестого декабря, в День святого Николая, на эту высокую должность назначали одного из хористов. Облаченный в роскошные ризы, он читал проповедь и благословлял паству. Поглядеть на малютку в митре стекались толпы прихожан, с которых собирали пожертвования в пользу церкви. Если крошка-епископ умирал на посту, его хоронили с почестями, достойными князя церкви. Случалось это редко, но тем не менее, в соборе Солсбери находится маленький саркофаг, в котором покоится злополучный хорист.

В народе за Днем избиения младенцев закрепилась дурная слава. 28 декабря считалось самым несчастливым временем в году, хуже Страстной пятницы. В этот день любые начинания были обречены на провал.

Горести и волнения забывались 31 декабря. Перед Новым годом хозяйки устраивали уборку, выносили из дома мусор и золу, выливали ведра с помоями и ночные горшки.

Новый год следовало встречать не только в чистоте, но и в мире. С Давними распрями

старались покончить к вечеру 31 декабря: помириться с соседями, при необходимости самим попросить Прощения. В конце концов, в новом году всегда можно поссориться заново!

Новогодние суеверия зиждились на принципе начала. Каждое действие, совершенное 1 января, превращалось в символ целого года. Заплачешь новогодним утром — прорыдаешь весь год напролет, сытно поешь — в новом году тебя ожидает множество вкусных обедов. Важно, чтобы всю новогоднюю ночь в очаге горел огонь. Горе той хозяйке, которая по недосмотру давала ему погаснуть! Никто бы не дал ей уголька, чтобы вновь затопить очаг. Ведь выносить огонь из дома в этот момент строжайше запрещалось — вместе с огнем можно счастье вынести.

Уборка в доме

В Банффшире к этой примете относились так серьезно, что не позволяли гостю прикурить трубку от огня в камине, а после выйти на улицу. Наибольшее беспокойство вызывали ведьмы. Их ведь хлебом не корми, дай только навредить честным людям! Что им стоит постучаться и попросить огонька, потому что свой очаг якобы погас? Но в новогоднюю ночь все особы, пришедшие за огоньком, получали от ворот поворот.

В Англии, и особенно в Шотландии, верили, что тот, кто первым переступит порог в новом году, может принести с собой как удачу, так и беды. Желательно, чтобы первым встречным оказался человек приятный в общении и удачливый, без каких-либо физических недостатков и не склочник. Удачу сулил приход мужчины, а вот если женщина явилась с утра пораньше, весь год пойдет насмарку.

Случались и досадные события. В 1890 году юная уроженка Ноттингемшира возвращалась домой со всенощной. Памятуя о примете, мать отказалась впускать ее до тех пор, пока из церкви не вернутся отец или брат. Именно они должны были войти в дом первыми. Почти час бедняжка бродила по двору и пять раз стучалась в дверь, но матушке не хотелось рисковать благополучием всей семьи. В конце концов, озябшая девица отправилась на прогулку по темным улицам, где, в довершение всех бед, на нее напал грабитель. Матушкина стратегия потерпела явный крах.

Удача или отсутствие оной зависели также от внешности первого встречного. Счастливые приметы варьировались в зависимости от графства. Самые желанные атрибуты — высокий рост и темные волосы. Тем не менее многие йоркширцы считали брюнетов

предвестниками бед и встречали год в компании русских или рыжих. В Шотландии полагали, что неприятностями чревата встреча с ханжой, скупцом, хромым, косым, босоногим, а также с человеком, страдающим плоскостопием. Под подозрение попадали врачи, повитухи, священники, могильщики и воры.

Оригинальное поверье бытовало в Хартфордшире: если новогодним утром в дверь стучится бродяга, каждый стук знаменует благополучный месяц для обитателей дома. Должно быть, попрошайки ужасно злились, когда им подолгу не открывали в надежде на еще один месяц счастья!

Если ранний гость соответствовал всем требованиям, его привечали. Иногда он должен был выполнить какое-либо символическое действие — помешать угли в очаге, разрезать пирог или пройти по комнатам. Ожидалось, что гость придет не с пустыми руками. Типичными подношениями были бутылка виски и что-нибудь из выпечки, те же овсяные лепешки. Это — своего рода пожелание того, чтобы весь год в доме было вдоволь еды и питья. В Шотландии гости приносили миску «соуэнс» — пудинга из овсяных отрубей. Доброжелатели крошили угощение на крыльце, тем самым благословляя хозяев. А вот нахальная молодежь могла вымазать пудингом дверь — попробуй отскрести его в мороз! Приносили также символические подарки, например уголек или кусок железа.

Частенько гость успевал приложиться к заветной бутылке еще до того, как переступал порог, но даже тогда суеверные хозяева были ему рады. Пусть хоть на карачках приползет, лишь бы принес что-нибудь! Согласно распространенному поверью, в новом году ничего нельзя выносить наружу до тех пор, пока что-нибудь не занесут внутрь. А то ведь можно и удачу растратировать. Особый запрет касался каминной золы, которую ни в коем случае не вытряхивали. В 1866 году житель Северной Англии вспоминал свою эксцентричную знакомую, которая так прониклась этим поверьем, что запретила слугам выносить мусор 1 января. Весь день в кухне копились зола, грязная вода и картофельные очистки, в то время как слуги таскали туда уголь, дрова и хлеб. В Сассексе ребяташки могли занести в дом грязь, не опасаясь окрика чистоплотной маменьки. Такая грязь называлась «январским маслом» и считалась счастливой. Находчивые особы не дожидались гостинца от первого встречного и полагались на собственные силы. Например, привязывали к нитке уголек и выбрасывали за окно, а после полуночи затягивали в дом. Таким образом, все правила считались соблюденными.

При последнем ударе часов англичане распахивали окна и впускали новый год.

Девушки устремлялись к колодцу, чтобы «снять с него сливки». Вода, собранная в новогоднюю ночь, обладала омолаживающим эффектом. В Хартфордшире горничные приносили целебную водицу хозяйкам, которые награждали их шиллингом за труды. С водой связывалась и противоположная примета: хотя в Новый год всем предписывалось надевать новую и чистую одежду, ни в коем случае нельзя было стирать. Иначе «вымоешь всю жизнь» из дома.

Не меньшее, если не большее, значение имел огонь. В Аллендейле (Нортумберленд) по городу носили деревянные бочки, наполненные горящими щепками. Как-то раз во время новогодней процессии ветер беспрестанно гасил свечи. Намучившись со свечами, горожане заменили их на просмоленные бочки — и света больше, и на душе веселее. Кульминацией парада было сожжение бочек на кострище. Херефордширские фермеры отмечали Новый год «сожжением куста», роль которого играл шар из скрученных ветвей боярышника и омелы. В течение года он украшал кухню, а утром 1 января его набивали соломой и сжигали на поле. Рассыпанная по полю зола служила залогом плодородия.

Двенадцать дней Рождества венчала двенадцатая ночь. Традиция растягивать торжества почти на две недели зародилась еще в XI веке, вероятно, став продолжением затяжного празднования зимнего солнцестояния. Точная дата двенадцатой ночи не установлена. Кто-то отмечал ее накануне Крещения, с пятого на шестое января, другие закатывали пирушку в крещенский вечерок. Двенадцатая ночь ассоциировалась с тремя волхвами, пришедшими поклониться младенцу Иисусу. В западной христианской традиции

они превратились в восточных царей по имени Каспар, Мельхиор и Бальтазар.

Английские монархи считали этот день своим профессиональным праздником. Со времен Эдуарда Первого правители облачались во все регалии и, подобно своим библейским предшественникам, приносили в придворную часовню золото, ладан и миро. Хорошая традиция прервалась лишь во второй половине XVIII века. Из-за участвовавших приступов безумия король Георг Третий уже не мог проводить такую ответственную церемонию. С тех пор вместо самого монарха дары приносят два церемониймейстера.

В средневековой Англии двенадцатую ночь встречали маскарадами и пирами. Празднествами заведовал «Владыка беспорядка». На праздничном столе появлялся огромный пирог. В него запекали боб, и тот из гостей, кому он доставался, назначался королем или королевой. Со временем разгул сошел на нет, но англичане из последних сил цеплялись за главный символ двенадцатой ночи — пресловутый пирог. С бобами или без бобов, пышная сдоба не утратила своей привлекательности. Особенно в середине промозглой английской зимы! Главная особенность крещенского пирога — его потрясающие размеры. Рекламное объявление от 3 января 1811 года предлагало жителям Лондона попробовать пирог весом в полтонны и обхватом в 5 метров, на приготовление которого ушло более тысячи яиц. Не каждая хозяйка могла повторить этот кулинарный подвиг, но чем крупнее был пирог, тем лучше.

В Лондоне с двенадцатой ночью была связана еще одна традиция. Актер Роберт Беддли, скончавшийся в 1794 году, завещал, чтобы всю труппу Королевского театра Друри-Лейн в двенадцатую ночь угощали вином и пирогами. Этот обычай жив и поныне.

Первое воскресенье после Крещения носило название Воскресенья плугов.

Крестьяне приносили в церковь свои плуги, чтобы получить благословение перед началом полевых работ. А на следующий день, в Понедельник плугов, этот же самый инвентарь украшали лентами, гирляндами и колокольчиками и торжественно проносили по деревне. Ватаги пахарей расхаживали по улицам, громко щелкая кнутами. Один из парней

облачался в женское платье, изображая Молли или Бэсс. Для пущего устрашения они распевали:

Скобы, двери отворите,
Нам сегодня заплатите!
Кто промедлит отпирать —
Тем не станем мы пахать!

В Уорикшире работники и работницы с ферм устраивали бег наперегонки. Девушки выскакивали из кухни и неслись на поле, чтобы схватить комок земли и бежать обратно. По пятам за ними гнались парни, вооруженные кнутами, так что марафон был не из легких. Та девушка, которой удавалось первой вернуться на кухню и воткнуть перо в ком земли, забирала у мужчин их порцию плам-пудинга.

Парнишек, помогавших в поле, в этот день посвящали в пахари. В зависимости от графства, а также от количества выпитого пива, инициация протекала по-разному. Но мальчишкам в любом случае задавали трепку. Например, в Норфолке пахари гонялись за посвящаемыми, а если ловили, тыкали их лицом в лошадиный хвост.

Второго февраля праздновали Сретение (Candlemas). Как следует из английского названия, до Реформации на Сретение принято было освящать свечи, которые прихожане зажигали во время торжественной процессии. Этот обычай, как и многие другие, постепенно упразднили, хотя его отзвуки еще звенели в местных традициях. Например, в шотландских школах проходили выборы короля Сретения. В стародавние времена родителям школяров приходилось самим покупать свечи для классной комнаты, и сбор денег выпадал на Сретение. Позже покупку свечей в складчину заменили на денежные подарки учителю. Каждый школьник приносил сколько мог, вплоть до нескольких гиней, а самый щедрый даритель избирался королем Сретения. Несправедливо, но что поделаешь? Пускай дети с младых ногтей постигают азы взяточничества. На протяжении шести недель король имел право требовать для своих товарищей выходной, а также освобождался от всех наказаний.

Влюбленные с нетерпением ждали середины февраля, чтобы обменяться рукодельными сердечками из бумаги или, ближе к концу XIX века, покупными открытками.

День святого Валентина берет начало с римских Луперкалий, празднеств, длившихся с 13 по 15 февраля. Во время Луперкалий обнаженные мужчины стегали женщин бичами из шкур жертвенных животных, причем дамы не уворачивались, а, наоборот, с радостью принимали удары, якобы даровавшие плодovitость. Таким образом, все участники действия получали яркие ощущения и массу удовольствия. Помимо веселой порки в ходу были менее болезненные забавы, в том числе и любовная лотерея, ставшая изюминкой Дня святого Валентина. Расставаться с таким хорошим праздником, конечно, обидно.

В V веке папа Геласий назначил 14 февраля Днем христианского мученика Валентина, казненного в 270 году н. э. за отказ отречься от веры. Согласно одной легенде, Валентин был священником. Несмотря на запрет императора, он проводил венчания по христианскому обряду, за что и поплатился жизнью. В более романтической версии он предстает юношей, которого заточили в темницу за помощь христианам. Даже за решеткой он не тратил времени даром. Сначала обратил в новую веру тюремщика, затем исцелил его слепую дочь, которую нежно и трепетно полюбил. Перед казнью узник отправил ей письмо с подписью «От твоего Валентина».

Большинство обрядов на День святого Валентина было так или иначе связано с любовью. Молодые люди собирались вместе, девушки писали на клочках бумаги свои имена и бросали в шляпу. Завязав глаза, парни вытаскивали записки. Та, чье имя им выпадало, считалась их «Валентинкой» на весь оставшийся год. Усложненный вариант практиковался в Шотландии. Там жребий тянули не один, а целых три раза. Если имя одной и той же девушки выпадало трижды, свадьба была неизбежной. Бумажки с именами возлюбленных прикалывали на рукав, откуда, по одной версии, появилось выражение «носить сердце на рукаве» в значении «открыто выражать эмоции». Если молоденькую дербиширку забывал

поздравить ухажер, товарки обзывали ее «пыльной» и проходились по ней метлой. Повсеместно считалось, что первый холостяк, которого девушка повстречает в этот день, станет ее мужем. Убежденным холостякам опасно было выходить на улицу. А то как бы со свободой не расстаться!

Дети собирали дань с «влюбленных простаков» и ходили от дома к дому, распевая песенки. Песни звучали самые разнообразные, как сентиментальные, так и не очень. Вот образец из Хартфордшира:

Валентин стучится в дверь.
Локоны скорей завей!
Сделай это на мой лад:
Два вперед и два назад!

Или такой вариант, из Саффолка:

Гвоздики красны, а фиалки — бледны!
Сладостью роз твои губы полны!
Стань же моей, а я буду твоим!
Доброе утро, я твой Валентин!

Образы в следующей песенке никак не вяжутся с ухаживаниями. Тем не менее ее распевали на востоке Англии:

Маленькая птичка на амбар присела!
Ростом невеличка — а как много съела!
Я убью ту птичку, отдам тебе печень.
Прощай, Валентин, прощай навечно!

Подобной практичностью отличается и нижеприведенный вариант из тех же краев:

Здравствуй, здравствуй, Валентин!
За окном гроза!
Хвост получишь,
Как помрет папина коза!
Здравствуй, здравствуй, Валентин!
Дождик льет и льет!
Поднесу тебе копыт,
Как свинья помрет!

Правильно, чем еще прельщать любимого человека, если не субпродуктами? Никто не устоит.

Весенние праздники

Отзвучали веселый смех, чмокание и залихватские напевы. Февральская стужа сковала сердца, померкли улыбки, и тоскливо стало на душе. Наступало самое печальное время года — Великий пост. Он начинался за сорок дней до Пасхи, в Пепельную среду. В католических странах после церковной службы верующим рисовали на лбу крестик из пепла. В викторианской Англии этот обычай уже не практиковался, хотя день сохранил свое название. Вдобавок англиканцам уже не требовалось отказываться от скоромной пищи, скорее от излишеств как таковых. После Реформации держать или не держать пост стало личным выбором каждого. Христианам следовало смирять страсти и молиться, диета же

была делом второстепенным. На тех, кто излишне усердствовал в усмирении плоти, напротив, смотрели косо. А вдруг это тайный католик? В романе Джорджа Элиота «Миддлмарч» соседи недовольны Доротеей Брукс, которая «постится точно папистка».

В католической и православной традиции затяжному голоданию предшествовал разгул обжорства — Масленица, или Жирный вторник. Христиане спешили наесться, напиться и наплясаться вдосталь, чтобы долго еще не хотелось. Жители Британских островов не отставали от своих европейских собратьев, даже когда пост в Англии утратил былую суровость. Погулять лишний раз никто не откажется!

Понедельник перед Пепельной средой носил название Беконного, или Мясного (Collop Monday). Когда-то в этот день засаливали остатки мяса, чтобы съесть его по окончании Великого поста. В такой бережливости давно уже отпала нужда, но провинциалы все еще соблюдали милый обычай. Запросто могли нагрять гости и потребовать бифштекс, чтобы Мясной понедельник не прошел даром.

Однако настоящее веселье начиналось с приходом Жирного вторника. Английское название Жирного вторника — Shrove Tuesday — переводится скорее как «Покаянный вторник». Не менее распространенным был и другой эпитет — Блинный. Собственно, и прославился этот день отнюдь не покаянием, а блинами. В 11 утра колокольный звон сообщал о том, что пора печь блины. Набивать ими животы разрешалось до вечерних колоколов. В прежние времена хозяйки старались израсходовать весь жир и все яйца перед началом Поста, но и в XIX веке на столе появлялась гора блинов. Лежебок, не желавших возиться на кухне, приходили стыдить соседи. В качестве позорного клейма на дверь ленивице прилепляли блин. В Стаффордшире первые три блина обладали особой святостью: на них рисовали крест, посыпали солью, чтобы отвести дьявола, и откладывали на счастье или скармливали домашней птице. В Хартфордшире самой известной кулинаркой была ведьма из Тоддингтона, маленького прихода на границе с Бедфордширом. По легендам, ведьма проживала внутри холма Конджер. Как только школьников распускали по домам, они бежали к холму и прикладывали ухо к земле в надежде услышать, как шкварчит жир на ее сковородках.

Как только не забавлялись с блинами! В Олни (Бэкингемшир) проводили блинные гонки. Говорили, что в XV веке одна хозяйка так забегалась на кухне, что, когда прозвенел колокол, выскочила из дома в фартуке и понеслась в церковь со сковородкой в руках. С тех самых пор горожанки устраивали ежегодный забег, всю дорогу подбрасывая блин на сковородке. В Йорке незамужние девушки тоже подбрасывали блин, но уже с другой целью. Подбросить блин нужно было так, чтобы он перевернулся в воздухе и шлепнулся недопеченной стороной на сковородку. Ловкую девушку ждала скорая свадьба, а неумеха оставалась незамужней до следующего Блинного вторника. В Вестминстерской школе в Лондоне ученики устраивали драку за блин. Его специально выпекали с конским волосом, чтобы сразу не развалился. Блин бросали в толпу школяров, и те начинали тузить друг друга, стараясь урвать кусок побольше. Владелец самого большого куска получал от директора гинею.

В Средние века англичане не только вкушали блины, но и предавались жестоким забавам — забивали камнями петухов или наблюдали за петушиными боями. Ареной для них частенько служило здание школы, а учитель принимал ставки и заведовал финансами. На юге Стаффордшира петухов мучили даже в XIX веке. В землю вбивали шест с длинной веревкой, которую привязывали к петушиной ноге. Птица уворачивалась, когда гуляки швыряли в нее камнями, но улететь не могла. Наиболее проворным петухам удавалось продержаться несколько часов кряду. Поскольку каждый участник игрищ платил за право испытать свою меткость, владельцы живучих петухов неплохо зарабатывали.

Пока их матери пекли блины, а отцы издевались над домашней птицей, мальчишки вынашивали коварные планы. К Блинному вторнику бывали приурочены так называемые осады школы — barring-out. Ученики на три дня запирались в школе, не пуская туда учителя. Если они выдерживали осаду, то сами регулировали начало и длительность уроков, а также

число выходных. Сочувствующие родители снабжали своих отпрысков деньгами, чтобы те закупили провиант. Но горе мятежникам, которые забывали запастись едой или недостаточно усердно баррикадировали дверь! Если учителю удавалось прорваться в школу, он имел полное право поквитаться с нахалами так, как сочтет нужным. А уж воспитательные методы в Англии были суровыми, розог для мальчишек не жалели. Осада школы порой превращалась в войну не на жизнь, а на смерть. Например, в 1595 году в Шотландии один из учеников застрелил судью, который помогал учителю проникнуть в класс. Только в XIX веке этот ненавистный властям обычай наконец взяли под контроль.

Четвертое воскресенье Великого поста называлось Материнским. До Реформации принято было посещать родной приход, т. е. свою материнскую церковь, чтобы получить благословение и помолиться перед алтарем. Память об этом обычае сохранилась в несколько видоизмененной форме. Те, кто работал далеко от дома, особенно девушки в услужении, в этот день навещали родителей. В подарок матерям приносили пирог из сухофруктов с добавлением шафрана. Называлось это лакомство «симнел».

Воскресенье, предшествующее Пасхальному, на западе именуют Пальмовым из-за пальмовых ветвей, которыми устилали дорогу Иисусу во время его въезда в Иерусалим. Это название — самое распространенное, но не единственное. В Хартфордшире Пальмовое воскресенье было известно как «Фиговое» в память о бесплодной смоковнице, проклятой Христом. Чтобы компенсировать ее бесплодность, англичане объедались фигами, варили из них компот или добавляли в рисовый пудинг. В Центральной Англии предпасхальное воскресенье переименовали в «Испанское». Дети готовили особый напиток: смешивали воду из местного колодца с испанской лакрицей, мятой, лимоном и сахаром. Именно в честь той самой лакрицы и переименовали святой день. В Уэльсе это воскресенье называлось «Цветочным» из-за обычая убирать цветами могилы покойных родичей.

В России пальмовые ветви заменяли вербой, откуда и пошло название «Вербное воскресенье». На Британских островах пальмы тоже не росли, зато вербы было в изобилии. В конце XVIII — начале XIX века крестьяне по старинке собирали ветви, плели из них кресты и развешивали на стенах в качестве еще одного средства от нечисти. Мужчины красовались с пушистыми сережками в петлице. Но вечером благочестие как рукой снимало, и вся деревня участвовала в буйной пирушке. Англиканская церковь такой разгул, конечно же, не одобряла. Помещикам тоже было не в радость, что по их лесам бродят нетрезвые личности и обдирают вербы. Разнузданное веселье шло вразрез с викторианской чопорностью, так что в середине XIX века попойки на Пальмовое воскресенье прекратились.

Довольно странной церемонией встречали этот христианский праздник в деревнях около холма Понтесфорд в Шропшире. Ранним утром селяне отправлялись на поиски золотой стрелы. Что это за стрела и зачем ее искать, к XIX веку успели благополучно позабыть. Говорили только, что такое задание в незапамятные времена дала фея, и с обретением золотой стрелы развеется какое-то древнее проклятие. У поисковой экспедиции был хоть какой-то шанс на успех, только если в ней участвовала седьмая дочь седьмого сына. Как следует поискав волшебный артефакт и вновь ничего не найдя, местные жители с легким сердцем устраивали пикник.

Страстная пятница занимает неоднозначное место в празднично-обрядовой культуре. Ее английское название «Добрая пятница» (Good Friday) подчеркивает такую двойственность. День выступает сразу в нескольких ипостасях, будучи одновременно временем для скорби и радости. Мучительная смерть Спасителя вселяла скорбь в сердца верующих. Вместе с тем она стала залогом вечной жизни, отсюда и радость. По крайней мере, простой люд истолковывал это название именно так, хотя изначально оно звучало как «Божья пятница» (Gods Friday). В память о страданиях Христа церковь призывала верующих проводить время в молитвах, а не тратить его на низменные развлечения. Работать тоже считалось грехом. Однако следует учесть, что этот праздник выпадает на время, когда вплотную пора заняться огородом. И что бы ни вещал с кафедры пастор, как бы ни пугал адскими муками, а картошку сажать все равно надо. Так что одни занятия подпадали под

строжайший запрет, отношение к другим варьировалось от графства к графству, третьи же вообще были необходимыми.

В Страстную пятницу кузнецы не разжигали огонь. Если работ в кузне было не избежать, огонь все равно не разводили, но били по куску железа до тех пор, пока он не раскалялся. Подобные запреты связаны с событием, в котором кузнецы сыграли довольно неприглядную роль, а именно с распятием Христа. Ведь именно они выковали гвозди! Более того, тот древний кузнец работал в тандеме со своей женой. Пока он стучал молотом, она махала фартуком, раздувая пламя в горниле, а после отнесла гвозди палачам. Поэтому жены кузнецов не надевали фартук в Страстную пятницу.

Опять же в память о пролитой крови Христа считалось дурной приметой проливать в этот день кровь, как свою, так и чужую, — например, закалывать свиней.

Иногда суеверия принимали весьма причудливую форму. Уже в 1923 году жительница Бирмингема сообщила, что мать запрещала ей сливать что-либо в раковину в Страстную пятницу до трех часов пополудни. Свой наказ матушка объясняла тем, что кровь Христова текла по иерусалимским канавам именно до этого часа. Чрезвычайно распространенной была легенда, объяснявшая запрет на стирку в Страстную пятницу. Когда Иисуса вели к месту казни, на него плеснула грязной водой какая-то дерзкая прачка. Оскорбленный Христос тут же проклял всех, кто будет стирать в этот день, так что суеверные англичанки не притрагивались к грязному белью. Нарушение запрета влекло за собой различные неприятности, такие как появление кровавых пятен на белье или окрашивание мыла в багряный цвет.

Считалось нежелательным тревожить землю — пахать, сеять и т. д. В крайнем случае советовали воспользоваться не железными, а деревянными инструментами. Например, выкопать могилу деревянной лопатой. Запреты на обработку полей встречаются в основном в Шотландии и на севере Англии, в других же краях делали исключения для определенных растений, чаще всего для картофеля и петрушки. В Девоне, наоборот, считалось, что в этот день любые семена и саженцы получают особое благословение, так что расти будут отлично.

Не только запреты, но и рекомендации связывались со Страстной пятницей. В эту пору хорошо было отлучать детей от груди или стричь ногти. В 1867 году престарелый житель Глостершира поделился секретом здоровых зубов: встать до восхода в Страстную пятницу, состричь ногти на руках и ногах, завернуть обрезки в бумагу и никогда не вынимать из кармана — и кариес уже не страшен! Чудодейственной силой обладали собранные в этот день яйца. Считалось, что они никогда не портятся, а любой пожар можно потушить, бросив в очаг возгорания волшебное яйцо.

Традиционными для Страстной пятницы были «крестовые булочки» — сладкие булочки, на поверхности которых рисовали крест. Не съесть хотя бы одну считалось дурной приметой. Хозяйки верили, что любые хлебобулочные изделия, испеченные в Страстную пятницу, не заплесневеют в течение целого года и сохранят не только вкус, но и целебные свойства. С потолка сельских коттеджей нередко свисала булка на веревочке. Вполне вероятно, что плесень на хлебе не росла именно из-за того, что он висел в сухом и хорошо проветриваемом месте. Высушенный хлеб становился твердым, как камень, но ведь и ели его не ради удовольствия, а в качестве лекарства. Перед использованием с него смахивали паутину, крошили и размачивали в воде. С помощью целебного хлеба лечили такие недуги, как рези в животе, коклюш, икоту, даже холеру. Годился он не только для употребления внутрь, но и в качестве припарок. Тюрей подкармливали захворавшую скотину. Если хозяйки не хотели возиться с тестом, то покупали булку в пекарне и тоже хранили в течение года. Столь велика была благодать, что она распространялась даже на коммерческие товары!

На рынках сновали торговцы с лотками, полными дымящейся сдобы, и всю нахваливали свой товар:

Пенни за булочку, пенни за две!
Крестовые булочки всей детворе!

Для маленьких эльфов:
Сыночка и дочки!
А тот, кто бездетен,
Пусть съест в одиночку!
Пенни за булочку, пенни за две!
Крестовые булочки всей детворе!

В лондонском пабе «Сын вдовы» под потолком протянута сеть, на которой пылятся высохшие крестовые булочки. Каждую Страстную пятницу моряки добавляют к ним еще одну. Согласно легенде, в былые времена на месте паба находился домик вдовы. Ее сын служил во флоте, но каждую Пасху возвращался домой, и тогда матушка угощала его сладкой выпечкой. Но однажды угощение осталось не съеденным — моряк не вернулся из плавания. Вдова не теряла надежды и каждый год выпекала по булочке. Быть может, сын все же придет на запах домашней сдобы? Увы, этого не произошло. А после ее смерти осталась такая гряда хлеба, что хозяева паба решили продолжить традицию.

Во многих графствах перед Пасхой раздавали хлеб нищим.

К примеру, такой обычай соблюдали в Хартфилде (Сассекс). О происхождении благотворительной раздачи существовало две легенды. В одной утверждалось, что первым нищих облагодетельствовал местный эксцентрик, прозванный «Пес» за свою привычку развезжать на собачьей упряжке. В другой — что раздачу хлеба учредил богач Николас Смит, который пошел по стопам Гаруна-аль-Рашида и в нищенских лохмотьях скитался по Англии. Повсюду он встречал лишь людскую черствость, пока не дошел до Хартфилда. Тамошние жители накормили и обогрели странника. Обрадованный мистер Смит завещал свое состояние в пользу хартфилдских бедняков.

Удивительно, но в Страстную пятницу наступало время не только для скорби, но и для игр. Во многих графствах, включая Сассекс, начинался сезон мраморных шариков. Их катали как дети, так и взрослые, иногда во дворе церкви, непосредственно перед началом службы. Колокольный звон вынуждал игроков прервать это занятие, но, отсидев в церкви положенное время, они торопились во двор и возобновляли потеху. Дошло до того, что Страстную пятницу прозвали «Мраморной». В то время как мальчики катали шарики, девочки прыгали через скакалку. Ее натягивали с двух сторон, а в центре скакали одна или несколько девушек. Отсюда пошло еще одно название Страстной пятницы, популярное в Брайтоне, — «День длинной веревки». Участники игр утверждали, что у скакалки есть религиозное значение: она напоминает веревку, на которой удавился Иуда Искариот. Точно так же считалось, что разбить посуду в Страстную пятницу — к добру, потому что каждый осколок пронзает тело предателя Иуды.

Гораздо меньше обычаев и суеверий связано с Пасхой. Повсеместно верили, что на Пасху солнце пляшет на небе. Лучше всего наблюдать за ним во время восхода. Поллюбоваться на солнечный танец собирались целые толпы, причем не только в XIX, но и в начале XX века. Некоторые шурили, силясь разглядеть на солнечном диске флаг или силуэт ягненка (по другим версиям, ягненок появлялся на Вознесение). Те, кто так и не заметил ничего особенного, винили во всем нехватку набожности.

Церковь в этот день посещали даже те прихожане, которые в течение года увиливали от своих христианских обязанностей. Богачи наряжались, бедняки же старались надеть хотя бы чистое платье. Появиться на Пасху в новой одежде — хорошая примета, а вот нерях Господь с удовольствием карал.

После службы, прихожане расходились по домам, чтобы насладиться пасхальным обедом. Традиционными блюдами на Пасху были ягненок с мятным соусом и пирог с первым ревенем, а также пудинг из муки и яиц с добавлением сока пижмы. Английское название пижмы — tansy — связывали с греческим словом Athanasia («бессмертие»), поэтому ее считали одним из символов Воскресения. Хартфордширцы традиционно украшали дома анемонами, прозванными «кровью датчан». По легендам, они росли только

на полях былых сражений между англичанами и датскими захватчиками.

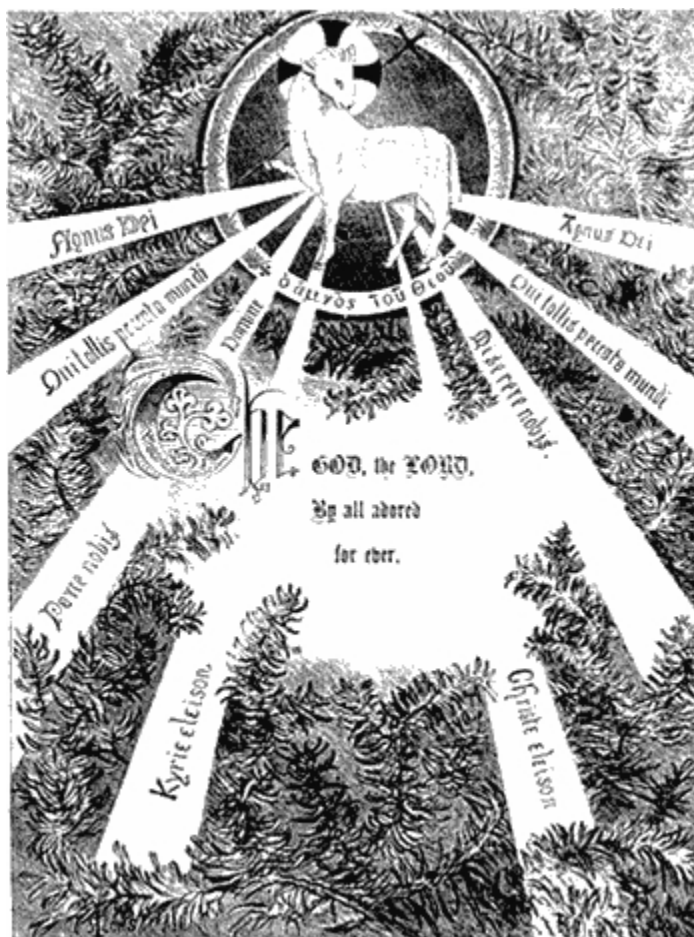

Поднимание на стуле

Зелеными листьями анемонов красили пасхальные яйца. В качестве других красителей использовали цветочные лепестки, лишайники, травы, щепки и разноцветные тряпки. Кроме того, яйца варили с луковой шелухой для получения темно-коричневого цвета, с цветами утесника (для желтого), кошенилью (для красного) или перемолотыми зернами кофе (для коричневого). Яйца расписывали узорами из воска, который соскребали после окраски, или обвязывали листьями, чтобы на цветном фоне оставался красивый светлый силуэт.

Как и в России, в Англии были популярны забавы с крашеными яйцами. Дети катали их с горы или ударяли ими друг о друга, стараясь расколоть чужое яйцо, достававшееся в таком случае победителю. Другое дело, что вареным яйцом, пусть и окрашенным, вряд ли удивишь ребенка из богатой семьи. В то время как сельские ребята развлекались с куриными яйцами, их богатые сверстники вкушали яйца шоколадные, которые и сейчас являются любимым пасхальным угощением в Европе и США. Сначала конфеты в форме яиц появились во Франции, но англичане вскоре заинтересовались французским лакомством. В 1837 году английская фирма «Фрайс» подхватила инициативу, а в 1875 шоколадные яйца начала производить компания «Кэдберри».

В наши дни шоколадные яйца приносит пасхальный заяц в своей корзинке. В XIX веке англичане тоже признавали этот символ Пасхи. Заяц считался священным животным древнегерманской богини Эстры, от имени которой, по мнению летописца Беды Достопочтенного, образовалось английское название Пасхи — Easter. В Уорикшире и Лестершире в понедельник после Пасхи устраивали охоту на зайцев. Следуя давней традиции, охотники из Коулсхилл (Уорикшир) приносили пойманного зайца приходскому священнику. В награду за труды они требовали телячью голову, сотню яиц и четыре пенса.

Пасхальная открытка

Пасхе сопутствовали и другие развлечения. Очень часто деревенские парни воровали у девушек обувь. Зато на следующий день девицы фуриями накидывались на грабителей, вырывали у них шляпы и платки, могли даже расцарапать лицо. За украденные туфельки любая кара уместна! Наравне с кражей туфель практиковался и другой обряд — поднимание женщин на стуле. В понедельник после Пасхи мужчины ходили по домам с разукрашенным стулом. На него сажали всех представительниц прекрасного пола, от мала до велика, трижды поднимали их в воздух, а затем целовали. Для пущей веселости мужчины и женщины могли поменяться местами. К концу XIX века эта традиция доживала последние дни, о чем свидетельствует конфликт жителя Хесуолла (Чешир) и троих односельчан, поднявших на стуле его супругу. Строгий джентльмен разгневался не на шутку. Что же это делается — явились без спроса и еще чужую жену лапают! Шутники ссылались на древний обычай, но оскорбленный супруг все равно подал в суд. В результате всем троим пришлось принести женщине официальные извинения. Дело происходило в 1883 году.

В городе Бидденден (Кент) приблизительно с середины XVIII века и по сей день на Пасху устраивают благотворительную раздачу. Правда, местные легенды гласят, что традиция зародилась еще в XII веке, когда в этих краях проживали сиамские близнецы Элиза и Мэри Чалкхорст. Когда одна из них скончалась, вторая не позволила отделить ее от сестры и умерла 6 часов спустя. Перед смертью набожные женщины завещали приходу 20 акров земли, чтобы на доходы от них устроить ежегодную раздачу хлеба, сыра и пива всем нуждающимся. В придачу ко всей этой снеди нищим доставалось нечто практически несъедобное — твердокаменный бисквит с оттиском двух женских фигур и цифрами 1100 и 34 — предполагаемая дата рождения сестер и их возраст на момент смерти.

Еще одна известная раздача хлеба происходила на Благовещение (25 марта) в деревне Тичборн (Хэмпшир). Всем известна легенда о леди Годиве, которая обнаженной проехала

по улицам Ковентри в обмен на обещание мужа снизить налоги для своих подданных. Однако мало кто слышал о щедротах леди Мэбелл, жены сэра Роджера Тичборна. Супруги проживали в Хэмпшире во времена Генриха Второго. Предчувствуя скорую кончину, леди Мэбелл попросила учредить ежегодную раздачу хлеба. Муженек оказался скуповат, однако отказать умирающей не посмел. Вместо этого он предложил ей такой вариант: пусть леди Мэбелл получит доходы со всех тех земель, которые сможет обойти. В этом-то и заключалась хитрость, ведь уже много лет женщина была прикована к постели. Но жена устроила скупердюю сюрприз. Собравшись с силами, она проползла вокруг участка площадью в 23 акра, после чего, опять же ползком, вернулась в замок. Там она призвала родню и заявила, что если нищим ежегодно не будут раздавать хлеб, дом Тичборнов падет. Произойдет это после того, как у одного из Тичборнов родится 7 сыновей, а у его старшего сына — 7 дочерей. Это прозвучало так убедительно, что еще 600 лет потомки исполняли ее наказ. На каждое Благовещение они раздавали беднякам 900 буханок хлеба. Но в XIX веке это действие превратилось в форменное безобразие. К раздаче хлеба стекались попрошайки всех мастей, начинались драки и бесчинства. Соседи ворчали, магистраты требовали принять меры, и тогда сэр Генри Тичборн упразднил эту традицию. Вместо раздачи хлеба сэр Генри начал оказывать беднякам адресную помощь, причем деньгами. Таким образом, он хотел избежать столпотворения.

Как выяснилось, леди Мэбелл не терпела нововведений. Сэр Генри был тем самым Тичборном с 7 сыновьями, а у его старшего сына действительно родилось 7 дочерей и ни одного наследника. После его смерти титул переходил от одного брата сэра Генри к другому. А в 1869 году в поместье пожаловал некий Артур Ортон и назвался Роджером Тичборном, законным наследником всего состояния. Настоящий Роджер Тичборн, племянник сэра Генри, пропал без вести в море, и мошенник поспешил занять его место. Когда Тичборны отказались удовлетворить его требования, мистер Ортон подал на них в суд. После долгих разбирательств он проиграл дело, но ввел поместье в немалый расход — на судебные издержки Тичборны потратили 80 000 фунтов. А леди Мэбелл злорадно посмеялась из могилы, ведь нет мести изощреннее, чем бесконечная тяжба! Уже в XX веке Тичборны возобновили раздачу хлеба.

Первое апреля в Англии называли «Днем дураков». В Шотландии распространенным названием было «День кукушек», поскольку там кукушка ассоциировалась с глупостью. То было время для розыгрышей, зачастую весьма незамысловатых. В начале XIX века сорванцы выкрикивали прохожим: «Сэр, у вас пряжка на туфлях расстегнулась!» Стоило джентльмену опустить глаза, как его обзывали «апрельским дураком». Когда обувь с пряжками вышла из моды, предметом розыгрыша стали развязавшиеся шнурки. Простофилям докучали глупыми вопросами. Знают ли они родословную Евы? Как не знают? Странно. А где купить pintу голубинового молока? Тоже не знают? Так пусть тотчас выяснят! Еще изощреннее развлекались шотландцы. Какого-нибудь простодушного паренька посылали отнести записку, в которой говорилось: «Пусть кукушка летит еще одну милю». Прочитав письмо, адресаты пожимали плечами и сообщали, что оно предназначено не им, а их знакомым на другом конце города. Те тоже повторяли этот трюк. Так бедняга и носился взад-вперед, пока не догадывался, что его разыгрывают.

В апреле или мае наступало время для еще одного старинного обычая — околачивания границ. По всей видимости, обычай возник в связи с римскими Терминалиями, торжествами в честь бога границ Термина. Прослеживаются здесь и мотивы детских жертвоприношений, когда детей зарывали под фундаментом зданий для пущей прочности. Так или иначе, христианство ассимилировало эти языческие обряды. Околачивание границ происходило во время «молебственных дней» (25 апреля и три дня до Вознесения). Священник, мальчишки-хористы и остальные прихожане отправлялись проверять границы прихода, желая удостовериться, что за год соседи не оттяпали кусок чужой земли. Пограничные камни не только осматривали со всех сторон, но и стегали ивовыми прутьями. Доставалось и самим мальчишкам. Взрослые хватали их за ноги и несколько раз легонько стучали головами о

пограничный камень. Иногда ритуал включал в себя порку теми же прутьями, которыми стегали камни. В 1670 году в церковно-приходской книге одной из лондонских церквей появилась следующая запись:

Затрачено на обед в честь «молебственного дня» — 3 фунта 10 шиллингов.

Роздано выпоротым мальчикам — 4 шиллинга.

Уплачено за кружева в подарок мальчикам — 2 шиллинга.

Мальчишек пороли для того, чтобы они как следует запомнили, где пролегают границы. Порка могла быть не только шуточной, но и серьезной. Иные родители специально дожидались этого повода, чтобы всыпать своим отпрыскам по первое число. С наступлением XX века околачивание границ становилось все менее популярным, хотя некоторые приходы проводили этот обряд потехи ради.

Майский день был, пожалуй, самым любимым светским праздником, по крайней мере в сельской местности. Первого мая кельты праздновали Белтайн, зажигая костры в честь бога солнца. На конец апреля — начало мая выпадали Флоралии, римские празднества, участники которых надевали гирлянды из цветов. Языческие традиции прослеживаются в майских празднованиях и в более позднее время. С раннего утра в английских деревнях начиналась веселая кутерьма, не заканчивавшаяся даже с наступлением темноты. Вскочив с постели, девицы отправлялись на поле умыться росой. Наравне с колодезной водой в новогоднюю ночь первая роса в мае считалась отличным косметическим средством. Она придавала коже свежесть и смывала вульгарные веснушки.

Парни шли по улицам с зелеными ветвями, оставляя их у каждой двери. Как писал хартфордширец Уильям Хоун в 1826 году, в его городке ветки засовывали в кольцо дверного молотка. Однажды шутники напихали в дверной молоток такую охапку, что служанка никак

не могла открыть дверь — пришлось звать садовника на подмогу. Если хозяева успели кому-то насолить, под их дверь клали пучок крапивы, что считалось большим позором, особенно для девиц. Влюбленные валлийцы перевязывали белыми лентами большой букет розмарина и оставляли его под окном у своих зазноб.

Дети плели венки и ходили с ними от дома к дому, приветствуя хозяев песнями вроде следующей:

Доброе утро, хозяйка, хозяин!
Доброго, светлого дня вам желаем!
Мы принесли показать вам гирлянду,
В праздник весенний — первого мая.
Гирлянда, гирлянда, прелестная гирлянда!
Лучшая из всех, что плели для вас!
Сгодится самой королеве Виктории
Так что, пожалуйста, помните нас!

Королева мая

Чаше всего гирлянды делали собой цепочку из полевых цветов — примул, лютиков, тюльпанов и т. д. Единственный негодный цветок — сердечник луговой, или, как называли его англичане, «кукушкин цветок» (*Cardamine pratensis*). Он считался одним из любимых цветов фейри, а кому захочется, чтобы те увязались следом?

Еще более зрелищной выглядела конструкция из двух пересекающихся обручей, оплетенных цветами и закрепленных на конце шеста. В центре получившегося шара сажали майскую куклу. Вплоть до Первой мировой девочки наряжали своих кукол в лучшие платья, закутывали в тряпицу и носили по деревне, предлагая прохожим полюбоваться на

«майскую даму». В обмен на мелкую монетку они сдергивали покрывало и торжественно демонстрировали кукол. Согласно различным толкованиям, майские куклы олицетворяли как языческую богиню Флору, так и Деву Марию, которой был посвящен этот месяц.

Повсеместно проводили парады, участники которых дули в рожки или в жестяные дудочки, а в прибрежных районах — в раковины. Возглавлял парад Джек в зеленом, переодетый мужчина, который тащил на себе высокую плетеную клетку, украшенную листвой и цветами. Рядом с ним отплясывали король и королева мая вместе со своей свитой. Королевой становилась самая миловидная девица в округе, она выбирала себе соправителя — майского короля — и фрейлин.

На острове Мэн вплоть до конца XVIII века королева мая и королева зимы устраивали импровизированную битву. Роль Зимы играл мужчина в женском платье. Если силам Зимы удавалось взять в плен весеннюю королеву, свите приходилось ее выкупать.

Похожие битвы проводились и в Уэльсе, но там в побоищах принимали участие только мужчины. Зима надевал отороченный мехом кафтан и меховую шапку в руках нес посох из терновника и щит с приклеенными клочьями овечьей шерсти, изображавшей снег. Наряд его противника был иным: белая рубаха, увитая цветочными гирляндами, и широкополая шляпа. Посохом ему служила ветвь ивы. Обе армии маршировали на поле, где начиналось шуточное побоище. Войска Зимы кидались сухой соломой и хворостом, войска Лета отбивались березовыми прутьями и побегам папоротника. После неизменной победы тепла и света, летнего военачальника назначали королем, а уже потом он выбирал себе королеву.

Несмотря на то что майские гулянья ассоциируются преимущественно с сельской местностью, проводились они и в столице. С XVII и до начала XIX века лондонские молочницы плясали перед домами своих постоянных клиентов в надежде, что те расщедрятся на чаевые. Наряженные в лучшие платья женщины подпрыгивали под пиликанье скрипки, придерживая на головах подойники. Уже позже появился обычай украшать подойники начищенным столовым серебром, которое молочницы одалживали у своих клиентов или брали напрокат. Из-за обилия серебряных ложек и кружек ведра становились неподъемными, приходилось нанимать носильщиков, которые тащили на себе эту ношу вслед за плясуньями.

Пляски вокруг майского шеста

Приблизительно в первой половине XVIII века к ним присоединились трубочисты. В обычные дни трубочисты, по большей части дети, трудились от зари до зари, но первого мая им давали выходной. Отмыть сажу, глубоко въевшуюся в кожу, было нелегко, поэтому лица трубочистам выбеливали мукой, а головы покрывали белыми завитыми париками. Трубочисты скакали по улицам, отбивая такт щетками и лопатами, символами своего ремесла. В роли Джека в зеленом тоже традиционно выступал трубочист. Городские легенды по-своему истолковывали разгул трубочистов, преподнося этот обычай в более сентиментальном свете. Чарльз Диккенс упоминает их в «Очерках Боза»:

«Рассказывали истории об одном мальчике, похищенном в детстве и обученном ремеслу трубочиста. Подвизаясь на этом поприще, он однажды случайно попал в спальню своей матери, куда его послали прочищать камин. Мальчик, потный и обессиленный, вылез из трубы и повалился на кровать, в которой так часто спал ребенком. Там его нашла и узнала мать; с тех пор до конца своей жизни она раз в год, ровно в половине второго, устраивала прием для всех лондонских трубочистов, угощала их ростбифом и плум-пудингом, а сверх того оделяла шестипенсовиками».

Той самой осчастливленной матерью называли миссис Элизабет Монтагью, писательницу и благотворительницу, проживавшую в роскошном особняке Монтагью-Хаус на углу площади Портман-сквер. В легендах есть доля истины, поскольку миссис Монтагью, равнодушная к судьбам маленьких тружеников, действительно угощала их каждое первое мая. Однако родных детей она никогда не теряла.

Главным атрибутом первого мая является, безусловно, майский шест, или майское дерево. Не нужно напрягать воображение, чтобы разглядеть в нем символ мужской силы и плодородия. Поскольку пуритан не радовала перспектива созерцать нечто настолько фаллическое, в 1644 году майские шесты были запрещены. Запрет сняли после Реставрации.

Первые майские шесты делали из молодых деревьев. Им обрубали нижние ветви, после чего торжественно устанавливали на главной площади, а по окончании празднеств убирали. Критикуя ненавистный ему обычай, пуританин Питер Стаббз описывал, как в некоторых приходах майское дерево ввозили на упряжке из двадцати или даже сорока пар волов, «причем к рогам каждого был привязан благоухающий букетик цветов, и волы тащили этот майский шест (точнее, этого идола смердящего), который тоже был сплошь украшен цветами и травами». Когда ежегодная возня с деревьями всем изрядно надоела, на площадях появились постоянные шесты. Некоторые из них, например в городке Барвик-ин-Элмет возле Лидса, достигали 24 метров в высоту. Следующее описание майского шеста приводит Томас Гарди в романе «Возвращение на Родину»: «На самом верху были прикреплены крест-накрест два обруча, увитые мелкими цветочками; пониже шел пояс молочно-белого боярышника; еще ниже — пояс из пролесков, потом — из первоцветов, потом — из сирени, потом — из горицвета, потом — из желтых нарциссов и так далее до самого низа».

Лошадка хобби

Сам шест обычно красили в белые и красные полосы, наверху сажали майскую куклу, утопавшую в зелени и разноцветных лентах. За ленты держались танцоры, когда отплясывали вокруг шеста. При должном умении из лент можно было сплести красивый узор.

В майских празднествах, как и в других народных забавах, принимала участие лошадка хобби. По всей Англии насчитывалось несколько типов лошадок хобби, включая и выструганную из дерева лошадиную голову на палке. Эта модель со временем превратилась в популярную детскую игрушку позволяя мальчишкам по всему миру чувствовать себя лихими наездниками. Выражение «кататься на лошадке хобби» приобрело значение «заниматься любимым делом», а потом и вовсе сократилось до понятного всем слова «хобби». Однако именно модель «голова на палке» реже всего встречалась в народных гуляньях. Гораздо чаще использовали деревянный каркас овальной формы, задрапированный тканью. Спереди присоединялась лошадиная голова, сзади — хвост. Актер, изображавший всадника, пролезал через отверстие сверху каркаса, после чего конструкция крепилась ему на плечи ремнями. Таким образом, он нес ее на себе, причем его ноги виднелись из-под ткани, едва прикрывавшей колени. Для пушего правдоподобия по бокам цепляли тряпичные ноги, но это было не обязательно — за достоверностью никто не гнался.

На всю Англию прославился конь Старина Осс из Пэдстоу (Корнуолл). Поутру Старина Осс выбегал из кабака и сразу же начинал безобразничать: с диким ржанием гонялся за девицами и тискал их в углу накрывая своей парусиновой юбкой. Парусину, натянутую на каркас, с изнаночной стороны натирали графитом, так что женщину, побывавшую в объятиях веселого коня, можно было вычислить по темным пятнам на лице и одежде. Впрочем, жертвы Старины Осса были не в убытке. Тесный контакт сулил незамужним скорую свадьбу, а замужним — рождение ребенка.

Лошадка хобби иногда принимала участие в танце Моррис — сезонном церемониальном танце, который исполнялся по различным праздникам, включая майские. Среди прочих забав, этот танец отравлял жизнь мемуаристу Питеру Стаббзу, описавшим его в 1583 году с поистине пуританским негодованием. По свидетельству Стаббза, танцоры,

увешанные лентами и кружевами, привязывали к ногам колокольчики и в таком совершенно непотребном виде отплясывали, размахивая платками над головой. Платки и колокольчики, в также палки в руках танцоров считаются основными атрибутами Морриса. На самом же деле они присущи котсуолдскому стилю танца из центральных и южных регионов Англии. Этот Моррис исполняли шестеро мужчин в белых рубашках, белых бриджах и соломенных шляпах, украшенных цветами. Известны и другие региональные варианты: например исполнители «пограничного Морриса», популярного в графствах на границе с Уэльсом, мазали лица сажей.

Исполнитель танца Моррис

Помимо календарных праздников танец Моррис часто приурочивался к традиционному украшению церкви камышом. Этот обычай возник в те годы, когда пол в церквях был земляным, а прихожане ходили босиком. Озябшие ноги отвлекают от мыслей о божественном, и чтобы избавить паству от дискомфорта, пол церкви устилали камышом, который периодически меняли. Со временем необходимость в травяной подстилке отпала, но даже обутое англичане нелегко расстаются с традициями. Поэтому в праздники, посвященные местным церквям, по полу снова рассыпали камыш. Вязанки камыша доставляли в церковь на телеге, а в торжественном шествии участвовали танцоры Морриса.

На 40-й день после Пасхи отмечали Вознесение. Во многих деревнях принято было посещать святые колодцы и украшать их гирляндами. Воду из колодцев смешивали с сахаром и пили. В целом, любая вода, собранная в этот день, обладала целительной силой. Дождевую воду хранили в течение года, используя ее для лечения глазных болезней. Как в Страстную пятницу, в этот день забывали о стирке. Стоит только постирать одежду, как вскоре вас в ней же и похоронят.

На Пятидесятницу хартфордширские церкви украшали красными цветами в память об огне, сошедшем на апостолов. Традиционным блюдом была запеченная телятина с зеленью и молодой картошкой, а на десерт — пирог с первым крыжовником. В городке Сент-Брайавелз (Глостершир) сразу после вечерни проходила раздача хлеба и сыра. До середины XIX века

раздача происходила непосредственно в здании церкви. Куски хлеба и сыра вытряхивали из корзин прямо с хоров, а священник присоединялся к всеобщей свалке. В 1857 году мероприятие перенесли на кладбище, но прихожане устроили такую драку за дармовой хлеб, так яростно молотили кулаками, что повалили надгробия. С тех пор и по сей день раздача проводится на улице неподалеку от церкви, а угощение швыряют с высокой каменной стены.

Двадцать четвертого мая, тезоименитство королевы Виктории, называлось Днем империи. По случаю праздника школьники получали выходной или хотя бы полвыходного. Если учителя не торопились заканчивать урок, ребяташки подбадривали их такими виршами:

В день двадцать четвертый мая
Королеву поздравляем,
Всем положен выходной!
Или мы сбежим домой!

Подданные английской короны с пиететом относились и к 29 мая — Дню дубов. В этот самый день в 1660 году Карл Второй торжественно въехал в Лондон, знаменуя тем самым возвращение английской монархии. Казалось бы, причем здесь дуб? Однако название праздника возникло в связи с чудесным спасением короля после поражения при Ворчестере. Целые сутки он прятался в кроне дуба от войск «круглоголовых», не имея возможности слезть с него и хотя бы размять затекшие ноги. А поскольку англичане рады были возвращению короля, то и дуб вспоминали с благодарностью.

Мужчины носили дубовые листья в петлице и украшали желудями шляпы. Ветви дубов красовались в витринах, свисали с трактирных вывесок, зеленели за окнами домов. Особенно радовались юные монархисты. Вооружившись крапивой, мальчишки стегали прохожих, позабывших прихватить с собой дубовый листок, и напевали:

Бедный добрый король Карл прячется в листе.
Не покажешь нам свой дуб — зададим тебе!

Двадцать девятого мая какая-нибудь венценосная особа обязательно посещала Королевский госпиталь в Челси, основанный Карлом Вторым, как поговаривали, по просьбе его любовницы Нелл Гвинн. Здесь обретали последний приют одинокие ветераны. По

случаю высочайшего визита старички облачались в алые камзолы и выходили на парад, держа в руках дубовые ветви.

Но с особой помпой праздник отмечали не в столице, а в провинции, например в девонском городке Тивертон. Здесь устраивали парад с актерами, изображавшими Карла и Кромвеля. Исполненный собственного достоинства «Карл» восседал в кресле, которое несли четверо дюжих парней. Роялисты тоже вели себя как настоящие джентльмены, зато «круглоголовые» пускались во все тяжкие. На роль Кромвеля отбирали самого неприятного типа во всей округе. С него снимали рубашку, мазали ему лицо сажей и вешали на пояс мешок с золой. Хвост у него тоже имелся — что за Кромвель без хвоста? Злодей рычал и кидался на прохожих, остальные пуритане были ему под стать, такие же наглые и злые. В конце парада обе армии встречались у постоялого двора и устраивали эпическую битву, после чего напивались вдрызг.

Летние праздники

Ночью 23 июня, накануне Дня Иоанна Крестителя, нечисть кутила так буйно, как не веселилась с самого Хэллоуина. На юге Стаффордшира верили, что в эту ночь ведьмы всего мира устраивают совещания, на которых решают судьбы смертных.

То было время для гаданий и чар. Храбрецы постились в течение дня, а вечером усаживались на церковном крыльце. Считалось, что ночью духи тех прихожан, кому суждено умереть в течение года, придут и постучатся в дверь церкви. Так что можно сразу выяснить, к чьим поминкам готовиться.

Сезон устриц

Интересное и нестрашное гадание было записано в Девоне. Нужно сшить подушечку для булавок из лучшего черного шелка (шелк попроще не годится), на одной ее стороне написать свое имя, втыкая мелкие булавки в шелк, на другой соорудить крест из булавок покрупнее и обвести его кругом. Подушечку положить в левый чулок и повесить у изножья постели. Ночью все грядущие события жизни промелькнут перед глазами — только успевай запоминать!

На закате разжигали костры. В дополнение к ним в некоторых районах Уэльса обжаривали колесо соломой, поджигали и катили с холма. Если огонь гас прежде, чем колесо успевало докатиться до подножия холма, — урожай будет скудным; если же огонь горел еще долго — то обильным.

В полночь бесстрашные люди отправлялись за семенем папоротника, обладатель которого мог становиться невидимым. Добыча волшебного семени — занятие не только для отважных, но и для терпеливых. Нужно присесть у куста с тарелкой, дожидаясь, когда же в нее упадет семя — если вообще упадет! Ускорить процесс было невозможно, ведь если потрясти куст, семена утратят всю свою силу. Мари Тревельян записала историю о валлийце, который возвращался домой через лес и которому несколько семян папоротника попало в обувь. Мужчина этого он не заметил. Время было позднее, вся семья готовилась ко сну, так что и он, не раздеваясь, прикорнул на деревянной скамье у камина. Наутро в комнату вошли его мать и сестры, но не обратили на него внимания. Бедняга решил, что они дуются на него за позднее возвращение. «Ну все, хватит уже! Между прочим, воротился я не так уж поздно!» — воскликнул он. Испуганные женщины переглянулись. «Полно вам! Выглядите так, будто призрака увидели». Женщины завизжали от страха. «Это же я, неужто не признали?» Женщины продолжали кричать. Между тем валлиец почувствовал, как его ногу что-то колет. Он снял башмак, зернышко выпало, и чары сразу же развеялись.

Двадцать пятого июля, День святого Иакова, называли Днем гротов. По возвращении в Палестину из Испании, где он проповедовал Евангелие, святой Иаков был схвачен по приказу Ирода Агриппы и казнен в 44 году н. э. Его останки перевезли в Испанию и захоронили в Галисии. Главным атрибутом святого Иакова была раковина. Совершив паломничество, пилигримы прикалывали их на плащи. А те верующие, которые не могли посетить его усыпальницу в Испании, строили гроты и читали перед ними молитвы. В память об этом обычае английские дети, как в провинции, так и в столице, сооружали гроты из раковин, камней и гальки. По форме гроты напоминали улы и достигали полметра в высоту. После юные строители донимали прохожих просьбами о подаении:

Люди, помните мой грот,
Чуть почаще, чем раз в год!
Мой отец в морском походе,
Мать за ним по свету ходит,
Не нашлась пока родня —
Помяните вы меня!
Пенни вам не навредит,
Полпенни вас не разорит,
В работный дом не отведут —
Коль фартинг дали мне за труд!

Хотя большинство фольклористов связывает этот обычай с Днем святого Иакова, некоторые исследователи утверждают, что эта ассоциация случайна. Строительство гротов попросту знаменовало начало устричного сезона. В наши дни устрицы считаются лакомством для гурманов, но в XIX веке они были любимой закуской городской бедноты.

Как утверждал Сэм Уэллер из «Посмертных записок Пиквикского клуба», «бедность и устрицы всегда идут как будто рука об руку». Лондонцы поглощали тонны устриц, от которых оставались горы раковин. А дети улиц найдут применение любым отходам.

Первого августа отмечали Ламмас — праздник урожая. До механизации производства полевые работы были долгими и изнурительными, поэтому крестьяне с нетерпением дожидались их окончания. К посеву относились то ли прагматично, то ли пессимистично. Например, уорикширцы клали в лунку не одно, а целых четыре зернышка: «Первое для голубя, второе для ворона, третье зачухнет, четвертое примется». Отпугиванием птиц от посевов занимались маленькие дети. Чтобы не заскучать в одиночестве посреди поля, они

напевали:

Голубь прочь и воронье!
Вон хозяйское ружье!
Не воруйте его чай —
Всех пристрелит невзначай!

На востоке Англии уборкой урожая заведовал Лорд. На самом деле он не был титулованной особой, но именно так сезонные рабочие величали своего вожака. Лорд служил посредником между ватагой жнецов и фермерами — заключал договоры, обсуждал сроки и оплату. Как только все было обговорено, задаток получен, а пиво выпито, Лорд звал жнецов на работу. Когда они появлялись на ферме, то громко скребли косами о булыжники во дворе, давая о себе знать.

Лишь в начале августа можно было вздохнуть с облегчением и выпить заслуженную кружку эля на веселом пиру. По окончании жатвы последний сноп пшеницы торжественно срезали, украшали цветами и лентами и с песнями вносили в деревню.

На востоке Англии его везли в телеге по главной улице, а прохожие со всех сторон брызгали на него водой. Возможно, это было проявлением симпатической магии и фермеры призывали дожди, только уже на следующий год. Иногда из последнего снопа формировали женскую фигуру, так называемую «хлебную куколку». В «хлебной куколке» до следующей пахоты обретался дух урожая, так что ее бережно хранили, пока не наступала пора заменить ее новой. Помимо женской фигуры обереги плели в форме колокола, подковы, фонаря и т. д. Соломенными поделками украшали церковь перед праздничной службой.

Снопы пшеницы складывали в амбаре, а вечером начинался пир горой. Столы ломились от угощения, а крепкое пиво провоцировало жнецов на забавы разной степени непристойности. В Норфолке за праздничным ужином отплясывали танец с метлой. Главное, чтобы хоть кто-то из гуляк оставался достаточно трезвым, чтобы устоять на ногах. Танцор держал перед собой метлу на вытянутых руках и прыгал вперед, стараясь через нее перескочить — не самое безопасное занятие для джентльмена во хмелю. В Кембриджшире крестьяне ставили кружку пива на тулью соломенной шляпы, выпивали вожденный напиток, а потом подбрасывали кружку в воздух, стараясь поймать ее шляпой.

Осенние праздники

На всю Англию прославился «танец с рогами», исполнявшийся в стаффордширском городке Эбботе Бромли в начале сентября. Одна из гипотез связывает его возникновение с указом Генриха Первого, даровавшего местным жителям близлежащие охотничьи угодья. По другой версии, танец развился из дохристианских ритуалов плодородия. В празднествах участвовали двенадцать танцоров. Шестеро из них несли рога, причем не обычные коровьи, а разветвленные рога северных оленей. Радиоуглеродный анализ, проведенный современными учеными, позволил датировать рога XI веком. Непонятно, откуда они взялись в Центральной Англии, учитывая, что северные олени там не водятся. Вероятнее всего, их привезли сюда из Скандинавии, но кто и зачем — остается загадкой. Рядом с шестерыми «рогоносцами» плясали еще шестеро переодетых танцоров: шут, мальчик, наряженный «девицей Мэриэн», лошадка хобби, лучник, танцор с треугольником и музыкант. Весь день танцоры разгуливали по приходу, передвигаясь то парами, то гуськом. Их визита ожидали с нетерпением, а тем кварталам, которые они обошли стороной, грозили беды. Праздник завершался танцем, после чего рога возвращали в церковь, где они хранились до следующего сентября.

Не все англичане с нетерпением ждали Дня Михаила Архангела (29 сентября). Наряду с Благовещеньем (25 марта), праздником Иоанна Крестителя (24 июня) и Рождеством (25 декабря) в Англии это был день квартальных платежей. Фермеры-арендаторы выплачивали ренту за пользование землей и обновляли договор с лендлордом. Поскольку в этот день считалось хорошей приметой зажарить гуся, благонамеренные селяне посылали еще одного гуся в подарок помещику. С одной стороны, они рассчитывали задобрить землевладельца, чтобы в будущем он не взвинчивал ренту и не выселял их с фермы. С другой — этот обычай, вероятно, является отголоском феодального оброка, который крестьяне выплачивали продуктами питания.

Хэллоуин, или канун Дня Всех Святых, отмечали 31 октября. Этот праздник совпадал с кельтским Самайном, знаменовавшим окончание лета. В наследство от кельтов англичанам достался обычай зажигать в эту ночь костры. Молодежь прыгала через пламя или пробегала по тлеющим углям. Валлийцы и шотландцы помечали белый камешек своими инициалами и бросали его в общий костер. Наутро камешек искали среди золы, и если он оставался целым, гадалышка ждал благополучный год, если же трескался, беднягу вскоре постигнет несчастье. В придачу к теплу, столь необходимому осенней ночью, костры даровали защиту от нечисти. В Шотландии их ассоциировали с сожжением ведьм. Во время правления королевы Виктории перед Бальморальским дворцом разжигали огромный костер, на котором под завывание волюнок сжигали соломенное чучело ведьмы Шэнди Дэнн. Очевидцы вспоминали, что на этих торжествах порой присутствовала сама королева, обычно равнодушная к фольклору.

С защитой от нечистой силы связан и «светильник Джека» в виде гротескной головы, вырезанной из репы (в наши дни из тыквы) и с зажженной свечой внутри. Его возникновение связано с легендой о некоем Джеке, обманом вынудившем дьявола дать клятву никогда не забирать его душу. Однако в рай грешника не приняли, так что после смерти он обречен был скитаться по свету с фонарем, в котором тлел уголек, прихваченный из адского пекла. Такие светильники оставляли на пороге, чтобы защитить жилище от разгула нечисти.

Традиционные забавы на Хэллоуин были связаны с яблоками — например, вылавливание яблок зубами из чана с водой. Яблоки иногда заменяли монетой, которую игроки тоже доставали со дна зубами. В другом варианте той же игры яблоко подвешивали на веревке и раскачивали, а игрок должен был схватить его зубами на лету. Шотландцы заменяли яблоко на липкую от патоки лепешку, отчего игра становилась веселее, а участники — грязнее. Кроме того, канун Дня Всех Святых — пора любовных гаданий.

В День Всех Святых (1 ноября) до Реформации служили вечерни. Колокола звонили до полуночи, и верующие стекались в церкви, освещая себе дорогу горящими факелами. С

приходом нового порядка процессии попали под запрет, но искоренить их окончательно не удалось. В XVIII–XIX веках в некоторых селениях Дербишира и Ланкашира крестьяне зажигали ночью костры и, преклоняя колени, молились за своих усопших. В День всех душ, 2 ноября, дети и молодежь снова ходили по домам, выпрашивая «кулича для души» (soul cakes). В Йоркшире в эти пироги добавляли сухофрукты, в Нортгемптоншире их посыпали тмином. Вместо кулича как такового дети не прочь были получить и другие гостинцы, например яблоки, орехи или мелкие монеты. Песенка на День всех душ звучала так:

Душа, душа, душа для пирога всех душ!
Дай, добрая хозяйка, нам пирога всех душ!
Яблоко иль грушу, вишню или сливу,
Дай чего угодно, чтоб нам быть счастливым!
И Петру святому, и Павлу святому,
И три штуки для Того, кто Творец живому!

Еще одним любимым праздником детворы была Ночь Гая Фокса, или Ночь Порохового заговора, — 5 ноября. Поводом к этой оказии послужил арест Гая Фокса — главного обвиняемого в заговоре против короля Иакова Первого. Пятого ноября 1605 года король собирался произнести тронную речь в присутствии всех членов парламента. Группа католиков-заговорщиков решила взорвать здание парламента, спрятав в подвале 36 бочек с порохом. Но заговор раскрыли, а Гая Фокса, который должен был произвести взрыв, поймали с поличным в подвале возле бочек. Заговорщиков предали традиционной казни за государственную измену — «повешению, потрошению и четвертованию». Благодарный парламент постановил ежегодно отмечать 5 ноября народными гуляньями и торжественными церковными службами. Простой люд обрадовался еще одному празднику, так что новая традиция быстро прижилась.

Каждое 5 ноября лейб-гвардейцы в сопровождении нескольких высокопоставленных лиц спускались в подвалы Вестминстерского дворца и торжественно их обыскивали. Даже в эпоху электричества они освещали себе дорогу старомодными фонарями. Удостоверившись, что в подвалах все спокойно, дворцовые стражи отсылали депешу монарху. В остальной же Англии Ночь Гая Фокса отмечали с куда меньшей церемонностью, зато от души. Хотя Гаю Фоксу так и не удалось поджечь тот фитиль, по всей Англии вспыхивали костры. Развлечения в этот день были удалые, хотя и опасные. Взять хотя бы «огненные шары», т. е. просмоленные шары из ветоши, которые подвешивали между двумя жердями, поджигали и носили по улицам к вящему восторгу всех пироманов.

Чтобы костер не горел даром, на нем сжигали чучело, изображавшее Гая Фокса. Хворост для костра ходили собирать по домам. Обычно соседи делились своими дровами, а вот скрягам, не желавшим расстаться хотя бы с одним поленом, могли и забор разобрать. Ведь годилась любая древесина, не обязательно отданная добровольно.

Набитое соломой чучело несли по улицам на стуле или катили в телеге, в то время как носильщики клянчили у прохожих «пенни для Гая». Сожжение чучела сопровождалось бодрими песенками:

Дайте нам медяк за Гая,
Мы его припоминаем:
У бедняги глаз подбит,
В башмаке — дыра сквозит,
Видно, пятым ноября
Он прославился не зря!

В других вариантах приводился более подробный список его злодеяний:

Добрые люди! В это же день
Старый Гай Фокс и паписты его
Парламент взорвать хотели!
Но к Старому Нику,
Все до одного,
На веревках пеньковых взлетели!
Их теперь поджарит ад,
Как на вертеле цыплят!
Взвейся выше, жар костра!
Ура! Ура! Ура!

А в Кембриджшире недобрым словом поминали папу римского, полагая, что это он научил Фокса всяким пакостям:

Для папы — обновку,
надежную веревку,
Головку сыра — помянуть,
Бочонок — пива отхлебнуть,
Огонь пожарче разведем —
Изжарим над огнем.

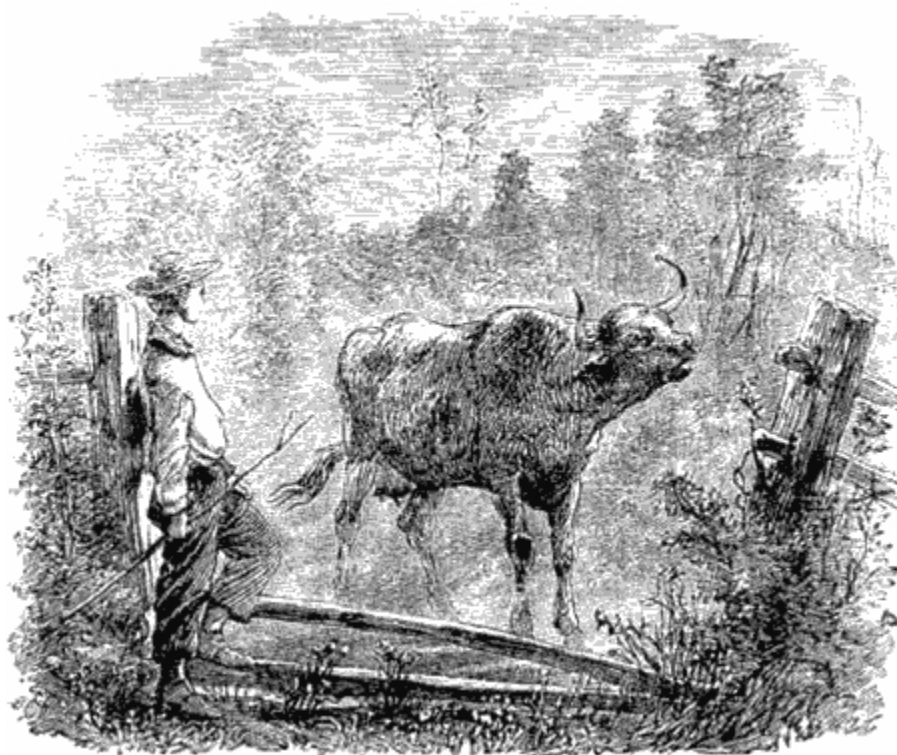
Нечистые на руку личности пользовались неразберихой, чтобы проворачивать свои делишки. Пятого ноября 1868 года мужчина в костюме клоуна вломился в табачную лавку в лондонском районе Бетнал Грин. Шутник начал кувыряться и выделывать коленца. Пока табачник пытался выдворить шумного посетителя, его сообщник схватил упаковку сигар и бросился наутек. По схожему принципу работали карманники: в то время как один отвлекал прохожих виршами о Фоксе, второй выуживал их кошельки и часы.

Период сухой и теплой погоды в конце октября — начале ноября именовался в Англии «мартиновым летом», в честь святителя Мартина Турского. В его день, 11 ноября, в Шотландии истек срок аренды и найма. Среди работников День святителя Мартина был известен как День сбора пожитков. Батраки, которых нанимали на полгода или год, собирали свой нехитрый скарб и уходили с одной фермы на другую. В это же время часто проводились статутные ярмарки.

Ко Дню святителя Мартина приурочивали ежегодный забой скотины, что объяснялось как экономическими, так и фольклорными причинами. Небогатые крестьяне не могли прокормить скотину в течение скудной зимы, так что поголовье скота приходилось урезать. Вместе с тем в Шотландии и Ирландии существовало поверье, что в День святителя Мартина, а также на Новый год должна пролиться кровь. Если этого не произойдет, семейство постигнет беда. Так что 11 ноября отец торжественно закалывал свинью или же резал домашнюю птицу и вся семья вкушала мясные блюда.

Раз в году английские ремесленники справляли свой профессиональный праздник. К примеру, 23 ноября кузнецы вспоминали своего покровителя, святого Клементя. Кузнецам особенно импонировало, что этого мученика привязали к якорю и утопили в море. Следовательно, он оказался очень тесно связан с металлами и металлургией. По случаю праздника закрывались все мастерские, а кузнецы шли в церковь за благословением. Излюбленная забава в этот день — поджог пороха на наковальне, чтобы шум от взрывов отогнал всю окрестную нечисть.

В Сассексе традиционным угощением для кузнецов была запеченная свиная нога с шалфеем и луком и, само собой разумеется, вдоволь пива. В первой половине XIX века стали популярны парады, во время которых один из кузнецов изображал «старину Клема».

Два дня спустя отмечали День святой Екатерины Александрийской, покровительницы швей и пряж, а также мельников, возчиков, каретников и всех, чей род деятельности так или иначе связан с колесами. Император Максимин, правивший в начале IV века н. э., приговорил христианку Екатерину к пытке на колесах, утыканных железными шипами. Благодаря Божественному вмешательству колеса раскололись, а шипы полетели в сторону зевак, собравшихся поглазеть на муки девы. Пришлось казнить святую отсечением головы, что было далеко не так зрелищно. Тем не менее именно колесо стало ее наиболее узнаваемым атрибутом.

С особым воодушевлением «День Кэттерн» праздновали в Хартфордшире — графстве, славившемся кружевницами. Поговаривали, что искусство плетения кружев появилось здесь благодаря тезке святой, королеве Катерине Арагонской, проведшей несколько лет в соседнем Бедфордшире. По легенде, королева была столь щедра, что однажды сожгла все свои кружева, чтобы обеспечить работой местных умелиц. По случаю праздника в Хартфордшире устраивали парад. Во главе торжественной процессии ехала украшенная лентами телега, в ней сидела девушка с прялкой и пела:

Королева Катерина, всех прекрасней, едет к нам.
В раззолоченной карете, за ней свита по пятам.
А мы пойдем прясть, прясть, прясть.
А мы пойдем прясть.

А уже через месяц вновь зазвучат рождественские песнопения.

Заключение

Н

Несмотря на различия в условиях жизни среди английских классов, вера в сверхъестественное была присуща как простолюдинам, так и «сливкам общества». Наиболее суеверными были представители профессий, связанных со значительным риском для жизни, — например, рыбаки и шахтеры.

Многие фольклорные обычаи и обряды являлись пережитками средневековых представлений о мире, но с развитием науки и техники они очень долго не сдавали своих позиций.

Крестьяне старались задобрить волшебных существ, от доброй воли которых зависело благополучие любого дома. Как ответил ирландский крестьянин на вопрос поэта Уильяма Батлера Йетса: «Видел ли я фейри? Да мне от них покоя нет!»

Вместе с тем соблюдение фольклорных предписаний требовало времени, а оно было далеко не у всех тружеников.

Приверженность суевериям во многом зависела и от индивидуальных особенностей человека. Их можно перерасти со временем или, наоборот, стать более суеверным на закате

жизни. Можно верить в них только наполовину или же самому выбирать, во что верить, в зависимости от жизненных обстоятельств.

Средний класс, как это ни странно, тоже верил в фей! Еще поэт Уильям Блейк описывал похороны фей, увиденные им в саду: «Я услышал тихие и приятные звуки, но не знал, откуда они доносились. Наконец широкий лист на цветочном стебле зашевелился, а под ним показалась процессия существ, размером и цветом похожих на зеленых и серых кузнечиков, которые принесли покойника на розовом лепестке, похоронили его с песнями и исчезли».

Кроме того, в XIX веке высшие слои общества увлекались спиритизмом — общением с духами умерших. Это показывает, что там, где отмирали старые суеверия, непременно рождались новые. Артур Конан Дойль, подаривший миру безупречного логика Шерлока Холмса, был завзятым спиритом, а в 1922 году написал книгу «Пришествие фей», в ней он защищал от нападок скептиков двух кузин из Коттингли, якобы сфотографировавших фей.

Казалось бы, этнографы должны беспристрастно относиться к объекту своих исследований, но даже они верили в сверхъестественное. Вальтер Скотт не сомневался в реальности ясновидения. Сабин Баринг-Гулд, выдающийся фольклорист и медиевист, вспоминал, что в детстве наблюдал, как карету, в которой он путешествовал с родителями, окружила толпа гномов. Уильям Батлер Йейтс и Уолтер Эванс-Венц, принадлежавшие к теософскому течению, полагали, что Ирландия по-прежнему кишмя кишит фейри. Даже те, кто не считал фейри и привидений пришельцами из иных миров, пытались объяснить их существование с точки зрения науки и теории эволюции.

Кроме веры в существование злых духов, призраков, ведьм и эльфов в викторианском фольклоре большую роль играли праздничные и профессиональные суеверия, магические способы исцеления и предсказания судьбы. Иногда кажется, что без знания фольклора викторианец и шагу не мог ступить из дома. Впрочем, светские условности усложняли жизнь не меньше, чем пережитки прошлого.

Одного у викторианцев не отнять — их любовь к традициям, обрядам и ритуалам была сдобрена здоровой порцией национального юмора, жизнелюбием и умением противостоять любым неприятностям.

Может, без этого мы никогда и не взялись за нашу книгу — нам очень хотелось передать в ней тот позитив, который британцы XIX века черпали из своего фольклора даже в самых печальных обстоятельствах.

Литература

На английском языке

- Ackroyd P.* London: a biography. London: Chatto & Windus, 2000.
- Addy S. O.* Household tales with other traditional remains. London: 1895.
- Alexander M.* A companion to folklore, myths and customs of Britain. Stroud: Sutton, 2002.
- Andrews W.* Bygone punishments. London: William Andrews & Co, 1899.
- Austen J.* Pride and prejudice. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Behlmer G.* Child abuse and moral reform in England, 1870–1908. Stanford: Stanford University Press, 1982.
- Blakeborough R.* Wit, character, folklore and customs of the North Riding of Yorkshire. London: 1898.
- Bloxham C.* Folklore of Oxfordshire. Stroud: Tempus, 2005.

- Blunt H.* The annotated book of common prayer; being an historical, ritual and theological commentary on the devotional system of the Church of England. London: Rivingtons, 1866.
- Boase W.* The folklore of Hampshire and the Isle of Wight. London: B. T. Batsford, 1976.
- Bowker J.* Goblin Tales of Lancashire. London: W. Swan Sonnenschein & Co, 1878.
- Brand J.* Popular antiquities of Great Britain. London: Reeves and Turner, 1905.
- Brewer E. C.* Dictionary of phrase and fable. Philadelphia: Henry Altemus Company, 1898.
- Briggs K.* The vanishing people: fairy lore and legends. New York: Pantheon Books, 1978.
- Brockie W.* Legends and superstitions of the county of Durham. Sunderland: 1886.
- Broomfield A.* Food and cooking in Victorian England: a history. Westport: Praeger Publishers, 2007.
- Brown T.* The fate of the dead: a study in folk-eschatology in the West Country after the Reformation. Totowa: Rowman and Littlefield, 1979.
- Butler I. , Drakeford M.* Scandal, social policy and social welfare. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan, 2003.
- Burnett J.* Plenty and want: a social history of diet in England from 1815 to the present day. London: Nelson, 1966.
- Campbell G. E.* Etiquette of Good Society. London: Cassell & Co, 1893.
- Campbell).* Superstitions of the highlands & islands of Scotland. Glasgow: James MacLehose & Sons, 1900.
- Carpenter M. W.* Health, medicine, and society in Victorian England. Santa Barbara: Praeger, 2010.
- Chaucer G.* The Riverside Chaucer. Boston: Houghton Mifflin, 1984.
- Child F.* The English and Scottish popular ballads. New York: Dover Publications, 1965.
- Coleridge S. T.* Specimens of the table talk of Samuel Taylor Coleridge. London: J. Murray, 1836.
- Cunnington C.* The history of underclothes. New York: Dover, 1992.
- Curl J.* The Victorian celebration of death. Detroit: Partridge Press, 1972.
- Day I.* Some interesting English puddings // Historic Food <http://www.historicfood.com/English%20Puddings.htm>.
- Deane T., Shaw T.* The folklore of Cornwall. Totowa: Rowman and Littlefield, 1975.
- Eliot G.* Adam Bede. New York: Harper & Brothers, 1860.
- Eliot G.* Middlemarch: a study of provincial life. Oxford, New York: Oxford University Press, 1999.
- Flanders J.* The Victorian house: domestic life from childbirth to deathbed. London: Harper Perennial, 2004.
- Frost G. S.* Promises broken: courtship, class, and gender in Victorian England. Charlottesville: University Press of Virginia, 1995.
- «Gretna Marriages». The Court Journal. June 13, 1835. London.
- Gutch E.* Examples of printed folklore concerning the North Riding. London: 1901.
- Guthke K.* The gender of death: a cultural history in art and literature. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Hardy T.* The mayor of Casterbridge. London: D. Campbell, 1993.
- Hammerton A. J.* Cruelty and companionship: conflict in nineteenth-century married life. London, New York: Routledge, 1992.
- Harris P.* Archeologists unearth 17th century stone flask, buried 380 years ago to ward off witches // Daily Mail Online. June 4, 2009. <http://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-1190722/Archeologists-unearth-17th-century-stone-flask-buried-380-years-ago-ward-witches.html>.
- Henisch B. A.* Cakes and characters: an English Christmas tradition. London: Prospect, 1984.
- Hewett S.* Nummits and Crummits. London: Thomas Burleigh, 1900.
- Hole C.* British folk customs. London: Hutchinson & Co., 1976.
- Howells W.* Cambrian superstitions. Tipton, 1831.
- Keen A.* With a saucepan over the sea: quaint and delicious recipes from the kitchens of

foreign countries. Boston, 1902.

Killip M. The folklore of the Isle of Man. Totowa: Rowman and Littlefield, 1976.

Kipling R. Rewards and fairies. New York: Doubleday, Page & Co, 1916.

Laing J. Notes on superstitions and folk lore. Brechin, 1885.

L'Amy J. Jersey folk lore. Jersey: J. T. Bigwood, 1927.

Laqueur T. Making sex: body and gender from the Greeks to Freud. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990.

Lockhart J. G. Curses, lucks and talismans. Detroit: Singing Tree Press, 1971.

MacCulloch E. Guernsey folk lore: a collection of popular superstitions, legendary tales, peculiar customs, proverbs, weather sayings, etc., of the people of that island. London, Guernsey: 1903.

MacGregor A. Highland superstitions. London: 1901.

McKenzie A. Tyburn's martyrs: execution in England, 1675–1775. London; New York: Hambledon Continuum, 2007.

MacKinlay J. Folklore of Scottish lochs and springs. Glasgow: William Hodge & Co. 1893.

MacMorland B. Gretna Green // The Pall Mall Magazine, Volume 7, No. 29. September 1895. London.

Mitchell S. Daily life in Victorian England. Westport: Greenwood Press, 1996.

Moll A. The sexual life of the child. New York: The Macmillan Company, 1913.

Napier J. Folklore, or, Superstitious beliefs in the west of Scotland within this century. Paisley: A. Gardner, 1879.

Newell V. The folklore of Hertfordshire. Totowa: Rowman and Littlefield, 1977.

Oliver H. Black cats & four-leaf clovers: the origins of old wives' tales and superstitions in our everyday lives. New York: Penguin Group, 2010.

Oppenheim J. The other world: spiritualism and psychical research in England, 1850–1914. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1985.

Palmer K. The folklore of Somerset. London: B. T. Batsford, 1976.

Palmer R. The folklore of Warwickshire. London: Batsford, 1976.

Perkin J. Victorian women. New York: New York University Press, 1995.

Perry R. The silent friend: a medical work, on the disorders produced by the dangerous effects of onanism. London, 1847.

Pinchbeck I. Women workers and the Industrial Revolution 1750–1850. London: Cass, 1969.

Pool D. What Jane Austen ate and Charles Dickens knew. New York: Simon & Schuster, 1993. Porter E. The folklore of East Anglia. Totowa: Rowman and Littlefield, 1974.

Raven J. The folklore of Staffordshire. Totowa: Rowman and Littlefield, 1978.

Ray J. K. Jane Austen for dummies. Chichester: John Wiley, 2006.

Reay B. Microhistories: demography, society and culture in rural England, 1800–1930. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Roberts G. E. Cups and their customs. London: J. Van Voorst, 1869.

Robertson D., Koronka P. Secrets and legends of Westmorland. Kirkby Stephen: Pagan Press, 1992.

Roud S. London Lore. London: Random House, 2008.

Roud S. The Penguin guide to the superstitions of Britain and Ireland. London: Penguin, 2003.

Rowling M. The folklore of the Lake District. London: B. T. Batsford, 1976.

Shanley M. Feminism, marriage, and the law in Victorian England. Princeton: Princeton University Press, 1989.

Silver C. Strange and secret peoples: fairies and Victorian consciousness. New York: Oxford University Press, 1999.

Simpson J., Roud S. A dictionary of English folklore. Oxford, New York: Oxford University Press, 2000.

- Simpson J.* The Folklore of Sussex. London: B. T. Batsford, 1973.
- Sparham B.* The Bottesford witches, bellarmine witch bottles // Bottesford Living History. December 27, 2006. http://www.bottesfordhistory.org.uk/page_id_69_path_0p2p46p.aspx.
- Stoker B.* Dracula. New York: Alfred A. Knopf, 2010.
- Strange J.-M.* Death, grief and poverty in Britain, 1870–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Sturgis F.* Sexual debility in man. New York: E. B. Treat & Company, 1900.
- Sweet M.* Inventing the Victorians. New York: St. Martin's Press, 2001.
- Taylor L.* Mourning dress: a costume and social history. London, Boston: G. Allen and Unwin, 1983.
- Thompson S. E.* Holiday symbols and customs. Detroit: Omnigraphics, 2009.
- Tracy R.* The Owl and the Baker's Daughter: A Note on Hamlet // Shakespeare Quarterly 17.1 (1966). P. 83–86.
- Trevelyan M.* Folk-lore and folk-stories of Wales. London: E. Stock, 1909.
- Vickery Amanda.* The gentleman's daughter: women's lives in Georgian England. New Haven: Yale University Press, 1998.
- Westwood J., Simpson J.* The lore of the land. London, New York: Penguin, 2005.
- Whitaker T.* Scotland's ghosts and apparitions. London: Robert Hale, 1991.
- Whitcombe Mrs.* Bygone days in Devonshire and Cornwall. London, 1874.
- Wilks J. H.* Trees of the British Isles in history and legend. London: Frederick Muller, 1972.
- Wimberly L. C.* Folklore in the English and Scottish ballads. Chicago: University of Chicago Press, 1928.
- Wohl A.* Endangered lives: public health in Victorian Britain. Cambridge: Harvard University Press, 1983.
- Yarwood D.* The British kitchen: housewifery since Roman times. London: Batsford, 1981.

На русском языке

- Блейк У.* Избранное / Пер. С. Маршака. М.: Художественная литература, 1969.
- Бронте Ш.* Джейн Эйр / Пер. И. Гуровой. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
- Гарди Т.* Возвращение на родину / Пер. О. Холмской. М.: Правда, 1989.
- Гарди Т.* Джуд Незаметный. М.: Меркурий-М, 1992.
- Гарди Т.* Под деревом зеленым / Пер. Н. Высоцкой. М.: Правда, 1989.
- Гарди Т.* Тэсс из рода Д'Эрбервиллей / Пер. А. Кривцовой. М.: Правда, 1981.
- Диккенс Ч.* Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим // Собр. соч.: В 30 т. / Пер. А. Кривцовой и Е. Ланна. М.: Художественная литература, 1959. Т. XV.
- Диккенс Ч.* Крошка Доррит // Собр. соч.: В 30 т. / Пер. Е. Калашниковой. М.: Художественная литература, 1960. Т. XX.
- Диккенс Ч.* Очерки Воза // Собр. соч.: В 30 т. / Пер. М. Лорие и В. Топер. М.: Художественная литература, 1957. Т. I.
- Диккенс Ч.* Посмертные записки Пиквикского клуба / Пер. А. В. Кривцовой и Е. Ланна. М.: Художественная литература, 1984.
- Диккенс Ч.* Приключения Оливера Твиста / Пер. А. Кривцовой. М.: Художественная литература, 1976. Т. XII.
- Диккенс Ч.* Рождественская песнь в прозе // Собр. соч.: В 30 т. Пер. Т. Озерской. М.: Художественная литература, 1959.
- Ките Д.* Стихотворения и поэмы / Пер. Е. Витковского. М.: Художественная литература, 1989.
- Кольридж С. Т.* Стихи / Пер. Н. Гумилева. М.: Наука, 1974.
- Смоллет Т.* Приключения Перегрин Пикля / Пер. А. Кривцовой и Е. Ланна. М.: Гослитиздат, 1955.
- Стивенсон Р. Л.* Остров сокровищ / Пер. Н. Чуковского. М.: Стройиздат, 1981.

Чернов С. Бейкер-стрит и окрестности. М.: Форум, 2007.

Чернов С. Рождество в викторианском Лондоне // Сайт Святозара Чернова, <http://svetozarchernov.22lb.ru/articles/christmas.html>.

Шекспир У. «Гамлет». Трагедии / Пер. Б. Пастернака. М.: Рипол, 1993.

Шекспир У. «Генрих Шестой». Библиотека великих писателей под редакцией С. А. Венгерова. Шекспир. Т. V. Пер. О. Чюминой. СПб.: Издание Брокгауз-Ефрона, 1905.

Шекспир У. «Зимняя Сказка». Библиотека великих писателей под редакцией С. А. Венгерова. Шекспир. Т. IV. Пер. П. Гнедича. СПб.: Издание Брокгауз-Ефрона, 1904.

Шекспир У. «Как вам это понравится». Шекспир / Пер. Т. Щепкиной-Куперник. М.: Художественная литература, 1939.

Шекспир У. «Макбет». Вильям Шекспир / Пер. Б. Пастернака. М.: Художественная литература, 1953.